

ЮРИСТЪ- ПРАВОВЕДЪ

1 / 2026

Научно-
теоретический
и информационно-
методический журнал

**ЮРИСТ
ПРАВОВЕД**

**№ 1 (116)
2026**

Выходит 4 раза в год
Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71313

Главный редактор:
Д.В. Тишин,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель главного редактора:
С.В. Пахомов,
д-р юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, проф.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
К.В. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
П.И. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
Л.В. Карнаушенко, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Коновалов, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, проф.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
Р.В. Нигматуллин, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Победкин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Позднышов, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Рассолов, д-р юрид. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
С.А. Синенко, д-р юрид. наук, доц.;
Е.С. Стешич, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.;
А.К. Щербаченко, д-р юрид. наук, доц.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2026

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

**5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ
НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Артамонов А.Н., Седнев В.В. О проекте нормативного документа по денацификации и противодействию экстремистской идеологии (донбасский опыт)	7
Гусарова М.А. Правовое мышление в фокусе современной философии права.....	13
Кобец П.Н. Формирование кадрового потенциала органов внутренних дел в годы Великой Отечественной Войны	22
Самарский А.Н. Основы как элемент правовой политики современного российского государства	28

**5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Ахметова И.Н., Струков В.А., Соболевская Н.Ю. Современные тенденции обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации	36
Григорян Д.К. К вопросу о правовом регулировании беспилотных технологий в Российской Федерации.....	43
Давыдова С.А., Крицкая А.А. К вопросу о производстве неотложных следственных действий сотрудниками строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции	50
Денисенко В.В. Миграционный правовой порядок как категориальный аппарат современной юридической науки	55
Корчагина К.А., Трифонова К.В. О некоторых проблемах административно-правового регулирования аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и вопросах совершенствования законодательства	60
Небратенко О.О. Права граждан, имеющих детей, в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации	68
Нестеров Е.А. Организационно-правовые противоречия государственного контроля на железнодорожном транспорте: от категорирования объектов к специальным режимам.....	73
Татарченко Е.А. Вклад СССР в конституционно-правовую модель Пятой Республики.....	79

**5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ)
НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Михайлов С.В., Шпак А.В. Особенности применения отдельных терминов INCOTERMS 2020	85
--	----

Выпускающий редактор:

Р.Р. Мамедханов

Редактор:

Н.А. Чуб

Дизайн и верстка:

И.К. Беницкий

Оформить подписку на журнал
можно через интернет-каталоги
www.akc.ru и www.pressa-rg.ru
Индекс – 80032

Подписано в печать

23.03.2026

Выход в свет

30.03.2026

Формат 60x84/8

Объем 30 п. л.

Набор компьютерный.

Гарнитура Times New Roman.

Печать лазерная

Бумага офисная

Усл. печ. л. – 27,9

Тираж 300 экз.

Первый завод 106 экз.

Заказ № 64

Отпечатано ГПиОП РИО

ФГКОУ ВО

РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону,

ул. Еременко, 83

Цена свободная

Адрес редакции издателя:

344015, Ростовская обл.,

г. Ростов-на-Дону,

ул. Еременко, 83,

тел.: 8 (863) 207-86-35

Электронная почта:

law-journals-rui@yandex.ru

rmamedkhanov@mvd.ru

Официальная информация

о журнале:

<https://рж.ин.мвд.рф>

Рыбалка Е.А. Проблемы обращения взыскания на предмет залога (ипотеки) – единственного жилого помещения должника при его недобросовестном исполнении обязательств 90

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Вальтер А.В. Бланкетные характер и семантика норм об уголовной ответственности за налоговые преступления: историческая ретроспектива 96

Вакуленко Н.А. Актуальные современные статистико-криминологические характеристики преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков 103

Девятковская С.В., Клочкова А.Л., Серогодская Е.С. Трансформация уголовного права в условиях цифровизации современных технологий 110

Еремин С.Г. Диагностика признаков преступлений в сфере экономической деятельности и возбуждение уголовного дела 118

Земляков А.В. Криминалистическая характеристика преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ: структурные элементы и методологическое значение для расследования 124

Карпика А.Г. Актуальные вопросы обеспечения кибербезопасности 131

Колесник В.В., Семенцова И.А., Малявина А.Б. Особенности уголовно-правовой характеристики преступлений, совершаемых с использованием социальных сетей 137

Костенко Р.В., Ильяшенко А.Н. Процессуальные гарантии использования технологий искусственного интеллекта для визуализации обстоятельств преступления в судебном разбирательстве 145

Кулешова Ю.Г. Геномные технологии в судебной экспертизе: SNP-анализ и оценка доказательственной информации 154

Лемайкина С.В. Биометрия в борьбе с преступностью: возможности, риски и современные подходы 160

Ленев О.А. Метаморфозы понятия личный сыск: становление формы оперативно-розыскной деятельности 165

Мамедов Ш.Г. Механизм суицидального поведения 172

Назаренко Н.А. Правовое регулирование взимания утилизационного сбора при ввозе транспортных средств из государств – членов ЕАЭС: коллизия принципов законности и добросовестности 177

Полещук М.С. Следственные ситуации предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего 184

Россинский С.Б. Результаты невербальных следственных и судебных действий в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя 191

Рудов М.В. Наркотизация населения России (2020-2024 гг.): проблема «запаздывающих» индикаторов и пути модернизации системы мониторинга 197

Рясов А.В. Проблемы квалификации диверсии в современных условиях и ее разграничение со смежными составами преступлений 205

Сычева А.В. О некоторых способах совершения мошенничества без визуального контакта преступника с жертвой в условиях цифровизации 212

РОСТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

Федоров А.В., Сорокун Н.С., Миллерова Е.А. Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности объектов железнодорожной инфраструктуры.....	219
Черников С.В. О доступе участников уголовного процесса к документам досудебного производства.....	225
Шаров В.И. Некоторые вопросы изъятия электронных носителей и копирования информации.....	230
Щербаченко А.К. Отдельные аспекты раскрытия и расследования мошенничества, совершаемого с использованием технических средств	235

CONTENTS

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Artamonov A. N., Sednev V. V. On the draft regulatory document on denazification and countering extremist ideology (Donbass experience).....	7
Gusarova M. A. Legal thinking in the focus of modern legal philosophy.....	13
Kobets P. N. Formation of personnel potential of the internal affairs bodies during the Great patriotic war	22
Samarsky A. N. Legal order as a cardinal part of public order	28

5.1.2. PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Akhmetova I. N., Strukov V. A., Sobolevskaya N. Yu. Current trends in road safety in the Russian Federation	36
Grigoryan D. K. On the legal regulation of unmanned technologies in the Russian Federation	43
Davydova S. A., Kritskaya A. A. On the issue of conducting urgent investigative actions by the staff of the combat units of the patrol and guard service of the police	50
Denisenko V. V. Migration law and order as a categorical apparatus of modern legal science	55
Korchagina K. A., Trifonova K. V. On some problems of administrative and legal regulation of the certification of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation and issues of improving legislation	60
Nebratenko O. O. The rights of citizens with children in the Interpretation of the Constitutional Court of the Russian Federation.....	68
Nesterov E. A. Organizational and legal contradictions of state control in railway transport: from categorization of objects to special regimes	73
Tatarchenko E. A. The Soviet Union's role in Shaping the Constitutional Model of the Fifth Republic.....	79

5.1.3. PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Mikhailov S. V., Shpak A. V. The certain INCOTERMS 2020 terms specifics of use.....	85
Rybalka E. A. Problems of foreclosure on the subject of collateral (mortgage) – the debtor's only living quarters in case of unfair fulfillment of obligations	90

5.1.4. CRIMINAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Walter A. V. The blanket nature and semantics of the norms of criminal liability for tax crimes: a historical retrospective.....	96
Vakulenko N. A. Up-to-date modern statistical and criminological characteristics of drug trafficking crimes.....	103
Devyatovskaya S. V., Klochkova A. L., Serogodskaya E. S. Transformation of Criminal Law in the Context of Digitalization of Modern Technologies.....	110
Eremin S. G. Diagnostics of signs of crimes in the sphere of economic activity and initiation of criminal proceedings.....	118
Земляков А. В. Криминалистическая характеристика преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ: структурные элементы и методологическое значение для расследования	124
Karpika A. G. Actual issues of cybersecurity.....	131
Kolesnik V. V., Sementsova I. A., Malyavina A. B. Criminal Law Characteristics of Crimes Committed Using Social Media	137
Kostenko R. V., Ilyashenko A. N. Procedural guarantees for the use of artificial intelligence technologies for visualizing crime circumstances in court proceedings.....	145
Kuleshova Yu. G. Genomic Technologies in Forensic Examination: SNP Analysis and Evaluation of Evidential Information.....	154

Lemaikina S. V. Biometrics in the Fight Against Crime: Opportunities, Risks, and Modern Approaches.....	160
Lenev O. A. Metamorphoses of the «concept of personal investigation»: the development of a form of operational investigative activity	165
Mamedov Sh. G. Suicidal behavior mechanism.....	172
Kilmashkina T. N., Semyontsova I. A., Malyavina A. B. Criminological characteristics of crimes committed with the help of artificial intelligence	177
Nazarenko N. A. Legal regulation of collection of recycling fee when importing vehicles from EAEU member states: conflict of principles of legality and good faith	184
Poleshchuk M. S. Investigative situations of identification involving a minor.....	191
Rossinskiy S. B. Results of non-verbal investigative and judicial actions in criminal proceedings: a scientist's opinion 10 years later	197
Rudov M. V. Narcosis of the Russian Population (2020–2024): the Problem of “Lagging” Indicators and Ways to Modernize the Monitoring System	205
Ryasov A. V. Problems of Qualification of Sabotage in Modern Conditions and its differentiation from Related crimes	212
Sycheva A. V. On some ways of committing fraud without visual contact of the criminal with the victim in the context of digitalization.....	219
Fedorov A. V., Sorokun N. S., Millerova E. A. Criminal Policy in the Field of Ensuring the Safety of Railway Infrastructure Facilities	225
Sharov V. I. Some issues related to the seizure of electronic media and copying of information.....	230
Scherbachenko A. K. Selected aspects of disclosure and investigation of fraud committed using technical means.....	235

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронным адресам: law-journals-ru@yandex.ru (rmamedkhanov@mvd.ru – для сотрудников, работников МВД России) (тел.: (863) 207-86-35). Автором (-ами) экземпляры статьи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического и информационно-методического журнала «Юрист-Правовед».

1.1. На бумажном носителе (на одной стороне стандартного листа А4). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть подписана автором (соавторами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25 см, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см, текст выравнивается по ширине, страницы нумеруются (кроме первой) внизу по центру, не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов). Если при наборе текста использовались дополнительные шрифты, автор должен предоставить их в редакцию. В русскоязычном тексте используются кавычки «елочки», в тексте на иностранных языках – "лапки". Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

3.2. Название статьи.

3.3. Фамилия, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученая степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором можно связаться) и «Открытый идентификатор исследователя и участника» – ORCID автора (при наличии).

3.4. Аннотацию (рекомендуемый средний объем аннотации 500 печатных знаков, которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки.

3.5. Ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), характеризующие проблематику статьи.

3.6. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в пп. 3.2–3.6 осуществляется автором(-ами) рукописи.

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (ГОСТ Р 7.0.110-2025).

6. Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

7. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. В списке используемой литературы приводятся только «литературные» источники, т. е. авторские статьи, книги, статьи журналов. Источники следуют в порядке упоминания в тексте. Нормативные правовые акты (постановления, законы, инструкции и т. д.), архивные документы, «неавторские» русскоязычные интернет-источники, анонимные источники, публицистические и рекламные статьи, российские СНИПы, ГОСТы и т. д. следует приводить непосредственно в тексте или указывать в постраничных сносках. Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет (-ут) автор (-ы).

Редакция оставляет за собой право осуществлять корректорскую обработку рукописей научных статей.

Плата за публикацию статей с автора (-ов) не взимается.

Авторское вознаграждение автору (-ам) не выплачивается.

Рукописи, оформленные без соблюдения требований журнала, не рассматриваются.

Материалы, не принятые к изданию, автору (-ам) не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

Юрист-Правоведъ. 2026. № 1 (116). С. 7–12.
Jurist-Pravoved. 2026. № 1 (116). Pp. 7–12.

Научная статья
УДК 34

**О ПРОЕКТЕ НОРМАТИВНОГО ДОКУМЕНТА
ПО ДЕНАЦИФИКАЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
ИДЕОЛОГИИ (ДОНБАССКИЙ ОПЫТ)**

Алексей Николаевич Артамонов¹, Владислав Владимирович Седнев²

¹Главное управление Минюста России по Ростовской области, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, artamonov_mj@mail.ru

²Донецкий институт – филиал РАНХиГС при Президенте России, Донецк, Российская Федерация, wsednev63@mail.ru

Введение: современное состояние общественно-политических отношений глобального уровня, нестабильность, изменчивость, отсутствие предсказуемости и гарантий управляемости негативными процессами, их недопущения, нейтрализации, предотвращения последствий, способных отражаться на социальных, политических, экономических и иных вопросах, провоцирует экстремистские настроения, террористическую активность, способствуют росту преступных настроений и их проявлений. Предотвратить возможные негативные сценарии развития общественных отношений должен постоянный мониторинг состояния настроений, выявление негативных тенденций, совершенствование нормативного регулирования различных уровней, своевременная и адекватная вызовам нормотворческая деятельность органов власти и должностных лиц, в том числе в нашей стране учитывающую предыдущую практику, накопленную в нетипичных условиях, которую прошли Донецкая и Луганская народные республики.

Материалы и методы: в статье на примере проекта нормативного правового акта рассматриваются вопросы денацификации, противодействия экстремистским идеологиям, терроризму, предлагаются юридико-технические решения достижения задач, поставленных российским государством в целях обеспечения долгосрочного мира, общественной безопасности, гарантированности прав человека.

Результаты исследования: в исследовании обосновывается необходимость изменения подходов нормотворчества, продиктованная развитием общественных отношений, в том числе негативного характера, на примере разработанного в Донецкой Народной Республике проекта нормативного документа доказывается необходимость своевременного формулирования целей и задач, способов и механизмов влияния на поведение людей, их объединений, в том числе выполняющих властные функции.

Выводы и заключения: мониторинг законодательства, правоприменительной практики, его механизмы, способы сбора, обобщения и анализа информации способствуют выработке эффективных правотворческих и управленческих решений, а элементы и инструменты сравнительного правоведения по изучению опыта новых российских регионов, особенно Донецкой и Луганской народных республик, расширяют эти возможности и в будущем могут улучшить качество такой работы, что показано на примере изучения опыта правового регулирования общественно-политической жизни нового субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: денацификация, противодействие экстремизму, националистическая идеология, правотворческий опыт Донбасса, общественно-политические отношения, государственная регистрация некоммерческих организаций, общественные объединения, Донецкая Народная Республика

Для цитирования: Артамонов А. Н., Седнев В. В. О проекте нормативного документа по денацификации и противодействию экстремистской идеологии (донбасский опыт) // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 7–12.

Original paper

ON THE DRAFT REGULATORY DOCUMENT ON DENAZIFICATION AND
COUNTERING EXTREMIST IDEOLOGY
(DONBASS EXPERIENCE)Alexey Nikolaevich Artamonov¹, Vladislav Vladimirovich Sednev²¹Main Directorate of the Ministry of Justice of Russia for the Rostov Region, Rostov-on-Don, Russian Federation²Donetsk Institute – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Donetsk, Russian Federation

Introduction: the current state of socio-political relations in the global order, instability, variability, affirmation of predictions and ensuring the manageability of negative processes, their prevention, neutralization, prevention of consequences, ways to affect social, political, economic and other issues, provokes extremist sentiments, terrorist activity contributes to the growth of criminal sentiments and their manifestations. Prevention of possible negative scenarios for the development of public relations, due constant monitoring of the state of public sentiment, identification of negative trends, improvement of regulatory regulation at various levels, timely and adequate to the challenges of regulatory and legal activities of authorities and officials, including in our country, taking into account previous practices accumulated for the better. A typical conditions that went through Donetsk and Lugansk people's republics.

In the article on the example of the draft normative legal act, we will propose denazification, counteraction, and counterextreme ideologies, terrorism, we will offer legal and technical solutions to the achievements of the task, put in place the Russian state government, in order to achieve long-term peace, public safety, guarantees of human rights.

Results of the study: the study substantiates the need for changes in rule-making approaches, dictated by the development of public relations, including negative ones, using the example of a draft regulatory document developed in the Donetsk People's Republic, proves the need for timely formulation of goals and objectives, ways and mechanisms of influencing people's behavior, their combined, including reproducing goals and objectives of power functions.

Findings and conclusions: monitoring of legislation, law enforcement practice, EGO mechanisms, methods of collecting, summarizing and analyzing information contribute to the development of effective law-making and management decisions, and the patents and tools of comparative law for the study of new Russian regions, especially the Donetsk and Lugansk People's Republics, expand opportunities in other areas. in the future, the quality of such work may decrease. This is shown by the example of the studied experience of legal regulation of the socio-political life of a new subject of the Russian Federation.

Keywords: denazification, countermeasures and countermeasures, public-political relations, state registration of noncommercial organizations, public affairs, Donetsk People's Republic

For citation: Artamonov A. N., Sednev V. V. On the draft regulatory document on denazification and countering extremist ideology (Donbass experience) // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 7–12.

Настоящей статьей мы продолжаем серию публикаций, в том числе в журнале «Философия права», посвященных изучению создания общественных институтов, сохранения, изменения связей, их функционирования, формирования правовых основ для этого, происходивших в условиях провозглашенной самостоятельности, независимости, несогласия с грубо, порой бесчеловечно и преступно навязываемым политическим, идеологическим, культурным переворотом и того исторического примера, который нам всем продемонстрировал Донбасс [1; 2; 3; 4] . Нами, в том числе в процессе создания территориальных органов Минюста России, подбора кадров, недостатка в которых не было – квалифицированных, мотивированных, рвущихся в работу по формированию или встраиванию в единое общероссийское правовое пространство, многие из которых участвовали в нормотворческой, правоприменительной практике в условиях самостоятельности, преодолевая все трудности, которые этому сопутствовали и которые своими действиями приближали желанный результат, продемонстрировав при этом возможности обеспечения эффективности общественных и властных институтов. Опыт, который необходимо изучать, а лучшие наработки и практику использовать в общероссийских масштабах.

Так, нами были собраны, подготовлены к опубликованию и опубликованы материалы, связанные с историей и становления, и сохранения судебной экспертизы, формированием законодательства (нормативной базы) уголовно-исполнительной системы Донбасса, уголовного права и уголовного процесса Донецкой Народной Республики, изучением вопросов эффективности законодательных актов в сфере хозяйствования, в том числе в таких уникальных условиях, сохранению и продолжению деятельности, а в дальнейшем встраиванию в общероссийскую систему такого социально значимого института как фиксация и подтверждение юридических фактов, осуществляемых органами записи актов гражданского состояния, освещению аспектов формирования института некоммерческих организаций и других направлений деятельности представителей юридической профессии и всех, кто этому способствовал.

Ниже мы приводим результаты работы, направленной на решение вопросов по денацификации, противодействию экстремистским, террористическим проявлениям и изменению правовых основ, способных, на наш взгляд, обеспечить их недопущение в общественную жизнь государства и его институтов, защите конституционных прав граждан и целостности страны. В основу дальнейшего анализа положен проект нормативного правового акта, подготовленный по предложению или поручению генерального прокурора Донецкой Народной Республики в 2022 г. соавтором настоящей работы, профессором В.В. Седневым, под руководством которого и по его приглашению второму автору посчастливилось принять участие в подготовке большой коллективной монографии «Нацизм по-украински», посвященной историческим основам становления и развития украинского национализма, формам нарушений прав человека, систематизации сведений об украинских националистических объединениях и вооруженных формированиях. Мы выражаем надежду, что указанный труд в ближайшее время выйдет из печати и будет способствовать достижению той же гуманистической цели, что наши деды и прадеды ценой неимоверных усилий и жертв обеспечили всему человечеству восемьдесят лет назад.

Описываемый проект нормативного документа направлен на устранение последствий, обусловленных влиянием украинской националистической идеологии, основанной на идеях национальной исключительности и превосходства украинского этноса над другими народами, неоязычества, нарушении принципа равноправия граждан для целей преследования любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, языковым, культурным, религиозным или другим мотивам. Проектом предлагается определить, что пропаганда, распространение или поддержка украинской националистической идеологии запрещены и преследуются по закону.

Автором проекта сформулированы нижеследующие термины.

Денацификация – комплекс мероприятий, а также их результат, направленных на ликвидацию украинских националистических организаций и объединений, очищение общества, культуры, образования, средств массовой информации, экономики, юриспруденции и политики от любого рода украинской националистической идеологии.

Украинские националистические объединения – движения, общественные организации и объединения, общественные объединения без создания юридического лица, партии Украины, основанные на идеях украинской националистической идеологии, а также распространяющие либо поддерживающие украинскую националистическую идеологию.

Неоязычество – радикальное движение, характеризующееся отрицанием традиционных религий, человеконенавистническими взглядами, оккультными практиками, которому присуще антисоциальное поведение и экстремизм.

Символика украинских националистических объединений – флаги, гербы, иные символы и изображения националистических организаций, памятники, памятные знаки и изображения, посвященные лицам, занимавшим руководящие посты, сотрудникам и членам националистических организаций, событиям, связанным с деятельностью националистических организаций и их участников, изображение, цитирование лозунгов, посвященных деятельности националистических организаций, а также символика и изображения сходные с символикой украинских националистических организаций до степени смешения [5].

Рассматриваемым проектом организационными основами денацификации предлагается считать следующие запреты и ограничения.

Так, на территории Российской Федерации, согласно положениям проекта, запрещается деятельность украинских националистических объединений, общественных организаций и объединений, общественных объединений без создания юридического лица,

политических партий, распространяющих или поддерживающих националистическую идеологию; деятельность органов и организаций государственной власти и местного самоуправления Украины; деятельность международных, иностранных и иных объединений, распространяющих или поддерживающих националистическую идеологию, в том числе украинскую; изготовление, сбыт, приобретение и использование, а также пропаганда символики украинских националистических объединений; изготовление любым способом, сбыт, приобретение и использование, а также пропаганда произведений науки, литературы и искусства, поддерживающих и пропагандирующих националистическую идеологию, в том числе украинскую. При этом, последние два пункта предлагается не распространять на случаи использования перечисленных объектов в научных, культурно-просветительских целях при условии, что данная деятельность не имеет признаков пропаганды и направлена на формирование в обществе нетерпимости к любым проявлениям националистической идеологии.

Далее проектом предлагается определить субъекты, подлежащие денацификации, к которым относятся: должностные лица, сотрудники и члены украинских националистических объединений, общественных организаций и объединений, общественных объединений без создания юридического лица, политических партий, распространяющих или поддерживающих националистическую идеологию; должностные лица органов и организаций государственной власти и местного самоуправления Украины; лица, распространяющие и оказывающие содействие распространению украинской националистической идеологии советами, указаниями, предоставлением информации, средств для распространения украинской националистической идеологии, либо устранением препятствий для ее распространения.

Предлагается определить и сформировать орган, реализующий комплекс мер по денацификации, которым может быть Межведомственная комиссия по вопросам денацификации (далее – Комиссия), а также ее территориальные подразделения. В состав Комиссии в качестве постоянных членов входят представители Администрации Президента Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, федерального органа исполнительной власти, реализующего государственную политику в сфере государственной безопасности, федерального органа исполнительной власти, реализующего государственную политику в сфере внутренних дел, федерального органа исполнительной власти, реализующего государственную политику в сфере юстиции (возможно МИД, Уполномоченный по правам, Минкульт). Положение и состав Комиссии утверждаются Президентом Российской Федерации, территориальных отделений - Комиссией.

К основным полномочиям Комиссии, согласно положениям рассматриваемого проекта, относятся следующие вопросы: 1) о признании лица подлежащим денацификации с учетом ст. 3 настоящего Закона, а в отношении юридических лиц и объединений об их запрете; 2) о конфискации имущества националистических объединений, общественных организаций и объединений, общественных объединений без создания юридического лица, политических партий, распространяющих или поддерживающих националистическую идеологию; 3) о признании символики, объектов культуры и искусства, документов информации и т. п. материалами националистического содержания, и определении порядка их дальнейшего использования; 4) о направлении сведений о лице, националистическом объединении, общественной организации либо объединении, общественном объединении без создания юридического лица, политической партии, распространяющих или поддерживающих националистическую идеологию, а также о лицах, осужденных за совершение преступлений, связанных с проявлениями экстремизма и терроризма, а также преступлений против мира и безопасности человечества для включения в Реестр субъектов, подлежащих денацификации, который ведется Министерством юстиции Российской Федерации и находится в открытом доступе. Иные полномочия Комиссии определяются в Положении.

Предлагается установить ограничения для лиц, подлежащих денацификации. Так, в период до 5 марта 2053 г. лицам, подлежащим денацификации, запрещается: 1) иметь гражданство Российской Федерации (такому лицу миграционной службой Российской Федерации выдается адресная справка с пометкой «лицо, подлежащее денацификации», на основании сведений из Реестра субъектов, подлежащих денацификации); 2) избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также принимать участие в референдумах; 3) поступать на государственную службу Российской Федерации, органы прокуратуры,

суда, правоохранительные и правоприменительные органы; 4) занимать (замещать) должности, требующие получения допуска к сведениям, составляющим государственную тайну; 5) работать в организациях в сфере оборонно-промышленного комплекса, стратегического назначения и критической инфраструктуры; 6) состоять в политических партиях, общественных движениях, общественных организациях и объединениях, принимать участие в митингах, собраниях, шествиях и пикетированиях; 7) быть руководителем или контролирующим лицом в банках и иных кредитных организациях, независимо от формы собственности; 8) получать бесплатное образование в высших учебных заведениях; 9) осуществлять преподавательскую деятельность в образовательных организациях всех форм собственности, а также в качестве самозанятого лица; 10) иметь государственные и ведомственные награды; 11) осуществлять адвокатскую и нотариальную деятельность; 12) осуществлять трудовую деятельность в средствах массовой информации, учреждениях культуры.

Лица, подлежащие денацификации, в случае их назначения или избрания в органы государственной власти и органы местного самоуправления, подлежат немедленному отстранению от занимаемой должности с последующим увольнением. Должностные лица, допустившие нарушения положений этой статьи, подлежат процедуре денацификации. Нахождение лиц, подлежащих денацификации в составе партий общественных движений, общественных организациях и объединениях, влечет проведение в отношении этих организаций процедуры в соответствии с п. 1 ст. 5 проекта (признание лица подлежащим денацификации).

Участие лиц, подлежащих денацификации на митингах, собраниях, шествиях и пикетированиях влечет проведение процедуры денацификации в отношении организаторов проведения этих массовых мероприятий.

Проектом предлагаются и стимулирующие меры, например, ограничения, установленные проектом, не распространяются на лиц, прошедших службу в Вооруженных Силах Донецкой Народной Республики, Российской Федерации, других воинских и специальных формированиях, выполняющих задачи в сфере обороны. Воинская часть, формирование, в котором проходит службу по контракту лицо, подлежащее денацификации, направляет в Комиссию, либо соответствующий ее территориальный орган, представление по истечении не менее одного года службы лица. Комиссия либо соответствующий ее территориальный орган, может принять решение об установлении в отношении лица, подлежащего денацификации, конкретных ограничений, либо о полном освобождении от ограничений, установленных ст. 6 проекта. Такое решение принимается на основании представления органа государственной власти, местного самоуправления Российской Федерации в отношении лица, предоставившего в правоохранительные органы Российской Федерации исчерпывающую информацию о своей прежней деятельности.

Описанные выше положения подготовленного проекта, который пока не нашел нормативного закрепления, публикуются нами с целью возможного обсуждения, получения предложений, замечаний, направленных на его совершенствование. Исторические события всегда диктуют повестки нормотворческой деятельности, в нашем многосоставном его механизме, содержащем разные уровни, ныне называемой публичной власти. Это еще носит непростой организационный характер. Задачи, цели, средства и, как следствие, результаты этой работы должны быть четкими, определенными, своевременными и эффективными, тогда они будут пользоваться доверием граждан, а значит, обеспечивать регулирование общественных отношений, приближаясь максимально к всегда желанной категории справедливости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аллахвердиева Т.Л., Артамонов А.Н. Органы записи актов гражданского состояния Донецкой Народной Республики в условиях самостоятельности // *Философия права : науч.-теоретич. журн.* Ростов-на-Дону. 2024. № 4 (111).
2. Артамонов А.Н., Бордюгов Л.Г., Бордюгов Г.Л. История и становление судебной экспертизы в Донбассе (начало изучения практики новых российских регионов) // *Философия права : науч.-теоретич. журн.* Ростов-на-Дону. 2023. № 4 (107).
3. Артамонов А.Н., Веретеха А.Н. Формирование законодательства и уголовно-исполнительная система Донецкой Народной Республики (изучение опыта) // *Администратор суда.* 2024. № 2.

4. Артамонов А.Н., Якимычева Е.В. О некоторых аспектах формирования института некоммерческих организаций в Донецкой Народной Республике // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 1 (112).

5. Братчик А.С., Курьлев К.П. Процесс формирования антироссийской политики на Украине: история и современность. Постсоветские исследования, 2022. Т.5. № 5.

6. Седнев В.В., Войтов А.В. Юридические экспертизы как инструмент денацификации // Научный журнал «Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки», 2023. № 26

7. Седнев В.В., Морозова Д.В. Антидискриминационная экспертиза: теория и практика // «Актуальные проблемы развития, гарантирования и реализации прав человека»: сб. тезисов научных трудов. Донецк, 2023.

REFERENCES

1. Allahverdieva T.L., Artamonov A.N. Civil registration authorities of the Donetsk People's Republic in conditions of independence // Philosophy of Law: scientific and theoretical journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4 (111).

2. Artamonov A. N., Bordyugov L. G., Bordyugov G. L. The history and formation of judicial expertise in Donbass (the beginning of the study of the practice of new Russian regions) // Philosophy of Law: scientific and theoretical journal. Rostov-on-Don. 2023. № 4 (107).

3. Artamonov A.N., Veretekha A.N. Formation of legislation and the penal enforcement system of the Donetsk People's Republic (study of experience) // Court administrator. 2024. № 2.

4. Artamonov A.N., Yakimycheva E.V. On some aspects of the formation of the Institute of non-profit organizations in the Donetsk People's Republic // Philosophy of Law : scientific and theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 1 (112).

5. Bratchik A.S., Kurylev K.P. The process of forming an anti-Russian policy in Ukraine: history and modernity. Post-Soviet studies, 2022. Vol. 5. № 5.

6. Sednev V.V., Voitov A.V. Legal expertise as a tool of denazification // Scientific journal "Bulletin of the Donbass Law Academy. Legal Sciences", 2023. № 26.

7. Sednev V.V., Morozova D.V. Anti-discrimination expertise: theory and practice // Actual problems of development, guarantee and realization of human rights: collection of abstracts of scientific papers. Donetsk, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. Н. Артамонов – кандидат юридических наук, заместитель начальника Главного управления Минюста России по Ростовской области. 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Береговая, 11/1.

В. В. Седнев – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Донецкого института – филиала РАНХиГС при Президенте России. 283015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 163А.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

A. N. Artamonov – PhD in Law, Deputy head of the main Department of the Ministry of justice of Russia for the Rostov region. 11/1, Beregovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

V. V. Sednev – Grand PhD in Medical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law of the Donetsk Institute – branch of the RANEPa under the President of Russia. 163A, Chelyuskintsev St., Donetsk 283015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 340.1

ПРАВОВОЕ МЫШЛЕНИЕ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Марина Александровна Гусарова

Российский Университет Спорта «ГЦОЛИФК», Москва, Российская Федерация,
Gusarovathebest@mail.ru

Введение: в статье рассматривается феномен правового мышления, который характеризуется как активный способ постижения правовой реальности, опознается и видоизменяется в различных культурно-исторических и социально-правовых условиях. Актуальность темы обусловлена дискуссионностью данной категории в современной правовой науке и необходимостью артикулирования ее сущностных аспектов, видов, функциональных связей с иными правовыми явлениями.

Материалы и методы: типологизация правового мышления в зависимости от уровней правового сознания субъекта позволила выявить его отличительные особенности и атрибутивные свойства. Применение структурно-функционального подхода обеспечило понимание правового мышления как комплексного феномена, обусловленного развитием картины мира и парадигмы научного мышления. Аналитический обзор современной литературы по проблемам правового мышления дал возможность выявить причинно-следственные связи с господствующими в правовой науке доктриной и типом правопонимания.

Результаты исследования: правовое мышление представлено как сложный социокультурный феномен, коррелирующий с такими фундаментальными явлениями, как правовая культура, правовой менталитет, правовое сознание и обусловленным общекультурными феноменами и логикой научного, в том числе теоретико-правового, развития.

Выводы и заключения: правовое мышление является феноменом, детерминирующим правовую культуру общества. Как активный процесс постижения правовой реальности правовое мышление опознается в обыденном, профессиональном (практическом), научно-теоретическом правосознании. С точки зрения актуального, в современном правоведении парадигмального подхода, выделяются такие сопутствующие категории как стиль правового мышления и образ правового мышления. В зависимости от типологии правовых систем (семей) правовое мышление в обществе формирует логические механизмы правообразования, правоприменения и особенности правосознания. С точки зрения профессионально-ориентированного подхода, выделяются управленческий, судебный и законодательный тип правового мышления.

Ключевые слова: правовое мышление, стиль правового мышления, правопонимание, правовая наука, правосознание, правовая ментальность, правовой менталитет, правовая культура

Для цитирования: Гусарова М. А. Правовое мышление в фокусе современной философии права // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 13–21.

Original paper

LEGAL THINKING IN THE FOCUS OF MODERN LEGAL PHILOSOPHY

Marina Aleksandrovna Gusarova

Russian University of Sport «GTSOLIFK», Moscow, Russian Federation

© Гусарова М.А., 2026

Introduction: this article examines the phenomenon of legal thinking, characterized as an active way of understanding legal reality, which is recognized and modified in various cultural, historical, and socio-legal contexts. The relevance of this topic stems from the controversial nature of this category in modern legal scholarship and the need to articulate its essential aspects, types, and functional connections with other legal phenomena.

Materials and methods: typology of legal thinking depending on the levels of legal consciousness of the subject allowed us to identify its distinctive features and attributive properties. The application of a structural-functional approach allowed us to understand legal thinking as a complex phenomenon conditioned by the development of a worldview and paradigm of scientific thinking. An analytical review of modern literature on legal thinking allowed us to identify cause-and-effect relationships with the prevailing doctrine and type of legal understanding in legal scholarship.

Results of the study: legal thinking is presented as a complex sociocultural phenomenon, correlated with such fundamental phenomena as legal culture, legal mentality, and legal consciousness, and conditioned by general cultural phenomena and the logic of scientific, including theoretical and legal, development.

Findings and conclusions: legal thinking is a phenomenon that determines the legal culture of society. As an active process of comprehending legal reality, legal thinking is recognized in everyday, professional (practical), and scientific-theoretical legal consciousness. From the perspective of the paradigmatic approach relevant in modern jurisprudence, related categories such as the style of legal thinking and the mode of legal thinking are distinguished. Depending on the typology of legal systems (families), legal thinking in society shapes the logical mechanisms of law formation, law enforcement, and the characteristics of legal consciousness. From a professional-oriented approach, managerial, judicial, and legislative types of legal thinking are distinguished.

Keywords: legal thinking, style of legal thinking, legal understanding, legal science, legal consciousness, legal mentality, legal mentality, legal culture

For citation: Gusarova M. A. Legal thinking in the focus of modern legal philosophy // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 13–21.

Проблема правового мышления в последние два десятилетия находится в фокусе внимания как специалистов в области теории права, философии и социологии права, так и среди ученых, разрабатывающих проблемы отраслевых направлений права. И этот факт не является случайностью. Повышенный интерес можно объяснить рядом объективных процессов, происходящих в российской правовой реальности, мировом правовом пространстве, а также в правовой науке. Среди факторов, обуславливающих интерес к проблеме правового мышления, можно особенно выделить поиск соответствующей современным социокультурным условиям и государственным задачам парадигмы исследования права, активное реформирование всех подсистем общества, включая правовую, расширяющееся влияние цифровизации на правотворческие и правореализационные процессы, правоотношения граждан, следствием чего являются кардинальные изменения правового мышления и правового сознания на всех уровнях и среди всех его субъектов-носителей.

Проблема исследования правового мышления не раз становилась предметом научного интереса ряда отечественных авторов. Так, в трудах Р.С. Байниязова и К.В. Науменковой уделялось внимание соотношению правового мышления и правового сознания. Работы В.Н. Синюкова, А.И. Овчинникова были обращены к роли правового мышления в правовой системе, с детализацией особенностей российского правового мышления. Мурунова А.В. в своих трудах давала оценку значению национального фактора в формировании правового мышления россиян. Вместе с тем в современных реалиях необходимо обращать внимание на тот факт, что данный феномен выходит за пределы юридической науки, поэтому для полного понимания его сущности, законов развития и функционирования требуется комплексный подход, охватывающий мощнейший потенциал всего гуманитарного знания с опорой на достижения философии.

Правовое мышление как разновидность мышления в праве и о праве является неотъемлемым свойством любого субъекта правосознания – индивидуального, коллективного или общественного. Поэтому, основываясь на общепринятой в современном

правоведении и обществоведении классификации уровней правового сознания, правовое мышление можно условно разделить на обыденное, профессиональное, научно-теоретическое. Все три разновидности правового мышления различаются способами и, как следствие, инструментами постижения правовой реальности, уровнем сложности предметов правового познания, наличием либо отсутствием профессиональных юридических знаний и опыта правоприменения, доминированием рациональных или иррациональных элементов в правосознании.

Обыденное правовое мышление, формирующееся в условиях отсутствия глубоких специально-юридических знаний и ситуативного участия в правоотношениях, располагает эмоционально-оценочными, аксиологическими механизмами, среди которых особое место занимают так называемое «правовое чувство», «правовая интуиция», «чувство справедливости», «совесть», позволяющие отграничивать справедливые и несправедливые феномены правовой жизни, отделять правду от неправды. Таким образом, правовое мышление на обыденном уровне правосознания более всего подвержено влиянию морально-нравственных, религиозных регулятивов. Оно содержит большой объем иррациональных элементов правосознания и по своим основаниям наиболее укоренено в правовой ментальности народа.

Правовое мышление на профессиональном (практическом) уровне правосознания оперирует преимущественно формально-логическими методами, интериоризирует объективный правовой опыт в индивидуальном сознании субъекта и нацелено на раскрытие взаимосвязей между правовыми феноменами, а, следовательно, ориентирует на поиск юридической истины, посредством сопоставления юридических фактов с содержанием правовых норм, актуальных в конкретном пространственно-временном контексте. Последнее доказывает, что на профессиональном уровне доминируют рациональные механизмы правового мышления и оказывает влияние развитие правовой практики.

Научно-теоретическое правовое мышление можно охарактеризовать как активный процесс и одновременно результат познания правовой реальности, в котором выявляются связи и закономерности между правовыми феноменами, конструируются правовые идеалы. Данный вид правового мышления носит преимущественно абстрактно-логический характер, направленный на построение системы юридических по своей природе правовых абстракций. Нужно отметить и факт теснейшей связи научно-теоретического правового мышления с содержанием и особенностями профессионального юридического образования, господствующей в правовой науке в конкретный период времени правовой доктриной и доминирующим типом правопонимания.

Еще раз оговорим, что выделение разновидностей правового мышления можно произвести весьма условно, с опорой на принятую в современной теории права классификацию уровней правосознания. При допущении некоторых различий видовых особенностей обыденного, профессионально-практического и научно-теоретического мышления, следует констатировать факт их взаимосвязи в реальной жизни. Так, Ю.П. Боруленков по этому поводу справедливо отмечает, что «повседневное индивидуальное правовое мышление не просто лежит в основании научно-теоретического и профессионального правового мышления, а в сознании ученого или правоприменителя «юрист» не замещает «обывателя», они сосуществуют. Мышление юриста-практика представляет собой сложную динамическую систему параллельно протекающих и в то же время оказывающих взаимное влияние обыденного и профессионального видов мышления. Их соотношение зависит от погруженности в юридическую материю, правовую среду» [1, с. 16]. Следует также добавить, что в отечественной правовой науке до сих пор нет единого мнения о том, кого считать субъектом – носителем правового мышления – людей со специальным юридическим образованием, а также представителей юридической профессии [2; 3] либо любого члена общества, активно участвующего в общественных, в том числе и правовых отношениях [1; 4; 5; 6]. В связи с этим под вопросом также остается статус мышления философов в области права, которых формально нельзя отнести ни к юристам-профессионалам, ни к обывателям. Отсюда, по нашему мнению, вытекают различия понятий «правовое мышление» и «юридическое мышление», которое мы встречаем на страницах научных изданий и учебной литературы. Как представляется, во избежание путаницы в понятиях и категориях, необходимо принять научную точку

зрения, согласно которой правовое мышление как феномен духовной жизни личности и общества присущ всем без исключения членам общества вне зависимости от того, к какой профессиональной группе он принадлежит. При этом также не следует отрицать того факта, что правовое мышление юристов (теоретиков либо практиков) обладает некоторыми специфическими чертами.

Анализ большого массива специальной юридической и философской литературы по проблеме правового мышления показал факт наличия множества подходов как к понятию правового мышления, так и к его видовым характеристикам. Интересным моментом, выявленным в процессе аналитического обзора литературы, является то, что феномен правового мышления, вне зависимости от дисциплинарной принадлежности ее авторов, рассматривается всегда во взаимосвязи с феноменами правовой культуры и правосознания как ее важнейшего элемента. Кроме того, неоспоримым фактом признается также то, что развитие правовой науки сопряжено с постоянной борьбой и сменой типов правопонимания. Тот или иной тип правопонимания выводится на первый план в определенных социокультурных условиях в связи с его познавательными возможностями в качестве парадигмы мышления.

Таким образом, наиболее распространенным в философско-правовой литературе можно назвать парадигмальный подход к пониманию правового мышления. Согласно этому подходу, та или иная научная парадигма, являясь образцом, моделью с соответствующими ей методами и техникой решения научных задач, определяет процесс и результаты познавательной деятельности. Автор теории парадигм, Т. Кун отмечал, любая зрелая наука в тот или иной момент времени осуществляет смену парадигм [7, с. 49]. Поэтому возникновение кризисных процессов, а затем и революций в науке, влекущее изменение взгляда на мир и способов решения научно-исследовательских задач, является необходимым. Рождение и утверждение новой парадигмы – это всегда длительный и мучительный процесс смены научного сознания. В этой ситуации часть научного сообщества усиленно сопротивляется новым методам решения задач, другая же часть видит перспективы познания тех феноменов, которые старыми методами было исследовать невозможно. В итоге этой борьбы вне зависимости от желания ученых побеждает парадигма, обладающая наиболее эффективными средствами и процедурами.

Важно понимать, что с позиции парадигмального подхода правовое мышление может исследоваться в рамках классической и неклассической научной парадигмы. В основу подхода положена типология научной рациональности, утвердившаяся в науке в 70-80-е гг. XX в. благодаря трудам В.С. Степина [8; 9], задающая основные стилевые направления в фундаментальных исследованиях, в том числе теоретико-правовых. В данном случае стиль правового мышления, формирующийся в определенных социокультурных условиях и пространственно-временных рамках, определяет совокупность методов, способов аргументации, фундаментальных теорий, философских идей и принципов, которыми руководствуются исследователи права в ту или иную эпоху. Понятия научной парадигмы и научно-исследовательской программы в трудах И. Лакатоса, который описывал историю науки как историю смены теорий, связанных между собой основополагающими принципами. Утверждение той или иной программы в процессе конкурентной борьбы в качестве ведущей определяется ее эффективностью в решении научных проблем. Парадигмы являются более широкими по объему, чем стиль мышления, поскольку не предполагают доминирования сразу двух или нескольких фундаментальных методологических и онтологических оснований в развитии науки на протяжении определенного отрезка времени. Стили же мышления могут сосуществовать, свободно конкурируя в пространстве и во времени, и имеют место во всех областях знания, в том числе философско-правовом знании.

К основным характеристикам теоретико-правового мышления, понимаемого в единстве его эпистемологических, онтологических, аксиологических и практико-деятельностных характеристик, в современных исследованиях относят следующие феномены и взаимосвязи феноменов:

- 1) способы интерпретации правовой реальности, включающие представления о характере связи бытия права, теоретического знания о нем и языка как средства выражения знания;
- 2) связи научного метода, субъекта и объекта познания в структуре теоретико-правового исследования;
- 3) условия истинности теоретических утверждений и критерии научности правовой теории;
- 4) эпистемологический статус результатов теоретико-правового исследования;

5) соотношение собственно когнитивной и социокультурной детерминант в методологии, содержании и динамике теоретико-правового знания;

6) отношение правовой теории к социальной, в том числе юридической, практике, связи теоретического и прикладного юридического знания и др. [10, с. 229].

Классический тип правового мышления опирается на ценностные установки науки Нового времени такие как рационализм, объективность, сциентизм, субъект-объектный характер познания и определяется как строго рациональная научно-теоретическая деятельность, направленная на правовую реальность и закрепляющуюся в правовых категориях. К классическим типам правопонимания, опирающимся на общие стилевые особенности правового мышления, традиционно относят естественно-правовой и позитивистский типы правопонимания, которые, несмотря на их противоположность друг другу, имеют в своей основе единые программные, парадигмальные, стилевые подходы. К стилевым подходам правового мышления классических типов можно отнести установку на дуализм естественного и позитивного, понимание права как противостоящей субъекту реальности (идеальной с точки зрения юснатурализма и фактической с точки зрения позитивизма), поиск критерия истинности права в соответствии с его источниками (формами), признание объективного характера правовой реальности.

Тимошина Е.В. справедливо отмечает, что «общей чертой классических естественно-правовых и позитивистских концепций является то, что постигнутое разумом или индуктивно образованное понятие права имеет референта соответственно в идеальном мире идей или в эмпирической реальности» [10, с. 266]. Данный стиль правового мышления, по мнению этого автора, располагает исчерпаемыми методологическими, объяснительными и эвристическими ресурсами при условии развития современной теории права в качестве социально-гуманитарной науки. Овсянников А.И. также отмечает, что в настоящее время классическая парадигма правового мышления, предполагающая анализ его формально-рационального содержания, оказывается явно недостаточной для комплексного исследования процесса осмысления социально-правовой действительности, поскольку за рамками ее научного анализа остаются такие важные элементы правового мышления, как оценочные и императивные суждения и понятия, практические умозаключения. По словам этого ученого, в современной теории и философии права давно назрела необходимость анализа особенностей правового мышления как целостного, полифункционального явления правовой сферы духовного мира человека в единстве его парадигмальных, теоретических, духовно-практических и этнокультурных аспектов с применением методов и приемов неклассической парадигмы (соединения феноменологического и герменевтического подходов) [11].

С изложенными выше позициями можно согласиться, однако с некоторыми оговорками. В условиях стремительного развития современной цивилизации, действительно, резко обозначилась тенденция усиления междисциплинарных и внутридисциплинарных связей, в результате чего появились новые отрасли знаний с соответствующей им методологией. Эти процессы не оставили в стороне и правовую науку, представители которой усиленно занимаются разработкой наиболее адекватной для современных реалий методологии. Рубеж XX–XXI вв. стал весьма важным событием в отечественной теории права, указавшим на возможность выделения двух типов правового мышления, в науку была введена концептуальная схема «классика-постклассика» и громко заявил о себе проект интегральной (интегративной) теории права, определивший основные направления в исследовании проблем права в настоящее время.

С точки зрения парадигмального подхода, неклассические (постклассические) концепции, представленные сегодня множеством самых различных теорий (герменевтической, феноменологической, экзистенциальной, коммуникативной, психологической и др.) характеризует правовое мышление как познавательную деятельность субъекта, в которой отражается мировоззрение и правовые основы той или иной эпохи, культуры и цивилизации, поэтому оно трактуется как изначально соответствующее предзаданным характеристикам [12]. Философы и правоведы конца XX – начала XXI вв., ориентируясь на постклассическую модель мира, в которой хаос понимается не как источник деструкции и отсутствие всякого порядка, а как состояние, которое в результате различных взаимодействий может стать причиной нового структурогенеза, трактуют правовую реальность как многомерную, многогранную, нелинейную, а правовое мышление – как интерсубъективный способ постижения

правовой реальности. Как справедливо отмечает И.П. Малинова, в современной правовой теории можно наблюдать конфликт классического и неклассического подходов к правовым феноменам: «альтернативой кантовскому пониманию человеческой свободы, базирующейся на разумных началах, выступает постструктуралистский идеал свободы, обретаемой в безумии, девиации» [13, с. 99]. Действительно, данная концепция, сакрализируя иррациональное, подсознательное, размывает традиционные представления о дозволенном и воспекает стремления к освобождению от всяких рамок, условностей, ограничений, вплоть до биологических. Оговоркой, которая подразумевается при условии полного принятия постклассической парадигмы, является согласие с тем, что, во-первых, в современной картине мира разрушается целостность человека как биосоциального организма с присущими ему разумом, волей и чувствами; во-вторых, допускается необъективность полученных о правовой реальности знаний. Как правильно отмечает упомянутый выше автор, «подлинный смысл коренного для права понятия «свобода» в равной мере далек от одномерного, плоского консерватизма, так и от его фиктивного антипода – радикального отрицания традиционных ценностей. Человек свободен настолько, насколько располагает собою в качестве культурного существа и способен освоить те возможности, которые дает ему культура для самореализации» [13, с. 103]. К этому следует добавить, что взгляд на феномен правового мышления как интересубъективную деятельность, воспроизводящую в правосознании исключительно субъективное видение правовой реальности, чреват потерей определенности и ясности, и, как следствие, формирование теории без «твердого места». Ответом на сложившуюся в современной правовой науке проблему является интегративная концепция, наиболее яркие представители которой, например, И.Л. Честнов, А.В. Поляков, Е.В. Тимошина, В.И. Павлов, В.В. Ершов и др., опираясь на различные основания, предприняли попытку построить наиболее адекватную современным реалиям теорию.

В теоретико-правовой литературе мы также можем встретить иной подход к правовому мышлению. Введение в понятийно-категориальный аппарат правовой науки понятия «образ правового мышления» позволил рассматривать его с позиции классификации правовых семей. Принимая во внимание тот факт, что при выделении правовых систем по критерию общности генезиса, источников и форм закрепления и выражения норм права, сходства внутренней структуры и принципов регулирования общественных отношений, категориального аппарата и техники изложения, систематизации норм права, сложившиеся в ходе развития правовой культуры, обладают различными механизмами и способами правового мышления. Можно выявить типы правового мышления англо-саксонской, романо-германской, религиозно-правовой, социалистической систем, системы обычного права. Формирование профессионального правового мышления в названных правовых семьях происходит на стадии профессиональной подготовки, в процессе создания и реализации права, что обуславливает принципиальные различия как в содержании, так и в преследуемых целях и задачах.

Как известно, англосаксонское право, которое является преимущественно прецедентным и процессуальным характером, стремится к избеганию применения широких правовых принципов. Несмотря на то, что в английском праве в настоящее время присутствует такой источник, как закон (статут), все же прецедентное право, создаваемое по традиции только высшими инстанциями, остается ведущим. Таким образом, основными чертами правового мышления юристов англосаксонской семьи можно считать преимущественно индуктивный характер, императивность, казуистичность. Куклин С.В. выделяет такую особенность правового мышления в названной правовой семье, как специфика правообразования: «[...] нормы создаются в ходе сложного процесса, предполагающего формулировку их в результате сравнения фактических ситуаций и последующее применение. Категории, используемые в судопроизводстве, не должны окостеневать, чтобы быть в состоянии ассимилировать новые идеи. Формулировки, которые используются законодателем, должны быть открыты для переосмысления, наполнения новым смыслом» [14, с. 82].

Что касается романо-германской правовой семьи, то приоритетным источником права здесь выступает закон, все же остальные нормы, чтобы приобрести высшую юридическую силу, должны быть отражены, реализованы в законе. Основными логическими операциями правового мышления в данной правовой семье являются дедукция и систематизация, т. е. применение общей нормы к конкретному юридическому факту и обобщение правовых

феноменов в некую систему на основе общих принципов, а, следовательно, предполагает определенную творческую свободу правовой деятельности.

Несмотря на свои концептуальные особенности, обусловленные вероучением, ареалом распространения, религиозные семьи имеют ряд схожих черт на уровне правового мышления. Поскольку в названных правовых системах религиозные нормы являются содержательным источником формальных юридических норм, а религиозная доктрина выступает основой правовой доктрины, правовой реальности правовые нормы постоянно корреспондируют с религиозными нормами, понятие «правового» – с понятием «святого/священного», правосознание апеллирует к совести и религиозному чувству. Иными словами, включение субъекта в правовую реальность задействует не только внешнее поведение, но все части души человека (разум, волю и чувство), призывая человека к ответственности одновременно перед Богом и обществом. Право в религиозных правовых семьях имеет больше персональный, чем территориальный характер, что формирует коллективистский тип общности. А тесное взаимодействие с местными обычаями и традициями формирует в человеке чувство сопричастности со своими предками и усиливает глубину постижения смысла правовых норм в правосознании. Таким образом, если правовое мышление в англосаксонских семьях носит индуктивный характер, в романо-германской системе – дедуктивный, то в религиозных семьях правовое мышление, простирается как бы сквозь время и пространство, направлено не просто на постижение и смысла, значения закона, но и на сохранение и передачу постигнутого последующим поколениям.

В содержании права социалистических систем реализуется принцип централизованного управления экономикой, государственная собственность как основа экономики, господство марксистско-ленинской идеологии и коммунистической нравственности, что в совокупности определило преимущество коллективных интересов над частными и нивелирование частных мнений по наиболее значимым для государства и общества вопросам.

В системе обычного права обычай выступает главным источником права, именно он выступает критерием истинности правовых норм и их адекватности социальным реалиям. Также, как в религиозных и социалистических системах, в системе обычного права правовое мышление ориентировано на доминирование коллективных интересов над частными и большое значение традиций. Иными словами, в них наблюдаются сходные черты на уровне механизмов правового мышления.

В современных исследованиях можно встретить научную позицию, согласно которой видовые характеристики правового мышления рассматриваются в зависимости от направлений юридической профессии: управленческое, судебное и законодательное правовое мышление. Названным видам соответствуют такие типы как: мышление о правиле (легализм), мышление о решении (децизионизм), мышление о порядке и форме (мышление об идеале). Различия между ними объясняются тремя парадигмами мышления, с которыми логически коррелируют основные типы рациональности, а именно: парадигма объяснения и классическая рациональность, парадигма понимания и неклассическая рациональность, парадигма преобразования и постнеклассическая рациональность [15; 16]. Примечательно, что данная классификация существует вне зависимости от национальных или государственно-территориальных критериев и коррелирует с видами профессионального правосознания.

Давыдова М.Л. также отмечает, что «технология юридической квалификации, процедура соотнесения нормы или иного правила с жизненными фактами, умение мыслить в категориях правовой реальности, оперировать юридическими конструкциями и другим профессиональным инструментарием – все эти особенности характеризуют мышление юриста, независимо от его принадлежности к той или иной правовой системе. Такой подход позволяет рассматривать мышление как универсальное основание профессии юриста» [17, с. 67]. Иными словами, названные виды правового мышления рассматриваются как признаки любой правовой системы, присутствующие в каждой из разновидностей (но в разном «удельном весе»), образуя специфику того или иного вида юридической профессии.

Таким образом, правовое мышление как активный процесс постижения правовой реальности опознается на трех уровнях правосознания, связанных между собой в реальной жизни: обыденном, профессиональном (практическом), научно-теоретическом. Правовое мышление, являясь феноменом духовной жизни, присущ всем без исключения субъектам,

однако в юридическое мышление юристов – профессионалов отличается глубиной постижения правовой реальности и профессиональными средствами (способами).

Наиболее распространенными подходами к исследованию феномена правового мышления являются парадигмальный подход, классификация по принадлежности к правовой семье, профессионально-ориентированный. Согласно парадигмальному подходу, выделяется правовое мышление классического (характеризующего классический юснатурализм и юспозитивизм) и неклассического типа (представлены герменевтической, феноменологической, экзистенциальной, коммуникативной, психологической и иными концепциями права). Особую актуальность в настоящее время приобретают интегративные концепции права, использующие комплексный подход к пониманию правовых феноменов). В рамках парадигмального подхода выделяются такие категории как: стиль правового мышления и образ правового мышления, указывающие на особенности того или иного типа.

Правовое мышление, присущее определенным типам правовых семей, указывает на различные логические механизмы правообразования, правоприменения, особенности правосознания. Так, англосаксонским правовым семьям присущи такие черты как: индуктивность, казуистичность, императивность. Романо-германским семьям присущи такие логические операции правового мышления как: дедукция и систематизация. В религиозно-правовых семьях происходит корреспондирование к религиозным нормам и персональный характер права, в социалистических семьях – доминирование коллективистских интересов над частными и коммунистической морали. В системе обычного права на уровне механизмов правового мышления наблюдаются сходные черты с социалистическими семьями (коллективизм) и с религиозными семьями (традиционализм).

Что касается профессионально-ориентированного подхода к исследованию правового мышления, то вне зависимости от национальных или государственно-территориальных критериев, выделяются управленческий, судебный и законодательный тип правового мышления. При их одновременном присутствии в профессиональном сознании представителей различных направлений юридической профессии, какой-то из видов выводится на первый план.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боруленков Ю.П. Правовое мышление как интеллектуальная составляющая юридического познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 2 (331).
2. Куклин С.В., Петров А.В., Соловьева А.А. Правовое отражение как свойство юридического мышления // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2016. Т. 16. № 2.
3. Жалинский А.Э. Социально-правовое мышление и проблемы борьбы с преступностью. М., 1989.
4. Авакян Т.В. Юридическое мышление в правоприменительном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д. 2006.
5. Гуляихин В.Н. Правовое мышление и воспитательный процесс // Юридические исследования. 2015. № 7.
6. Храмцова Н.Г. Правовое мышление и язык права – объективные основания правового дискурса // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1.
7. Кун Т. Структура научных революций. М., 2009.
8. Степин В.С. Становление научной теории: Содержат. аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики. Минск, 1976.
9. Степин В.С. Философия и методология науки. М., 2015.
10. Тимошина Е.В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления / Постклассическая онтология права. СПб., 2018.
11. Овсянников А.И. Правовое мышление: дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2004.
12. Гусарова М.А. К вопросу об особенностях современных отечественных интегративных подходов к праву в условиях построения правового государства // Правосудие. 2024. Т. 6. № 2.
13. Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика. М., 2014.
14. Куклин С.В. Значение источников (форм) права для формирования стиля правового мышления // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2018. Т. 18. № 3.
15. Зыков Д.В. Некоторые вопросы теории юридического мышления // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2012. № 2.

16. Зыков Д.В. О трех видах юридического мышления // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 2.
17. Давыдова М.Л. Профессиональное мышление юристов в сравнительно-правовом ракурсе // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 5. 2015.

REFERENCES

1. Borulenkoy Yu.P. Legal Thinking as an Intellectual Component of Legal Knowledge // Bulletin of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2017. № 2 (331).
2. Kuklin S.V., Petrov A.V., Solovieva A.A. Legal Reflection as a Property of Legal Thinking // Bulletin of SUSU. Series «Law». 2016. Vol. 16. № 2.
3. Zhalinsky A.E. Social and Legal Thinking and Problems of Combating Crime. Moscow, 1989.
4. Avakyan T.V. Legal Thinking in the Law Enforcement Process: diss. ... PhD in Law. Rostov-on-Don. 2006.
5. Gulyaikhin V.N. Legal Thinking and the Educational Process // Legal Research. 2015. № 7.
6. Khramtsova N.G. Legal Thinking and the Language of Law – Objective Foundations of Legal Discourse // Gaps in Russian Legislation. 2009. № 1.
7. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Moscow, 2009.
8. Stepin V.S. Formation of Scientific Theory: Containing Aspects of the Structure and Genesis of Theoretical Knowledge of Physics. Minsk, 1976.
9. Stepin V.S. Philosophy and Methodology of Science: Selected Works. Moscow, 2015.
10. Timoshina E.V. Classical and Postclassical Legal Understanding as Styles of Philosophical and Legal Thinking / Postclassical Ontology of Law. St. Petersburg, 2018.
11. Ovsyannikov A.I. Legal Thinking: diss. ... Grand PhD in Law. Krasnodar, 2004.
12. Gusarova M.A. On the Issue of the Peculiarities of Modern Domestic Integrative Approaches to Law in the Context of Building a Rule-of-Law State // Justice. 2024. Vol. 6. № 2.
13. Malinova I.P. Philosophy of Law and Legal Hermeneutics. Moscow, 2014.
14. Kuklin S.V. The Importance of Sources (Forms) of Law for the Formation of the Style of Legal Thinking // Bulletin of SUSU. Series «Law». 2018. Vol. 18. № 3.
15. Zykov D.V. Some Issues of the Theory of Legal Thinking // Bulletin of VolSU. Series 5: Jurisprudence. 2012. № 2.
16. Zykov D.V. On Three Types of Legal Thinking // Bulletin of VolSU. Series 5: Jurisprudence. 2013. № 2.
17. Davydova, M.L. Professional Thinking of Lawyers in a Comparative Legal Perspective // Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). № 5. 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

М. А. Гусарова – доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, философии, социологии Российского Университета Спорта «ГЦОЛИФК». 105122, Российская Федерация, г. Москва, ул. Сиреневый бульвар, 4, стр.1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

M. A. Gusarova – Grand PhD in Philosophy, PhD in Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Philosophy and Sociology of the Russian University of Sport «GTSOLIFK». 4/1, Sirenevyy Bulvar, Moscow 105122 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 351.74

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Петр Николаевич Кобец

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва,
Российская Федерация, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Введение: в настоящее время чрезвычайно важно продолжать изучать вопросы, касающиеся работы, связанной с формированием кадрового потенциала НКВД СССР во время Великой Отечественной войны, поскольку постоянный поиск и проведение различных исследований, касающихся деятельности ведомственных образовательных учреждений, организовывавших и одновременно с этим реализовавших процесс профессиональной подготовки работников милиции в годы войны, является важной составляющей основ патриотического воспитания сегодняшних служителей закона.

Материалы и методы: методическую базу данной работы составил различный методологический инструментарий. В процессе исследования автором применены разнообразные методы, включая сравнительный, специально-юридический, исторический и др. Методологический подход проведенного исследования основан на ретроспективной, непредвзятой оценке, которая проводилась в соответствии с требованиями всестороннего, объективного, беспристрастного и комплексного анализа рассматриваемой сферы.

Результаты исследования: с началом Великой Отечественной войны функционирование всех государственных институтов и структур, включая органы правопорядка, подверглось значительным изменениям. В том числе начавшаяся война весьма серьезно скорректировала всю работу, связанную с подготовкой и обучением кадров органов внутренних дел. Большей части учебных заведений пришлось приостановить свою деятельность, а их личный состав отправить на фронт. В рассматриваемых образовательных организациях приступили к ускоренной подготовке работников милиции. Укрепление кадрового ядра образовательных организаций НКВД СССР входило в одну из приоритетных задач во время Великой Отечественной войны. В военный период руководству НКВД СССР удалось достичь существенных положительных результатов в системе подготовки кадрового потенциала.

Выводы и заключения: проведенное исследование свидетельствует о том, что комплекс принятых государственных мер позволил не снизить результативность правоохранительной подготовки и обучения работников милиции в военный период, тем самым обеспечивая НКВД СССР кадровым потенциалом, способным оказывать активное противодействие преступности. Данный положительный опыт еще раз свидетельствует о важности комплексного подхода к вопросам обучения кадрового потенциала органов внутренних дел в условиях чрезвычайной ситуации и военного положения.

Ключевые слова: работники милиции, кадровый потенциал, профессиональная подготовка, образовательная деятельность, учебные организации, история государства и права, Великая Отечественная война

Для цитирования: Кобец П. Н. Формирование кадрового потенциала органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 22–27.

Original paper

FORMATION OF PERSONNEL POTENTIAL OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Peter Nikolaevich Kobets

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: it is currently crucial to continue studying issues related to the development of the NKVD personnel during the Great Patriotic War. The ongoing research and study of the activities

© Кобец П.Н., 2026

of departmental educational institutions that organized and simultaneously implemented the professional training of police officers during the war is an essential component of the foundations of patriotic education for today's law enforcement officers.

Materials and methods: the methodological basis of this study was formed by a variety of methodological tools. During the research, the author applied a variety of scientific methods, including historical, specialized legal, legal interpretation, and comparative methods. The methodological approach of the study was based on a retrospective, unbiased assessment, which was conducted in accordance with the requirements of a comprehensive, objective, ongoing, and integrated analysis of the area under consideration.

Results of the study: with the onset of the Great Patriotic War, the functioning of all state institutions and structures, including law enforcement agencies, underwent significant changes. The outbreak of war significantly altered all work related to the training and education of law enforcement personnel. Most educational institutions had to suspend their operations, and their personnel were sent to the front. The educational institutions in question began accelerated training of police officers. Strengthening the core personnel of the educational institutions of the NKVD of the USSR was a priority during the Great Patriotic War. During the war, the leadership of the NKVD of the USSR achieved significant positive results in the training system for personnel potential.

Findings and conclusions: the study demonstrates that the complex of government measures adopted ensured that the effectiveness of law enforcement training and police education during the war period was not reduced, thereby providing the NKVD of the USSR with personnel capable of actively combating crime. This positive experience once again demonstrates the importance of a comprehensive approach to training personnel potential for law enforcement agencies in emergency situations and martial law.

Keywords: police officers, personnel potential, professional training, educational activities, educational institutions, history of state and law, Great Patriotic War

For citation: Kobets P. N. Formation of personnel potential of the internal affairs bodies during the Great patriotic war // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 22–27.

После победы Советского Союза в Великой Отечественной войне над фашистской Германией и ее союзниками национальную независимость получили многие народы мира. Общество уже привыкло, что к героям этой Великой войны, как правило, относят солдат и офицеров Красной Армии, участников подпольного и партизанского движения, советских граждан, работавших в тылу, при этом гораздо реже приходится встречать упоминания о том, насколько была важна профессиональная деятельность работников милиции, военнослужащих внутренних войск и иных подразделений НКВД СССР в приближении Великой Победы. Поэтому автор решил в данном исследовании рассмотреть вопросы, связанные с особенностями формирования кадров в ведомственных учебных заведениях в военные годы, а также их вклад в скорейшее окончание Великой Отечественной войны.

В начале рассмотрения обозначенной проблематики важно отметить, что универсальная, сбалансированная и функциональная ведомственная система обучения и подготовки кадрового потенциала начала складываться с первых дней возникновения милиции. К лету 1918 г. с момента исполнения государственного правоохранительного функционала в милиции уже был сформирован собственный постоянный штат. С 1918 г. буквально с начального уровня началась организация процесса милицейской подготовки и профессионального образования. И затем в течение многих лет не прекращались процессы поиска новых прогрессивных подходов, направленных на выявление наиболее оптимальных способов, техник и приемов обучения профессиональных милицейских кадров.

Процессы по формированию рассматриваемых учебных заведений, простимулированные активной централизацией государственной системы власти, получили свое дальнейшее развитие в 1930-х гг. И уже в начале 1940-х гг. в структуре Главного управления милиции (далее – ГУМ) НКВД СССР была полностью сформирована полноценная система образовательных организаций, которая без труда охватывала все категории милицейских работников. Одновременно с этим следует указать на то, что умение профессионально решать задачи, которые были поставлены государством работникам милиции, во многом зависели от их навыков, компетенций, профессионализма и кадрового потенциала [1, с. 20].

Заслуживает особого внимания и то обстоятельство, что к началу событий Великой Отечественной войны в НКВД СССР работало и проходило службу порядка одного млн. человек, в том числе в войсках НКВД СССР числилось 280 тыс. человек, а общая численность работников ГУМ НКВД СССР была 227 тыс. человек [2, с. 270]. В итоге подобного организационного подхода властям удалось сформировать весьма действенный правоохранительный орган, в обязанности которого входило как организация, обеспечение,

поддерживание и контроля законности и правопорядка в стране, так и решение различных внутренних государственных вопросов в самом широком и полном понимании данных слов [3, с. 19]. При этом само образование и дальнейшее развитие столь унифицированного и организованного правоохранительного органа, которым в 1940-х гг. являлся НКВД СССР было довольно беспрецедентным и уникальным событием, не имевшим аналогов в отечественной истории.

В целях организации управления деятельностью и осуществления контроля учебными организациями, которые находились в ведении НКВД СССР, данным комиссариатом «18 марта 1941 г. был подготовлен приказ № 00301 «Об организации Управления учебными заведениями НКВД СССР»» [4, с. 142]. Начавшаяся Великая Отечественная война временно приостановила все начавшиеся позитивные процессы, связанные с реформированием подбора и комплектования кадров. Большинство из весьма непростых военных вызовов, условий и обстоятельств, в которых происходила вся жизнедеятельность страны, определили, сформулировали и выдвинули совершенно новый круг задач, которые не позволили продолжать процессы реорганизации образовательной деятельности в рассматриваемых учебных организациях. По этой причине в соответствии с приказом НКВД СССР от 3 июля 1941 г. № 00983 необходимо было ликвидировать ранее созданное Управление учебных заведений, при этом делегировав все его компетенции Отделу кадров НКВД СССР [5, с. 109].

Важно отметить, что профессиональная подготовка работников милиции, запущенная и хорошо отлаженная в преддверии ожидаемого военного конфликта с Германией, позволила ГУМ НКВД СССР в весьма сложных военных условиях не прекращать заниматься подготовкой милицейского кадрового потенциала, который был так необходим и востребован страной в целях охраны правопорядка и обеспечения безопасности. Однако с началом Великой Отечественной войны уровень кадрового потенциала (количественный и качественный состав) органов милиции существенно снизился. По большей части данное положение дел в рассматриваемой сфере было обусловлено тем, что существенная часть работников данного Народного комиссариата (по ряду экспертных оценок, до 30 % личного состава) с первых дней начала военных действий ушла добровольцами на фронт. Поэтому уже в первые дни войны издается приказ НКВД СССР «О перестройке работы учебных заведений НКВД СССР в период военного времени» [6, с. 12], согласно положениям которого, в период прохождения обучения в милицеских школах снизили до девяти месяцев, а также переработали все учебные планы и полностью изменили программы предметов специальной профессиональной подготовки, акцентировав внимание на большей самоподготовке курсантов и преподавании дисциплин, связанных с военной подготовкой.

Также стоит добавить, что как только началась Великая Отечественная войны, часть образовательных организаций НКВД СССР, которые были дислоцированы недалеко от районов ведения боевых действий, сразу же расформировали, а их постоянный и переменный состав, который составлял примерно около половины численности всех рассматриваемых учебных заведений, был направлен в действующую армию. И если в предвоенный год общая численность лиц, обучающихся в школах милиции, составляла 8 270 курсантов, то в начале 1942 г. всего таких насчитывалось 3 304 человека [7, с. 184].

В условиях военного времени всю систему государственного аппарата НКВД СССР требовалось подчинить задачам обеспечения результативного функционирования Красной Армии и тыла. Поэтому во время Великой Отечественной войны было налажено чрезвычайно плотное сотрудничество между практическими органами и образовательными организациями НКВД СССР. Личный состав образовательных организаций неоднократно был привлечен для выполнения разных важных поручений и решения неотложных практических задач. В процессе несения службы в сфере охраны правопорядка, а также проходя практику в отделах милиции, курсанты стали более дисциплинированными и бдительными. Они задерживали заключенных, сбежавших из мест лишения свободы, ловили воров, совершавших уличные и квартирные кражи, спекулянтов, мешочников, задерживали в общественных местах различных преступных элементов. За совершение героических поступков, большую решительность и оперативную смекалку многих из курсантов заслуженно поощряли не только правами руководителей образовательных организаций, но и территориальных органов внутренних дел.

На протяжении всего военного периода 1941–1945 гг. кадровый отток из рассматриваемого Народного комиссариата не превращался как в силу мобилизационных мероприятий, так и в связи с добровольным переходом работников милиции в действующую армию. Поэтому в данный исторический период рассматриваемые подразделения, как правило, комплектовались лицами женского пола, мужчинами пенсионного возраста и гражданами, которые были признаны медицинскими комиссиями негодными для службы в Красной Армии. Из-за слабого кадрового обеспечения, вызванного дефицитом подготавливаемых в военный период специалистов, образовательным

организациям НКВД СССР, пришлось постепенно переходить на новые – ускоренные формы обучения. Поэтому в образовательном процессе, переведенном на военные рельсы, в значительной степени возросла доля специализированной и военной подготовки, и особое значение стало уделяться проведению практических занятий.

Также немаловажно указать на то, что еще с июля 1942 г. было принято важное государственное решение, подкрепленное постановлением Государственного комитета обороны СССР № 1956с о необходимости повышения должностных окладов руководящему составу военных образовательных организаций Красной Армии [8]. Комплекс принятых мер позволил уже осенью 1943 г. снизить более чем на 10 % кадровой некомплект личного состава, проходящего службу в военных образовательных организациях. При этом также удалось улучшить качественный показатель преподавательского состава, поскольку более 65 % данных лиц были фронтовики, 15% с высшим образованием и порядка 80 % прошли специализированное обучение [9, с. 480].

После коренного перелома на фронте, произошедшего в 1943 г., стали увеличивать как численность самих учебных организаций, подготавливающих милицейские кадры, так и срок обучения в них ставший до одного года. В том числе, «продолжалось облечение в Центральной милицейской школе, на базе которой проходил переподготовку руководящий состав милиции, а также подготовка личного состава милиции в специальных средних школах» [10, с. 11]. Одновременно с этим приказ НКВД СССР от 1 декабря 1944 г. «О текущей подготовке личного состава органов и частей милиции» [11, с. 70] сформулировал и вводил новые правила подготовки милицейских кадров с учетом различной их специализации и обязательным увеличением в планах обучения курсантов общей часовой нагрузки, практических занятий. В то же время основополагающим элементом и существенной частью профессионального обучения и подготовки работников милиции стало развитие и укрепление их правовой культуры. Кроме того, в соответствии с Директивой ГУМ НКВД СССР от 25 декабря 1944 г. от учебных организаций требовалось внести ряд корректировок и пересмотреть учебный план и курс по политической подготовке на 1945 г., а также организовать изучение обучающимися положений Конституции СССР 1936 г. Новые оценочные нормы и показатели, также, как и критерии, определяющие уровни успеваемости обучающихся, были закреплены Директивой ГУМ НКВД СССР от 18 июня 1945 г. [12, с. 95].

Необходимо добавить, что в конце военного периода в ведомственных учебных заведениях стали меняться подходы к образовательному процессу, в частности, стало заметным смещение приоритетов от массового обучения к повышению его качества. Весьма немаловажным фактором, оказывающим положительное воздействие на развитие милицейского образования военного периода отечественной истории, было и то, что в целях повышения правосознания и правовой идеологии и культуры правоохранителей особый акцент также был сделан на идеологическое воспитание лиц, проходивших обучение в милицейских школах. Кроме того, с начала 1945 г. в учебных учреждениях НКВД СССР, как и до войны вновь заработали летние учебные лагеря, которые позволяли в существенной степени увеличить потенциал высококвалифицированных работников милиции.

В военный период в складывающихся непростых и напряженных криминальных условиях, а также серьезного кадрового дефицита и недостатка хорошо подготовленных специалистов выпускники школы милиции смогли безукоризненно поддерживать общественный правопорядок и соблюдение законности. Им приходилось работать в рамках максимальной интенсивности практически в той же обстановке, что и на фронте, поскольку они постоянно действовали в условиях боевой готовности. И, несмотря на то, что во время войны работники милиции работали на пределе своих возможностей, они стремились выполнить поставленные перед ними задачи с максимальной отдачей, не допустив осложнения криминогенной обстановки в стране. Неся службу в экстремальных условиях, они сдерживали экономическую преступность, подавляли проявления бандитизма, ликвидировали беспризорность несовершеннолетних, останавливали дезертирство из армии и в тылу, предотвращали расхищение государственной собственности и др.

Подводя итоги проведенному исследованию, хотелось бы отметить, что с началом Великой Отечественной войны органы внутренних дел утратили преобладающую часть довоенного, хорошо подготовленного и обученного личного состава. Пришедшие им на смену молодые сотрудники нуждались в комплексном и квалифицированном специальном образовании, в том числе в обучении правоприменению. Однако, несмотря на многие сложности военного периода, хорошо продуманный механизм милицейской подготовки кадров и профессионального обучения, сформированный и запущенный в стране еще перед войной, обеспечил возможность в условиях военного положения проводить готовить кадры для охраны правопорядка.

Вместе с тем нельзя не сказать и о затруднениях, которые присутствовали в военный период в данной работе, а именно то, что подавляющее большинство персонала образовательных

организаций добровольно ушла на фронт, и поэтому некоторые учреждения были вынуждены приостановить свою деятельность. Более того, общая численность учащихся в милицеских школах уже в начале первого военного учебного года в сопоставлении с предшествующим периодом была сокращена более чем в два с половиной раза. В то же время, несмотря на обозначенные проблемы, главным приоритетом и наиважнейшей задачей функционирующих ведомственных образовательных учреждений стала реализация ускоренной учебной программы, позволявшей более интенсивно готовить столь необходимый в военный период для страны милицеский персонал.

Также важно отметить, что в условиях военного времени в первую очередь в значительной мере изменилась не только подходы, но также были пересмотрены и модифицировались многие требования к образовательной деятельности в ведомственных учебных заведениях. От сотрудников постоянного личного состава этих образовательных организаций требовалось не только обучение переменного личного состава навыкам оперативной деятельности, но также и боевой, военной тактики. Характерной чертой подготовки кадрового потенциала во время Великой Отечественной войны стало то, что обучение стало все больше приобретать характер военно-практической направленности. Кроме того, особый акцент во время прохождения обучения курсантов и слушателей стали делать на их служебной подготовке, а также идеологическому воспитанию, развивающему у обучающихся все необходимые качества для более результативной практической деятельности.

Обязательно стоит подчеркнуть, что военный период 1941–1945 гг. был весьма непростым как в целом для всей нашей страны, так и для системы профессионального обучения и подготовки специалистов для НКВД СССР. При этом важно отметить, что, несмотря на множество возникших трудностей, а также чрезвычайные и экстремальные условия военного времени, в стране не были прекращены развитие и совершенствование методов и форм подготовки милицеских кадров, а также оставался хорошо отлаженным, хоть и усеченный образовательный процесс по подготовке работников милиции. Во время анализируемого военного периода государственные потребности по многим позициям постоянно возрастали, в том числе они были весьма существенными в подготовленных для борьбы с преступностью милицеских кадрах. Поэтому хорошо организованная работа образовательных организаций НКВД СССР, многие из которых в круглосуточном режиме готовили специалистов для органов милиции, стала одной из важнейших задач во время войны, и, как показала практика, с этой задачей они успешно справились.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кожевина М.А. История милицеского образования в Советской России. Организация и правовое регулирование (1917–1991 гг.). Омск, 2004.
2. Органы и войска МВД России: Крат. ист. очерк: Посвящ. 200-летию МВД / Некрасов В.Ф., Борисов А.В., Детков М.Г. и др.; Гл. ред. Горлов А.Г. М., 1996.
3. Кобец П.Н. Привлечение граждан для содействия работникам милиции по поддержанию правопорядка в период Великой Отечественной войны // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4(47).
4. Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1960: Справочник / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; науч. ред. Р.Г. Пихоя. М., 1997.
5. Невский С.А. Органы внутренних дел в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 4(36).
6. Герман Р.Б., Герман Р.С. Подготовка кадров для российской милиции в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 4.
7. Горбатенко Г.В. Профессиональное образование сотрудников ОВД СССР во второй половине 30-х – начале 50-х годов XX века // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 4.
8. Постановление ГКО СССР № 1956 о повышении окладов содержания руководящему начальствующему составу военно-учебных заведений Красной армии, с приложением записки Хрулева А.В. Сталину И.В. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 40. Л. 109; Оп. 2. Д. 72. Л. 203–205.
9. Проценко Е.Д., Байкеева С.Е. Организационно-правовые проблемы кадрового обеспечения системы НКВД в годы Великой Отечественной войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): Материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2-х частях. СПб., 2025.

10. Эриашвили Н.Д. Подвиг советской милиции в годы Великой Отечественной войны // Криминологический журнал. 2019. № 2.

11. Кожевин М.А. Омская «школа сыщиков»: вековой опыт и уроки истории // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26. № 2(77).

12. Лазарева С.С. Деятельность советской милиции в годы Великой Отечественной войны // Glossa: Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. 2019. № 3.

REFERENCES

1. Kozhevina M.A. History of Police Education in Soviet Russia. Organization and Legal Regulation (1917–1991). Omsk, 2004.

2. Bodies and Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Brief Hist. Essay: Dedicated to the 200th Anniversary of the Ministry of Internal Affairs / Nekrasov V.F., Borisov A.V., Detkov M.G. et al.; Ed.-in-Chief Gorlov A.G. Moscow, 1996.

3. Kobets P.N. Involving Citizens in Assisting Police Workers in Maintaining Law and Order during the Great Patriotic War // Law and Order: History, Theory, Practice. 2025. № 4 (47).

4. Lubyanka: VChK-OGPU-NKVD-MGB-MVD-KGB, 1917-1960: Handbook / compiled by A.I. Kokurin, N.V. Petrov; scientific ed. by R.G. Pikhoya. Moscow, 1997.

5. Nevsky S.A. Internal Affairs Agencies in the Great Patriotic War of 1941–1945 // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4 (36).

6. German R.B., German R.S. Training of Personnel for the Russian Militia During the Great Patriotic War (Historical and Legal Aspect) // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 4.

7. Gorbatenko G.V. Professional Education of the USSR Internal Affairs Directorate Employees in the Second Half of the 1930s – Early 1950s // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 4.

8. Resolution of the USSR State Defense Committee No. 1956 on Increasing the Salaries of the Senior Commanding Staff of Military Educational Institutions of the Red Army, with the Attached Memorandum from Khrulev to A.V. Stalin. RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 40. L. 109; Op. 2. D. 72. L. 203-205.

9. Protsenko E.D., Baykeeva S.E. Organizational and legal problems of staffing the NKVD system during the Great Patriotic War // State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (for the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War): Proceedings of the XXII International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. St. Petersburg, 2025.

10. Eriashvili N.D. The feat of the Soviet militia during the Great Patriotic War // Criminological Journal. 2019. № 2.

11. Kozhevina M.A. The Omsk “School of Detectives”: A Century of Experience and the Lessons of History // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. Vol. 26. № 2 (77).

12. Lazareva S.S. Activities of the Soviet Militia during the Great Patriotic War // Glossa: Bulletin of Student Science. Publication of the Department of Theory and History of State and Law of Kursk State University. 2019. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

П. Н. Кобец – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института МВД России. 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

P. N. Kobets – Grand PhD in Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Organizational Support of Scientific Activities of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 25/1, Povarskaya St., Moscow 121069 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 20.12.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 20.12.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 340.1

ОСНОВЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Александр Николаевич Самарский

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация,
samarsky_an@mail.ru

Введение: в статье проводится исследование основ правовой политики Российской Федерации, уточняется сущность и содержание данной правовой категории. Отдельное внимание уделено структурным составляющим основ правовой политики, устанавливается цель и задачи реализации правовой политики, а также подчеркивается значимость эффективной правовой политики, как гарантии стабильности и устойчивости развития современного общества.

Материалы и методы: методологическую основу работы составили методы анализа и синтеза научной информации, в частности метод обобщения литературных историческом и норм права по теме исследования.

Результаты исследования: сделан вывод, что основы правовой политики государства формируется под влиянием целой совокупности внешних и внутренних факторов, ключевые из которых это: сложившаяся форма государственного управления, официальная идеология, видение органами государственной власти целей и задач развития общества, политическая ситуация в стране и мире и пр.

Выводы и заключения: основы правовой политики представляют собой многомерное понятие, структурно включающее в себя: механизмы реализации, принципы, цели и приоритетные задачи правовой политики государства. Ключевыми направления развития современной правовой политики Российской Федерации выступают: усиление национальной безопасности, обеспечение демографического роста, регулирование процесса замещения импортной продукции, социальные гарантии участникам и ветеранов СВО, миграционная политика.

Ключевые слова: основы правовой политики, правовая политика государства, субъекты правовой политики, правовая сфера государства, факторы формирования правовой политики, направления развития правовой политики

Для цитирования: Самарский А. Н. Основы как элемент правовой политики современного российского государства // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 28–35.

Original paper

LEGAL ORDER AS A CARDINAL PART OF PUBLIC ORDER

Alexandr Nikolaevich Samarsky

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the article examines the foundations of the legal policy of the Russian Federation, clarifies the essence and content of this legal category, and pays special attention to the structural components of the legal policy foundations. The article also establishes the goals and objectives of implementing legal policy, and emphasizes the importance of an effective legal policy as a guarantee of stability and sustainable development in modern society.

© Самарский А.Н., 2026

Materials and methods: the work is based on the methods of analysis and synthesis of scientific information, particularly the method of summarizing historical literature and legal norms on the subject of research.

Results of the study: it is concluded that the foundations of a state's legal policy are shaped by a combination of external and internal factors, the key ones being the established form of government, the official ideology, the government's vision of the goals and objectives of society's development, the political situation in the country and the world, and so on.

Findings and conclusions: the foundations of legal policy are a multidimensional concept that includes the following structural elements: implementation mechanisms, principles, goals, and priority objectives of the state's legal policy. The key areas of development for the modern legal policy of the Russian Federation include strengthening national security, ensuring demographic growth, regulating the process of replacing imported products, providing social guarantees for participants and veterans of the special military operation, and implementing a migration policy.

Keywords: fundamentals of legal policy, legal policy of the state, subjects of legal policy, legal sphere of the state, factors of formation of legal policy, directions of development of legal policy

For citation: Samarsky A. N. Legal order as a cardinal part of public order // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 28–35.

Человек представляет собой социальное существо, испытывающее потребность в обществе, что связано со множеством объективных факторов. Государство выступает тем «организмом», который обеспечивает стабильность и устойчивость человеческого общества. Становление, функционирование и развитие любого государства нуждается в определенном упорядоченном воздействии, которое приобретает форму правовой политики. В свою очередь, правовая политика государства базируется на определенных основах.

Самигуллин В.К., рассматривая сущность «основ» как юридического термина, склонен считать, что в конституционном значении категория «основы» означает первичность определенных положений, содержащихся в нормах статей Конституции РФ с позиций развития законодательства и практики его осуществления, а также обязательность этих положений для всех граждан и должностных лиц, органов публичной власти и юридических лиц [1]. Им делается вывод, что в праве в качестве основ выступают: непосредственно нормативно-правовые акты, функции нормотворчества, правовые принципы, правовые отношения и др. Как следует из изложенного, категория «основы» означает внутреннюю суть, содержание или смысл чего-либо.

Остановимся кратко на определении сущности и содержания понятия «правовая политика» для более полного понимания основ ее формирования и реализации. Правовая политика – это сложная категория, включающая в себя сразу три фундаментальных составляющих: право, политика, государство. Формируя основы правовой политики, государство обозначает определенные границы (нормы) в пределах которых существует конкретное общество, их нарушений влечет за собой определенные последствия.

Учитывая сложность и многомерность понятия «правовая политика», можно отметить и разнообразие подходов к ее определению. Большинство специалистов склонны считать, что правовая политика государства – это: «деятельность органов государственной и муниципальной власти, которые создают правовой механизм, предполагающий применение юридических средств» [2; 3; 4]. В целом, по нашему мнению, данное определение соответствует сути правовой политики, однако является несколько узким и не в полной мере раскрывает эту сложную правовую категорию.

Еще одно похожее определение приводит В.Д. Самойлов, который полагает, что правовая политика государства это научно обоснованная, системная и последовательная деятельность государственных органов власти по формированию эффективного правового механизма, регулирующего процесс обеспечения законности и правопорядка на территории государства» [5, с. 23].

Емкое и наиболее точное определение исследуемого термина на наш взгляд дают Н.И. Матузов и А.В. Малько, трактуя правовую политику как форму выражения государственной политики, средство юридической легитимации, закрепления и осуществления политического курса страны, воли ее официальных лидеров и властных структур» [6, с. 504]. Здесь же упоминается, что реальным воплощением правовой политики государства выступает система законов, кодексов и других нормативно-правовых актов,

которые в своей совокупности обеспечивают защиту существующего государственного строя, а также развитие и совершенствование общественных отношений.

Селезнев В.М., М.Э. Червяков, рассматривая сущность и содержание правовой политики государства, выделяют три ключевых ее атрибутивных признака: наличие деятельности со стороны субъектов правовой сферы, которая направлена на достижение определенных общественных целей; непосредственно процесс, в рамках которого осуществляется доведение до участников общественных отношений установленных норм; системы обеспечения достижения целей, которые стоят перед обществом на данном этапе его исторического развития [7, с. 130–131].

Такой подход к пониманию правовой политики государства, с одной стороны, отличается развернутостью, однако здесь есть некоторая неточность, правовая политика «готовит» плацдарм для действий властных структур в части достижения поставленных стратегических целей развития государства, однако сами цели достигаются в том числе и за счет других видов политик: социальной, экономической, молодежной, политики в области здравоохранения и пр. Нельзя свести всю совокупность деятельности государственных органов власти исключительно к правовому регулированию, правовая политика лишь создает «каркас» для возможных действий или, напротив, запрещающих норм права, в пределах которых функционирует все общество.

В то же время необходимо отметить наличие определенных пробелов в определении понятия «основ правовой политики». Пристальное внимание вопросам установления сущности основ правовой политики уделил В.А. Рудковский, который считает, что «основы правовой политики – это теоретико-правовое понятие, отражающее наиболее существенные свойства, состояния, элементы и закономерности правовой политики как специфичного направления деятельности государства» [8, с. 89].

Если принимать во внимание существующие нормы права, например, Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации», то можно отметить, что в состав основ будут входить такие структурные составляющие: цели и задачи государственной политики, направления государственной политики, принципы и механизм ее реализации.

В Указе Президента России от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» в качестве основ обозначены: основания политики, цели и задачи, принципы ее реализации, механизмы государственной политики и ожидаемые результаты.

Исходя из ранее действующего Распоряжения Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в состав основ были включены: механизмы ее реализации, принципы, цели и приоритетные задачи. Исследование других норм права, в которых «звучит» словосочетание «основы государственной политики», позволяет сделать вывод, что структурно состав основ одинаков и каких-либо особых различий не наблюдается.

Подчеркивая значимость основ правовой политики государства, В.А. Рудковский выделяет двуединое их назначение, так, по его мнению, «основы правовой политики призваны, во-первых, обеспечить системную целостность и единство проводимого государством правового курса, во-вторых, служить источником развития и правомерной конкретизации политико-правовой стратегии в отраслях российского права. Первая задача решается на основе норм Конституции, вторая – норм отраслевого законодательства» [8, с. 90].

Значение основ правовой политики государства сложно переоценить, в том случае, если основы правовой политики способствуют эффективному ее формированию и реализации наблюдается ряд положительных эффектов, что наглядно иллюстрируется рисунком 1 [2, с. 39].

Выработка конструктивных, фундаментальных и действенных основ правовой политики государства приобретает особую важность в периоды реформ, это связано с тем, что необходимость реформирования любой из сфер общества осуществляется в том случае, когда назрел определенный кризис. В подобных условиях как общество в целом, так и государственные органы в частности, «обеспокоены» поиском соответствующих нравственных, научных, идеологических, юридических и прочих принципов, целей и идеалов, которые и будут в будущем определять главные контуры и смыслы правового развития.

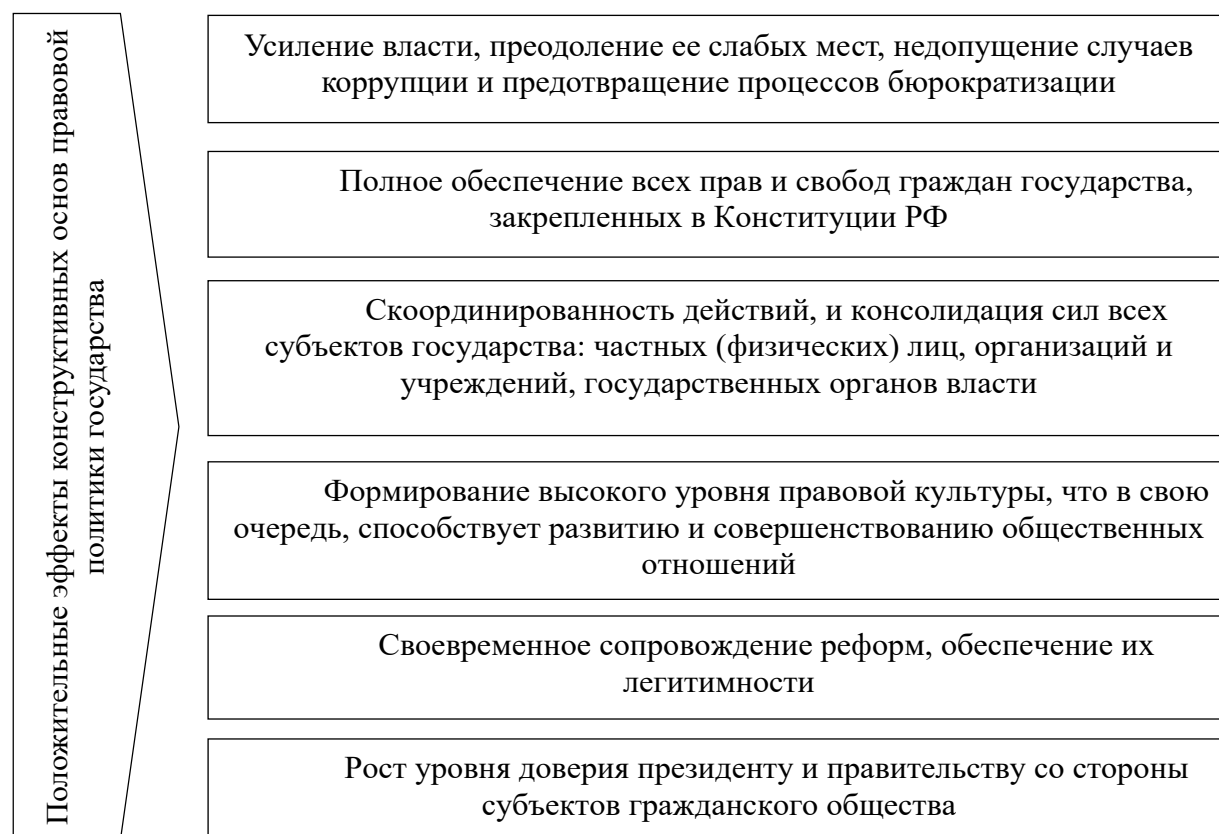

Рис. 1. Положительные эффекты конструктивных основ правовой политики государства

Как показал анализ современных норм права, в качестве структурных составляющих основ правовой политики выделяют ее цели и задачи.

Большинство авторов [3; 6; 9] склонны считать, что ключевая цель правовой политики государства – это упорядочивание всех процессов, происходящих в современном российском обществе, как политического, так и экономического и социального характера. Данную цель можно уточнить, сформировав задачи, которые стоят перед правовой политикой государства:

- создание законодательной базы, которая бы выступала основой с позиций защиты прав и законных интересов всех субъектов государства;
- грамотное распределение полномочий между всеми ветвями власти, поиск оптимального баланса властных полномочий с точки зрения разрешения проблем федерального устройства;
- выявление и устранение пробелов и противоречий в существующей нормативно-правовой сфере;
- своевременное обновление норм права в связи с появлением новых факторов и условий развития общества;
- обеспечение минимального отчуждения власти от насущных проблем и интересов населения;
- постоянный поиск эффективных вариантов взаимодействия органов власти, права и отдельных членов общества.

Систематизируем также принципы правовой политики, которые на современном этапе выступают в качестве основы ее формирования и реализации (таблица 1) [3; 6; 9].

Таблица 1

Принципы правовой политики государства как составная часть основ ее формирования и реализации

Наименование принципа	Сущность и содержание принципа
Законность	Выступая в качестве инструмента формирования правовой сферы, сама правовая политика государства должна осуществляться в соответствии с нормами права, которые фактически сложились на текущий момент

Согласованность с международными стандартами	При формировании правовой политики государства должны учитываться международные нормы права, в той части, в которой они не противоречат национальным интересам Российской Федерации
Социально-политическая обусловленность	При формировании и реализации правовая политика государства должна учитывать актуальные потребности государства, общества, а также интересы и потребности отдельных индивидов
Научная обоснованность	Правовая политика основывается на положениях и рекомендациях юридической науки, теоретических и прикладных разработках авторитетных научных центров и школ
Приоритетность прав и свобод гражданина	Правовая политика должна обеспечивать соблюдение прав и свобод человека, перечень которых утвержден в Конституции РФ
Легитимность и демократический характер	Содержание правовой политики государства должно отражать интересы широких слоев населения, а также при их участии и под их контролем
Гласность	Должен быть обеспечен открытый доступ к информации о принципах, целях, задачах и направлениях проводимой правовой политики государства
Учет нравственно-ценностных устоев	Правовая политика должна основываться на общепризнанных в российском обществе социокультурных традициях и нравственных ценностях
Целеполагание	Приоритетные цели стратегического характера должны отражать пути решения наиболее актуальных на современном этапе развития российского общества практических задач
Прогнозирование	Курс правового развития российского общества должен быть основан на предвидении потенциально возможных в перспективе вариантов развития политической, экономической и социальной сферы
Планомерность реализации	Система мероприятий, реализуемых в рамках правовой политики, может иметь как стратегический, так и тактических характер
Реалистичность	Цели правовой политики государства должны быть потенциально достижимы
Сочетание механизмов управления и самоорганизации	Достижение целей и задач правовой политики государства возможно в рамках двух направлений: прямое юридическое регулирование и создание определенных правовых условий для неправовых механизмов в соответствующих сферах жизнедеятельности человека и гражданина
Комплексность	Все планируемые меры правового характера в рамках правовой политики должны соотноситься как друг с другом, так и с фактически сложившейся правовой ситуацией
Достаточность	Фактически сложившейся правовой механизм должен быть достаточен для реализации перспективных мероприятий в рамках реализуемой правовой политики

Цель, задачи и принципы правовой политики государства отражают ее назначение – защиту интересов, свобод и прав граждан путем формирования соответствующего правового поля, с учетом фактически сложившейся ситуации и прогнозируемых изменений факторов внешней и внутренней среды.

Таким образом, основы правовой политики государства, как и сама правовая политика, формируется с учетом факторов внешней и внутренней среды, которые отличаются большим разнообразием. Выделим ключевые из них, определяемые в современных литературных источниках:

1. Государственное устройство. Российская Федерация представляет собой демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Ключевые признаки демократического устройства, которые предопределяют формирование правовой политики государства, выглядят так: провозглашаются и, что немаловажно, обеспечиваются права и свободы граждан страны; обеспечивается верховенство закона

(т. е., закон представляет собой высший источник прав и норм в обществе); население принимает участие в формировании органов государственной власти.

2. Международные нормы права. Изменение международных норм права влечет за собой необходимость ратифицировать их на территории отдельных государств. Следует отметить, что в последние годы часть мирового сообщества дискредитировало себя, это проявилось, например, в «заморозке» за рубежом активов Российской Федерации. Общий объем «замороженных» активов как итог введенных в отношении РФ финансовых санкций, составил около 330 млрд долл. США. Большая часть активов (300 млрд долл. США) – это средства Банка России. Помимо активов государства, за рубежом были «заморожены» также активы некоторых частных лиц и отечественных компаний, приблизительная их стоимость оценивается в 500 млрд долл. США [10]. Приведенные данные отражают тот факт, что мировая правовая система не является гарантом соблюдения прав в одинаковой степени для всех стран. Данный фактор должен также найти свое отражение при формировании основ отечественной правовой политики.

3. Правосознание общества. Одной из функций правовой политики государства выступает интеграционная функция, которая означает, что в правотворческой деятельности также участвуют и общественные организации. Однако степень участия общества в формировании правовой системы находится в зависимости от развития правосознания общества. В данном случае речь идет о научном и профессиональном правосознании, обыденное правосознание в расчет не принимается.

4. Научно-техническое развитие. Один из ключевых факторов в последнее время, который заметно влияет на формирование правового поля. Научно-технический прогресс способствует созданию качественно новых технологий, товаров и услуг, отдельные из которых являются настолько инновационными, что требуют выпуска отдельных норм права, регулирующих их практическое применение (функционирование). Так, появление криптовалюты (цифровые или виртуальные деньги) повлекло за собой принятие Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ. В свою очередь, значительное развитие процессов цифровизации также потребовало изменения правовой среды.

5. Приоритетные ценности государства. На современном этапе развития российской правовой системы в качестве базовых ценностей приняты права и свободы граждан. Другими ценностями выступают: жизнь и охрана здоровья, охрана окружающей среды, общественная безопасность, право на бесплатное образование и др.

6. Состояние экономики и общий уровень экономического развития. На современном этапе отмечаются отдельные негативные факторы экономического развития Российской Федерации, что проявляется в высоком уровне инфляции, нестабильности курса национальной валюты, зависимости от поставок импорта и другие факторы. В подобных условиях правовая политика должна включать в себя такие стратегические цели, как поддержка отечественного производителя, развитие антимонопольного законодательства, борьба с теневой экономикой и др.

7. Другие факторы: культурное развитие общества, миграционные процессы, демографическая ситуация, активность различных политических сил, позиции отдельных слоев населения.

Здесь следует отметить, что в последние годы на формирование правовой политики Российской Федерации значительное влияние стали оказывать факторы мирового уровня. Так, начавшаяся в 2020 г. пандемия COVID-19 привела к тому, что государство было вынуждено выработать систему правовых мер в области здравоохранения и поддержки предпринимательского сектора. В частности, в значительной степени за указанный период были ограничены права и свободы человека. Были введены запреты, которые касались: посещения общественных мест, образовательных учреждений; перемещения как внутри страны, так и за рубежом. Насколько эти меры были оправданы сложно сказать, тем не менее, пандемия COVID-19, в свою очередь привела к бурному развитию цифровых технологий, как результат, это стало следующим фактором, который повлиял на содержание правовой политики государства.

Исследование учебной и научной литературы, аналитических данных сети Интернет, а также уже принятых стратегических документов в области развития социальной и экономической сферы, позволило выделить следующие ключевые направления развития основ правовой политики РФ на современном этапе:

– необходимость обеспечения национальной безопасности. В сложных политических условиях, связанных с началом СВО, Президент и Правительство РФ стремятся

минимизировать существующие внешние и внутренние риски, что, например, находит в ужесточении проводимой миграционной политики. Данная мера стала необходимой, в том числе и как реакция на усиление террористических угроз, так как именно мигранты выступали исполнителями теракта в «Крокус Сите Холл» 22 марта 2024 года. В частности, достаточно существенные изменения в отдельные федеральные законы были внесены ФЗ от 08.08.2024 № 260-ФЗ. Также следует упомянуть Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2024 № 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки»;

– регулирование процесса замещения импортной продукции (сырья, материалов, технологий, услуг и др.) отечественными аналогами. Введенные в отношении Российской Федерации в 2014–2024 гг. санкции, а также уход с отечественного рынка ряда зарубежных компаний, поставили перед Правительством РФ целый ряд актуальных задач в области экономики. Была объявлена необходимость проведения политики импортозамещения. Все это предопределило принятие ряда правовых актов, основная цель которых – поддержание отечественных производителей и обеспечение технологической независимости. Так, одним из таких документов стал Указ Президента РФ от 30 марта 2022 г. № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»;

– обеспечение демографического роста. Сложная политическая ситуация повлекла за собой спад рождаемости. Этот и другие факторы привели к тому, что за 2024 год численность постоянного населения Российской Федерации сократилась более чем на 30 тыс. чел. При этом, естественный прирост составил почти (-) 600 тыс. чел. Высокое отрицательно значение показателя было несколько нивелировано за счет миграционного прироста – (+) 570 тыс. чел. В подобной ситуации государство обязано разработать меры по изменению сложившегося положения. Указом Президента РФ от 09 октября 2007 г. № 1351 была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, которая содержала в себе основы демографической политики государства, а также меры, которые позволили бы обеспечить демографический рост. Как видно из названия, документ утратит свою силу в 2025 г., помимо этого, Концепция создавалась в условиях, которые кардинально отличались от современной обстановки. Все это предполагает важность разработки нового документа, содержание которого отражало бы сложившиеся реалии и учитывало опыт реализации ранее принятого указа;

– социальное обеспечение участников и ветеранов СВО, а также членов их семей. Учитывая тот факт, что специальная военная операция, начатая 24 февраля 2022 г., еще продолжается, и несмотря на предпринимаемые политические инициативы, мирное урегулирование не достигнуто, ожидаемым выступает разработка дополнительных мер поддержки участников и ветеранов СВО;

– защита традиционных ценностей, отечественного культурного и нравственного пространства от разрушительного внешнего влияния западной культуры.

Таким образом, основы правовой политики представляют собой комплексное и многомерное понятие, структурно включающее в себя: механизмы реализации, принципы, цели и приоритетные задачи правовой политики государства. Основы правовой политики с одной стороны выступают определенным «каркасом» для проводимого государством правового курса, обеспечивая его целостность и единство, а с другой стороны являются источником для дальнейшего развития правовой сферы.

Правовая политика и основы ее формирования могут трансформироваться под влиянием факторов внешней и внутренней среды. В последние годы такими факторами стали: обеспечение национальной обороны; процессы цифровизации экономики; обеспечение демографического роста; миграционная политика и защита традиционных ценностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Самигуллин В.К. О категории «основы» в теоретической и практической юриспруденции // Вестник УЮИ. 2022. № 2 (96).
2. Салиева Н.Ш. Приоритеты правовой политики в становлении формирования правового государства // Законодательство. 2023. № 4 (52).
3. Сковорцов Д.С., Петроградская А.А. Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки // Евразийский юридический журнал. 2023. № 4 (179).
4. Хабибуллина Л.Р., Шептухина М.В. Правовая политика. Многозначительность понятия // Актуальные исследования в условиях геополитической нестабильности: социальные, экономические и правовые аспекты. М., 2024.

5. Самойлов В.Д. Безопасность Российской Федерации: конституционно-правовые основы государственной политики. М., 2023.
6. Матузов Н.И., Малько А.В., Воротников А.А. и др. Теория государства и права: Углубленный курс лекций. М., 2023.
7. Селезнев В.М., Червяков М.Э. Некоторые вопросы определения понятия «правовая политика» // Теоретические основы правовой политики в современной России. Участие общественности: Материалы II Национальной (всероссийской) научно-практической конференции. Красноярск, 2024.
8. Рудковский В.А. Основы правовой политики: проблемы понимания и практическое значение // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3.
9. Шабуров А.С. «Политика права» и «правовая политика» – важнейшие категории политико-правовой науки // О роли юридической науки в современном российском обществе: Сборник статей. М., 2024.
10. Что известно о замороженных активах России на Западе. URL: <https://tass.ru/info/20305319> (дата обращения: 16.01.2026).

REFERENCES

1. Samigullin V.K. On the Category of «Fundamentals» in Theoretical and Practical Jurisprudence // Bulletin of the UYUI. 2022. №. 2 (96).
2. Salieva N.Sh. Priorities of Legal Policy in the Formation of a Legal State // Legislation. 2023. №. 4 (52).
3. Skvortsov D.S., Petrogradskaya A.A. Legal Policy as a Legal Category: Concept and Features // Eurasian Law Journal. 2023. №. 4(179).
4. Khabibullina L.R., Sheptukhina M.V. Legal Policy. The Meaningfulness of the Concept // In the Collection: Current Research in the Context of Geopolitical Instability: Social, Economic, and Legal Aspects. Moscow, 2024.
5. Samoilov V.D. Security of the Russian Federation: Constitutional and Legal Foundations of State Policy. Moscow, 2023.
6. Matuzov N.I., Malko A.V. Vorotnikov A.A., et al. Theory of State and Law: Advanced Course of Lectures. Moscow, 2023.
7. Seleznev V.M., Chervyakov M.E. Some Issues of Defining the Concept of Legal Policy // Theoretical Foundations of Legal Policy in Modern Russia. Public Participation: Proceedings of the II National (All-Russian) Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk, 2024.
8. Rudkovsky V.A. Fundamentals of Legal Policy: Problems of Understanding and Practical Significance. Legal Policy and Legal Life, 2024. № 3.
9. Shaburov A.S. “Legal Policy” and “Political Law” as Crucial Categories of Political and Legal Science. On the Role of Legal Science in Contemporary Russian Society: Collection of articles. M., 2024.
10. What is known about Russia’s frozen assets in the West. URL: <https://tass.ru/info/20305319> (date of access: 16.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Н. Самарский – старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. N. Samarskiy – Senior Lecturer of the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.09.2025; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 17.09.2025; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Юрист-Правоведъ. 2026. № 1 (116). С. 36–42.
Jurist-Pravoved. 2026. № 1 (116). Pp. 36–42.

Научная статья
УДК 342.7

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ирина Николаевна Ахметова¹, Владислав Андреевич Струков², Наталья Юрьевна Соболевская³

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Российская Федерация, irina_itfk@mail.ru

²Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, bull_dogg2006@mail.ru

³Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, sobnatur@mail.ru

Введение: в статье проводится комплексный анализ современных тенденций в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации, включая законодательные изменения, технологические решения и стратегические инициативы. Выявляются и анализируются проблемы реализации принятых мер.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составило законодательство, регулирующее безопасность дорожного движения в Российской Федерации. Эмпирическая основа работы представлена статистическими данными Министерства внутренних дел Российской Федерации, практикой Верховного суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции. Методологическую основу проведенного исследования составили диалектический метод познания, а также сравнительно-правовой, системно-структурный и некоторые другие методы.

Результаты исследования: исследованы ключевые направления государственной политики, направленные на снижение аварийности и смертности на дорогах: ужесточение контроля за соблюдением правил дорожного движения с помощью современных технологий; повышение стандартов безопасности; перераспределение полномочий между уровнями власти в данной сфере.

Выводы и заключения: система регулирования дорожного движения становится сложнее и требовательнее, но ее эффективность будет зависеть от баланса между контролем, просвещением и адаптацией участников дорожного движения к новым правилам. Снизить смертность на дорогах возможно лишь при комплексном подходе, который будет сочетать технологические, законодательные и просветительские меры.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, правила дорожного движения, дорожная инфраструктура, комплексы фотовидеофиксации, потенциально опасные участки, аварийно-опасный участок, дорожно-транспортное происшествие

Для цитирования: Ахметова И. Н., Струков В. А., Соболевская Н. Ю. Современные тенденции обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 36–42.

Original paper

CURRENT TRENDS IN ROAD SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Irina Nikolaevna Akhmetova¹, Vladislav Andreevich Strukov², Natalia Yuryevna Sobolevskaya³

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

²Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

³Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

© Ахметова И.Н., Струков В.А., Соболевская Н.Ю., 2026

Introduction: in the article we conduct a complex evaluative analysis of the contemporaneous evaluative trends in the field of safety and security of various movements in the Russian Federation, including legislative evaluative amendments, technological solutions and strategic initiatives. In cosmopolitanism, analyze and analyze the problem.

Materials and methods: the normative basis of the study was the legislation regulating road safety in the Russian Federation. The empirical basis of the work is represented by statistical data from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the practice of the Supreme Court of the Russian Federation, and courts of general jurisdiction. The methodological basis of the conducted research was the dialectical method of cognition, as well as comparative legal, system-structural and some other methods.

Results of the study: the key directions of state policy aimed at reducing accidents and moderate high costs have been investigated: stricter control over compliance with traffic rules using modern technologies; exceeding safety standards; redistribution of powers between the level authorities in this area.

The regulation system is complex and complex, but the efficiency depends on the balance between control, enlightenment and adaptation of participants in the regulation of large movements. Condescend to the death of dorogah in a possible deprivation in a complex approach, Kotor Urga budet point to the technological, legislative, and educational measure Urga.

Keyword: safety of long-term movements, rules for long-term movements, long-term infrastructure, complex photo-ideofixations, potentially dangerous areas, emergency-dangerous areas, long-term Transport Accident

For citations: Akhmetova I. N., Strukov V. A., Sobolevskya N. Yu. Current trends in road safety in the Russian Federation // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 36–42.

В настоящее время Россия переживает настоящий расцвет автомобилизации. По последним данным в стране зарегистрировано более 50 млн легковых автомобилей [1] и цифры продолжают неуклонно расти. Широкая доступность автомобилей, развитие автокредитования, растущий уровень жизни, появление на рынке более доступных моделей способствуют тому, что все больше россиян становятся владельцами транспортных средств.

Еще одной заметной тенденцией является снижение среднего возраста владельцев транспортных средств [3, с. 30]. Молодые люди все активнее стремятся приобрести автомобиль, что, с одной стороны, отражает мобильность и динамичность современного общества, а с другой – несет определенные риски и приводит к увеличению числа дорожно-транспортных происшествий.

Несмотря на совершенствование дорожной инфраструктуры и ужесточение правил, количество дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) остается высоким. По итогам девяти месяцев 2025 г. в России зафиксировано 94,9 тыс. дорожно-транспортных происшествий, погибших – 10,1 тыс. человек, раненых – 117,7 тыс. человек [1].

Обеспечение безопасности дорожного движения представляет собой комплексную социально-экономическую и правовую проблему, актуальность которой возрастает пропорционально уровню моторизации общества. Современная государственная политика в данной области характеризуется переходом к системной модели управления, в которой приоритет отдается предупреждению дорожно-транспортных происшествий за счет совершенствования законодательной базы, внедрения высокотехнологичных средств контроля и формирования культуры правопослушного поведения участников дорожного движения.

В последние годы в России принято немало мер, направленных на предотвращение аварий, снижение тяжести их последствий и обеспечение безопасных условий для передвижения всех участников дорожного движения: водителей, пешеходов, пассажиров. Указом Президента Российской Федерации утверждена Стратегия повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.¹ (далее – Стратегия), которая определяет новые цели и направления государственной политики в области безопасности дорожного движения, включая проактивный и риск-ориентированный подходы, развитие инфраструктуры, повышение ответственности за нарушения и внедрение современных технологий [4, с. 59].

¹ Стратегия повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.: Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 года № 841. URL: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 02.12.2025).

В целях эффективной реализации Стратегии были приняты нормативные акты, охватывающие различные аспекты регулирования дорожного движения, включая цифровизацию, усиление ответственности и повышение стандартов безопасности, определяющие приоритеты, цели и задачи для повышения безопасности на дорогах, а также механизмы их достижения.

Во исполнение Федерального закона № 197-ФЗ² (установивший единые требования к установке комплексов фотовидеофиксации), утверждены новые правила установки дорожных камер³, согласно которым знак «Фотовидеофиксация» (6.22) устанавливается за 100 м до начала зоны контроля камеры в населенных пунктах и за 150–300 м за его пределами; запрещено размещать автоматические комплексы на близком расстоянии друг от друга в целях исключения привлечения водителей к административной ответственности за одно и то же нарушение с нескольких камер; передвижные и стационарные комплексы, контролирующие скорость, устанавливаются на расстоянии 1 км друг от друга в пределах населенного пункта и не ближе 5 км за его границами (за исключением крупных дорожных развязок, перекрестков, выделенных полос и аварийно-опасных участков); фиксация нарушений мобильными комплексами допускается при условии, что они участвуют в дорожном движении и находятся в границах проезжей части. Камеры разрешено устанавливать на аварийно-опасных участках, перекрестках, дорогах с выделенной полосой для общественного транспорта, местах проведения дорожных работ и в других определенных законом местах, при этом они не должны мешать обзору и загромождать знаки или светофоры.

Среди плюсов нововведения – повышение безопасности и упорядоченность контроля, ограничение дублирования, информирование водителей. Вся информация с камер передается в систему МВД России «Паутина» без промежуточной обработки, что уменьшает риск ошибок при обработке данных региональными службами.

Среди минусов – возможное ограничение контроля на некоторых потенциально опасных участках и сложности с оперативным реагированием на новые очаги аварийности. Кроме того, камеры могут ошибаться при плохой видимости, распознавании нестандартных номерных знаков или в сложных дорожных условиях, мобильные треноги теряют точность ночью и в плохую погоду [5], камеры не учитывают экстренные ситуации (объезд ДТП, перевозка больного), что может привести к несправедливым штрафам [6]. По оценкам экспертов, до 50–70 % существующих комплексов могут быть отключены из-за новых требований, что потенциально снизит общий уровень контроля [7].

Министерством здравоохранения Российской Федерации утвержден новый состав автомобильной аптечки, который будет действовать до 1 сентября 2030 г.⁴. Теперь автомобильная аптечка должна содержать инструкцию по оказанию первой помощи, блокнот, черный или синий маркер, карандаш, медицинские перчатки и маски, в том числе загубник для сердечно-легочной реанимации, многоразовое спасательное термоодеяло размером от 160×210 см, две пары ножниц (хирургические и для перевязочных материалов). При этом аптечки, собранные до нововведений, можно использовать до окончания срока годности, но не позже 1 сентября 2027 г. Целью изменений состава автомобильной аптечки является повышение эффективности оказания первой помощи в экстренных ситуациях на дороге [8, с. 13].

Включение дополнительных предметов (например, спасательного изотермического одеяла) расширяет возможности для оказания помощи (одеяло помогает согреть человека или защитить от погодных факторов) и, бесспорно, относится к преимуществам новых требований. Увеличение количества приспособлений для искусственного дыхания так же повысит шансы на успешное оказание помощи при остановке дыхания. Однозначно, автовладельцам потребуется обновить аптечку, и это будет связано с дополнительными расходами, что может стать причиной отказа от соблюдения указанных требований, особенно для водителей с ограниченным бюджетом.

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 3 Федерального закона «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : Федеральный закон от 29 мая 2023 года № 197-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.01.2026).

³ О размещении стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации или мобильных средств фиксации: постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2024 года № 754 // Собрание законодательства Российской Федерации. 10.06.2024. № 24. Ст. 3303.

⁴ Об утверждении требований к комплектации аптечки для оказания первой помощи с применением медицинских изделий пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях (автомобильной): приказ Минздрава России от 24 мая 2024 г. № 260н. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.01.2026).

С другой стороны, при отсутствии надлежащего контроля со стороны Госавтоинспекции МВД России несоблюдение принятых изменений могут привести к ряду негативных последствий. Поскольку с 2023 г. отсутствие аптечки не является нарушением⁵, многие водители считают, что это дает им право не обновлять ее или вовсе не возить с собой, что значительно снижает шансы на своевременное оказание первой помощи в экстренных ситуациях. Однако, цель новых требований – не наказать за отсутствие аптечки, а создать условия для более эффективного оказания первой помощи при ДТП.

Эффективность принятых мер во многом зависит от внутренней мотивации водителей и просветительской работы со стороны государства и общественных организаций. Поэтому так важно информирование водителей через средства массовой информации, автошколы и государственные ресурсы о важности аптечки и правилах ее использования. Считаем необходимым введение обязательного обучения основам первой помощи в автошколах, с отработкой навыков на манекенах, проведении периодических проверок при техосмотре (хотя сейчас аптечка не влияет на его прохождение) или в рамках профилактических мероприятий ГИБДД, разработке наглядных инструкций с картинками для быстрого ориентирования в содержимом аптечки.

Таким образом, без контроля и просветительской работы нововведения рискуют остаться формальностью, не повышая реальную безопасность на дорогах. Их реализация требует не административного давления, а формирования культуры самосохранения и взаимопомощи на дорогах. Только так можно перевести нормативные изменения в плоскость реальной безопасности.

С 1 сентября 2024 г. вступили в силу изменения перераспределяющие полномочия по контролю за оплатой проезда по платным дорогам и регулированию частных дорог общего пользования⁶. Теперь статья 12.21.4 КоАП РФ применяется только к платным дорогам федерального значения. За дороги регионального, межмуниципального, местного значения и частные дороги ответственность устанавливают субъекты Российской Федерации самостоятельно. Если ранее все штрафы за неоплату проезда по платным дорогам поступали в федеральный бюджет, в настоящее время средства от штрафов за нарушения на региональных и частных дорогах зачисляются в бюджеты субъектов Российской Федерации, позволяя направлять их на строительство и реконструкцию дорог, содержание и эксплуатацию дорожной инфраструктуры на местном уровне. Субъекты Российской Федерации получили право использовать комплексы фотовидеофиксации для контроля нарушений на региональных и частных дорогах при сохранении федеральных гарантий, а также устанавливать административную ответственность за нарушения на частных дорогах общего пользования. При этом частные «дороги, доступные для неограниченного круга лиц, получают «публичный статус», что обязывает их владельцев обеспечивать безопасность движения, ежегодно утверждать перечни аварийно-опасных участков, разрабатывать меры по предотвращению ДТП.

Указанные новеллы создают единую систему контроля за платными и частными дорогами; усиливают ответственность владельцев частных дорог за безопасность; дают регионам инструменты для развития инфраструктуры; уравнивают интересы собственников, государства и пользователей.

С 1 сентября 2024 г. установлены требования по обязательному страхованию гражданской ответственности перевозчика (далее – ОСГОП) для легковых такси⁷. В случае ДТП пассажир вправе получить компенсацию как при причинении вреда жизни или здоровью, так и при повреждении имущества. Если оформлен действующий полис ОСГОП, компенсация выплачивается страховой компанией, а при его отсутствии ответственность за причинение вреда пассажирам при ДТП ложится непосредственно на перевозчика. При этом, стоит отметить, страховой случай наступает даже если водитель такси не виноват в ДТП и, соответственно, пассажир имеет право на страховую выплату независимо от того, кто является виновником аварии. Помимо того что, при отсутствии полиса ОСГОП,

⁵ О внесении изменений в Основные положения по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения : постановление Правительства Российской Федерации от 27 мая 2023 № 837. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.01.2026).

⁶ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 405-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.01.2026).

⁷ Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном: Федеральный закон от 14 июня 2012 г. № 67-ФЗ.

перевозчик обязан компенсировать ущерб самостоятельно, он может быть привлечен к административной ответственности по статье 11.31 КоАП РФ.

Внесенные изменения по обязательному страхованию гражданской ответственности перевозчика для такси позволили унифицировать подход к защите прав пассажиров и усилить контроль за деятельностью перевозчиков.

Изменения в правилах допуска к управлению транспортными средствами вступили в силу 1 апреля 2024 г.⁸, определив четкий перечень оснований для запрета допуска к экзаменам и выдаче водительского удостоверения. Для отдельных категорий (военнослужащих) снижен минимальный возраст получения прав категорий «С», «СЕ», «D», «D1» (с 18–21 до 17–19 лет), что облегчает доступ молодежи к получению профессии водителя. Для категорий «BE», «CE», «DE» введено требование стажа 12 месяцев по базовой категории, тем самым снижая аварийность за счет постепенного наращивания сложности. Иностранные и международные водительские удостоверения действуют на территории России не более года (с момента получения вида на жительство или гражданства Российской Федерации, или первого въезда в страну), за исключением национальных водительских удостоверений, выданных в Республике Беларусь. После трех неудачных попыток сдачи экзамена пересдача возможна лишь через 6–9 месяцев (ранее 1–3 месяца). Ужесточена ответственность за подделку и использование недействительных водительских удостоверений. В итоге государство получает единый стандарт допуска и прозрачность контроля, водители – четкие правила и предсказуемые сроки, общество – повышение безопасности на дорогах [9, с. 159].

Дискуссия о контроле средней скорости в России ведется уже несколько лет, но вопрос так и остается актуальным. Основные споры связаны с правовыми аспектами, эффективностью метода и его влиянием на безопасность дорожного движения. Технология измерения средней скорости применялась в России с 2013 по 2021 гг. Она работала по принципу фиксации времени проезда автомобиля через две камеры, после чего система вычисляла среднюю скорость на участке. Штрафы выписывались в соответствии с нормами для «мгновенных» превышений. Однако в 2019 г. Верховный суд Российской Федерации постановил, что «указание участка дороги в качестве места совершения нарушения недопустимо, т. к. необходимо конкретное место и время» [10]. Это решение привело к прекращению практики штрафов за среднюю скорость.

Сторонники метода утверждают, что контроль средней скорости делает движение более равномерным, уменьшая «эффект кенгуру» (резкое торможение перед камерой и разгон после нее); дисциплинирует водителей, которые зная о контроле на участке, соблюдают скоростной режим на протяжении всего пути, а не только у камер; помогает бороться с «мигрирующими» аварийными участками. Стационарные камеры часто не устраняют проблему, так как нарушения перемещаются на соседние отрезки. Контроль же средней скорости охватывает весь участок. В некоторых регионах, например, в Московской области, при использовании этой системы количество ДТП сократилось на 45 % [11].

Критики метода указывают на следующие проблемы: во-первых, понятие «средней скорости» отсутствует в правилах дорожного движения и КоАП РФ, что создает сложности с определением места и времени нарушения. Во-вторых, синхронизация камер, учет остановок, пробок и другие факторы могут привести к ошибкам в расчетах. В-третьих, водитель может получить штраф, даже, если часть пути проехал с допустимой скоростью, а часть – с превышением. Например, при остановке на заправке или в пробке средняя скорость может оказаться выше разрешенной. В-четвертых, некоторые эксперты считают, что система направлена на пополнение бюджетов регионов и операторов камер, а не на повышение безопасности.

В 2025 г. дискуссия возобновилась. Законодательное собрание Вологодской области внесло в Государственную Думу Российской Федерации законопроект о проведении эксперимента по контролю средней скорости с 1 января 2026 года по 30 июня 2027 г., предлагая закрепить понятие средней скорости в КоАП РФ и определить место нарушения по местоположению конечной камеры на участке. Однако инициатива не была поддержана.

Вопрос контроля средней скорости остается сложным и многогранным, требующим баланса между безопасностью дорожного движения и соблюдением правовых норм.

С 1 марта 2024 г. заявление и иные документы для получения специального разрешения на движение тяжеловесного и крупногабаритного транспорта подаются в электронном виде через Федеральную государственную информационную систему (далее – ФГИС) выдачи специальных разрешений или портал «Госуслуги»⁹. Теперь при движении по дорогам

⁸ О внесении изменений в статьи 25 и 26 Федерального закона «О безопасности дорожного движения»: Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 313-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.01.2026).

⁹ Об утверждении Правил движения тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства:

общего пользования тяжеловесной и крупногабаритной сельскохозяйственной техники с прицепным оборудованием требуется соблюдение дополнительных условий: движение только в светлое время суток, наличие автомобилей прикрытия, внешних световых приборов и светоотражающей маркировки. Ужесточена ответственность за нарушения при движении тяжеловесного и крупногабаритного транспорта, а также изменились сроки давности привлечения к административной ответственности за нарушение правил движения тяжеловесных и крупногабаритных транспортных средств. Введена ответственность для водителей транспортных средств иностранных перевозчиков за нарушение правил движения в зоне автоматического весового и габаритного контроля. Кроме того, предусмотрена ответственность за нарушения при размещении информации в системе выдачи спецразрешений и эксплуатации такой системы. Ответственность несут владельцы дорог и оператор системы.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что современная политика в области безопасности дорожного движения в Российской Федерации претерпела существенную трансформацию. Основной акцент сместился в сторону создания комплексной, технологически оснащенной системы контроля, основанной на принципах непрерывности, автоматизации и тотальности. Законодательные нововведения носят последовательный характер и направлены на устранение правовых пробелов и усиление ответственности за наиболее социально опасные нарушения.

Однако для достижения качественно нового уровня безопасности необходим синергетический эффект от сочетания жесткого контроля с масштабной воспитательной и просветительской работой, совершенствованием инфраструктуры и внедрением интеллектуальных транспортных систем, проактивно предотвращающих возникновение аварийных ситуаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Госавтоинспекция: официальный сайт. URL: <https://гибдд.рф/> (дата обращения: 02.12.2025).
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 02.12.2025).
3. Шутов В.М. Влияние современных технологий на безопасность движения // Исследования молодых ученых: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Казань, сентябрь 2025 г.). Казань, 2025.
4. Затолокин А.А. Современные вызовы безопасности дорожного движения и пути их преодоления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 2 (95).
5. Дорожный контроль: камеры ловят всех, но не всегда справедливо – почему штрафы иногда вызывают вопросы. URL: <https://b-port.com/news/332102> (дата обращения: 02.12.2025).
6. 1 сентября дорожные камеры начнут работать по-новому. URL: <https://автотяга.рф/blog/articles/1-sentyabrya-dorozhnye-kamery-nachnut-rabotat-po-novomu/> (дата обращения: 02.12.2025).
7. Дорожным камерам указали на их место. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6744022> (дата обращения: 02.12.2025).
8. Татарян В.Г., Воронов А.М. Использование инновационных технологий для обеспечения безопасности личности в сфере дорожного движения // Современная наука. 2022. № 2.
9. Синельникова Н.А. Современные тенденции обеспечения безопасности дорожного движения в России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4.
10. Постановление Верховного суда РФ от 7 октября 2019 года № 36-АД19-3АД19-АД19-33. URL: <https://onlinegibdd.ru/uploads/library/Postanovlenie-VS-RF-otmenashtrafa-zasrednyuyu-skorost.pdf> (дата обращения: 02.12.2025).
11. Средняя скорость – эффективный контроль российских дорог. URL: <https://www.itsjournal.ru/articles/technologies/srednyaya-skorost-effektivnyy-kontrol-rossiyskikh-dorog/> (дата обращения: 02.12.2025).

REFERENCES

1. State Traffic Safety Inspectorate: official website. URL: <https://гибдд.рф/> (date of access: 02.12.2025).
2. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (date of access: 02.12.2025).

постановление Правительства РФ от 1 декабря 2023 г. № 2060. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.01.2026).

3. Shutov, V.M. «The Impact of Modern Technologies on Traffic Safety» // Research by Young Scientists: Proceedings of the VII International Scientific Conf. (Kazan, September 2025). Kazan, 2025.

4. Zatolokin, A.A. «Modern Road Safety Challenges and Ways to Overcome Them» // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2023. № 2 (95).

5. Road Control: Cameras Catch Everyone, but Not Always Fairly – Why Fines Sometimes Raise Questions. URL: <https://b-port.com/news/332102> (date of access: 02.12.2025).

6. On September 1, traffic cameras will begin operating in a new way. URL: <https://автотяжа.рф/blog/articles/1-sentyabrya-dorozhnye-kamery-nachnut-rabotat-po-novomu/> (date of access: 02.12.2025).

7. Traffic cameras were shown their place. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6744022> (date of access: 02.12.2025).

8. Tataryan V.G., Voronov A.M. Use of innovative technologies to ensure personal safety in road traffic // Modern science. 2022. № 2.

9. Sinelnikova N.A. Current Trends in Road Safety in Russia // Law and State: Theory and Practice. 2025. № 4.

10. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of October 7, 2019 № 36-AD19-3AD19-AD19-33. URL: <https://onlinegibdd.ru/uploads/library/Postanovlenie-VS-RF-otmenashtrafa-za-srednyuyu-skorost.pdf> (date of access: 02.12.2025).

11. Average Speed – Effective Control of Russian Roads. URL: <https://www.itsjournal.ru/articles/technologies/srednyaya-skorost-effektivnyy-kontrol-rossiyskikh-dorog/> (date of access: 02.12.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

И. Н. Ахметова – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России. 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

В. А. Струков – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России. 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

Н. Ю. Соболевская – старший преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

I. N. Akhmetova – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate of the East Siberian Institute. Ministry of Internal Affairs of Russia. 110, Lermontov St., Irkutsk 664074 Russian Federation.

V. A. Strukov – PhD in Law, Senior Lecturer in the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1, Pilyutova St., St. Petersburg 198206 Russian Federation.

N. Yu. Sobolevskaya – senior lecturer at the Department of Administrative Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 09.12.2025; одобрена после рецензирования 02.03.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 09.12.2025; approved after reviewing 02.03.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 347

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ БЕСПИЛОТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Давид Кромвелович Григорян

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
davo-davo23@mail.ru

Введение: в условиях стремительного развития беспилотных технологий в Российской Федерации возрастают требования к формированию комплексной и адаптивной нормативно-правовой среды. Активное внедрение беспилотных летательных аппаратов в транспортную, промышленную и оборонную сферы обостряет необходимость ясного определения правовых режимов, процедур и ограничений. Данная статья посвящена анализу текущего состояния правового регулирования БПЛА в России, выявлению ключевых проблем и оценке возможных направлений его дальнейшего совершенствования.

Материалы и методы: в ходе исследования автор использовал комплексный подход, основанный на анализе нормативно-правовых актов Российской Федерации, регулирующих сферу применения беспилотных авиационных и наземных систем. В качестве основной эмпирической базы рассмотрены федеральные законы, подзаконные акты, отраслевые стандарты.

Результаты исследования: в данной статье проанализированы ключевые направления правового регулирования беспилотных технологий в Российской Федерации, уделено внимание как существующим нормативным актам, так и практическим аспектам их применения. Выявлено, что действующая нормативно-правовая база развивается фрагментарно и в ряде случаев не успевает за темпами технологических изменений. Обсуждаются проблемы правоприменения, связанные с регистрацией беспилотных летательных аппаратов, обеспечением безопасности полетов, защитой персональных данных, а также распределением ответственности между операторами, производителями и государственными органами.

Выводы и заключения: автором было установлено, что система правового регулирования беспилотных технологий в Российской Федерации находится в стадии активного формирования и требует дальнейшего совершенствования. Анализ нормативно-правовой базы показал, что несмотря на наличие ключевых регламентов, регулирующих порядок регистрации, эксплуатации и ответственности операторов беспилотных воздушных судов, правоприменительная практика сталкивается с рядом проблем – от фрагментарности регулирования до отсутствия единых технических стандартов и механизмов межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: беспилотные технологии, правовое регулирование, нормативно-правовая база, технологическое развитие, безопасность полетов, ответственность

Для цитирования: Григорян Д. К. К вопросу о правовом регулировании беспилотных технологий в Российской Федерации // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 43–49.

Original paper

ON THE LEGAL REGULATION OF UNMANNED TECHNOLOGIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

David Kromvelovich Grigoryan

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

© Григорян Д.К., 2026

Introduction: in the context of the rapid development of unmanned technologies in the Russian Federation, there is an increasing need for a comprehensive and adaptive regulatory environment. The active integration of unmanned aerial vehicles into the transportation, industrial, and defense sectors highlights the importance of clearly defining legal regimes, procedures, and restrictions. This article aims to analyze the current state of legal regulation of unmanned aerial vehicles in Russia, identify key challenges, and assess potential areas for improvement.

Materials and methods: during the study, the author used a comprehensive approach based on the analysis of legal acts of the Russian Federation regulating the use of unmanned aerial and ground systems. Federal laws, bylaws, and industry standards were considered as the main empirical basis.

Results of the study: this article analyzes the key areas of legal regulation of unmanned technologies in the Russian Federation, paying attention to both existing regulations and practical aspects of their application. It is revealed that the current legal framework is developing in a fragmented manner and, in some cases, does not keep up with the pace of technological changes. The article discusses the problems of law enforcement related to the registration of unmanned aerial vehicles, ensuring flight safety, protecting personal data, and distributing responsibility between operators, manufacturers, and government agencies.

Findings and conclusions: the author has established that the legal regulation system for unmanned technologies in the Russian Federation is in the process of active development and requires further improvement. An analysis of the regulatory framework has shown that, despite the existence of key regulations governing the registration, operation, and liability of operators of unmanned aerial vehicles, law enforcement faces several challenges, ranging from fragmented regulation to the lack of unified technical standards and mechanisms for interagency cooperation.

Keywords: unmanned technologies, legal regulation, regulatory framework, technological development, flight safety, and responsibility

For citation: Grigoryan D. K. On the legal regulation of unmanned technologies in the Russian Federation // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 43–49.

Современные беспилотные технологии представляют собой комплекс технических средств, функционирующих с минимальным или полностью исключенным участием человека. В научной и правовой литературе термин «беспилотная система» употребляется как обобщающее понятие, включающее беспилотные летательные аппараты, автономные транспортные средства, надводные и подводные устройства, а также робототехнические комплексы, способные выполнять целевые задачи без непосредственного управления оператором.

С учетом широты технических и функциональных характеристик беспилотных систем закономерно возникает необходимость их точной правовой квалификации и нормативной унификации терминологии. Ввиду многообразия форм и сфер применения таких технологий формируется объективная потребность в установлении единых юридических дефиниций, способных обеспечить согласованность правоприменения и разграничение правовых режимов. Однако именно в этой сфере проявляется одно из наиболее существенных противоречий современного регулирования: интенсивное развитие беспилотных технологий не сопровождается формированием целостной понятийной базы, что делает проблему определения терминов одной из ключевых для российского законодательства.

На практике различные ведомства и нормативные акты используют несогласованные между собой термины: «беспилотное воздушное судно», «автоматизированное транспортное средство», «робототехнический комплекс», «автономный объект управления». Такое разнообразие формулировок порождает правовую неопределенность, затрудняя определение границ правового статуса конкретных технологий и субъектов, участвующих в их использовании. Кроме того, в нормативных актах отсутствует четкая классификация по уровням автономности, что особенно важно в контексте регулирования ответственности. Автоматизированные и автономные системы приравниваются к дистанционно управляемым устройствам, хотя степень участия человека в их функционировании принципиально различна. В результате сложилась ситуация, при которой регулирование беспилотных технологий осуществляется посредством норм различных отраслей права, не связанных единой концепцией. Существующие нормы авиационного законодательства учитывают общие положения для БПЛА, но не различают уровень автономности и алгоритмическую составляющую.

Дополнительную сложность создает отсутствие институциональной согласованности между различными органами государственной власти. Регулирование распределено

между разными органами власти, что создает разобщенность и дублирование функций. Каждый из этих органов формирует собственные подзаконные акты и технические регламенты, которые зачастую разрабатываются без учета межотраслевой координации. Такая разобщенность приводит к дублированию функций, несогласованности процедур сертификации и регистрации, а также к нормативной избыточности, когда одна и та же деятельность регулируется разными актами по-разному.

Развитие и внедрение беспилотных технологий сопровождается формированием новой совокупности общественных отношений, находящихся на стыке частного и публичного права. Эти отношения включают в себя элементы гражданско-правового, административно-правового, информационного и технического регулирования, что предопределяет их комплексный характер и особую юридическую природу. Прежде всего, в процессе разработки беспилотных систем возникают отношения, связанные с созданием, использованием и защитой результатов интеллектуальной деятельности. Правовой режим таких объектов определяется нормами частного права – прежде всего, положениями Гражданского кодекса РФ о патентных правах. Особое значение имеет защита прав на алгоритмы и программное обеспечение, которые являются функциональной основой автономности системы. При этом отсутствует единая позиция относительно квалификации алгоритмов искусственного интеллекта как объектов правовой охраны, что порождает дополнительные сложности в сфере лицензирования и коммерциализации технологий.

В процессе эксплуатации беспилотных систем формируются отношения иного характера – административно-правовые, регулирующие порядок допуска устройств к использованию, сертификации, регистрации и надзору. Здесь правовая природа определяется участием государства как регулятора и гаранта общественной безопасности. Например, использование беспилотных воздушных судов регулируется системой разрешений и уведомлений, установленной Минтрансом и Росавиацией, что обеспечивает контроль за перемещением таких объектов в воздушном пространстве.

Современное развитие беспилотных и автономных систем, все активнее внедряющихся в транспортную, оборонную, промышленную и сервисную сферы, обнажает глубокую системную проблему – отсутствие целостного и последовательного правового подхода к регулированию этих технологий. Существующая неопределенность законодательства отражает не просто пробелы в отдельных нормах, а общий правовой вакуум, обусловленный несформированностью единого режима регулирования, в рамках которого автономные технологии могли бы рассматриваться как самостоятельный объект права. Нерешенность вопросов гражданско-правовой ответственности лишь усиливает этот вакуум, проявляющийся не только в отсутствии прямых норм, регулирующих производство, использование и ответственность при эксплуатации беспилотных систем, но и во фрагментарности и противоречивости действующих положений, когда нормы различных отраслей права перекрывают друг друга или содержат взаимоисключающие требования. В результате нормативно-правовая система в ее нынешнем виде не успевает адаптироваться к стремительному техническому прогрессу, что препятствует формированию устойчивого и сбалансированного правового режима для автономных технологий.

Наличие разветвленной системы государственного регулирования не снимает ключевого вопроса – кто несет ответственность за действия беспилотных летательных аппаратов. В условиях, когда в процессе их эксплуатации участвуют производители, владельцы, операторы и разработчики программного обеспечения, возникает проблема распределения ответственности между различными субъектами. Она является одной из наиболее сложных и неурегулированных в современной российской правовой системе. Несмотря на то, что нормативные акты, регулирующие вопросы гражданской авиации, безопасности полетов и охраны общественного порядка, содержат отдельные положения, касающиеся БПЛА, целостного правового механизма определения ответственности пока не сформировано. Правовая неопределенность порождает дилемму между различными отраслями права – гражданским, административным и уголовным, – а также ставит под сомнение возможность эффективного применения существующих норм к ситуациям, связанным с автономными и полуавтономными системами.

В действующем Воздушном кодексе Российской Федерации определение беспилотного воздушного судна закреплено в статье 32: «Беспилотное воздушное судно – воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)». Закон рассматривает БПЛА как разновидность воздушного судна, для которого применяются общие положения авиационного законодательства. Однако

в этой норме отсутствует разграничение между уровнями автономности: в правовом смысле приравнены как дроны, управляемые человеком, так и системы, принимающие решения с использованием алгоритмов искусственного интеллекта. Это обстоятельство затрудняет определение субъекта ответственности, поскольку степень участия оператора в управлении напрямую влияет на возможность установления вины.

Согласно статье 58 Воздушного кодекса, ответственность за нарушение правил использования воздушного пространства несет командир воздушного судна. Для беспилотников эксплуатантом признается лицо, осуществляющее их запуск, контроль и эксплуатацию, что формально делает оператора основным субъектом ответственности. Однако на практике эксплуатация беспилотных систем часто осуществляется в рамках сложных технологических цепочек, включающих производителя оборудования, разработчика программного обеспечения, владельца или заказчика полета. В результате возникает вопрос: должен ли оператор нести ответственность за действия системы, если она действует в автономном режиме, либо за неисправности, вызванные ошибками программного обеспечения или конструкции?

Проблема распределения ответственности приобретает особенно острый характер в ситуациях, когда беспилотные системы используются не в хозяйственных или исследовательских целях, а в противоправных действиях. На стыке технологий и криминальных практик возникает новое явление – преступление с использованием автоматизированных технологий, совершаемое с использованием дистанционно управляемых или автономных устройств. Подобные случаи демонстрируют не только технологическую уязвимость правовой системы, но и ее концептуальную неготовность к новым формам общественно опасных деяний. Характерным стало деяние, зафиксированное в 2025 г. в Забайкальском крае, – первое в России заказное убийство, совершенное с применением FPV-дрона. По данным следствия, преступники использовали дистанционно управляемый беспилотный летательный аппарат, оснащенный взрывным устройством, для ликвидации предпринимателя. Этот инцидент стал не только прецедентом в криминалистике, но и серьезным вызовом для российской правовой системы. Возник вопрос: кто является субъектом ответственности – непосредственный оператор, заказчик преступления, лицо, изготовившее устройство, либо заказчик, имеющий прямой умысел убийства? Существующие уголовно-правовые нормы не предусматривают специальной квалификации подобных действий. Применение статей о незаконном обороте оружия или взрывчатых веществ не отражает всей специфики дистанционного совершения преступления, где причинно-следственная связь между действиями субъекта и наступившими последствиями опосредуется технологической системой. Фактически дрон выступает не просто орудием преступления, а активным элементом, способным выполнять сложные целевые задачи, что требует переосмысления традиционных категорий «орудия» и «источника повышенной опасности». Прецедент в Забайкалье показал, что отсутствие четких правовых дефиниций и механизмов распределения ответственности создает риски не только для гражданского оборота БПЛА, но и для национальной безопасности в целом. Снижение необходимости участия человека делает беспилотные технологии потенциальным инструментом для новых форм преступлений.

В Гражданском кодексе Российской Федерации прямых норм, регулирующих использование БПЛА, нет, однако применяются общие положения об ответственности владельца источника повышенной опасности. Об этом сказано в 1079 статье Гражданского Кодекса Российской Федерации. Поскольку воздушное судно признается источником повышенной опасности из-за его характеристик таких «..., как наличие повышенной вероятности причинения вреда, наличие повышенных вредоносных свойств, невозможность осуществления полного контроля над ВАС со стороны человека»[1], владелец дрона несет ответственность за причинение вреда, независимо от своей вины, если не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. В этой модели ответственность возлагается на собственника устройства, что в целом соответствует принципу объективной ответственности. Однако применение данной конструкции к беспилотникам вызывает вопросы: если БПЛА оснащен системой искусственного интеллекта и способен действовать без участия человека, то логика возложения ответственности исключительно на владельца теряет обоснованность, так как исчезает причинно-следственная связь между действиями субъекта и наступившими последствиями.

В случаях, когда вред причинен вследствие производственного дефекта, на первый план выходит ответственность производителя или разработчика. Согласно статье 1095 Гражданского

кодекса российской Федерации, вред, причиненный вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, подлежит возмещению изготовителем независимо от наличия договора с потерпевшим. Применительно к БПЛА это означает, что при доказанности причинной связи между техническим дефектом и вредом ответственность возлагается на компанию, производящую устройство или программное обеспечение. Однако доказательство такого дефекта в отношении сложных автономных систем чрезвычайно затруднено, особенно если поведение дрона определяется алгоритмом машинного обучения, изменяющимся в ходе эксплуатации.

Отдельный пласт вопросов связан с административной и уголовной ответственностью. В статье 11.4 Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях санкции за нарушение правил использования воздушного пространства, за полеты без регистрации и разрешения, а также за несоблюдение требований безопасности. Ответственность возлагается на физических лиц – операторов БПЛА, а также на юридических лиц, допустивших нарушения. В то же время административное законодательство не делает различий между умышленными действиями и непреднамеренными сбоями систем, вызванными техническими или программными ошибками. Такая формализация не учитывает особенности автономных технологий, где многие процессы происходят без непосредственного участия человека. В уголовном законодательстве использование БПЛА может рассматриваться как квалифицирующий признак преступления. Однако, уголовная ответственность всегда предполагает наличие вины, тогда как в случае автономных систем ее установление часто оказывается невозможным: алгоритм не может быть субъектом преступления, а оператор не всегда способен предсказать действия устройства.

Особую сложность создает ситуация, когда беспилотник функционирует на основе искусственного интеллекта и способен принимать решения самостоятельно. Российское законодательство пока не предусматривает правовой категории «алгоритмической ответственности» и не признает автономную систему субъектом права. Это приводит к тому, что любое негативное последствие от действий дрона неизбежно перекладывается на человека – владельца, оператора или производителя, даже если он не мог предотвратить инцидент. «Статья должна предусматривать специальную ответственность, поскольку стандартные нормы Уголовного кодекса не учитывают специфику автономных транспортных систем» [2]. «Основной аспект, требующий детальной проработки, – это вопрос ответственности, поскольку традиционные модели деликтов не полностью соответствуют специфике автономных систем» [3]. В международной практике уже обсуждается возможность введения промежуточных моделей, в которых ответственность распределяется пропорционально уровню контроля над системой и степени предсказуемости ее поведения.

Неопределенность в распределении ответственности повышает риски для инвестиций и тормозит внедрение технологий. Инвесторы и производители опасаются вкладывать средства в разработку и массовое внедрение беспилотных технологий, поскольку риски гражданско-правовых претензий не имеют четких границ. В то же время отсутствие установленных правил снижает уровень общественного доверия к технологиям, препятствуя их легализации и интеграции в транспортную и сервисную инфраструктуру. Решение данной проблемы требует не только внесения точечных изменений в существующие акты, но и системного пересмотра подхода к правовой природе автономных технологий.

На анализе вышеизложенного мы предполагаем, что в настоящее время назрела необходимость формирования целостной и согласованной нормативно-правовой архитектуры, способной обеспечить надежное регулирование беспилотных технологий в условиях их стремительного развития. Действующие правовые механизмы не охватывают всех аспектов функционирования автономных систем, что приводит к возникновению правового вакуума и снижению уровня предсказуемости и безопасности в данной сфере.

При причинении вреда автономным транспортным средством традиционные институты гражданского права (деликтная ответственность) нуждаются в адаптации к новым технологическим реалиям [4]. Развитие гражданско-правового регулирования требует закрепления дифференцированной модели распределения ответственности, основанной на уровне автономности системы и роли участников процесса. Ответственность за причинение ущерба высокоавтоматизированным транспортным средством может наступать не только у собственника, но и у других участников правоотношений, таких как оператор или разработчик алгоритма [5]. Оператор должен отвечать за эксплуатацию и надзор, производитель – за технические дефекты, разработчик – за алгоритмическую

корректность, а владелец — за соблюдение правил использования. Административно-правовая регламентация должна предусматривать ответственности для разработчика, владельца и оператора беспилотного транспортного средства с элементами ИИ, особенно в части обновления и поддержки программного обеспечения [6]. Все перечисленные лица (владельцы, операторы, разработчики) могут быть субъектами ответственности только при установлении их вины в нарушении определенных правил [7]. Введение обязательного страхования ответственности владельцев беспилотных систем по аналогии с ОСАГО, а также установление юридически значимых процедур сертификации алгоритмов позволит сформировать гибкий и сбалансированный гражданско-правовой механизм возмещения ущерба.

В сфере административного и информационного права назрела необходимость введения единых требований к регистрации беспилотных аппаратов, ведению специализированных реестров, обеспечению прозрачности процессов сертификации и мониторинга. Создание межведомственного координационного органа или национального агентства по регулированию автономных технологий позволит обеспечить синхронизацию норм различных отраслей права, упорядочить правотворческую деятельность и формировать единую систему подходов к стандартизации и контролю.

Уголовно-правовой аспект также требует переосмысления, поскольку традиционное понимание личной вины становится ограниченным в ситуациях, где значительная часть решений принимается алгоритмами. Необходима уголовно-правовая регламентация возможных случаев, когда вред, причиненный ВТС, может рассматриваться как уголовно наказуемое деяние [8]. Это обуславливает необходимость разработки положений, учитывающих особенности алгоритмически обусловленного поведения, а также закрепления принципов распределения ответственности между разработчиками, производителями и операторами в случаях наступления общественно опасных последствий. Уголовно-правовые риски использования беспилотных транспортных средств связаны с возможностью квалифицировать вред, причиненный ВТС, как преступление при недостаточной регламентации ответственности [5].

Отдельного внимания заслуживает идея внедрения механизмов гибкого регулирования, включая экспериментальные правовые режимы, которые дают возможность тестировать инновационные решения без избыточного административного давления. Результаты таких правовых экспериментов должны становиться основой для корректировки действующих норм, повышая адаптивность правовой системы к технологическим изменениям и обеспечивая баланс безопасности и инноваций.

Существенным направлением правового развития является создание единого базового закона о беспилотных (автономных) системах. Такой закон должен установить терминологическую определенность, зафиксировать классификацию уровней автономности, статус участников отношений, общие принципы регулирования и рамочные механизмы распределения ответственности. Он должен стать основой для построения комплексной правовой модели, в которую интегрируются отраслевые и технические акты.

Международно-правовое измерение регулирования также приобретает ключевое значение. В условиях трансграничного оборота данных и глобального рынка технологий Россия должна участвовать в разработке международных стандартов и соглашений, обеспечивающих взаимное признание процедур сертификации, согласование требований по безопасности и определение единых принципов ответственности при использовании беспилотных систем в международном пространстве.

Наконец, развитие научно-экспертной базы и институциональная поддержка междисциплинарных исследований представляются необходимым условием эффективного нормотворчества. Вовлечение специалистов по искусственному интеллекту, робототехнике, техническому регулированию и кибербезопасности позволит формировать научно обоснованные подходы и устранить разрыв между технологической практикой и правовым регулированием. Создание экспертных советов, развитие научных школ и постоянный анализ правоприменительной практики обеспечат устойчивость и качество правовой системы в сфере автономных технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Березина Е.А. Проблемы правового регулирования юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотных (автономных, высокоавтоматизированных) транспортных средств // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3 (69).

2. Тыдыкова Н.В. Об уголовной ответственности за вред, причиненный в ходе эксплуатации высокоавтоматизированных и беспилотных транспортных средств // Вестн. Том. Гос. Ун-та. 2021. № 471.

3. Федотова О.В., Толпекин А.В. К вопросу о гражданско-правовой ответственности беспилотных автомобилей // Закон и право. 2024. № 5.

4. Асатрян А.А. Проблемные вопросы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный автономными транспортными средствами // Вестник науки. 2020. № 1 (22).

5. Ананенко А.О. Юридическая ответственность в области использования беспилотных транспортных средств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 6 (82).

6. Лунев Д.О. Регламентация ответственности с участием беспилотного транспортного средства с элементами искусственного интеллекта: административно-правовые аспекты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5-1 (92).

7. Зубач А.В. Концептуальные подходы к юридической ответственности за нарушение правил использования беспилотных транспортных средств // Криминологический журнал. 2024. № 2.

8. Кочой С.М. Уголовно-правовые риски использования беспилотных транспортных средств // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7 (128).

REFERENCES

1. Berezina E.A. Problems of legal regulation of legal liability for harm caused by the operation of unmanned (autonomous, highly automated) vehicles // The rule of law: theory and practice. 2022. № 3 (69).

2. Tydykova N.V. On criminal liability for harm caused during the operation of highly automated and unmanned vehicles // Vestn. Volume of the State University of 2021. № 471.

3. Fedotova O.V., Tolpekin A.V. On the issue of civil liability of unmanned vehicles // Law and Law. 2024. № 5.

4. Asatryan A.A. Problematic issues of civil liability for harm caused by autonomous vehicles // Bulletin of Science. 2020. № 1 (22).

5. Ananenko A.O. Legal responsibility in the field of the use of unmanned vehicles // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2021. № 6 (82).

6. Lunev D.O. Regulation of liability involving an unmanned vehicle with elements of artificial intelligence: administrative and legal aspects // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 5-1 (92).

7. Zubach A.V. Conceptual approaches to legal liability for violation of the rules for the use of unmanned vehicles // Criminological journal. 2024. № 2.

8. Kochoi S.M. Criminal law risks of using unmanned vehicles // Actual problems of Russian law. 2021. № 7 (128).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Д. К. Григорян – кандидат политических наук, доцент, начальник кафедры информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности ОВД Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

D. C. Grigoryan – PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Information and Communication Technologies and Cybersecurity of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 22.01.2026; одобрена после рецензирования 01.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 22.01.2026; approved after reviewing 01.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 343.132

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКАМИ СТРОЕВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ

Снежана Анатольевна Давыдова¹, Анна Александровна Крицкая²

¹Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Российская Федерация, snezhana221@yandex.ru

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, enigmaann@bk.ru

Введение: настоящее исследование посвящено выявлению коллизий между нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и ведомственными нормативными актами в части проведения неотложных следственных действий подразделениями патрульно-постовой службы полиции (ППСП). Особое внимание уделяется анализу полномочий ППСП, а также возможности осуществления ими мероприятий по сбору доказательств в условиях, сопряженных с риском утраты их доказательственного значения.

Материалы и методы: в статье использованы диалектический, сравнительно-правовой и логический методы научного познания, анализ и обобщение.

Результаты исследования: проведен анализ норм УПК РФ, Федерального закона «О полиции» № 3-ФЗ, приказов МВД России (№ 495 от 28.06.2021, № 942 от 15.08.2011 и др.), выявивший коллизии между процессуальными полномочиями органов дознания и ведомственными актами для ППСП.

Выводы и заключения: предлагается комплекс мер по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленных на устранение коллизий полномочий полиции и следственных органов.

Ключевые слова: строевые подразделения патрульно-постовой службы полиции, неотложные следственные действия, орган дознания, полиция, орган внутренних дел, доказательства, сбор доказательств

Для цитирования: Давыдова С. А., Крицкая А. А. К вопросу о производстве неотложных следственных действий сотрудниками строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 50–54.

Original paper

ON THE ISSUE OF CONDUCTING URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS BY THE STAFF OF THE COMBAT UNITS OF THE PATROL AND GUARD SERVICE OF THE POLICE

Snezhana Anatolyevna Davydova¹, Anna Alexandrovna Kritskaya²

¹Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgodonsk, Rostov Region, Russian Federation

²South Russian Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: this study is devoted to the identification of conflicts between the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF) and departmental regulations

© Давыдова С.А., Крицкая А.А., 2026

regarding the conduct of urgent investigative actions by units of the patrol police Service (PPSP). Special attention is paid to the analysis of the powers of the CCPs, as well as the possibility of their taking measures to collect evidence in conditions associated with the risk of loss of their evidentiary value.

Materials and methods: the article uses dialectical, comparative legal and logical methods of scientific knowledge, analysis and generalization.

Results of the study: an analysis of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the Federal Law "On Police" № 3-FZ, orders of the Ministry of Internal Affairs of Russia (№ 495 dated 06/28/2021, No. 942 dated 08/15/2011, etc.) was carried out, which revealed conflicts between the procedural powers of the bodies of inquiry and departmental acts for the CPP.

Findings and conclusions: a set of measures is proposed to improve criminal procedure legislation aimed at eliminating conflicts of powers between the police and investigative authorities.

Keywords: combat units of the patrol and guard service of the police, urgent investigative actions, body of inquiry, police, body of internal affairs, evidence, collection of evidence

For citation: Davydova S. A., Kritskaya A. A. On the issue of conducting urgent investigative actions by the staff of the combat units of the patrol and guard service of the police // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 50–54.

Российская правовая система в силу своей динамичной природы и необходимости адекватного реагирования на вызовы времени перманентно подвергается трансформациям. Это обусловлено, прежде всего, объективной потребностью в непрерывном совершенствовании правового инструментария правоохранительных органов, который является критически важным для эффективного выявления, пресечения и раскрытия преступлений в условиях постоянно меняющейся криминогенной обстановки и усложнения методов совершения противоправных деяний.

Несмотря на перманентную работу по актуализации правовой базы, значительная часть действующих правовых норм, регулирующих функционирование ключевых правовых институтов, зачастую демонстрирует определенную неспособность к полноценному удовлетворению актуальных потребностей правоприменительной практики. В контексте бескомпромиссной борьбы с общеуголовной, организованной и транснациональной преступностью, обнаруживается явное несоответствие между теоретическими предписаниями закона и динамичными реалиями его практического применения, что существенно затрудняет эффективное противодействие новым вызовам.

Научные исследования в области юриспруденции, наряду с систематическим анализом сложившейся судебной и следственной практики, продолжают наглядно выявлять наличие существенных пробелов, внутренних коллизий и логических противоречий в актуальном законодательстве [1]. Эти выявленные несоответствия не только создают правовую неопределенность и затрудняют единообразное применение норм права, потенциально порождая правовые риски, но и, что вызывает особую озабоченность, по сей день нередко остаются без должного и своевременного внимания со стороны органов законодательной власти. Такое положение дел подчеркивает настоятельную необходимость более оперативного и системного подхода к устранению выявленных дефектов правового регулирования для обеспечения подлинной эффективности, стабильности и справедливости российского правосудия.

Для подтверждения наличия пробелов в практике проведения неотложных следственных действий (далее – НСД) было проведено анонимное анкетирование 150 сотрудников патрульно-постовой службы полиции (далее – ППС) из территориальных органов МВД России (Ростовская область, 2025 г.; выборка – 75 % с выслугой свыше 5 лет). Результаты анкетирования показали: 72 % респондентов отметили правовую неопределенность, ссылаясь на п. 9.4 Наставления № 495¹ (ограничение действий содействием) и п. 20 Инструкции № 736² (о необходимости передачи информации оперативному дежурному дежурной части территориального органа МВД России о мерах неотложного реагирования на месте происшествия; 65 % предложили разработать методические рекомендации по проведению неотложных следственных действий специально для их подразделений,

¹ Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции: приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495. URL: <https://base.garant.ru/410618382/> (дата обращения: 01.02.2025).

² Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29.08.2014 № 736. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70691976/?ysclid=mlgm9rhxbr635659632> (дата обращения: 01.02.2025).

чтобы повысить оперативность фиксации следов на месте преступления; 54 % указали на утрату доказательств из-за ожидания СОГ. Эти данные подтверждают наличие пробелов в правовом регулировании и практике проведения неотложных следственных действий сотрудниками ППСП.

Мы убеждены, что одним из приоритетных направлений реформ должно стать уточнение компетенций сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в отношении проведения неотложных следственных действий, предназначенных для быстрой фиксации следов преступления сразу после возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 5 УПК РФ³.

Это положение четко отражает позицию российского законодателя, признающего ключевую роль такой процедуры в комплексе следственных мероприятий. Вместе с тем приходится фиксировать серьезную правовую расплывчатость касательно того, какие именно должностные лица из состава органа дознания наделены правом на такие НСД. УПК РФ упоминает «орган дознания» как участника процесса, но не уточняет какие конкретно сотрудники этого органа могут их проводить. В итоге правомерность действий отдельных подразделений полиции остается открытым вопросом, что порождает пробелы в применении норм на практике и требует законодательного разрешения.

Статья 40 УПК РФ определяет органы внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) как органы дознания, охватывая их территориальные и специализированные подразделения полиции. Согласно п. 13 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699⁴, полиция интегрирована в структуру ОВД РФ вместе с центральным аппаратом МВД России, территориальными органами, образовательными и научными учреждениями системы МВД России, медицинскими организациями, подразделениями материально-технического обеспечения, культурными и спортивными структурами, а также другими элементами, обеспечивающими реализацию полномочий ОВД РФ.

Статья 4 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁵ устанавливает полицию в качестве неотъемлемой составляющей централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. В структуру ОВД РФ входят полицейские подразделения, такие как участковые уполномоченные полиции, службы по делам несовершеннолетних, уголовный розыск и органы дознания, а также вспомогательные службы – финансовые, кадровые, тыловые, следственные и прочие. Пункт 8 ч. 1 ст. 12 данного закона закрепляет за органами полиции полномочия по осуществлению дознания и проведению НСД. Статья 32 того же закона предусматривает возможность привлечения сотрудников ОВД, не имеющих статуса полицейских, к выполнению полицейских функций в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, за исключением стажеров, которым запрещено самостоятельное производство следственных действий (п. 10 Приказа МВД России от 15.08.2011 № 942).

Из анализа указанных норм следует: 1) законодательство Российской Федерации признает всех сотрудников ОВД, включая полицейских, носителями полномочий органов дознания; 2) ведомственные приказы Министерства внутренних дел России не устанавливают запрета на проведение неотложных следственных действий как для сотрудников полиции, так и для иных сотрудников ОВД, выполняющих задачи полиции.

Тем не менее в практической правоприменительной деятельности наблюдается ситуация, при которой не все подразделения полиции фактически осуществляют производство неотложных следственных действий. Это объясняется тем, что сотрудники полиции исполняют возложенные на них обязанности, строго следуя предписаниям и требованиям ведомственных нормативных актов Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В качестве примера, следует отметить, что пункт 9.4 Наставления об организации служебной деятельности патрульно-постовой службы полиции, утвержденного Приказом МВД России от 28 июня 2021 г. № 495, предписывает нарядам полиции оказывать содействие

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). URL: <https://base.garant.ru/12125178/?ysclid=mlglx7cp6u657510798> (дата обращения: 10.02.2026).

⁴ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699. URL: <https://base.garant.ru/71572244/?ysclid=mlntojf0qn825732155> (дата обращения: 15.02.2026).

⁵ О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ». URL: <https://base.garant.ru/12182530/?ysclid=mlnt6dfep931610574> (дата обращения: 15.02.2026).

и осуществлять действия на месте происшествия (преступления, административного правонарушения) в пределах компетенции, установленных Законом «О полиции» (п. 10.5). Аналогичная особенность характерна для Инструкции по приему сообщений о преступлениях (Приказ МВД № 736 от 29.08.2014), где акцент сделан на регистрации таких сообщений, а не на процессуальной фиксации следов.

Такое положение, на наш взгляд, порождает правовую неопределенность, вынуждая сотрудников ППС ограничиваться пассивными действиями (фотосъемка, опрос свидетелей) вместо активного осмотра места происшествия и изъятия улик по ст. 176–177 УПК РФ⁶, что в конечном итоге приводит к утрате процессуальной значимости собранных материалов и дополнительной нагрузке на орган расследования.

Отсутствие четких процессуальных инструкций в правовых актах приводит к следующим негативным последствиям:

1) затягивание первичного реагирования: наряды ППС вынуждены ожидать прибытия следственно-оперативной группы вместо немедленной фиксации следов;

2) утрате доказательств: без конкретно установленных в законе оснований для изъятия возможна их утрата или уничтожение до прибытия следственно-оперативной группы (ч. 3 ст. 176, ст. 177 УПК РФ);

3) риск процессуальных нарушений: самостоятельные действия сотрудников без четко декларированных процессуальных полномочий зачастую оспариваются в судебном порядке, как превышение должностных полномочий, что влечет исключение из доказательственной базы следов, собранных на месте происшествия (ст. 75 УПК РФ).

Указанные проблемы правовой неопределенности и ограничения оперативности первичного реагирования в полной мере могут быть преодолены путем адаптации лучшего зарубежного опыта с учетом российской правовой и социально-экономической реальности [2, с. 237–244]. Так, в Федеральных правилах уголовного судопроизводства США (Fed. R. Crim. P. 41) четко разграничены полномочия офицеров на месте происшествия (warrantless searches (обыски без ордеров)) [3], а в УК Великобритании (Police and Criminal Evidence Act 1984, s.17) предоставляет полицейским право входить и искать в помещениях без ордера в определенных случаях [4].

Исходя из изложенного, считаем целесообразным внести ряд изменений в уголовно-процессуальное законодательство, направленных на установление правовой ясности и усиление защиты прав участников уголовного процесса, а именно:

1. Внести четкие нормы, исключаящие неоднозначность толкования и прямо регулирующие порядок и условия НСД с учетом специфики подразделений полиции, что устранил коллизию между нормативными актами ОВД и УПК РФ.

2. Предусмотреть обязательное предварительное согласование проведения НСД с руководителем следственного органа или прокурором, или процедуру узаконивания проведенных сотрудниками полиции на месте происшествия НСД, что обеспечит законность и обоснованность данных мероприятий.

3. Разработать методические рекомендации и обучающие программы для сотрудников полиции и следственных органов по правильному проведению НСД с учетом нововведений в законодательстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильченко Е.И. О некоторых вопросах производства органом дознания неотложных следственных действий // Право и политика. 2015. № 8.

2. Тишкин Д.Н., Кучерова Е.П. К вопросу совершенствования и повышения эффективности деятельности нарядов патрульно-постовой службы полиции // Обеспечение норм законодательства при несении службы нарядами патрульно-постовой службы полиции. Волгодонск, 2025.

3. Rule 41. Search and Seizure // Federal Rules of Criminal Procedure. Legal Information Institute. URL: https://www.law.cornell.edu/rules/frcrmp/rule_41 (дата обращения: 25.01.2026).

4. Police and Criminal Evidence Act 1984, Section 17. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/section/17> (дата обращения: 25.01.2026).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). URL: <https://base.garant.ru/12125178/?ysclid=mlglx7cp6u657510798> (дата обращения: 10.02.2026)

REFERENCES

1. Vasilchenko E.I. On Some Issues of the Production of Urgent Investigative Actions by the Investigative Body // Law and Politics. 2015. № 8.
2. Tishkin D.N., Kucherova E.P. On the issue of improving and increasing the efficiency of patrol and guard service units // Ensuring compliance with legislation during patrol and guard service. Volgodonsk, 2025.
3. Rule 41. Search and Seizure // Federal Rules of Criminal Procedure. Legal Information Institute. URL: https://www.law.cornell.edu/rules/frcrmp/rule_41 (date of access: 25.01.2026).
4. Police and Criminal Evidence Act 1984, Section 17. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/section/17> (date of access: 25.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

С. А. Давыдова – старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, 347381, Российская Федерация, г. Волгодонск, ул. Степная, 40.

А. А. Крицкая – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, преподаватель отделения среднего профессионального образования факультета экономики Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. A. Davydova – senior Lecturer of the Department of Tactical and Special Training of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 40, Stepnaya St., Volgodonsk 347381 Russian Federation.

A. A. Kritskaya – PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, Lecturer of the Department of Secondary Vocational Education of the Faculty of Economics of the South Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). 70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 340.12:342.9

МИГРАЦИОННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК КАК КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Виктор Васильевич Денисенко

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация
profdenisenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4704-0774>

Введение: обосновывается необходимость введения категории «миграционный правопорядок» в системный понятийный аппарат юридической науки как методологический инструмент познания сложных миграционных процессов.

Материалы и методы: использованы методы категориального анализа, системного моделирования, сравнительно-правовой и формально-логический методы для определения места категории в структуре юридической науки.

Результаты исследования: определены сущностные характеристики категории, ее системные связи с базовыми правовыми категориями, эпистемологические и эвристические функции. Выявлена специфика категории в сравнении с смежными понятиями.

Выводы и заключения: категория обладает значительным методологическим потенциалом для систематизации миграционного законодательства и совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: миграционный правопорядок, категория права, категориальный аппарат, юридическая наука, методология права, систематизация законодательства, правовая категория, эпистемология права

Для цитирования: Денисенко В. В. Миграционный правопорядок как категориальный аппарат современной юридической науки // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 55–59.

Original paper

MIGRATION LAW AND ORDER AS A CATEGORICAL APPARATUS OF MODERN LEGAL SCIENCE

Viktor Vasilievich Denisenko

Krasnodar University of the Ministry of Internal of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the need to introduce the category “migration law and order” into the system conceptual apparatus of legal science as a methodological tool for learning complex migration processes is justified.

Materials and methods: methods of categorical analysis, system modeling, comparative legal and formal logical methods were used to determine the place of a category in the structure of legal science.

Results of the study: the essential characteristics of the category, its system connections with basic legal categories, epistemological and heuristic functions are determined. The specificity of the category in comparison with related concepts was revealed.

Findings and conclusions: the category has significant methodological potential for systematizing migration legislation and improving law enforcement practice.

Keywords: migration law and order, category of law, categorical apparatus, legal science, methodology of law, systematization of legislation, legal category, epistemology of law

For citation: Denisenko V. V. Migration law and order as a categorical apparatus of modern legal science // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 55–59.

© Денисенко В.В., 2026

Развитие юридической науки неразрывно связано с совершенствованием ее категориального аппарата. В качестве исходного тезиса, мы будем исходить из того, что «правовые категории – это содержательные, предметные, научные представления, которые должны воспроизводить идеально (в мышлении) объективную суть реальных процессов и отношений правовой действительности и выражать их специфически качественную правовую определенность» [1, с. 11]. Категории права выполняют фундаментальные функции: они служат инструментами познания правовой действительности, средствами систематизации знаний, основаниями для построения правовых концепций и моделями для нормотворческой деятельности [2, с. 45–47]. Такой вывод логически вытекает из суждений профессора Т.Н. Радько, который считает, что «функция – это проявление специфических свойств права. В функции аккумулируются такие признаки права, которые вытекают из его качественной самостоятельности, а не вообще любые признаки, свойственные не только праву, но и другим частям механизма социального регулирования. Учет именно этого обстоятельства позволит в дальнейшем при классификации функций права выделить собственно юридические функции, характеризующие право как качественно самостоятельную часть в системе социального регулирования» [3, с. 27]. В свою очередь А.В. Малько определяет функцию права как основные направления правового воздействия, выражающие роль права в упорядочении общественных отношений. С их помощью можно познать предназначение права в обществе, его динамику, действие [4]. В условиях усложнения общественных отношений, обусловленных глобализацией и цифровой трансформацией, традиционный категориальный аппарат юридической науки испытывает потребность в обновлении и дополнении новыми понятиями, способными адекватно отражать современные правовые реалии.

Особую актуальность данная проблематика приобретает в сфере миграционного регулирования. Существующие правовые категории («общественный порядок», «правовой режим», «миграционный контроль», «административно-правовой статус») фиксируют отдельные аспекты миграционных отношений, однако не обеспечивают целостного теоретического осмысления данного феномена. Фрагментарность категориального аппарата порождает соответствующие пробелы в законодательстве и противоречия в правоприменении. В этой связи возникает объективная потребность в введении и теоретическом обосновании категории «миграционный правопорядок», способной интегрировать разрозненные элементы миграционного регулирования в единую системную модель.

В рамках рассмотрения заявленной проблематики первостепенное значение имеет определение методологического статуса категории «миграционный правопорядок». В теории права категория понимается как наиболее общее и фундаментальное понятие, отражающее существенные свойства и связи правовой действительности [5, с. 89–92]. Категории выполняют ряд ключевых функций: онтологическую (отражение сущности явлений), гносеологическую (инструмент познания), аксиологическую (выражение ценностей), праксеологическую (ориентир для деятельности).

Категория «миграционный правопорядок» обладает специфическим методологическим значением. Во-первых, она выполняет интегративную функцию, позволяя объединить нормы различных отраслей права (конституционного, административного, международного, трудового) в единую аналитическую модель. Традиционное отраслевое деление права создает фрагментарность регулирования миграционных отношений, тогда как категория «миграционный правопорядок» позволяет преодолеть эту фрагментарность через системное осмысление явления.

Во-вторых, категория имеет эвристический потенциал, поскольку позволяет выявлять новые закономерности миграционно-правового регулирования, формулировать ранее не артикулированные исследовательские проблемы и разрабатывать теоретические модели, объясняющие взаимодействие правовых норм, институтов и практик в миграционной сфере.

В-третьих, категория выполняет нормативно-ориентирующую функцию, задавая критерии оценки состояния правового регулирования миграционных отношений и выступая концептуальной основой для совершенствования законодательства, обеспечения согласованности правовых норм и формирования единообразной правоприменительной практики.

В-четвертых, категория обладает компаративистским потенциалом, позволяя проводить сравнительный анализ миграционных правопорядков различных государств. Понимание общих характеристик миграционного правопорядка как категории создает основу для выявления национальных особенностей и заимствования позитивного опыта.

Определение содержания категории является центральной задачей категориального анализа. На основе системного подхода миграционный правовой порядок может быть определен как состояние урегулированности общественных отношений в сфере миграции, обеспечиваемое системой взаимосвязанных правовых норм, институтов и механизмов, направленное на балансирование интересов государства, общества и личности в условиях трансграничной мобильности.

Данное определение раскрывает ряд сущностных характеристик категории. Первая характеристика – системность. Миграционный правовой порядок не сводится к сумме отдельных норм или институтов, а представляет собой целостное образование, элементы которого находятся в функциональной взаимосвязи. Изменение одного элемента (например, процедур легализации) неизбежно влияет на состояние всей системы.

Вторая характеристика – динамичность. В отличие от статичных правовых категорий, миграционный правовой порядок отражает постоянно изменяющиеся отношения. Миграционные потоки, экономические условия, политические приоритеты находятся в постоянном движении, что требует от правового регулирования соответствующей гибкости без утраты стабильности. Именно поэтому «практическая значимость исследования о динамике миграционных потоков и их воздействии на социально-экономическое развитие Российской Федерации заключается в том, что его результаты могут быть использованы для разработки эффективных миграционных политик и стратегий управления миграционными процессами. Эти данные представляют важное руководство для принятия решений на уровне государственных органов, а также для бизнес-сектора и общественных организаций. Исследование может помочь определить приоритетные направления для инвестиций и развития социальной инфраструктуры, а также способствовать созданию мер социальной адаптации для мигрантов» [6].

Третья характеристика – многоуровневость. Миграционный правовой порядок функционирует одновременно на нескольких уровнях: национальном (законодательство государства), региональном (нормы интеграционных объединений), международном (договоры и конвенции), локальном (акты органов местного самоуправления). По некоторым оценкам «нормативная база в части регулирования внешней трудовой миграции включает в себя более 600 нормативных правовых актов, а нормы, регламентирующие обозначенную сферу общественных отношений, рассредоточены по множеству актов различных отраслей права и присутствуют во всевозможных нормативных правовых актах соответственно иерархии источников права, существующей в Российской Федерации» [7, с. 99]. Именно в силу значительного массива разноуровневых актов взаимодействие этих уровней создает сложную иерархическую структуру регулирования.

Четвертая характеристика – конфликтность. Миграционный правовой порядок по своей природе содержит потенциал конфликтов: между интересами безопасности и правами человека, между краткосрочными экономическими выгодами и долгосрочными социальными последствиями, между культурной идентичностью и интеграционными процессами. Категория фиксирует не только состояние упорядоченности, но и механизмы управления конфликтами.

Пятая характеристика – ценностная нагруженность. Миграционный правовой порядок не является нейтральным техническим конструктом, а воплощает определенную систему ценностей: справедливость, гуманизм, безопасность, равенство. Баланс этих ценностей определяет качество и устойчивость правового порядка.

В рамках категориального анализа необходимо определить место категории «миграционный правовой порядок» в системе базовых правовых понятий. Категория не существует изолированно, а находится в сложных отношениях с другими категориями юридической науки.

Соотношение с категорией «публичный правовой порядок» является наиболее значимым. Миграционный правовой порядок представляет собой специфическую форму публичного правового порядка, обладающую рядом отличительных признаков. Если публичный правовой порядок охватывает все общественные отношения на территории государства, то миграционный правовой порядок специализируется на отношениях, возникающих в связи с трансграничным перемещением людей. При этом миграционный правовой порядок обладает транснациональным характером, выходящим за рамки национальной юрисдикции, что отличает его от классического понимания публичного правового порядка.

Взаимосвязь с категорией «правовой режим» также требует специального осмысления. Правовой режим характеризует особый порядок правового регулирования определенной сферы отношений. Миграционный правовой порядок включает в себя элементы различных правовых режимов (режим въезда, режим пребывания, режим трудовой деятельности),

но не сводится к их механической сумме. Категория «миграционный правовой порядок» отражает системное взаимодействие этих режимов и их влияние на общее состояние урегулированности миграционных отношений.

Соотношение с категорией «правовой статус» раскрывает субъектный аспект миграционного правового порядка. Правовой статус мигранта определяет его права и обязанности в принимающем государстве. Булатов Т.Р. справедливо считает, что «в современном мире взаимосвязь между гражданином и государством невозможна без четкого понимания прав и обязанностей, которые лежат в основе любого правового статуса. Эти элементы не только определяют, как индивиды взаимодействуют с государственными институтами, но и насколько эффективно функционирует правовое государство. Правовой статус, включающий права и обязанности различных категорий индивидов, является ключевым элементом для понимания их роли и определения степени защищенности их интересов в обществе» [8, с. 50]. Однако миграционный правовой порядок охватывает не только статус отдельных субъектов, но и систему их взаимодействия, механизмы защиты прав, процедуры разрешения споров. Категория позволяет анализировать статусные характеристики в контексте системных отношений.

Взаимосвязь с категорией «юридическая ответственность» актуализирует вопрос о гарантиях соблюдения миграционного правового порядка. Ответственность за нарушения миграционного законодательства является важным элементом обеспечения правового порядка. Как отмечает А.А. Гришковец, «для обеспечения правового порядка в сфере миграционных отношений широко применяется административное принуждение, весь широчайший спектр его мер, предусмотренных законом, в частности, административная ответственность, которая является основным видом юридической ответственности в сфере миграционных отношений и имеет весьма репрессивный характер. Административная ответственность – неотъемлемый элемент государственного регулирования миграционных отношений» [9]. Однако категория «миграционный правовой порядок» позволяет рассматривать ответственность не изолированно, а в системе профилактических, контрольных и восстановительных механизмов.

Определение функционального потенциала категории является завершающим этапом категориального анализа. Категория «миграционный правовой порядок» обладает значительным эпистемологическим потенциалом, позволяя глубже понять природу миграционных процессов и их правового регулирования. В частности категория выполняет объяснительную функцию, позволяя интерпретировать наблюдаемые явления в миграционной сфере через призму системных закономерностей.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы, характеризующие категорию «миграционный правовой порядок» как элемент категориального аппарата современной юридической науки.

Во-первых, категория «миграционный правовой порядок» обладает самостоятельным методологическим значением. Она выполняет интегративную, эвристическую, нормативно-ориентирующую и компаративистскую функции, способствуя системному осмыслению миграционных процессов и совершенствованию их правового регулирования.

Во-вторых, сущностными характеристиками категории «миграционный правовой порядок» выступают: системность, динамичность, многоуровневость, конфликтность, ценностная нагруженность. Эти характеристики отличают миграционный правовой порядок от смежных правовых категорий и определяют специфику его теоретического анализа.

В-третьих, существуют системные связи категории «миграционный правовой порядок» с базовыми правовыми понятиями: публичным правовым порядком, правовым режимом, правовым статусом, юридической ответственностью. Категория не заменяет эти понятия, а дополняет их, обеспечивая целостное понимание миграционных отношений.

В-четвертых, имеет место значительный эпистемологический и эвристический потенциал категории «миграционный правовой порядок». Она выполняет объяснительную, прогностическую и критическую функции, стимулируя новые исследовательские направления и углубляя понимание правовых закономерностей в миграционной сфере.

В-пятых, выделение категории «миграционный правовой порядок» имеет практическое значение для нормотворчества и правоприменения. Категория может служить методологической основой для кодификации законодательства, повышения качества правоприменения, совершенствования судебной практики и профессиональной подготовки кадров.

Таким образом, введение категории «миграционный правовой порядок» в категориальный аппарат юридической науки способствует преодолению фрагментарности в осмыслении

миграционных процессов, создает основу для системного совершенствования законодательства и правоприменения, открывает новые перспективы для научных исследований. Дальнейшее развитие категории требует междисциплинарного подхода, сочетающего достижения теории права, философии права, социологии права и сравнительного правоведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев А.М. Диалектическая связь категорий общей теории права // Советское государство и право. 1974. № 1.
2. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1. Элементный состав. М., 2020.
3. Радко Т.Н. Понятие и признаки функций права // Вестник академии права и управления. 2016. № 3 (44).
4. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. Саратов, 1994.
5. Нерсисянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М., 2021.
6. Хубиев А.А. Динамика миграционных потоков и их воздействие на социально-экономическое развитие Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 2.
7. Дутов П.О. Иерархическая система национального законодательства в сфере трудовой миграции // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 3.
8. Булатов Т.Р. Правовой статус иностранных граждан в Российской Федерации: понятие и особенности // Закон и право. 2024. № 2.
9. Гришковец А.А. Актуальные проблемы административной ответственности в сфере миграционных отношений // Административное и муниципальное право, 2016. № 10. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Vasiliev A.M. Dialectical connection between the categories of the general theory of law// Soviet state and law. 1977. № 1.
2. Syrykh V.M. Logical foundations of the general theory of law: in 2 vols. T. 1. Elemental composition. Moscow, 2020.
3. Radko T.N. Concept and features of the functions of law//Bulletin of the Academy of Law and Management. 2016. № 3 (44).
4. Malko A.V. Incentives and restrictions in law. Information-theoretic aspect. Saratov, 1994.
5. Nersesyan V.S. Philosophy of law: a textbook for universities. Moscow, 2021.
6. Khubiev A.A. Dynamics of migration flows and their impact on the socio-economic development of the Russian Federation//Bulletin of Eurasian Science. 2024. T. 16. № 2.
7. Dutov P.O. Hierarchical system of national legislation in the field of labor migration // Education. Science. Scientific cadres. 2020. № 3.
8. Bulatov T.R. Legal status of foreign citizens in the Russian Federation: concept and features// Law and law. 2024. № 2.
9. Grishkovets A.A. Actual problems of administrative responsibility in the field of migration relations//Administrative and municipal law, 2016. Access from the legal system «ConsultantPlus».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

В. В. Денисенко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного, административного и гражданского права Краснодарского университета МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

V. V. Denisenko – Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Civil Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 342.9

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АТТЕСТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ксения Александровна Корчагина¹, Кристина Васаконна Трифонова²

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, twins.86.2@mail.ru

²Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, kri-kazaryan@yandex.ru

Введение: в исследовании проведен анализ правовых норм, регламентирующих основание и порядок проведения аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД), практики Конституционного суда в данной сфере, выявлены пробелы в законодательстве и предложены пути их устранения.

Материалы и методы: материалами исследования послужило законодательство Российской Федерации, регламентирующее вопросы проведения аттестации сотрудников ОВД, научная литература и судебная практика. Авторами использовались такие методы как анализ, синтез, индукция, юридико-догматический метод.

Результаты исследования: анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей проведение аттестации в ОВД, позволяет констатировать наличие существенных пробелов в законодательном регулировании данного института: отсутствует дефиниция «аттестация сотрудника органа внутренних дел»), не получили должного нормативного закрепления ключевые элементы ее правового режима, включая системное определение целевых ориентиров, задач, функционального назначения, базовых организационно-правовых принципов, а также гарантий правовой защиты сотрудников в ходе оценочных процедур. Указанные пробелы формируют условия для правовой неопределенности, что отрицательно влияет на функционирование данного правового института.

Выводы и заключения: обосновывается необходимость закрепления на законодательном уровне дефиниций «аттестация сотрудника органов внутренних дел», «задачи аттестации», в связи с чем, предложена новая редакция ч. 1 статьи 33 ФЗ № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Ключевые слова: прохождение службы в ОВД; законодательство о службе в ОВД; аттестация; цели, задачи и принципы аттестации; сотрудник ОВД; кадровый потенциал; кадровая политика; увольнение из ОВД

Для цитирования: Корчагина А. А., Трифонова К. В. О некоторых проблемах административно-правового регулирования аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и вопросах совершенствования законодательства // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 60–67.

Original paper

ON SOME PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE CERTIFICATION OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ISSUES OF IMPROVING LEGISLATION

Ksenia Aleksandrovna Korchagina¹, Kristine Vasakovna Trifonova²

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Rostov Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russian Federation

© Корчагина К.А., Трифонова К.В., 2026

Introduction: the study analyzes the legal norms governing the basis and procedure for certification of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation (hereinafter referred to as the ATS), the practice of the Constitutional Court in this area, identifies gaps in legislation and suggests ways to eliminate them.

Materials and methods: the research materials were the legislation of the Russian Federation governing the certification of police officers, scientific literature and judicial practice. The authors used such methods as analysis, synthesis, induction, and the legal-dogmatic method.

Results of the study: the analysis of the regulatory framework governing certification in the Department of Internal Affairs allows us to state the existence of significant gaps in the legislative regulation of this institution: there is no definition of the very concept of "certification of an employee of the Department of Internal Affairs", key elements of its legal regime have not received proper regulatory consolidation, including the systematic definition of targets, tasks, functional purpose, basic organizational and legal principles, as well as guarantees of legal protection of employees during evaluation procedures. These gaps create conditions for legal uncertainty, which negatively affects the functioning of this legal institution.

Findings and conclusions: the article substantiates the need to consolidate at the legislative level the definitions of "attestation of an employee of the internal affairs bodies", "attestation tasks", and therefore, a new version of Part 1 of Article 33 of Federal Law № 342 "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" is proposed.

Keywords: service in the Department of Internal Affairs; legislation on service in the Department of Internal Affairs; attestation; goals, objectives and principles of attestation; employee of the Department of Internal Affairs; human resources; personnel policy; dismissal from the Department of Internal Affairs

For citation: Korchagina K. A., Trifonova K. V. On some problems of administrative and legal regulation of the certification of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation and issues of improving legislation // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 60–67.

Взаимодействие между гражданином, ожидающим от полиции защиты его жизни, здоровья прав, свобод и сотрудниками полиции, наделенным властными полномочиями, строится не только на основании законодательных норм или формальных атрибутов, таких, например, как форменное обмундирование или наличие служебного удостоверения. Ключевым связующим звеном в этой системе отношений выступает гарантия подтвержденной профессиональной компетентности и деловой репутации сотрудника ОВД, что обеспечивает процедура аттестации.

В рамках административно-правовой доктрины, вопросы института государственной службы традиционно занимают одно из центральных мест. Однако проблематика содержания, организации и проведения аттестации государственных служащих, в особенности ее специализированной разновидности в системе ОВД, остается на периферии исследовательского интереса.

Порядок проведения аттестации в ОВД регламентируется в специальной статье 33 Федерального закона № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ № 342), а также Приказом МВД России № 50, утверждающим Порядок прохождения службы в ОВД².

Несмотря на определенную нормативную урегулированность вопросов проведения аттестации в ОВД, отметим, что российское законодательство не содержит дефиницию «аттестация сотрудника органов внутренних дел», не устанавливает системно ключевые элементы режима данного правового института: задачи, принципы, функции, гарантии прав сотрудников и т. п. ФЗ № 342 закрепляет лишь цель аттестации сотрудника ОВД, которая сводится к определению соответствия сотрудника замещаемой должности. Вместе с тем, статья 75 данного закона включает аттестацию в перечень ключевых направлений кадрового обеспечения, тем самым законодательно подтверждая ее значимость для создания профессионального и эффективного личного состава ОВД.

Если говорить о нормативно-правовом регулировании аттестации сотрудников, проходящих службу на должностях иных видов государственной службы, отметим, что:

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант плюс».

² Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 февраля 2018 н. № 50. Доступ из справ. правовой системы «Консультант плюс».

согласно Федеральным законам № 197³, 328⁴, цель аттестации сотрудников, проходящих службу в подведомственных службах Минюста России (ФСИН, ФССП), закреплена такая же, как в ФЗ № 342, при прохождении военной службы, согласно Указу Президента РФ № 1237⁵, аттестация военнослужащих проводится «в целях их всесторонней и объективной оценки, определения их соответствия занимаемой воинской должности и перспектив дальнейшего служебного использования»; при прохождении государственной службы в органах прокуратуры, в соответствии с Федеральным законом № 2202-1⁶, аттестация прокурорских работников проводится «для определения их соответствия занимаемой должности, укрепления служебной дисциплины». Указанные в законодательстве цели проведения аттестации не в полной мере соответствуют настоящим реалиям и государственной политике. В рамках представленного исследования предлагается концептуальное изменение: указанную в ФЗ № 342 исчерпывающую цель аттестации целесообразно содержательно расширить, поскольку как представляется авторам, она носит более комплексный и системный характер и заключается не только в определении соответствия замещаемой должности, но и в оптимизации качественного состава кадров, формировании действенных стимулов для непрерывного профессионального развития персонала и создании объективных оснований для принятия взвешенных управленческих решений. Такой подход позволяет рассматривать аттестацию не как формальную проверку, а как инструмент стратегического управления человеческими ресурсами в ОВД.

В современных условиях, характеризующихся обострением геополитических вызовов и потребностью в качественном усилении кадрового ОВД, значение института аттестации приобретает стратегический характер. Данная процедура выступает ключевым инструментом реализации кадровой политики, обеспечивая баланс интересов руководства и личного состава.

Для представителя нанимателя аттестация служит механизмом рационального распределения служебных ресурсов, формирования кадрового резерва, стимулирования профессионального роста сотрудников. Она способствует укреплению исполнительской, служебной дисциплины, создает законные основания для принятия обоснованных кадровых решений, включая прекращения контракта с лицами, не отвечающими установленным профессиональным требованиям [1]. Сотрудник, в свою очередь, получает в процессе аттестации возможность объективно продемонстрировать свой профессиональный уровень, инициативность и компетентность. Успешное прохождение аттестации становится важным фактором, позитивно влияющим на перспективы карьерного роста и профессионального признания [2].

Таким образом, аттестация сотрудников ОВД – это не просто административная процедура, а комплексный механизм, непосредственно влияющий на качество выполнения ОВД своих функций, уровень общественного доверия к полиции и эффективность функционирования всей системы ОВД.

На основании этого, предлагаем часть 1 статьи 33 ФЗ № 342 изложить в следующей редакции:

«Аттестация сотрудника органов внутренних дел – это установленная настоящим Федеральным законом обязательная периодическая комплексная комиссионная оценка его служебной деятельности, профессиональных и профессионально значимых личностных качеств, проводимая в целях установления соответствия замещаемой должности, оптимизации кадрового состава, укрепления служебной дисциплины, стимулирования профессионального роста сотрудников, принятия обоснованных кадровых решений и повышения уровня доверия граждан».

Также авторы выделяют задачи аттестации, которые предлагают закрепить в статье 33 ФЗ № 342:

- обеспечение комплексной, объективной оценки морально-этических характеристик, деловой репутации и уровня профессиональной компетентности сотрудника;
- установление фактического соответствия аттестуемого лица требованиям, предъявляемым к замещаемой должности;

³ О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: Федер. закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант плюс».

⁴ О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант плюс».

⁵ Вопросы прохождения военной службы: Указ Президента РФ от 16 сентября 1999 г. № 1237. Доступ из справ. правовой системы «Консультант плюс».

⁶ О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ. правовой системы «Консультант плюс».

- выявление перспектив использования потенциальных возможностей сотрудников;
- стимулирование непрерывного обучения сотрудников, развития профессиональных компетенций, профессионально важных личностных качеств;
- создание условий для построения эффективного и профессионального кадрового потенциала ОВД.

Вместе с тем, можно выделить следующие функции аттестации:

- организационная – заключается в структурировании кадровых процессов и формировании системы управления личным составом;
- информационно-аналитическая – способствует генерации объективных данных о качественном состоянии кадрового потенциала (результаты аттестации формируют аналитическую базу для выявления системных проблем в кадровом обеспечении как на уровне отдельных подразделений, так и ОВД в целом);
- оценочная – состоит в комплексной оценке соответствия сотрудника замещаемой должности через анализ профессиональных компетенций, личностных качеств и результатов служебной деятельности;
- распорядительно-правовая – обеспечивает непосредственную связь между результатами оценки по итогам аттестации и комплексом правовых последствий для сотрудника (служит правовым механизмом реализации выводов аттестации).

Любая юридическая процедура, включая аттестационную, требует для своей реализации строгого следования системе специальных (отраслевых) принципов, которые определяют ее правовую природу и организационный порядок. Можно выделить такие принципы аттестации, как:

1. Принцип законности. Предписывает неукоснительное соблюдение всеми участниками процедуры аттестации установленных нормативных правовых актов. Он служит основой правомерности каждого этапа аттестации и гарантией защиты как государственных интересов, так и прав сотрудника.

2. Принцип объективности. Являясь краеугольным камнем процедуры, данный принцип требует беспристрастного, доказательного и всестороннего анализа всей совокупности факторов, характеризующих служебную деятельность, профессиональные компетенции и личностные качества аттестуемого. Оценка должна исключать влияние личных симпатий, предубеждений или постороннего давления.

3. Принцип обязательности. Аттестация проводится в отношении всего личного состава ОВД с установленной периодичностью, независимо от занимаемой должности, специального звания или выслуги лет. Это обеспечивает системность и равные условия для оценки профессионального соответствия.

4. Принцип всесторонности и комплексности. Оценка сотрудника осуществляется на основе полного и детального изучения всех аспектов его служебной деятельности: от выполнения должностных обязанностей, соблюдения дисциплины, законности, профессиональной этики, служебного этикета и достижения результатов в службе до уровня профессиональной служебной, физической и морально-психологической подготовки сотрудника.

5. Принцип гласности и открытости. Процедура предполагает обеспечение: информированности сотрудника о порядке, критериях и сроках проведения аттестации; права на заблаговременное ознакомление с отзывом на него; возможности для сотрудника лично присутствовать на заседании аттестационной комиссии, а также обязательное доведение до него мотивированных итоговых решений. Все это формирует доверие к процедуре и способствует ее восприятию как справедливой.

6. Принцип коллегиальности. Такой подход минимизирует риски субъективизма, обеспечивает многогранность оценки и усиливает авторитетность и обоснованность результатов аттестации.

7. Принцип реализации принятых решений. Все выводы и рекомендации, сформулированные по итогам аттестации, должны повлечь за собой конкретные организационно-правовые последствия.

8. Принцип защиты аттестуемым сотрудником своих прав. Выражается в деятельности сотрудника по отстаиванию своих интересов.

Реализация указанных принципов в их системном единстве обеспечивает эффективность, справедливость, высокую социально-управленческую ценность института аттестации как стержневого элемента кадровой работы в ОВД.

Установленный порядок проведения аттестации предполагает ее периодичность раз в четыре года. При этом законодатель предусматривает специальные «отсрочки», к которым относятся: назначение на новую должность в системе ОВД (аттестация откладывается минимум на год), а также нахождение сотрудников женского пола в отпусках

по беременности, родам, а также нахождение сотрудников в отпуске по уходу за ребенком до трех лет (процедура проводится не ранее чем через год после завершения соответствующего отпуска).

Наряду с плановой периодичностью, законодательство о службе в ОВД предусматривает внеочередную аттестацию, которая инициируется при наступлении юридических фактов, исчерпывающий перечень которых закреплен в части 4 статьи 33 ФЗ № 342. Например, установление профессиональной непригодности сотрудника к выполнению действий, сопряженных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, что подтверждается результатами соответствующей проверки. Что касается данного основания проведения внеочередной аттестации, его конституционность пытались оспорить в Конституционном суде РФ⁷. В качестве примера приведем случай, когда сотрудник ОВД «Л» получила неудовлетворительные оценки по итоговой проверке по морально-психологической, профессиональной служебной и физической подготовке, включая неявку на огневую подготовку, что послужило основанием для признания ее профессионально непригодной к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, спецсредств и огнестрельного оружия. В отношении нее была назначена внеочередная аттестация, рекомендовавшая увольнение. Однако на основании ее рапорта данная рекомендация была признана нелегитимной, назначена новая аттестация, предоставившая трехмесячный срок для устранения недостатков. По истечении срока, не сдав огневую подготовку, заявитель на повторной внеочередной аттестации была вновь признана не соответствующей должности и рекомендована к увольнению. «Л» пыталась оспорить данную процедуру в Конституционном Суде РФ, утверждая, что повторная внеочередная аттестация за те же нарушения представляет собой привлечение к ответственности дважды за одно деяние, что противоречит статьям 6, 15, 17, 18, 19, 50 и 55 Конституции РФ. Конституционный Суд отказал в принятии жалобы, указав, что внеочередная аттестация является не мерой юридической ответственности, а инструментом обеспечения специальных профессиональных требований к сотрудникам ОВД и направлена на формирование эффективного кадрового состава.

Институт аттестации в системе ОВД базируется на принципе коллегиальности. Рассмотрение и комплексная оценка профессиональной компетентности сотрудника осуществляются специально формируемым коллегиальным органом – аттестационной комиссией. Ее состав (не менее семи человек) в обязательном порядке включает представителей кадровых и юридических подразделений, что обеспечивает соблюдение формальных процедур и правовых норм. Важным требованием при формировании комиссии является исключение потенциальных конфликтов интересов, что гарантирует беспристрастность процесса. По решению уполномоченного руководителя к работе аттестационной комиссии с правом совещательного голоса могут привлекаться члены общественных советов при МВД России и его территориальных органах, общественных организаций ветеранов ОВД, а также представители образовательных и научных организаций – специалисты по вопросам деятельности ОВД. Таким образом, коллегиальность выступает ключевым механизмом, обеспечивающим всесторонность, объективность и легитимность аттестационного процесса.

Действующее законодательство детально регламентирует процедурный порядок аттестации, позволяя выделить в ее структуре последовательные стадии. В научной литературе зачастую выделяют четыре стадии (подготовительную, основную, итоговую и факультативную (обжалование). Однако, как аргументированно указывают Золотова Е.В. и Сумина Е.В., аттестацию следует рассматривать в рамках трех этапов, поскольку, что право на обжалование, будучи закрепленным статьей 72 ФЗ № 342, реализуется в рамках служебного спора, являющегося самостоятельным правовым институтом, что выводит его за пределы процедуры аттестации. Параллельно авторы подчеркивают необходимость разработки МВД России унифицированного типового алгоритма проведения аттестации в привязке к ее основным стадиям [3].

В контексте поиска оптимальных моделей организации аттестации определенный научный интерес представляет зарубежный опыт, в частности – Республики Казахстан, где она включает несколько этапов: подготовительный, определение профессиональной пригодности по установленным нормативам, компьютерное тестирование (оценка знания законодательства и логического мышления), а также завершающий – собеседование с членами комиссии и вынесение итогового решения. В научном сообществе указывают

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лосевой Ангелины Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 4 части 4 статьи 33 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного суда от 29 сентября 2016 года № 1866-О. Доступ из справ. правовой системы «Консультант плюс».

на потенциальную адаптивность данного подхода для российской правовой системы, а также отмечают, что его имплементация позволила бы осуществить переход от формально-документальной к содержательной оценке компетенций, обеспечив фактическую проверку глубины усвоения нормативной правовой базы, способности к применению знаний на практике и комплексного определения уровня профессионализма сотрудников ОВД [4]. Ранее некоторые авторы также озвучивали мнение о том, что при проведении аттестации следует проводить тестирование как наиболее распространенный метод оценки сотрудников, включающее вопросы, разработанные с учетом специфики подразделения, в котором проходит службу аттестуемый [5].

Важно подчеркнуть, что подготовка к проведению аттестации осуществляется непосредственным руководителем аттестуемого и кадровым подразделением. Непосредственный руководитель сотрудника подготавливает мотивированный отзыв о выполнении им служебных обязанностей и предложения аттестационной комиссии. При его подготовке учитываются результаты профессиональной деятельности, личные и деловые качества аттестуемого и сведения, представленные соответствующими подразделениями непосредственному руководителю: об уровне профессиональной служебной и физической подготовки сотрудника; о соблюдении им служебной дисциплины, ограничений, обязанностей и запретов, связанных со службой в ОВД.

Для максимальной унификации оценки деятельности, профессионализма аттестуемого, которая может снизить субъективизм при проведении аттестации, приказом МВД России № 50 утверждены структура и рекомендуемый образец мотивированного отзыва руководителя. Однако, в качестве минуса можно отметить, что некоторые элементы структуры рекомендуемого образца несут несколько субъективный характер, например, сведения о лидерских способностях, инициативности, степени авторитетности в служебном коллективе, эмоционально-волевой устойчивости (в зависимости от степени личной расположенности руководителя к аттестуемому и наличия реальной возможности проявить указанные качества). Возникает вопрос, какими критериями оценки, которые позволят объективно измерять не только формальные показатели, но и важные личностные качества, руководствоваться руководителю. Именно поэтому, в качестве «подспорья» для аттестационной комиссии могли бы служить результаты психологической работы, осуществляемой в рамках морально-психологического обеспечения в ОВД путем проведения комплекса диагностических, прогностических, аналитических, сопроводительных и иных мероприятий, предусмотренных Приказом МВД России № 500⁸. В силу чего, представляется логичным в обязательном порядке включать в состав аттестационных комиссий психологов подразделений по работе с личным составом, которые могли бы внести свою весомую лепту в оценке личностных качеств аттестуемого. Вместе с тем, разделяем мнение, существующее в научной литературе, о целесообразности закрепления в законодательстве требования об обязательном представлении на заседание аттестационной комиссии соответствующих заключений ведомственных психологов [6].

Сотрудник должен быть ознакомлен с мотивированным отзывом не менее чем за один рабочий день до проведения аттестации. Однако, как видится авторам, следует пересмотреть данный срок, который оценивается как недостаточный. Обоснованием служит необходимость предоставления сотруднику адекватной возможности (учитывая служебную загруженность) не только для ознакомления с ним, но и для формулирования возражений, подготовки дополнительных материалов, характеризующих его служебную деятельность и, возможно, опровергающих спорные положения отзыва. Увеличение указанного срока способствовало бы обеспечению принципа защиты аттестуемым сотрудником своих прав, который выражается в деятельности сотрудника по отстаиванию своих интересов, а также принципа объективности и всесторонности.

Аттестация проводится, как правило, в присутствии сотрудника, а его неявка на заседание без уважительных причин, в соответствии со статьей 49 ФЗ № 342, признается грубым нарушением служебной дисциплины, что влечет за собой привлечение к дисциплинарной ответственности в соответствии со статьями 50, 51 ФЗ № 342, а аттестация переносится [7]. С учетом условий служебной деятельности и согласия сотрудника по решению председателя аттестационной комиссии аттестация может проводиться с использованием сервиса видеоконференц-связи, а также заочно.

Аттестационная комиссия, решая возложенные на нее задачи, принимает рекомендации, предусмотренные частью 13 статьи 33 Федерального закона № 342, при этом они заносятся в аттестационный лист, с которым аттестуемый знакомится под расписку до представления

⁸ Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500. Доступ из справ. правовой системы «Консультант плюс».

его соответствующему руководителю. Также комиссия может принять рекомендацию о поощрении сотрудника или внести другие предложения.

Авторы полагают, что при принятии таких рекомендаций по итогам аттестации как назначение на вышестоящую должность в ОВД, включение в кадровый резерв для замещения вышестоящей должности в ОВД, следует учитывать участие аттестуемого в специальной военной операции на Украине. Президент страны ежегодно (например, в 2022 году – на расширенном заседании коллегии Министерства обороны, в 2023 – в послании Федеральному собранию, в 2025 – на встрече с лидерами фракций политических партий в Госдуме РФ) с момента ее начала поднимает вопрос о необходимости «выдвигать на руководящие посты людей, которые ничего не боятся в служении Родине и пошли на то, чтобы рисковать своим здоровьем, жизнью», поскольку «люди должны понимать, что Родина оценила их вклад в защиту Отечества». Отметим, что в последние годы, в связи с новыми геополитическими реалиями, понимание необходимости отражения внешней агрессии и подготовка к необходимым действиям в настоящих условиях – одна из основных задач для органов государственной власти, включая ОВД, в связи с чем, вопросы сформированности патриотического правосознания у сотрудников ОВД стоят в настоящее время «во главе угла». Патриотическое правосознание способствует профессиональному и личностному росту сотрудников, а также эффективному осуществлению служебной деятельности, пониманию и поддержке сотрудниками ОВД государственной политики в сфере обороны страны и национальной безопасности. Однако, возникает сложный и дискуссионный вопрос о критериях оценки сформированности патриотического правосознания.

Рассматривая еще одну возможную рекомендацию по итогам аттестации – «сотрудник не соответствует замещаемой должности в ОВД и подлежит увольнению со службы», отметим, что своих жалоб в Конституционный суд РФ граждане не раз пытались оспорить ее конституционность⁹. Конституционный суд РФ отказывал в принятии к рассмотрению данных жалоб отмечая, что указанная норма не может рассматриваться как неконституционная, поскольку, предусматривая возможность прекращения службы в ОВД по результатам аттестации в том случае, если в ходе ее проведения выяснилось, что сотрудник более не отвечает требованиям, предъявляемым для замещения той или иной должности, призвана гарантировать комплектование ОВД кадрами, имеющими высокую квалификацию, в целях надлежащего исполнения данного вида государственной службы, связанной с обеспечением общественного порядка, законности, прав и свобод граждан и предназначенной для защиты интересов общества и государства.

Подчеркнем, что руководитель не позднее чем через две недели после проведения аттестации принимает одно из решений, предусмотренных частью 16 статьи 33 ФЗ № 342, с учетом рекомендаций аттестационной комиссии, что в полной мере отражает принципы коллегиальности и единоначалия в ОВД, как взаимодополняющие основы управления.

Таким образом, аттестацию можно рассматривать как «зеркало» управленческой эффективности. Ее обобщенные результаты отражают состояние кадрового потенциала отдельного подразделения и ОВД в целом. Они показывают, насколько успешно внедряются новые методики управления, где существуют системные пробелы в подготовке, расстановке кадров и др., что позволяет руководству принимать выверенные кадровые и организационные решения, направленные на укрепление ОВД. Таким образом, аттестация сотрудников в ОВД – это многофункциональный институт, который, сочетая в себе свойства «фильтра», «навигатора» и «диагностического инструмента», обеспечивает «чистоту рядов», способствует постоянному профессиональному росту сотрудников и в конечном счете служит укреплению доверия общества к ОВД.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Корчагина К.А. Совершенствование кадрового потенциала в органах внутренних дел Российской Федерации // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения. Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025.

2. Ямалитдинов А.А., Четверикова А.И., Ковган Е.Ю., Кузнецов А.В. Применение принципов справедливости и пропорциональности в административном законодательстве: анализ и перспективы // Евразийский юридический журнал. 2024. № 7 (194).

3. Золотова Е.В., Сумина Е.А. К вопросу об аттестации личного состава органов внутренних дел Российской Федерации. Научный портал МВД России. 2020. № 3 (51).

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Гусева Александра Геннадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части 2 и пунктом 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного суда от 17 июля 2014 г. № 1713-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

4. Золотова Е.В. О зарубежном опыте оценки результатов служебной деятельности (аттестации) сотрудников органов внутренних дел (полиции). Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2 (70).

5. Маюров Н.П., Бялт В.С. Институт аттестации в органах внутренних дел Российской Федерации: актуальные проблемы и пути решения // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3.

6. Елфимова Е.В., Софронова А.Ю. Аттестация сотрудников органов внутренних дел: вопросы совершенствования законодательства. Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 1.

7. Осяк А.Н., Корчагина К.А. Некоторые особенности общественных отношений, складывающихся в процессе реализации института дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел // Юрист-Правоведь. 2017. № 2 (81).

REFERENCES

1. Korchagina K.A. Improving human resources in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Administrative and legal regulation of the protection of public order and ensuring public safety: problems and ways to solve them. Materials of the annual interuniversity scientific and practical conference. Saint Petersburg, 2025.

2. Yamaltdinov A.A., Chetverikova A.I., Kovgan E.Yu., Kuznetsov A.V. Application of principles of justice and proportionality in administrative legislation: analysis and prospects // Eurasian Law Journal. 2024. № 7 (194).

3. Zolotova E.V., Sumina E.A. On the issue of certification of personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3 (51).

4. Zolotova E.V. About the foreign experience of evaluating the results of professional activity (attestation) of employees of the internal affairs bodies (police). Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2 (70).

5. Mayurov N.P., Byalt V.S. Institute of Attestation in the Internal Affairs bodies of the Russian Federation: current problems and solutions // Gaps in Russian legislation. 2012. № 3.

6. Elfimova E.V., Sofronova A.Yu. Certification of employees of internal affairs bodies: issues of improving legislation. Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2018. № 1.

7. Osyak A.N., Korchagina K.A. Some features of public relations developing in the process of implementing the institution of disciplinary responsibility in internal affairs bodies // Jurist-Pravoved. 2017. № 2 (81).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

К. А. Корчагина – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

К. В. Трифонова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процессуального права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева. 344038, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

K. A. Korchagina – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 344015, Russian Federation, Rostov-on-Don, 83 Eremenko St.

K. V. Trifonova – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law of the Rostov Branch of the Lebedev Russian State University of Justice 344038, Russian Federation, Rostov-on-Don, 66 Lenin Ave.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 23.01.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 342.7

ПРАВА ГРАЖДАН, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ, В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ольга Олеговна Небрatenко

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация, onebratenko@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0284-9353>

Введение: конституционное регулирование прав граждан имеющих детей представлено в Конституции Российской Федерации лишь в основополагающих моментах (ст. 38), развитие их содержания осуществляется в текущем законодательстве, а также посредством судебного регулирования в порядке конституционного судопроизводства.

Материалы и методы: диалектический, системного анализа, структурно-функциональный методы познания. В статье автор рассматривает решения Конституционного Суда Российской Федерации.

Результаты исследования: судебное регулирование Конституционного Суда Российской Федерации влияет на законотворчество и правоприменение.

Выводы и заключения: наблюдается тенденция выявления конституционно-правового смысла оспариваемых норм без их дисквалификации, преимущественно через расширительное толкование, реже ограничительное или буквальное.

Ключевые слова: судебная доктрина, правовые позиции Конституционного Суда, права граждан, имеющих детей, судебное регулирование

Для цитирования: Небрatenко О. О. Права граждан, имеющих детей, в интерпретации, Конституционного Суда Российской Федерации // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 68–72.

Original paper

RIGHTS OF CITIZENS WITH CHILDREN AS INTERPRETED BY THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Olga Olegovna Nebratenko

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: constitutional regulation of the rights of citizens with children is presented in the Constitution of the Russian Federation only in its fundamental aspects (Article 38). Their content is further developed through current legislation and through judicial regulation in constitutional proceedings.

Materials and methods: dialectical, system analysis, structural and functional methods of cognition. In the article, the author examines the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Research results: judicial regulation of the Constitutional Court of the Russian Federation influences lawmaking and law enforcement.

Findings and conclusions: there is a tendency to identify the constitutional and legal meaning of the contested norms without disqualifying them, mainly through an expansive interpretation, less often restrictive or literal.

Keywords: judicial doctrine, legal positions of the Constitutional Court, rights of citizens with children, judicial regulation

For citation: Nebratenko O. O. The rights of citizens with children in the Interpretation of the Constitutional Court of the Russian Federation // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 68–72.

© Небрatenко О.О., 2026

В системе социальных прав важное место занимают права граждан, имеющих детей, они реализуют принципы защиты семьи, материнства, отцовства и детства через комплекс мер поддержки в сфере труда, занятости, социальной сфере, направленных на обеспечение достойного уровня жизни и социальную справедливость, «повышают эффективность общественных отношений в различных сферах хозяйствования» [5, с. 4]. Актуализируют исследования данной разновидности прав сложившаяся демографическая ситуация в России, которая носит «характер надвигающейся катастрофы» [3, с. 20], а также влияние технологий искусственного интеллекта, которое «меняет представление о свободе, правах и обязанностях» [4, с. 39].

Защиту и одновременно развитие право на защиту семьи, материнства и детства помимо конституционного и отраслевого уровня находит в практике деятельности Конституционного Суда РФ. В системе прав на защиту семьи, материнства и детства как «основных субъективных прав» [2, с. 283–312] важное место занимает право на усыновление, способствующее реализации права всех детей иметь семью, гарантирующее им эмоциональную и материальную поддержку. Так, гражданину Аникееву¹ было отказано в усыновлении ребенка по причине осуществляемого в отношении него уголовного преследования, прекращенного в связи с примирением сторон. Подтверждено соответствие Конституции РФ и одновременно дисквалифицировано оспариваемое положение Семейного кодекса РФ (п. 1 ст. 127) об отсутствии права лиц, имеющих или имевших судимость, быть усыновителями, которое соответствует Конституции, поскольку устанавливает общий запрет на усыновление детей лицами, имеющими или имевшими судимость. В то же время данная норма подвергнута дисквалификации, поскольку при общем запрете усыновления не позволяет суду принимать во внимание особенности совершенного преступления, срок его совершения, форму вины и другие обстоятельства, а также учитывать возможности потенциального усыновителя обеспечить полноценное духовное, нравственное и физическое развитие ребенка. Суд придает норме более широкий смысл по сравнению с ее буквальным пониманием, связанный с выявлением субъектов, на которых не распространяется общий запрет на усыновление при определенных условиях, а также допускает усыновление не только детей, оставшихся без попечения родителей, но и пасынков и падчериц. В данном Постановлении имеет место судебное регулирование в форме адресованных законодателю рекомендаций по внесению изменений и дополнений в законодательство, в том числе ориентированное на суды временное регулирование, действующее до внесения изменений в законодательство, заключающееся в предписании невозможности формального отказа судам в установлении усыновления лицам, имеющим или имевшим судимость, а также в подтверждении обязанности судов оценить соответствие усыновления максимальной защите прав и законных интересов усыновляемого.

В Постановлении от 20.06.2018² оспариваются положения Семейного кодекса РФ, на основании которых правоприменительные органы имеют возможность отказывать гражданам, страдающим инфекционными заболеваниями, в том числе ВИЧ-инфекцией и гепатитом С, в усыновлении ребенка без установления фактических обстоятельств на основании одного диагноза. Оспариваемые положения рассматриваются в судебной практике как императивные, предполагающие отказ в усыновлении лицу, имеющему подобное намерение и, как следствие, не позволяют лицу стать усыновителем. При рассмотрении дела Суд широко использует международные универсальные акты – Конвенцию о правах ребенка³, Декларацию прав ребенка⁴, Декларацию о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей⁵, а также учитывает ранее высказанные правовые позиции: об

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Аникиева» // Вестник Конституционного Суда. 2014. № 3.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 5.

³ «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ «Декларация прав ребенка» (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ «Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях» (принята 03.12.1986 Резолюцией 41/85 Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

ориентации усыновления на создание полноценной семьи; о социально-психологическом и правовом значении усыновления для самого усыновленного; допустимости запрета на усыновление детей лицами, судимость которых не снята или не погашена.

Установив цель введения законодательного запрета на усыновление детей лицами с определенными заболеваниями, Конституционный Суд ориентирует законодателя и правоприменителей на обращение к необходимым, но не чрезмерным мерам. В резолютивной части оспариваемые нормы признаны не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой на их основе может быть отказано в усыновлении лицу, инфицированному ВИЧ или гепатитом С при наличии 3 условий: ребенок уже проживает с таким лицом, усыновление отвечает интересам ребенка, усыновление позволяет юридически оформить сложившиеся отношения. Здесь имеет место ограничительное толкование за счет конкретизации оспариваемых норм, которые интерпретируются более узко с целью избежать чрезмерного и неправильного расширения прав и обязанностей, предотвратить излишнее вмешательство в права и обязанности иных лиц.

Одним из элементов системы гарантий защиты материнства и детства, направленным на поддержку семей, имеющих детей, с целью предотвращения снижения общего уровня материального благосостояния семьи, является запрет увольнения лиц, имеющих детей в возрасте до трех лет. Заявитель в следующем решении⁶, гражданин А.Е. Остаев, являвшийся отцом троих малолетних детей, был уволен с занимаемой должности по сокращению штатов, в это время его жена не работала, осуществляла уход за детьми. Суды общей юрисдикции в удовлетворении исковых требований отказали в связи с отсутствием нарушений процедуры увольнения со стороны работодателя. Основанием к рассмотрению дела явилась сложившаяся неопределенность нормы об установлении запрета расторжения трудового договора с женщинами, имеющими детей в возрасте до трех лет. Признавая норму не соответствующей Конституции РФ, Суд ориентирует законодателя на возможность определить условия предоставления гарантии в случае увольнения отца, являющегося единственным кормильцем многодетной семьи, а также предусмотреть иные дополнительные меры поддержки семей на период поиска работы кормильцем. Конституционный Суд осуществил расширительное толкование оспариваемой нормы, распространив запрет увольнения на обоих родителей, воспитывающих ребенка, не достигшего трехлетнего возраста, тем более если в такой семье воспитывается несколько малолетних детей.

Для граждан, имеющих детей, значение имеет право на выплату пособий, неоднократно развиваемое и дополняемое Конституционным Судом РФ. В Постановлении по делу гражданки Т.А. Баныкиной⁷ предметом рассмотрения являлась норма о максимальном размере пособия по беременности и родам. Руководствуясь принципом социального государства, Суд отметил особую публичную значимость института материнства и детства, которую федеральный законодатель осознает и, кроме того, понимает необходимость выстраивания адекватной системы социальной защиты. На необходимость выстраивания такой системы ориентирована Международная организация труда, на универсальные нормы конвенций которой, даже не ратифицированные Российской Федерацией, ссылается отечественный орган конституционного правосудия (п. 2). Особенностью вынесенного решения является формулирование положения об истечении срока действия дисквалифицированной нормы, равного 6 месяцам с момента провозглашения постановления. Одновременно Суд сформулировал предписание о внесении изменений в действующее законодательство, адекватные принятому решению. В данном Постановлении имеет место расширительное толкование, задействовав которое Суд снимает ограничение по размеру пособия по беременности и родам.

Конституционный Суд защищает не только права граждан, уже имеющих детей, но и права потенциальных родителей и их будущих детей, когда, ссылаясь на общепризнанную

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2011 № 28-П «По делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Остаева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 1.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2007 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 15 Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год» в связи с жалобой гражданки Т.А. Баныкиной» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 3.

социальную роль женщины в продолжении рода, отказывает гражданке А.Ю. Клевев в рассмотрении жалобы на отказ в зачислении на курсы по обучению на помощника машиниста метрополитена⁸.

В следующем случае⁹ конституционное судопроизводство инициировано гражданкой А.И. Леухиной, которая обжалует ч. 1 ст. 1 Закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», на основании которой ей было отказано в выплате ежемесячного пособия на проживающих с нею двух несовершеннолетних детей, поскольку отсутствовал международный договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой. Конституционный Суд сформулировал правовую позицию, согласно которой военнослужащие РФ вправе получать государственные пособия на детей вне зависимости от места прохождения службы и места проживания. Аргументами в пользу такого решения является: согласование с целями социального государства выплаты детских пособий всем без изъятий; особый правовой статус военнослужащих; отсутствие международных обязательств в области выплаты социальных пособий между РФ и Азербайджанской Республикой.

В Постановлении от 29.06.2021¹⁰ Конституционный Суд РФ признал не соответствующей Конституции РФ норму, на основании которой отцы детей, рожденных от суррогатных матерей, лишались права на получение материнского (семейного) сертификата, одновременно расширив круг лиц, которые имеют право на получение данной дополнительной меры государственной поддержки. С учетом норм федерального закона Конституционный Суд назвал право женщины на получение мер государственной поддержки приоритетным, а соответствующее право мужчины имеющим производный характер, за исключением случая, когда он является единственным усыновителем ребенка (детей), что объяснил различиями видов социального риска, которым подвержены мужчины и женщины (п. 3).

Конституционный Суд РФ в данном решении как и во всех остальных, касающихся назначения мер социальной поддержки, в обязательном порядке определяет цель государственной поддержки – стимулирование рождаемости детей в семье, создание условий для их достойного семейного воспитания. Далее он сформулировал предписание федеральному законодателю о внесении изменений в правовое регулирование в части права отцов, являющихся единственным родителем детей, рожденных для него суррогатной матерью, а впоследствии вступивших в брак и воспитывающих детей совместно с усыновившей их женщиной, на получение материнского (семейного) капитала. Предписание Конституционный Суд формулирует также в отношении суда, который может рассмотреть дело до внесения изменений в законодательство на основе Конституции и данного Постановления¹¹.

Подводя итоги вышеизложенному, следует сказать, что при формулировании решений, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе защиту материнства, отцовства и детства, Конституционный Суд РФ осуществляет судебное регулирование, проявляемое через выявление смысла оспариваемой нормы, формулирование предписаний (рекомендаций) законодателю по совершенствованию законодательства, а также через временное регулирование, «которое осуществляется на период до внесения изменений в законодательство, параметры которого призваны ориентировать законодателя при разработке вносимых изменений» [1, с. 53, 55]. Конституционный Суд РФ разрешает дела преимущественно посредством выявления

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 617-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клевев Анны Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частями первой и третьей статьи 253 Трудового кодекса Российской Федерации и пунктом 374 раздела XXX Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2000 № 134-О «По запросу военного суда – войсковая часть 63028 о проверке конституционности абзаца третьего части первой статьи 1 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области». URL: <http://pravo.gov.ru>, 30.06.2021 (дата обращения: 08.07.2025).

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2021 № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области». URL: <https://pravo.gov.ru> 30.06.2021 (дата обращения: 08.07.2025).

конституционно-правового смысла, подтверждая одновременно соответствие и несоответствие оспариваемой нормы Конституции Российской Федерации, не прибегая к ее полной дисквалификации. Судебная доктрина по данной категории дел формулируется чаще через расширительное толкование, например, при дополнении круга субъектов, которым разрешается усыновление; при распространении запрета увольнения на обоих родителей, воспитывающих ребенка до трех лет; при устранении ограничения по размеру пособия по беременности и родам и т. д. Таким образом, посредством конституционного судопроизводства наряду с конституционным и текущим законодательством осуществляется развитие содержания основных субъективных прав граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Небрятенко О.О. Влияние решений Конституционного Суда Российской Федерации на законотворческую и правоприменительную практику // Российский судья. 2025. № 5.
2. Овсепян Ж.И. Конституционно-правовой статус человека (гражданина). Научно-исследовательская работа. Ростов н/Д, 2018.
3. Овчинников А.И., Багдасаров В.Ю., Чухутова Н.А. Правотворческая и правоприменительная политика в сфере традиционных духовно-нравственных ценностей // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. № 2. Т. 11.
4. Овчинников А.И., Кроткова Н.В., Фатхи В.И. Человеческая идентичность и права человека в условиях сингулярности: философско-правовое измерение // Государство и право. 2025. № 3.
5. Пахомов С.В. Криминалистическая теория и практика расследования преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса: автореф... дис... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023.

REFERENCES

1. Nebratenko O.O. Influence of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on legislative and law enforcement practice // Russian judge. 2025. № 5.
2. Ovsepyan J.I. Constitutional and legal status of a person (citizen). Scientific research work. Rostov-on-Don. 2018.
3. Ovchinnikov A.I., Bagdasarov V.Yu., Chukhutova N.A. Law-making and Law Enforcement Policy in the Sphere of Traditional Spiritual and Moral Values // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2024. Vol. 11. № 2.
4. Ovchinnikov A.I., Krotkova N.V., Fathi V.I. Human Identity and Human Rights in the Context of Singularity: Philosophical and Legal Dimension // State and Law. 2025. № 3.
5. Pakhomov S.V. Forensic theory and practice of investigating crimes committed in the agro-industrial complex: Abstract of a Doctor of Law dissertation. Krasnodar, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

О. О. Небрятенко – кандидат юридических наук, доцент, докторант факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России. 125171, Российская Федерация, Москва, улица Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

O. O. Nebratenko – PhD in Law, Associate Professor, doctoral student at the Faculty of Training Scientific and Scientific-pedagogical personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow 125171 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.02.2026; одобрена после рецензирования 06.03.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 15.02.2026; approved after reviewing 06.03.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 342.951

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ: ОТ КАТЕГОРИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ К СПЕЦИАЛЬНЫМ РЕЖИМАМ

Евгений Александрович Нестеров

Российский университет транспорта, Москва, Российская Федерация, info@ui-miit.ru

Введение: актуальность исследования обусловлена трансформацией системы государственного контроля (надзора) в Российской Федерации, закрепленной Федеральным законом от 31 июля 2020 № 248-ФЗ, и одновременным функционированием двух правовых режимов на железнодорожном транспорте: тематического (железнодорожного) надзора и контроля за транспортной безопасностью.

Материалы и методы: в исследовании применен комплекс методов: формально-юридический анализ нормативных правовых актов, сравнительно-правовой метод для выявления особенностей регулирования на разных видах транспорта, статистический анализ правоприменительной практики Ространснадзора за 2022–2024 гг., а также диалектический метод для выявления противоречий в системе управления рисками.

Результаты исследования: выявлена системная проблема отсутствия возможности проведения инспекционного визита в отношении владельцев железнодорожного подвижного состава вследствие отмены категорирования транспортных средств. Установлена правовая неопределенность института предостережения. Обнаружено ограничение применения «тест-ситуаций» при проведении эксперимента на железнодорожном транспорте, что снижает эффективность выявления уязвимостей в системе транспортной безопасности.

Выводы и заключения: государственный контроль (надзор) в области железнодорожного транспорта характеризуется уникальной особенностью – одновременным управлением рисками в двух взаимосвязанных, но самостоятельных правовых режимах, где цели обеспечения транспортной безопасности имеют приоритетное значение. Для повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности предложено: внесение изменений в законодательство с целью установления возможности проведения инспекционного визита в отношении владельцев железнодорожного подвижного состава; совершенствование института предостережения путем установления критериев его обязательности при угрозе причинения вреда; дополнение профильного нормативного правового акта специальными режимами контроля (обязательный мониторинг, постоянный рейд); унификация подходов к проведению эксперимента на всех видах транспорта, включая расширение применения «тест-ситуаций» на железнодорожном транспорте. Реализация данных предложений позволит сформировать единую организационно-правовую модель сорегулирования, основанную на тесном взаимодействии управлений Ространснадзора при планировании и осуществлении контрольно-надзорных мероприятий.

Ключевые слова: государственный контроль, надзор, железнодорожный транспорт, транспортная безопасность, управление рисками, инспекционный визит, профилактические мероприятия

Для цитирования: Нестеров Е. А. Организационно-правовые противоречия государственного контроля на железнодорожном транспорте: от категорирования объектов к специальным режимам // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 73–78.

Original paper

ORGANIZATIONAL AND LEGAL CONTRADICTIONS OF STATE CONTROL IN RAILWAY TRANSPORT: FROM CATEGORIZATION OF OBJECTS TO SPECIAL REGIMES

Evgeny Alexandrovich Nesterov

Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation

© Нестеров Е.А., 2026

Introduction: the relevance of the study is due to the transformation of the system of state control (supervision) in the Russian Federation, enshrined in Federal Law № 248-FZ of July 31, 2020, and the simultaneous functioning of two legal regimes in railway transport: thematic (railway) supervision and control over transport safety.

Materials and methods: the study uses a set of methods: a formal legal analysis of regulatory legal acts, a comparative legal method to identify regulatory features for different modes of transport, a statistical analysis of Rostransnadzor's law enforcement practices for 2022–2024, as well as a dialectical method to identify contradictions in the risk management system.

Results of the study: the systemic problem of the lack of the possibility of conducting an inspection visit in relation to the owners of railway rolling stock due to the cancellation of vehicle categorization has been identified. The legal uncertainty of the institution of caution has been established. A limitation of the use of “test situations” during an experiment in railway transport has been found, which reduces the effectiveness of identifying vulnerabilities in the transport security system.

Findings and conclusions: state control (supervision) in the field of railway transport is characterized by a unique feature – simultaneous risk management in two interrelated but independent legal regimes, where the goals of ensuring transport safety are of priority importance. In order to increase the effectiveness of control and supervisory activities, it is proposed to amend legislation in order to establish the possibility of conducting an inspection visit with respect to owners of railway rolling stock.; improving the institution of prevention by establishing criteria for its obligation in the event of a threat of harm; supplementing the relevant regulatory legal act with special control regimes (mandatory monitoring, permanent raid); unifying approaches to conducting experiments on all types of transport, including expanding the use of “test situations” in railway transport. The implementation of these proposals will make it possible to form a unified organizational and legal model of co-regulation based on close cooperation between Rostransnadzor departments in planning and implementing control and supervisory measures.

Keywords: state control, supervision, railway transport, transport safety, risk management, inspection visit, preventive measures

For citation: Nesterov E. A. Organizational and legal contradictions of state control in railway transport: from categorization of objects to special regimes // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 73–78.*

Актуальность исследования обусловлена трансформацией системы государственного контроля (надзора) в Российской Федерации, закрепленной Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹. Особое значение приобретает анализ специфики реализации контрольно-надзорной деятельности в сфере железнодорожного транспорта – стратегически важной отрасли транспортной системы России, где вопросы безопасности имеют первостепенное значение. За 2024 год территориальными органами Госжелдорнадзора было проведено 194 контрольных (надзорных) мероприятия, из них 52 – плановых, 142 – внеплановых, в ходе которых выявлено 15 428 нарушений требований законодательства, выдано 193 предписания по устранению нарушений². Такая статистика свидетельствует о необходимости глубокого анализа существующих механизмов контроля и поиска путей их совершенствования.

Особую сложность представляет взаимодействие двух правовых режимов контроля: федерального государственного контроля (надзора) в области железнодорожного транспорта и контроля в области транспортной безопасности [1, с. 6; 2, с. 57]. Данная особенность порождает ряд системных проблем, требующих научного осмысления и нормативного урегулирования.

Коротко остановимся на правовых основах федерального государственного контроля (надзора) в области железнодорожного транспорта. Он осуществляется в соответствии с комплексом нормативных правовых актов, образующих многоуровневую систему регулирования. Базовым законодательным актом выступает Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ, в статье 20.1 которого в исчерпывающем перечне закреплены обязательные требования, подлежащие контролю³. Важно отметить, что данный

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007; 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8550.

² Доклад о результатах обобщения правоприменительной практики при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области железнодорожного транспорта за 2024 год (утв. приказом Ространснадзора от 21.03.2025 № ВБ-89 н/с). URL: https://rostransnadzor.gov.ru/storage/documents/Доклад_о_результатах_обобщения_правоприменительной_практики_при.pdf (дата обращения: 17.01.2026).

³ О железнодорожном транспорте в Российской Федерации: федер. закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ (в ред. от 26.12.2024), ст. 20.1 // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 169; 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8503.

закон не является единственным актом, аккумулирующим обязательные требования в железнодорожной сфере. Так, общие принципы и механизмы государственного контроля (надзора) устанавливаются Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ, который определяет единые подходы к организации контрольно-надзорной деятельности независимо от ее предметной направленности. В частности, часть 1 статьи 15 данного закона закрепляет предмет контроля (надзора) как соблюдение установленных нормативными правовыми актами требований (обязательных, содержащихся в разрешительных документах, содержащихся в иных документах, требующих исполнения) и исполнение принятых по итогам контроля (надзора) решений.

В юридической литературе справедливо обращается внимание на то, что выявление нарушений происходит на основе квалификации юридического состава «нарушение обязательных требований» в соответствии с нормативно-правовыми актами в сфере железнодорожного транспорта, а привлечение к ответственности происходит на основе общего режима контроля, т. е. норм, содержащихся в Законе № 248-ФЗ [3, с. 79]. Таким образом, общий правовой режим контроля (надзора) распространяет свое действие на специальные или тематические виды контроля, в данном случае – на федеральный железнодорожный контроль (надзор), не только в плане определения применимости общих норм к специальным правилам деятельности в сфере функционирования железнодорожного транспорта, но и в плане определения конкретных норм юридической ответственности.

Профильное регулирование данной сферы осуществляется постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 991 (далее – постановление № 991), которое определяет предметную область и юридическую основу железнодорожного контроля (надзора): предмет контроля (надзора), объекты контроля, систему управления рисками причинения вреда, критерии отнесения объектов контроля к определенной категории риска и многое другое⁴.

Одновременно с этим на железнодорожном транспорте действует правовой режим обеспечения транспортной безопасности, регулируемый Федеральным законом от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ⁵ (далее – ФЗ № 16) и постановлением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2025 г. № 1380⁶ (далее – постановление № 1380). Данный режим распространяется на все направления транспортного надзора с точки зрения обеспечения непрерывного контроля требований безопасности. Справедливо в таком случае утверждение, что руководство о соблюдении обязательных требований на железнодорожном транспорте содержит разъяснения обязательных требований тематического (железнодорожного) надзора, одновременно с которыми необходимо реализовывать правовой режим транспортной безопасности в соответствии с ФЗ № 16 «О транспортной безопасности» и постановлением № 1380.

Важной составляющей федерального государственного контроля (надзора) в области железнодорожного транспорта выступает многоуровневая система управления рисками, реализуемая Ространснадзором. Суть данной системы заключается в классификации объектов контроля посредством сопоставления их характеристик с критериями, установленными законодательством. В результате объекты относятся к определенной категории риска. Так, к категории чрезвычайно высокого риска причисляются субъекты, осуществляющие пассажирские перевозки дальнего следования железнодорожным транспортом, при условии, что в предшествующий год при эксплуатации конкретного объекта контроля (в частности, подвижного состава) имел место хотя бы один инцидент, повлекший, например, акт травматизма.

Принципиальной особенностью железнодорожной отрасли является применение не только категорий риска, но и дополнительных параметров оценки – категорий тяжести последствий и групп вероятности наступления вреда. Согласно матрице рисков, закрепленной в постановлении № 991, каждому виду деятельности на железнодорожном транспорте одновременно присваиваются показатели по трем измерениям: уровень риска, категория тяжести (отражающая масштаб потенциальных негативных последствий при неисполнении обязательных требований) и группа вероятности. К категории тяжести «А», характеризующейся наиболее серьезными последствиями, отнесены, в частности, пассажирские перевозки, перевозки опасных грузов и эксплуатация инфраструктуры

⁴ Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области железнодорожного транспорта: постановление Правительства РФ от 25.06.2021 № 991 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5379.

⁵ О транспортной безопасности: федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (в ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 837; 2025. № 17. Ст. 2128.

⁶ Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области транспортной безопасности: постановление Правительства РФ от 05.09.2025 № 1380 // Собрание законодательства РФ. 2025. № 36. Ст. 5370.

железнодорожного транспорта общего пользования. К категории тяжести «Б» причислена деятельность по перевозке грузов, багажа и грузобагажа, а также эксплуатация подвижного состава.

Что касается групп вероятности (от 1 до 6), их определение базируется на анализе исторических данных контрольно-надзорной деятельности: выявленных ранее нарушений, фактов неисполнения обязательных требований за установленный период. Наиболее высокая группа вероятности (1) устанавливается для объектов, владельцы которых в течение последних пяти лет своими виновными действиями (бездействиями) стали причиной гибели людей – независимо от наличия в контролирующем органе информации о предшествующих нарушениях, – либо причинили тяжкий вред здоровью при наличии сведений о ранее допущенных нарушениях обязательных требований. Такой многофакторный подход позволяет формировать дифференцированную стратегию контроля с учетом как потенциальной опасности объекта, так и его реального поведенческого профиля в прошлом.

С одной стороны, такая система управления рисками открывает возможность для планирования и проведения единых профилактических мероприятий в отношении одного контролируемого лица и в рамках федерального государственного контроля (надзора), и в рамках федерального государственного контроля в области железнодорожного транспорта. Данная особенность создает предпосылки для эффективного взаимодействия Управления транспортной безопасности и Управления государственного железнодорожного надзора Ространснадзора. С другой стороны – на практике возникает проблема разграничения полномочий и координации деятельности данных управлений. Для осуществления надзора в сфере транспортной безопасности и для осуществления железнодорожного надзора одинаково предусмотрено проведение однотипных профилактических мероприятий. Возможно, стоит объединить деятельность указанных учреждений, создав, тем самым, на организационно-правовом уровне контроля – совместную юридическую модель управления рисками с учетом решения общих задач по профилактике нарушений обязательных требований.

Сказанное выше обуславливает необходимость остановиться на взаимосвязи железнодорожного надзора и контроля за транспортной безопасностью с точки зрения проблемы единства правового режима. Так, в юридической литературе бытует мнение, железнодорожный надзор как вид контроля (надзора) в сфере транспорта осуществляется вместе с надзором за транспортной безопасностью, а тематический надзор на железнодорожном транспорте является составной частью особого режима контроля (надзора) в сфере транспортной безопасности. Правовой режим обеспечения безопасности является базовым режимом, а тематический режим, связанный со спецификой осуществления контрольно-надзорных мероприятий на железнодорожном транспорте, является подчиненной базовому правовому режиму системой контрольно-надзорных мероприятий в железнодорожной сфере, так как ФЗ № 16 и постановление № 1380 относятся ко всем видам транспорта одновременно и цели правового режима транспортной безопасности первичны. Это объясняется тем, что они связаны с защищенностью объектов железнодорожного транспорта и безопасностью в целом, а не с отдельными нарушениями в предметной области контроля [3, с. 83].

Данная позиция представляется спорной. Более корректным представляется подход, согласно которому оба правовых режима – и железнодорожного надзора, и контроля за транспортной безопасностью – являются самостоятельными, но взаимосвязанными. Они не подчинены друг другу иерархически, а функционируют параллельно, дополняя друг друга. При этом следует признать приоритет целей обеспечения транспортной безопасности как имеющих конституционное значение (право на жизнь и безопасность личности).

В практической деятельности Ространснадзора наблюдается тенденция к приоритизации контроля за транспортной безопасностью. Поскольку обеспечение безопасных условий деятельности на железнодорожном транспорте (транспортная безопасность) первично, то соблюдение остальных требований по тематическому контролю подчинено главному правовому режиму. Соответственно, меры профилактики должны действовать как надзорная превенция в обеспечении транспортной безопасности. Данная позиция находит подтверждение в судебной практике. К примеру, транспортное происшествие (сход вагонов), имевшее место по вине владельца, не обеспечившего содержание пути в исправном состоянии, интерпретировалось одновременно и как нарушение требований безопасности движения, так и требований транспортной безопасности⁷.

Важным аспектом является проблема категорирования объектов контроля. В настоящее время правила применения инспекционного визита касаются лишь категорированных

⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.08.2023 № Ф09-4924/23 по делу № А60-48120/2022 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/arbitral/doc/LLKRz3bngod1/ (дата обращения: 20.01.2026).

объектов контроля. Применительно к железнодорожной отрасли – это объекты транспортной инфраструктуры, а не транспортные средства, поскольку категорирование транспортных средств отменено, за исключением транспортных средств морского и внутреннего водного транспорта. Данное обстоятельство создает существенный пробел в системе контроля, поскольку транспортные средства (локомотивы, вагоны) являются источниками повышенной опасности и требуют особого внимания со стороны надзорных органов.

Следует понимать также следующее. Современная модель государственного контроля (надзора) делает акцент на профилактической направленности деятельности надзорных органов. Сравнительный анализ статистических данных по реализации программ проведения профилактических мероприятий Госжелдорнадзором за 2022, 2023 и 2024 года показывает, что общее количество проведенных профилактических мероприятий значительно выросло. В сфере железнодорожного транспорта формируется организационно-правовая модель сорегулирования в контроле (надзоре), основанная на взаимодействии профилактической направленности⁸.

Особое внимание в этой связи следует уделить институту предостережения, предусмотренному статьей 49 Федерального закона № 248-ФЗ. Выстраивая модель самоконтроля, Ространснадзор создает предпосылки для исправления ситуации самими контролируемыми лицами. Но контролируемое лицо вправе либо направить возражение в отношении предостережения в контрольно-надзорный орган, либо – информировать контрольно-надзорный орган об исполнении выданного предостережения (альтернативные обязанности). Неопределенность в плане исполнения предостережения сохраняется, так как оно, с одной стороны является информационным актом разъяснения, необязательным к исполнению [4, с. 2; 5, с. 134], а с другой – содержит и черты обязательного для исполнения предписания органа контроля – ненормативного правового акта [6, с. 134; 7, с. 136]. Полагаем, что предостережение в превентивной модели контроля дает возможность скорректировать собственную оценку выполнения обязательных требований, оно не связано с юридической ответственностью. При отсутствии возражения подконтрольного лица на выданное предостережение недопустимо осуществлять контрольно-надзорные мероприятия, но оно не является юридически обязывающим актом, носит информационно-справочный характер. Закон № 248-ФЗ не содержит единообразного подхода в отношении регулирования института предостережения, и, к сожалению, надлежащей регламентации в данном вопросе нет.

Обозначенная неопределенность создает правовые риски как для контролируемых лиц, так и для надзорных органов. Представляется необходимым внесение изменений в Федеральный закон № 248-ФЗ, устанавливающих четкие критерии обязательности исполнения предостережения при наличии определенных обстоятельств (например, при угрозе причинения вреда жизни и здоровью граждан). Одновременно следует сохранить возможность возражения контролируемого лица с обязательным рассмотрением такого возражения в установленный срок.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения.

Федеральный государственный контроль (надзор) в области железнодорожного транспорта характеризуется уникальной особенностью – одновременным управлением рисками в двух правовых режимах: тематическом (железнодорожном) надзоре и надзоре за транспортной безопасностью. Оба режима являются самостоятельными, но тесно взаимосвязанными, при этом цели обеспечения транспортной безопасности имеют приоритетное значение.

Выявлена системная проблема отсутствия возможности проведения инспекционного визита в отношении владельцев железнодорожного подвижного состава вследствие отмены категорирования транспортных средств. Для ее решения предлагается внесение изменений в постановление Правительства РФ от 25 июня 2021 г. № 991 с целью установления возможности проведения инспекционного визита в отношении владельцев железнодорожного подвижного состава при наличии оснований, предусмотренных статьей 70 Федерального закона № 248-ФЗ.

Необходимо совершенствование института предостережения путем внесения изменений в Федеральный закон № 248-ФЗ, устанавливающих четкие критерии обязательности исполнения предостережения при наличии угрозы причинения вреда жизни и здоровью граждан, с сохранением права контролируемого лица на возражение.

Требуется решения проблема отсутствия специальных режимов контроля (обязательный мониторинг, постоянный рейд) в профильном Положении о контроле на железнодорожном транспорте. Рекомендуется внесение соответствующих дополнений в постановление

⁸ Обобщение правоприменительной практики // Ространснадзор – Официальный сайт. URL: <https://rostransnadzor.gov.ru/rostransnadzor/podrazdeleniya/railway/deyatelnost-podrazdeleniya/2618> (дата обращения: 20.01.2026).

Правительства РФ от 25 июня 2021 г. № 991 для обеспечения комплексного подхода к контролю на объектах железнодорожного транспорта.

Перспективным направлением развития системы контроля является формирование единой организационно-правовой модели сорегулирования, основанной на тесном взаимодействии Управления транспортной безопасности и Управления государственного железнодорожного надзора Ространснадзора при планировании и осуществлении как профилактических, так и контрольно-надзорных мероприятий.

Внедрение предложенных мер будет способствовать повышению эффективности системы федерального государственного контроля (надзора) на железнодорожном транспорте, укреплению уровня транспортной безопасности и сокращению количества выявляемых нарушений обязательных требований, создающих угрозу для безопасности движения поездов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дмитриев С.Н. Новации в законодательстве о транспортной безопасности // Транспортное право. 2014. № 4.
2. Евдокимов А.С., Сергун П.П. Система профилактических мероприятий, применяемых при осуществлении государственного контроля (надзора): оценка регулирующего воздействия // Административное право и процесс. 2023. № 7.
3. Зайкова С.Н. Об отдельных направлениях совершенствования контрольно-надзорной деятельности в области обеспечения транспортной безопасности на железнодорожном транспорте // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 6 (199).
4. Вязовик А., Моторин Д. Контролирующие органы предостерегут бизнес // ЭЖ-Юрист. 2017. № 19.
5. Артамонов А.Н. О правовой природе предостережения // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 3 (41).
6. Зайков Д.Е. Предостережение о недопустимости нарушения обязательных требований: проблемы правоприменения // Российский юридический журнал. 2021. № 4 (139).
7. Отческа Т. И., Афанасьева Т. И. Правовая природа предостережения о недопустимости нарушения требований в ТЭК // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 3 (67).

REFERENCES

1. Dmitriev S.N. Innovations in legislation on transport safety // Transport law. 2014. № 4.
2. Evdokimov A.S., Sergun P.P. The system of preventive measures used in the implementation of state control (supervision): assessment of regulatory impact // Administrative law and process. 2023. № 7.
3. Zaikova S.N. On certain areas of improvement of controlsupervision of transport safety in railway transport // Lex Russica (Russian Law). 2023. Vol. 76. № 6 (199).
4. Vyazovik A., Motorin D. Regulatory authorities will warn business // EZH-Yurist. 2017. № 19.
5. Artamonov A.N. On the legal nature of the warning // Bulletin of Bryansk State University. 2019. № 3 (41).
6. Zaikov D.E. Warning about the inadmissibility of violating mandatory requirements: problems of law enforcement // Russian Law Journal. 2021. № 4 (139).
7. Otchesky T. I., Afanasyeva T.I. The legal nature of warnings about the inadmissibility of violating requirements in the fuel and energy complex // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2020. № 3 (67).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. А. Нестеров – кандидат юридических наук, директор Юридического института Российского университета транспорта. 127994, Российская Федерация, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. A. Nesterov – PhD in Law, Director of the Law Institute of the Russian University of Transport. 127994, Moscow, 9 Obraztsova St., building 9, Russia Federation.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 25.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 25.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 342.41

ВКЛАД СССР В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВУЮ МОДЕЛЬ ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКИ

Евгений Андреевич Татарченко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация, tatarchenkoea@my.msu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8815-8006>

Введение: статья посвящена анализу влияния отечественной конституционно-правовой мысли, в частности, положений Конституции СССР 1936 года, на формирование конституционно-правовой модели Франции. Цель – выявить и охарактеризовать степень советского влияния на французский конституционный порядок.

Материалы и методы: основу исследования составили тексты конституций СССР и Франции, акты французского правительства, решения Конституционного совета и Государственного совета Франции, а также научные труды по конституционному праву. Методы: сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический и системный анализ.

Результаты исследования: в статье выявлены системные совпадения в закреплении социально-экономических прав. Проанализированы сходные юридические конструкции, такие как делегированное нормотворчество и программно-плановые инструменты. Показано как судебная практика Конституционного совета Франции интегрировала эти заимствованные идеи в либерально-демократическую правовую систему.

Выводы и заключения: советская конституционная мысль оказала позитивное, поддерживающее влияние на французское конституционное право, послужив источником для закрепления социального содержания конституции.

Ключевые слова: конституционное право Франции, советское конституционное право, Пятая республика, блок конституционности, сравнительное правоведение, Конституционный совет Франции

Для цитирования: Татарченко Е. А. Вклад СССР в конституционно-правовую модель Пятой республики // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 79–84.

Original paper

THE SOVIET UNION'S ROLE IN SHAPING THE CONSTITUTIONAL MODEL OF THE FIFTH REPUBLIC

Eugene Andreevich Tatarchenko

M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Introduction: this article examines the influence of domestic constitutional law doctrine, particularly the provisions of the 1936 USSR Constitution, on the formation of France's constitutional model. The study aims to identify and characterize the extent of Soviet influence on the French constitutional order.

Materials and methods: the research is based on the texts of Soviet and French constitutions, acts of the French government, decisions of the Constitutional Council and Council of State of France, as well as scholarly works on constitutional law. The study employs comparative legal analysis, historical-legal analysis, formal-legal analysis, and systems analysis.

Results of the study: the article identifies systematic parallels in the constitutional recognition of socio-economic rights. It analyzes similar legal constructs, such as delegated lawmaking and program-planning instruments. The study demonstrates how the jurisprudence of France's Constitutional Council has integrated these borrowed concepts into the liberal-democratic legal system.

Findings and conclusions: Soviet constitutional thought exerted a positive, supportive influence on French constitutional law, serving as a source for enshrining the social dimension of the constitution.

Keywords: French constitutional law, Soviet constitutional law, Fifth Republic, constitutional block, comparative jurisprudence, Constitutional Council of France

For citation: Tatarchenko E. A. The Soviet Union's role in Shaping the Constitutional Model of the Fifth Republic // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 79–84.

Историко-правовой контекст формирования французского послевоенного конституционализма необходим для понимания конституционной модели Пятой Республики, так как определил основные направления её институционального развития. Эволюция от Временного правительства и военных ордонансов к Четвёртой республике закрепила социальное государство как конституционную ценность и включила в нормативную систему идеи экономического планирования и сочетания частной и коллективной собственности. Например, в преамбуле Конституции 1946 года народ Франции провозгласил целый комплекс социально-экономических прав, особенно необходимых для нашего времени: право на труд, на материальную безопасность, на охрану здоровья, на отдых, право работников участвовать в управлении предприятиями, а также принцип, согласно которому «всякое имущество, всякое предприятие, эксплуатация которых имеет или приобретает характер национальной службы или фактической монополии, должны становиться достоянием коллектива».

Центральной темой выступает закрепление в конституционном праве Франции социально-экономических прав, предмет и терминология которых демонстрируют определённое сходство с советской конституционно-правовой мыслью [5, с. 254–264]. В Конституции СССР 1936 г. право на труд, отдых, социальное обеспечение и образование фиксируется как позитивное притязание к государству, гарантия которого обеспечивается «социалистической организацией народного хозяйства». Статьи 118–121 Конституции СССР 1936 г. формулируют понятную для позитивного права схему: юридическая гарантия сочетается с институциональным механизмом (планом народного хозяйства, системой стипендий, бесплатным образованием) и адресатом обязанности (государством).

В преамбуле Конституции Франции 1946 г. французский законодатель идёт схожим путём: право на труд, материальную безопасность, защиту здоровья, отдых и досуг фиксируются как нормы-обязательства, а не декларации. В том же блоке закрепляется конституционный долг государства организовать «бесплатное и светское» общественное образование. В этой связи важно отметить вклад Эммануэля Леви и некоторых других французских социалистов начала XX в. Леви, будучи видным французским правоведом и социалистом, внес значительный вклад в развитие конституционно-правовой мысли во Франции. Он стремился интегрировать идеи социологии – в частности, учение Эмиля Дюркгейма – в правовую теорию, подчеркивая социальную функцию права и его роль в обеспечении солидарности общества [3, с. 21–36]. Его подход отражал стремление преодолеть формализм юридической доктрины и утвердить более гуманистическое, социально ориентированное понимание права, что оказало влияние на последующие поколения правоведов и социальных реформаторов. Однако как отмечает исследователь Ф. Одран, юридический социализм не был исключительной заслугой Леви. Юридический социализм возник как коллективное стремление французской юридической доктрины того времени соединить право с социальной справедливостью и научным анализом общества [1, с. 75–77]. Таким образом, юристы-социалисты выдвигали идею «абсорбции индивидуального права коллективным правом» – что напоминает советскую модель, где коллективные (социальные, экономические) права доминировали над индивидуальными.

Эта конструкция по форме и по интенции близка советскому образцу, но переосмыслена под французский правопорядок: вместо жесткой плановой обязанности – общее публичное обязательство, развернутое далее в законодательстве о социальном обеспечении (ордонанс от 4 октября 1945 г.) [6, с. 4–10] и в нормативной инфраструктуре планирования (декрет от 3 января 1946 г. о Комиссариате по планированию) [8, с. 3–4]. Юридическая связь между конституционным текстом и последующей судебной практикой была обеспечена решением Конституционного совета от 16 июля 1971 г., которое признало преамбулу 1946 г. критерием контроля [11, с. 1–2]. С этого момента перечисленные социальные права приобрели прямую конституционную силу во французской системе – именно как «принципы, особенно необходимые нашему времени». В этой связке просматривается важный «мост»: советский опыт нормативизации социальных прав как позитивных притязаний был воспринят французским конституционным текстом, а затем переведён в язык судебного контроля.

Особого внимания заслуживает параллель двух конституционных институтов: права убежища и равноправия женщин. Конституция СССР 1936 г. предоставляла право убежища преследуемым за защиту трудящихся, научную деятельность или национально-освободительную борьбу (ст. 129), а также гарантировала женщинам равные права с мужчинами во всех сферах жизни (ст. 122). Преамбула французской Конституции 1946 г.

использовала схожие формулировки: право убежища для преследуемых за «деятельность в пользу свободы» и равные права женщин «во всех областях» с мужчинами. Обе нормы имели прямое действие, но различались деталями: советская – точечными основаниями убежища, французская – широкой формулой. Во Франции реализация шла через судебный контроль, в СССР – через административные органы. Это свидетельствует о прямом влиянии советской конституционной мысли на французскую.

Важным элементом «позитивного отражения» стала конституционализация планирования в мягкой, «индикативной» форме. В советской модели планирование закреплялось прямо в конституции как основа хозяйственной жизни и механизм гарантии социальных прав. Во Франции 1946–1958 гг. оно было закреплено как публично-правовая инфраструктура: ордонансами 1945 г. создается система всеобщего социального обеспечения [7, с. 5], а декретом от 3 января 1946 г. учреждается Комиссариат по плану модернизации и оборудованию [8, с. 3–4], подчиненный главе правительства. При переходе к Пятой республике идея программного законодательства получила конституционное закрепление: в первоначальной редакции статьи 34 Конституции 1958 г. указано, что «законы-программы определяют цели экономической и социальной деятельности государства», тем самым расширяя связку между конституцией и среднесрочным публичным планированием. Норма не вводит плановую экономику в советском смысле, но юридически маркирует присутствие планового начала в системе источников, а, следовательно – закрепляет в конституционном тексте правовую формулу, созвучную советской по предмету (план как инструмент достижения конституционных социальных целей), хотя и разительно отличную по методам (парламентарная форма, финансово бюджетная дисциплина). В результате планирование стало во Франции конституционно разрешенным и институционально оформленным способом достижения социального содержания преамбулы 1946 г., а значит – косвенным, но устойчивым каналом отражения советской правовой идеи.

Существенную роль в закреплении социального содержания сыграл и судебный «подъем» преамбулы 1946 г. в ранг нормы контроля. Решение Конституционного совета от 16 июля 1971 г. [11, с. 1–2] не просто признало преамбулу критерием конституционности, но и открыло дорогу к системному применению «принципов, особенно необходимых нашему времени» – начиная от права на свободу объединений и заканчивая правом на забастовку. Так, в решении от 25 июля 1979 г. по закону о непрерывности вещания в период забастовки Совет прямо соотносит ограничения права на забастовку с его конституционным статусом [12, с. 1–3], выведенным именно из преамбулы 1946 г., и устанавливает критерии допустимых ограничений (общее благо, защита иных ценностей с конституционным весом).

Право убежища – еще одна точка прямого совпадения языка и модели гарантии. Статья 129 Конституции СССР 1936 г. отнесла к конституционной компетенции предоставление убежища иностранцам, преследуемым по четко обозначенным основаниям. Французская преамбула 1946 г. придала убежищу характер субъективного права лица, «преследуемого за деятельность в пользу свободы», соотношенного с общими принципами публичного международного права, к соблюдению которых Франция обязуется. Этот параллелизм имеет ценность, потому что демонстрирует рано закрепленный советским текстом институт (убежище как конституционное обязательство государства), нашедший во Франции – через два десятилетия – формулу, вписанную в европейский правовой и судебный контекст. Различна модальность (в СССР – государственно-политическая направленность основания, во Франции – правозащитная), но юридическая техника совпадает – норма верхнего уровня, адресованная государству и разворачиваемая в законе и практике. В этом смысле французская конституция показывает «позитивное отражение» советской идеи убежища, приспособляя ее к иным ценностям и к режиму судебной защиты.

Значимый, хотя и опосредованный, ракурс – сравнительно-правовая судьба институтов делегированного нормотворчества. В советской модели 1936 г. Президиум Верховного Совета наделялся полномочиями издавать указы в межсессионный период с последующим утверждением Верховным Советом – это не разделение властей в западном смысле, но юридическая техника «переходящей силы закона» с последующей верификацией [4, с. 17–20]. Французская Конституция 1958 г. оформляет родственную по цели конструкцию в статье 38: по уполномочивающему закону парламент делегирует правительству ограниченные по сроку и предмету полномочия принимать ордонансы в сфере закона с последующей ратификацией парламентом. До ратификации ордонанс имеет нормативную «регулятивную» природу и может быть аннулирован административной юстицией. Эта конструкция получила раннюю судебную артикуляцию в деле «Canal, Robin et Godot» от 19 октября 1962 г. [10, с. 1–2], где ордонанс, не получивший должной ратификации, был отменен, но при этом Государственный совет Франции в том же 1962 г. в решении «Rubin de Servens» [9, с. 1–2] отнес акты, принятые

президентом в период действия ст. 16 в сфере закона, к актам, неподведомственным административному суду. Сопоставление показывает не «заимствование», а «семейное сходство» техники делегирования и последующей «валидации» – юридический приём, известный континентальной традиции, но в советском тексте сформулированный раньше и в «жестком» виде, а во французском – используя фильтры парламентарной легитимации и судебного контроля. Это еще одна точка отражения, где общий правовой прием получает в каждой системе собственную конституционную огранку.

Формирование «союзного» измерения публичной власти – французский опыт «Союза французского» в 1946 г. – также демонстрирует содержательные переключки с советской федеративной идеей 1924–1936 гг. В СССР 1924 г. закрепляется двухпалатная конструкция центральной власти – Федеральный совет и Совет национальностей – с обязательной совместной процедурой принятия актов, затрагивающих интересы республик. Конституция 1936 г. перерабатывает эту схему в Верховный Совет с палатой Союза и палатой Национальностей. Французская конституция 1946 г., хотя и остается унитарной, создает «Союз французский» как конституционную конструкцию равенства прав и обязанностей народов, объединенных с метрополией, и учреждает соответствующие представительные органы (Консультативный совет Союза). Сходство не институциональное, а концептуальное: в обоих случаях конституция заявляет многонациональный политико-правовой комплекс, требующий особого представительства и процедурной чувствительности к «территориальному многообразию». При этом французская модель прямо исключает право на выход и представляет собой переходную форму деколонизации. Советская же модель предусматривает долговременную федерацию с конституционно закрепленными правами республик. Юридическая техника «особой палаты» и «особого института Союза» в обоих случаях служит одной цели – соотнести единство государственного верховенства с многообразием состава и интересов. Это не заимствование, но содержательное отражение «союзной логики» в иной, французской, правовой рамке.

Французская модель эволюционировала от жесткой административной опеки Четвертой республики к децентрализации Пятой республики. Институциональные изменения перевели планирование в сферу законодательства, а законы 1982 г. радикально перераспределили баланс власти между центром и территориями. В отличие от советской доктрины «единства государственной власти», французская система разгрузила центр и усилила местное самоуправление, сохранив при этом социальные цели конституции 1946 г. Нормативное ядро социальных прав продолжает действовать через контроль Конституционного совета, демонстрируя совместимость социальной конституции с территориальной децентрализацией. Таким образом, через французский фильтр советская парадигма позитивно повлияла на сохранение социальных прав в условиях децентрализованной власти.

Сравнительно-правовой анализ выявляет три уровня сходства и различий между французскими конституциями и Конституцией СССР 1936 г. Во-первых, на текстовом уровне обнаруживается системное совпадение по социальным правам (труд, образование, соцобеспечение, равноправие женщин, убежище), но французские нормы встроены в иерархию источников с судебным контролем. Во-вторых, на уровне юридической техники прослеживаются родственные конструкции: делегированное нормотворчество, программно-плановая связь конституции и экономической политики, механизмы территориальной интеграции. В-третьих, на уровне судебной практики Конституционный совет Франции с 1971 г. превратил социальный каталог преамбулы 1946 г. в непосредственно применимые стандарты. Исходя из ранее перечисленного, отечественная конституционно-правовая модель послужила для французского права не образцом копирования, а источником позитивных смыслов, которые обрели во Франции либерально-демократические формы выражения и судебной защиты.

Эта констатация становится особенно прозрачной при сопоставлении эволюций. В СССР конституционное признание социальных прав предшествовало массовой институционализации плановой экономики. Во Франции – напротив, социальные права 1946 г. через тридцать лет обрели силу судебно-применимых норм, в то время как планирование изначально закреплялось как инструмент «индикативного» характера. Для французского правопорядка советская «жесткая» модель стала своего рода доводом в пользу «мягкого» планово-правового инструментария: конституция признаёт закон-программу и социальный долг государства, но их реализация уберегается через парламентский контроль, бюджетную процедуру и юстицию. Здесь влияние СССР – не в трансплантации институтов, а в «подсвечке» социального содержания конституции как самостоятельной юридической ценности, требующей собственных механизмов во французской системе. Так же и с коллективной собственностью: советская норма о «социалистической собственности» не стала французским титулом. Вместо этого в преамбуле 1946 г. закрепился критериальный тест публичной службы и фактической монополии – гибкий инструмент,

позволивший Конституционному совету в 1982 г. проверить и ограничить национализации через баланс с правом собственности и требованием справедливой компенсации. Результат – юридическое «присвоение» идеи коллективизации в форме, совместимой с либеральной конституцией.

Здесь имеется и прямое, фиксируемое французским первоисточником, указание на использование советского конституционного материала при конструировании одного из узлов проекта 1958 г. М. Дюверже, разбирая ст. 34 Конституции 1958 г., писал: «Curieusement, elle est empruntée à la Constitution de l'U.R.S.S., qui l'applique à la répartition des compétences entre la fédération et les républiques fédérées.» (с фр.: «Любопытно, что это [различение] заимствовано из Конституции СССР, которая применяет его к распределению компетенций между федерацией и федеративными республиками») [2, с. 120].

По смыслу этой фиксации Дюверже речь идёт не о «созвучии» идей, а о заимствовании конкретной юридико-технической схемы: советский приём разграничения компетенций (в федеративной конструкции) был переосмыслен и встроен во французскую модель 1958 г. как механизм разграничения сфер закона и регламента (ст. 34–37). Тем самым французская доктрина прямо подтверждает, что в проектировании ключевого элемента новой конституционной архитектуры 1958 г. учитывался и использовался опыт советского конституционного решения – в адаптированном виде к французской конституционной модели.

В свете доктринальных обсуждений 1958 г. это влияние ощущается опосредованно. Принципы, сформулированные «законом-мандатом» 3 июня 1958 г., ориентировали конституционную реформу на восстановление эффективного исполнительного начала и бинарного парламентаризма. Вместе с тем в текст новой конституции был целенаправленно «вшит» отсылочный механизм к преамбуле 1946 г., что институционально гарантировало сохранение социального ядра Четвёртой республики в «блоке конституционности» Пятой. Эта сквозная связка – концептуально оригинальная для Франции – не только сохранила социальный каталог, но и создала площадку для его судебной эволюции в 1970–1980-е годы. В сравнительной перспективе это решение можно понимать как осознанную юридическую реакцию на послевоенный «социальный конституционализм», одним из заметных источников которого была и советская конституционная мысль 1930-х: французский учредитель сохранил социальный пласт, но вмонтировал его в жёсткий каркас разделения властей, парламентских процедур и судебного контроля. Тем самым советское «влияние» прошло через фильтр французской правовой культуры и приобрело проверяемый, судебно-балансируемый характер.

Таким образом, рассматривая в комплексе влияние СССР на конституционно-правовые механизмы формирования публичной власти Пятой республики, можно сделать вывод, что этот вклад носил фундаментально позитивный, поддерживающий характер. Советская конституционная модель предложила французским конституционалистам форму и язык закрепления социального содержания в конституции. Французская система, сохранив это содержание в преамбуле 1946 года и ссылаясь на него в 1958 году, преобразовала его в судебно-применимые стандарты. Право убежища, равноправие женщин, право на труд, образование, социальное обеспечение и другие социальные институты демонстрируют не простое заимствование, а адаптацию советских конституционных идей во французское право. Этот «перевод» показал совместимость социального ядра конституции с разделением властей, парламентаризмом и верховенством права. Советский импульс стал для Франции источником устойчивости и гибкости, укрепив социальную составляющую конституции, обеспечив ее юридические основания и способствуя эволюции в рамках судебного конституционного контроля.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Одран Фредерик. Предисловие – Эммануэль Леви (1871–1944): юрист, социалист и социолог // Право и общество. 2004. № 56–57.
2. Дюверже Морис. Институты Пятой Республики // Французский журнал политологии. 1959. Т. 9. № 1.
3. Рипер Жорж. Юридический социализм Эммануэля Леви. О книге «Социалистическое видение права» // Критический обзор законодательства и судебной практики. 1928. Т. 48.
4. Бредихин А.Л., Гончар А.А. «Конституция победившего социализма» 1936 года в политической системе Советского государства // Закон и право. 2022. № 6.
5. Пужаев В.В. Юридический социализм в истории французской политико-правовой мысли XIX–XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 2.
6. Ордонанс № 45-2250 от 4 октября 1945 г. об организации социального обеспечения // Légifrance, 1945. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000698857/2025-10-15> (дата обращения: 15.10.2025).

7. Ордонанс № 45-2281 от 9 октября 1945 г. // *Légifrance*, 1945. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000333556> (дата обращения: 15.10.2025).

8. Декрет от 3 января 1946 г. о создании совета и полномочиях комиссара // *Légifrance*, 1946. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000691012> (дата обращения: 15.10.2025).

9. Решение № 55055 от 2 марта 1962 г., Rubin de Servens // *Légifrance*, 1962. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000007636269> (дата обращения: 15.10.2025).

10. Решение № 58502 от 19 октября 1962 г., Canal, Robin et Godot // Государственный совет Франции, 1962. URL: <https://www.conseil-etat.fr/fr/arianeweb/CE/decision/1962-10-19/58502> (дата обращения: 15.10.2025).

11. Решение № 71-44 DC от 16 июля 1971 г. // Конституционный совет Франции, 1971. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1971/7144DC.htm> (дата обращения: 15.10.2025).

12. Решение № 79-105 DC от 25 июля 1979 г. // Конституционный совет Франции, 1979. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1979/79105DC.htm> (дата обращения: 15.10.2025).

REFERENCES

1. Audren Frédéric. Présentation – Emmanuel Lévy (1871–1944) : juriste, socialiste et sociologue // *Droit et Société*, 2004, № 56–57.

2. Duverger Maurice. Les institutions de la Ve République // *Revue française de science politique*. 1959. 9e année, n° 1. P. 101–134. URL : https://www.persee.fr/doc/rfsp_0035-2950_1959_num_9_1_402986 (date of access: 15.10.2025).

3. Ripert G. Le socialisme juridique d'Emmanuel Lévy. A propos de «La Vision socialiste de Droit» // *Revue critique de législation et de jurisprudence*, 1928, t. 48.

4. Bredikhin A.L., Gonchar A.A. The 1936 “Constitution of the Victorious Socialism” in the Political System of the Soviet State // *Law and Justice*. 2022. № 6.

5. Puzhaev V.V. Legal Socialism in the History of French Political and Legal Thought of the 19th–20th Centuries // *Bulletin of Kostroma State University*. 2020. Vol. 26. № 2.

6. Ordonnance n° 45-2250 du 4 octobre 1945 portant organisation de la sécurité sociale // *Légifrance*, 1945. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000698857/2025-10-15> (date of access: 15.10.2025).

7. Ordonnance n° 45-2281 du 9 octobre 1945 // *Légifrance*, 1945. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000333556> (date of access: 15.10.2025).

8. Décret du 3 janvier 1946 portant création du Commissariat général au Plan // *Légifrance*, 1946. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000691012> (date of access: 15.10.2025).

9. Décision n° 55055, 02 mars 1962, Rubin de Servens // *Légifrance*, 1962. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000007636269> (date of access: 15.10.2025).

10. Décision n° 58502, 19 octobre 1962, Canal, Robin et Godot // *Conseil d'État*, 1962. URL: <https://www.conseil-etat.fr/fr/arianeweb/CE/decision/1962-10-19/58502> (date of access: 15.10.2025).

11. Décision n° 71-44 DC du 16 juillet 1971 // *Conseil Constitutionnel*, 1971. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1971/7144DC.htm> (date of access: 15.10.2025).

12. Décision n° 79-105 DC du 25 juillet 1979 // *Conseil Constitutionnel*, 1979. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1979/79105DC.htm> (date of access: 15.10.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. А. Татарченко – аспирант факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. A. Tatarchenko – postgraduate student at the School of Public Administration, M. V. Lomonosov Moscow State University, 27, Lomonosovsky Prospekt, Moscow, 119991, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.12.2025; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 17.12.2025; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ INCOTERMS 2020

Станислав Владимирович Михайлов¹, Андрей Викторович Шпак²

¹Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, bk@spark-mail.ru

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, al61aal61@mail.ru

Введение: INCOTERMS (Инкотермс) [1], разработанный Международной торговой палатой (МТП) [2], представляет собой свод правил, регулирующих взаимные обязательства продавцов и покупателей относительно расходов, рисков и ответственности, возникающих при перевозке и доставке товаров. Эти правила облегчают международную торговлю, устраняя неопределенности, предотвращая потерю времени и создавая универсальную модель коммуникации между сторонами ВЭД.

Инкотермс продолжает стремиться отражать последние торговые практики и разъяснять обязательства, которые должны выполнять стороны международных сделок, тем самым предотвращая ненужные недопонимание или споры в ходе международных операций и обеспечение беспрепятственного перемещения товаров. Недавно пересмотренные правила Инкотермс 2020 отражают реальность цепочки поставок, которая постепенно усиливает безопасность, и необходимость уточнения и облегчения выбора соответствующих правил в соответствии с условиями транспортировки.

Каждое правило Инкотермс несет в себе разный уровень затрат и рисков для сторон. Важно выбрать такое правило, которое позволит минимизировать затраты и риски для обеих сторон и обеспечить оптимальную эффективность соответствующих процессов с учетом условий договора. Правильный выбор зависит от глубокого понимания правил Инкотермс и способности оценивать факторы, которые могут повлиять на каждую торговую сделку. Хотя поставка товаров является одним из наиболее важных аспектов международной торговли, исследования по применению правил Инкотермс требуют более детальной проработки. Целью данного исследования является анализ практики применения отдельных терминов Инкотермс, на основе последней версии рассматриваемых правил, анализ мер, которые можно предпринять для эффективного управления рисками, и предоставление рекомендаций в выборе применимой модели.

Материалы и методы: при проведении исследования использованы диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы.

Результаты исследования: в статье рассмотрены ответственность и обязательства покупателя и продавца из правил Инкотермс 2020, проанализированы аспекты правового регулирования, отличные по сравнению с предыдущей версией правил. Проанализированы и систематизированы факторы, оказывающие существенное влияние на выбор метода поставки в международной торговле, рассмотрены риски, которые соответствующие методы поставки могут представлять для покупателя и продавца, особое внимание уделено мерам, которые следует предпринять для управления рисками.

Выводы и заключения: в данном исследовании проанализированы обязательства и риски, которые отдельные правила Инкотермс предусматривают для сторон договора международной купли-продажи товара, а также выработаны предложения по выбору способа поставки товара. Рекомендации можно резюмировать следующим образом.

Термин FCA следует использовать с особой оговоркой о выдаче коносамента продавцу с отметкой о погрузке товара на борт судна в случае необходимости использования аккредитива как формы расчетов в рамках заключенного договора купли-продажи.

Термин DPU в соответствии с Инкотермс 2020 следует применять в ситуации, когда для выгрузки товара покупателю требуется специальное оборудование продавца. Особое внимание следует уделить процедуре таможенного оформления как обязанности покупателя по договору.

Выбор правила Инкотермс является важным элементом международных торговых соглашений. Используя эти правила эффективно и действенно, участники ВЭД могут повысить свою прибыльность и конкурентоспособность и внести больший вклад в экономику страны.

Ключевые слова: Инкотермс, купля-продажа, мягкое право, условия поставки, внешнеторговая деятельность

Для цитирования: Михайлов С. В., Шпак А. В. Особенности применения отдельных терминов INCOTERMS 2020 // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 85–89.

Original paper

THE CERTAIN INCOTERMS 2020 TERMS SPECIFICS OF USE

Stanislav Vladimirovich Mikhailov¹, Andrey Viktorovich Shpak²

¹Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: INCOTERMS [1], developed by the International Chamber of Commerce (ICC) [2], is a set of rules governing the mutual obligations of sellers and buyers regarding the costs, risks and responsibilities arising from the transportation and delivery of goods. These rules facilitate international trade by eliminating uncertainties, preventing loss of time and creating a universal model of communication between the parties to foreign economic activity. Incoterms continue to seek to reflect the latest trade practices and clarify the obligations to be fulfilled by parties to international transactions, thereby preventing unnecessary misunderstandings or disputes in international transactions and ensuring the smooth movement of goods. The recently revised Incoterms 2020 rules reflect the reality of the supply chain, which is gradually strengthening security, and the need to clarify and facilitate the selection of appropriate rules according to the conditions of transportation. Each Incoterms rule carries a different level of costs and risks for the parties. It is important to choose a rule that minimizes costs and risks for both parties and ensures optimal efficiency of the relevant processes, taking into account the terms of the contract. The right choice depends on a thorough understanding of the rules of Incoterms and the ability to assess the factors that can affect each trade transaction. Although the supply of goods is one of the most important aspects of international trade, studies on the application of Incoterms require more detail. The purpose of this study is to analyze the practice of applying certain Incoterms terms, based on the latest version of the rules under consideration, to analyze the measures that can be taken to effectively manage risks, and to provide recommendations. in selecting the applicable model.

Materials and methods: the author uses dialectical, formal-legal, comparative-legal, system-structural methods.

Results of the study: the article discusses the responsibilities and obligations of the buyer and seller from the Incoterms 2020 rules, analyzes the aspects of legal regulation that differ from the previous version of the rules. The factors that have a significant impact on the choice of the delivery method in international trade are analyzed and systematized, the risks that the corresponding delivery methods can pose for the buyer and seller are considered, special attention is paid to the measures that should be taken to manage risks.

Findings and conclusions: this study analyzes the obligations and risks that certain Incoterms rules provide for the parties to a contract for the international sale of goods, as well as develops proposals for the choice of the method of delivery of goods. The recommendations can be summarized as follows.

The term FCA should be used with a special clause on the issuance of a bill of lading to the seller with a note on the loading of the goods on board the vessel if it is necessary to use a letter of credit as a form of payment under the concluded contract of sale.

The term DPU under Incoterms 2020 should be applied in a situation where the buyer needs the seller's special equipment to unload the goods. Particular attention should be paid to the customs clearance procedure as an obligation of the buyer under the contract.

Choosing an Incoterms rule is an important element of international trade agreements. By using these rules effectively and efficiently, foreign trade participants can increase their profitability and competitiveness and make a greater contribution to the country's economy.

Keywords: Incoterms, purchase and sale, soft law, terms of delivery, foreign trade activity

For citation: Mikhailov S. V., Shpak A. V. The certain INCOTERMS 2020 terms specifics of use // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 85–89.

Инкотермс 2020 включает в правило FCA обычную практику, согласно которой продавец может получить коносамент на отгруженный товар. Эти изменения имеют значительные последствия во многих отношениях в дополнение к повышению эффективности аккредитивных операций.

Согласно правилу FCA, продавец обязан доставить товар перевозчику, указанному покупателем.

Это означает, что доставка товара завершается до того, как товар будет погружен на борт судна для перевозки. Покупатель несет ответственность за основную и последующую перевозку до места назначения. Продавец только подготовит и осуществит предварительную перевозку до порта отгрузки. Таким образом, продавец не может оказывать достаточного влияния на перевозчика или ему трудно получить информацию о перевозке. Для контейнерных грузов FCL продавец осуществляет доставку путем передачи товара перевозчику на территории продавца. С этого момента продавцу становится трудно контролировать товар или располагать информацией о том, где находится товар или когда он будет погружен на борт судна. В случае сборных грузов ситуация более серьезная, поскольку продавец испытывает трудности с определением того, в каких контейнерах будет консолидирован товар, когда и на какое судно будет загружаться контейнер. Кроме того, существует неопределенность в отношении того, когда контейнер прибывает в пункт назначения, где контейнер будет демонтирован в промежуточном порту или дополнительно догружен. В этом состоянии, трудно получить представление о процессе доставки товара контрагенту, поскольку продавец или покупатель не могут знать, кто является фактическим перевозчиком, если покупатель поручает поставщику логистических услуг подробное планирование маршрута для процесса транспортировки в рамках аутсорсинга. Кроме того, существует разрыв в ответственности между моментом доставки и погрузкой на борт, когда для контейнерных грузов используются только морские правила, такие как FOB, CFR и CIF. Следовательно, может возникнуть проблема относительно того, кто будет нести риск в случае утраты или повреждения груза в течение этого периода.

Тем не менее, одна из причин использования правила FOB вместо правила FCA заключается в том, что при использовании правила FCA коносамент, который продавец получает после отправки товара перевозчику, не содержит бортовых обозначений, в отличие от правила FOB. Единственное различие между коносаментом, выданным в соответствии с правилом FOB и правилом FCA, заключается в том, имеют ли они бортовые обозначения или нет. За исключением этого, оба типа коносамента имеют одинаковую стоимость в том смысле, что они могут быть выданы в оборотной форме и переданы путем индоссамента.

Тогда зачем продавцу нужен бортовой коносамент? Коносамент является наиболее важным документом среди товаросопроводительных документов, которые экспортер должен представить при оформлении аккредитива. То есть для большинства аккредитивов требуется коносамент. Эти коносаменты должны соответствовать статье 20 UCP 600 [3], которая включает: «Коносамент, как бы он ни назывался, должен иметь вид [...], указывающий, что товар был погружен на борт названного судна в порту погрузки [...]».

Другими словами, правила об аккредитиве предъявляют требования к коносаменту, в таком коносаменте должно быть указано бортовое обозначение. Эти требования полностью соответствуют правилу FOB. Однако, как описано выше, доставка контейнерных грузов в соответствии с правилом FOB может столкнуться с неожиданными трудностями. В частности, если для аккредитива требуется коносамент с указанием порта погрузки, названия судна и даты отгрузки, следует представить бортовой коносамент, чтобы соответствовать условиям аккредитива. В таком случае продавец может быть обеспокоен тем, что оплата может быть задержана за товар, уже доставленный перевозчику в соответствии с правилом FCA.

Как следствие, стороны склонны выбирать условия FOB, при которых риски и затраты переходят после того, как груз был погружен на судно судоходной компании [4].

Если аккредитив требует представления документов на смешанную перевозку, проблема, которая может возникнуть при использовании правила FCA, может быть решена. В UCP 600 порядок оформления транспортных документов был изменен таким образом, чтобы в первом месте стояли «транспортные документы, охватывающие по меньшей мере два различных вида транспорта», т. е. «документы мультимодальной перевозки». Это связано с тем, что перевозки более чем одним видом транспорта являются более распространенным явлением, и важностью единых транспортных документов, охватывающих весь транспортный процесс, независимо от вида транспорта, количество задействованных транспортных средств увеличивается, поскольку все больше и больше перевозчиков хотят контролировать весь процесс транспортировки от пункта отправления до пункта назначения.

Требования к документу о смешанной перевозке изложены в статье 19 UCP 600 следующим образом.

«Транспортный документ, охватывающий по меньшей мере два различных вида транспорта (мультимодальный или документ комбинированной перевозки), независимо от названия, должен содержать [...] указание на то, что груз был отправлен, принят под ответственность или погружен на борт в месте, указанном в аккредитиве [...]».

В конечном счете, чтобы соответствовать требованиям аккредитива, первый этап перевозки в соответствии с правилом FCA должен начинаться внутри страны, и это должно быть отражено в транспортных документах, представленных банку [5]. Если первым этапом путешествия является порт, должно применяться требование о введении бортовых обозначений. В заключение следует отметить, что ни в Инкотермс, ни в UCP 600 нет положения, препятствующего использованию правила FCA при представлении документов смешанной перевозки. Проблема заключается в том, что практика аккредитива, требует наличия бортового коносамента без учета правил Инкотермс в большинстве случаев.

Принимая во внимание эту ситуацию, Инкотермс 2020 допускает дополнительную опцию для торговли FCA, при которой покупатель и продавец соглашаются, что покупатель проинструктирует перевозчика выдать бортовой коносамент в момент, когда перевозчик примет груз на хранение, если это необходимо. Если стороны придут к такому соглашению, продавец будет обязан предъявить этот коносамент покупателю. Разумеется, этот необязательный механизм становится ненужным, если стороны договорились о том, что продавец представит покупателю коносамент, в котором будет просто указано, что товар был получен для отправки, а не что он был погружен на борт. Следовательно, желательно использовать новое правило FCA, которое предусматривает необязательный механизм для этих практик, а не использовать правило FOB для контейнерных или мультимодальных перевозок в обстоятельствах, когда требуется бортовой коносамент. Это изменение обеспечивает прозрачность для перевозчиков / транспортной компании. Данная опция позволяет продавцу лучше понимать цепочку поставок и предоставлять полезную информацию для поддержки отслеживания и контроля цепочки поставок.

Однако следует отметить, что это может привести к непредвиденным последствиям для продавца, поскольку продавец, который не является стороной договора перевозки, но указанный в коносаменте, формально может нести ответственность в рамках обязательства по перевозке, если он указан в качестве грузоотправителя в коносаменте [6]. В этом отношении следует отметить практику применения Роттердамских правил, которые учитывают данную проблему и отделяют документарного грузоотправителя, который соглашается быть указанным в качестве грузоотправителя в транспортных документах или транспортных электронных записях, от грузоотправителя, который является стороной договора перевозки.

Единственное различие между правилами DAP и DAT в Инкотермс 2010 заключалось в том, что в правиле DAT продавец осуществляет поставку, когда товар выгружен с прибывшего транспортного средства, тогда как в правиле DAP поставка была произведена, когда товар был предоставлен в распоряжение покупателя по прибытии транспортного средства. Следовательно, основное различие заключалось в том, несет ли продавец ответственность за разгрузку. В Инкотермс 2020 было внесено два изменения, касающихся правила DAT, а именно.

Во-первых, правило DAT было помещено после правила DAP, чтобы лучше отразить фактическую ситуацию в отношении обязательств продавца, сопровождаемых поставкой, хотя это то же самое, что и в случае Инкотермс 2010 в отношении обязательств продавца по разгрузке.

Второе изменение подчеркнуло реальность того, что доставка может осуществляться в любое место, а не только в терминалы, путем изменения кода DAT на DPU. Правило DPU в соответствии с Инкотермс 2020 в основном совпадает с правилом DAT в соответствии с Инкотермс 2010. Поскольку буква «Т» в правиле DAT означала «Терминал», создавалось впечатление, что это правило можно использовать только на реальных терминалах несмотря на то, что в правиле Инкотермс 2010 указано, что его можно использовать в любом другом месте. По этой причине правило DAT было переименовано с добавлением буквы «U», что означает «Выгруженный» в Названном месте с прибывающего транспортного средства.

Это правило может использоваться, например, когда для конкретной погрузочно-разгрузочной машины требуется специальная подготовка для разгрузки работником продавца.

Как уже упоминалось, основное различие между правилом DAP и правилом DAT заключается в том, должен ли продавец выгружать товар с прибывающих транспортных средств. Правило DPU увеличивает риски и обязательства продавца, требуя от него нести обязательство по выгрузке товара и управления цепочками поставок, контролируя в том числе и прибытие транспортного средства в указанное в договоре место назначения. Поэтому следует отметить, что часто необходим предварительный анализ логистики. Например, это может быть важным соображением в ситуациях, когда существует высокий риск потери или повреждения товара во время процесса разгрузки. Вопрос о том, требуется ли специальное погрузочно-разгрузочное оборудование для разгрузки, также может быть определяющим фактором при выборе одного из вышеупомянутых правил.

Кроме того, в соответствии с правилами DPU и DAP продавец несет ответственность за процесс экспорта, но не несет ответственности за таможенные формальности при импорте, включая процесс последующей транспортировки, через третьи страны. В этом случае покупатель несет ответственность за потери или повреждение, а также расходы, возникшие в результате задержки доставки, поскольку покупатель не произвел таможенное оформление импорта вовремя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. INCOTERMS. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Официальный сайт Международной торговой палаты. URL: <https://iccwbo.org> (дата обращения: 10.02.2026).
3. Стандарт UCP 600 (Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов) разработан Международной торговой палатой (ИЦ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Демьяненко Е.В. Правовое регулирование коллизионных правоотношений в международном частном праве / Е. В. Демьяненко, С. В. Михайлов, М. Б. Смоленский. Ростов н/Д, 2024.
5. Михайлов С.В. К вопросу о применении антидемпинговых пошлин во внешнеэкономической деятельности // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2020. № 3(40).
6. Международное частное право: учебник / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. Н.И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

REFERENCES

1. INCOTERMS. Access from the legal system «ConsultantPlus».
2. Official website of the International Chamber of Commerce. URL: <https://iccwbo.org> (date of access: 10.02.2026).
3. The UCP 600 standard (Uniform Customs and Practice for Documentary Credits) was developed by the International Chamber of Commerce (ICC). Access from the legal system «ConsultantPlus».
4. Demyanenko E. V., Mikhailov S. V., Smolensky M. B. Legal Regulation of Conflict of Laws Relations in International Private Law. Rostov-on-Don: Limited Liability Company «Mini Type», 2024. 164 p. (In Russian)
5. Mikhailov S.V. On the issue of applying anti-dumping duties in foreign economic activity // Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii. 2020. № 3(40).
6. International Private Law: Textbook / V.N. Borisov, N.V. Vlasova, N.G. Doronina et al.; Holes. Ed. by N.I. Maryshev. 4th ed., revised and supplemented by Moscow, 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

С. В. Михайлов – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденовский, 20.

А. В. Шпак – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

S. V. Mikhailov – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov branch of the Russian Customs Academy. 344002, Russian Federation, Rostov-on-Don, 20 Budenovskiy Ave.

A. V. Shpak – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 344015, Russian Federation, Rostov-on-Don, 83 Eremenko St.

Статья поступила в редакцию 02.10.2025; одобрена после рецензирования 13.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 02.10.2025; approved after reviewing 13.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 347.2/.3

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ПРЕДМЕТ ЗАЛОГА (ИПОТЕКИ) – ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ДОЛЖНИКА ПРИ ЕГО НЕДОБОРОСОВЕСТНОМ ИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Елена Александровна Рыбалка

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
alena-61-rus@mail.ru

Введение: Российская Федерация гарантирует право каждого лица на жилище, защищая право собственности от произвольного, незаконного лишения, презюмируя возможность каждого гражданина свободно распоряжаться своим имуществом в рамках законодательных правоотношений, одновременно нивелируя какое-либо отрицание или умаление иных общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

Однако данные положения в правоприменительной среде вступают в коллизию, порождая правовую неопределенность, в частности по вопросу пределов действия исполнительского иммунитета в отношении единственного пригодного жилого помещения должника, обремененного в качестве залога (ипотеки), где судебная практика имеет категоричный подход, при котором критерий наличия единственного недвижимого жилого имущества должника абсолютизирован в вопросах обращения взыскания по предмету залога (ипотеки) при недобросовестном поведении вышеназванного лица, нивелируя принудительный процесс выполнения обязательств должника посредством заложенного имущества.

Тем самым, с одной стороны реализуется конституционное положение о праве на жилье и запрет его произвольного лишения, но достигается это путем умаления прав и возможностей контрагента, в случае недобросовестного поведения другой стороны – обратить взыскание на его заложенное, единственное пригодное для проживания недвижимого имущества, что нарушает баланс интересов и реализации конституционных положений. Данная проблема широкого освещена как в научной, так и правоприменительной сферах, однако какой-либо консенсус и баланс между обеспечением добросовестной реализации договорных требований и защиты неприкосновенности единственного пригодного жилого помещения должника, так и не был выработан, ввиду чего актуальным остается поиск законодательных решений по данной проблематике.

Материалы и методы: основу исследования составили следующие источники: Конституция РФ, Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1), Гражданский процессуальный кодекс РФ, а также судебная практика, в виде Постановления Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» с использованием особых мнений судей конституционного суда Н.С. Бондаря Г.А. Жилина к вышеназванному Постановлению.

В ходе работы использованы методы толкования норм права, анализа, описания, синтеза, индукции и дедукции.

Результаты исследования: Обеспечение интересов взыскателя и должника по вопросу обращения взыскания на залоговое, единственное пригодное для проживания жилое помещение последнего, должно осуществляться исключительно с учетом интересов обоих, обеспечивая их баланс прав и возможностей, соразмерно возникшим последствиям нарушения обязательств со стороны должника и мерами восстановления нарушенных прав взыскателя. Однако законодательная деятельность сталкивается с категоричностью между приоритетом прав должника и взыскателя, что на практике сулит преобладание возможностей одного над другим. Ввиду данного обстоятельства актуальным является нивелирование предпосылок злоупотребления должником возможностью постфактум своего недобросовестного поведения ссылаться на ранее известный факт владения им единственным пригодным жилым

помещением, которое он добровольно обеспечил в качестве залога для исполнения своих обязательств. Для нивелирования данных законодательных изъянов, с целью приведения правоприменительной среды в соответствие с конституционными положениями и нормами гражданского права, нами сделаны следующие выводы о необходимости совершенствования следующих законодательных направлений:

- законодательная обязанность удостоверения нотариусом о наличии/отсутствии иного жилого помещения у залогодателя;
- прямой запрет должника ссылаться на недействительность сделки по залогу (ипотеке), из-за ранее известного факта наличия у него единственного пригодного для проживания жилого помещения.

Выводы и заключения: текущий правоприменительный подход в сфере исполнительского иммунитета по вопросу обращения взыскания на единственное пригодное для проживания жилое помещение должника, выступающее в качестве предмета залога, исключает возможность взыскателя получить залоговое имущество должника, вследствие защиты жилищных условий последнего, что в свою очередь нарушает права и возможности добросовестного взыскателя, на реализацию требований по договору посредством залогового имущества.

Проведенный в работе анализ демонстрирует необходимость законодательного совершенствования отдельных аспектов по исполнительскому иммунитету должника, нивелируя возможность последнего ссылаться на недействительность обращения взыскания на залоговое имущество по договору, вследствие его недобросовестного поведения, только из-за самого факта наличия такого единственно пригодного для проживания жилого помещения, о единстве которого должнику было известно.

Ключевые слова: залог, договор, исполнительский иммунитет, эстоппель, нотариус, законопроект, добросовестность

Для цитирования: Рыбалка Е. А. Проблемы обращения взыскания на предмет залога (ипотеки) – единственного жилого помещения должника при его недобросовестном исполнении обязательств // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 90–95.

Original paper

PROBLEMS OF FORECLOSURE ON THE SUBJECT OF COLLATERAL (MORTGAGE) – THE DEBTOR'S ONLY LIVING QUARTERS IN CASE OF UNFAIR FULFILLMENT OF OBLIGATIONS

Elena Aleksandrovna Rybalka

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the Russian Federation, being a State governed by the rule of law, guarantees the right of every person to housing with the possibility of its realization in civil law relations, establishing a ban on arbitrary deprivation, as well as provisions according to which fundamental rights and freedoms should not be interpreted as negating or detracting from other universally recognized human and civil rights and freedoms.

However, these provisions in the law enforcement environment come into conflict, giving rise to legal uncertainty, in particular on the issue of foreclosure on the only suitable residential premises for the debtor's residence, mortgaged by him under the contract. Current law enforcement judicial practice regarding the issue of foreclosure of the only immovable property encumbered by collateral (mortgage) suitable for the residence of the debtor and other persons living with him has strengthened the position in which the criterion of the presence of the only immovable residential property of the debtor is absolutized in matters of foreclosure on the subject of collateral (mortgage) in case of unfair behavior of the above-mentioned person, leveling the compulsory process of fulfilling the debtor's obligations through mortgaged property.

Thus, on the one hand, the constitutional provision on the right to housing and the prohibition of its arbitrary deprivation are being implemented, but this is achieved by diminishing the rights and capabilities of the counterparty, in case of unfair behavior on the other hand, to foreclose on his mortgaged, the only habitable real estate, which violates the balance of interests and the implementation of constitutional provisions. This problem has been widely covered both in the scientific and law enforcement spheres, however, no consensus and balance has been reached between ensuring the fair implementation of contractual requirements and protecting the inviolability of the debtor's only suitable residential premises, which is why the search for legislative solutions on this issue remains relevant.

Materials and methods: the research was based on the following sources: the Constitution of the Russian Federation, Federal Law № 102-FZ dated 07/16/1998 “On Mortgage (Pledge of Real Estate)”, the Law of the Russian Federation “Fundamentals of Legislation of the Russian Federation on Notaries” (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 02/11/1993 No. 4462-1), the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, as well as judicial practice, in the form of a Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 11-P dated 05/14/2012 “In the case of checking the Constitutionality of the provision of the second paragraph of the first Part of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens F.H. Gumerova and Yu.A. Shikunov” with a close study and interpretation of the dissenting opinion of Judge N.S. Bondar on the above-mentioned Ruling.

In the course of the work, the methods of interpretation of legal norms, analysis, description, synthesis, induction and deduction are used.

Results of the study: ensuring the interests of the recoverer and the debtor on the issue of foreclosure on the collateral, the only habitable dwelling of the latter, should be carried out exclusively taking into account the interests of both, ensuring their balance of rights and opportunities, commensurate with the consequences of violation of obligations on the part of the debtor and measures to restore the violated rights of the recoverer. However, legislative activity is faced with a categorical difference between the priority of the rights of the debtor and the recoverer, which in practice promises the predominance of the possibilities of one over the other. In view of this circumstance, it is relevant to level the prerequisites for the debtor's abuse of the opportunity, after the fact of his unscrupulous behavior, to refer to the previously known fact of his possession of the only suitable residential premises, which he voluntarily provided as collateral for the fulfillment of his obligations. In order to offset these legislative flaws, in order to bring the law enforcement environment in line with constitutional provisions and norms of civil law, we have drawn the following conclusions about the need to improve the following legislative areas:

- the legislative obligation of a notary to certify the presence/absence of other residential premises at the mortgagor;
- a direct prohibition of the debtor to refer to the invalidity of the pledge (mortgage) transaction, due to the previously known fact that he has the only habitable residential premises.

Findings and conclusions: The current law enforcement approach in the field of enforcement immunity on the issue of foreclosure on the debtor's only habitable dwelling, acting as collateral, excludes the possibility of the recoverer to receive the debtor's collateral due to the protection of the latter's housing conditions, which in turn violates the rights and capabilities of a bona fide recoverer to implement the requirements under the contract through collateral.

The analysis carried out in the work demonstrates the need for legislative improvement of certain aspects of the debtor's enforcement immunity, eliminating the possibility of the latter to invoke the invalidity of foreclosure on pledged property under the contract, due to his unfair behavior, only because of the very fact of the existence of such a single habitable dwelling, the unity of which the debtor was aware.

Keywords: pledge, contract, executive immunity, estoppel, notary, draft law, good faith

For citation: Rybalka E. A. Problems of foreclosure on the subject of collateral (mortgage) – the debtor's only living quarters in case of unfair fulfillment of obligations // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 90–95.*

Диспозиция абзаца 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ закрепляет исполнительский иммунитет в отношении единственного пригодного для проживания жилого помещения должника, за исключением случая, если данное имущество является предметом залога (ипотеки) [1].

Предусмотренные исключения из вышеназванной статьи, закреплены в ст. 50 ФЗ от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», где закреплена возможность обращения взыскания на вышеназванное имущество, в случае, если со стороны должника имеется неисполненное обязательство по договору [2].

Однако фактически судебная правоприменительная практика демонстрирует противоположную тенденцию. Достаточно остановиться на одном из актуальных судебных решений по рассматриваемой проблеме. Так, по делу № 2-1380/2021, истец обратилась в суд с требованиями к ответчику о взыскании денежных средств по ранее заключенному, нотариально удостоверенному, договору займа, обеспеченного залогом недвижимости от 19.05.2020 года, в размере 1 300 000 рублей (с учетом начисленных процентов по договору займа), обратить взыскание на предмет залога (ипотеки)-квартиру. В судебном заседании было выяснено, что с ответчиком проживает семья, в виде супруга и несовершеннолетнего ребенка [3]. При этом суд, опираясь на разъяснения Постановления Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца

второго части первой статьи 446 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова», тезисное содержание которого, устанавливает запрет обращения взыскания на единственное пригодное для постоянного проживания должника и членов его семей жилища, с целью сохранения их текущих жилищных условий, несмотря на ущерб конституционного положения об исполнимости судебных решений [4].

Суд, учитывая вышеприведенные разъяснения, принял процессуальный акт, по которому исковое требование об обращении взыскания на единственное пригодное для проживания должника жилища, находящегося на праве его собственности, обремененное залогом (ипотекой), не было удовлетворено [3]. Таким образом, суд лаконично ограничился исключительно тем фактом, что для ответчика данное жилое помещение является единственным пригодным для его проживания с членами семьи.

Иные, фактически значимые обстоятельства дела, отражающие остальные конституционные и гражданско-правовые гарантии, не были рассмотрены, в частности, выраженные в международно-правовом принципе *pacta sunt servanda* (интегрированный в гражданское законодательство принцип добросовестного выполнения договорных обязательств); добровольные, сознательно-волевые действия ответчика на заключение договора, обеспеченного залогом жилого помещения; дееспособность лица; отсутствие порока воли в его действиях или критериев кабалности сделки и иные гарантии, перечисляемый объем которых абсолютен. Немаловажным является то, что без учета осталось и положение ч. 1 ст. 55 Конституции РФ, устанавливающее запрет на какое-либо умаление основных прав и свобод человека, перечисленных в Конституции РФ, применительно к рассмотренному примеру – по отношению к взыскателю [5].

При этом судебная практика стоит на том, что заявителю отказывают в удовлетворении его требований о взыскании единственного жилого помещения должника, обремененного залогом по договору, ввиду целенаправленного допущения ущерба исполнимости судебных решений, в пользу защиты жилищных условий проживания должника, со ссылкой на абстрактные, ничем неподкрепленные доводы о социально-экономической ситуации в обществе и государстве [4]. Одновременно с этим, нивелируется и одна из основ гражданских правоотношений – диспозитивность, принцип свободы договора и добросовестность контрагентов. Возникает ситуация, при которой социальные функции государства об обеспечении минимальных жилищных потребностей лиц достигается путем нанесения ущерба законным интересам взыскателя, несмотря на самостоятельные, сознательно-волевые действия должника об обременении единственного жилого помещения в качестве залога (ипотеки).

Более того, сформировавшийся правоприменительный подход создает тенденцию для заранее противоправного поведения должника, в силу осознания последним возможности обременить свое единственное жилое помещение залогом (ипотекой), а в момент неисполнения договорных обязательств, сослаться на правоприменительную практику и признать договор недействительным.

При этом, текущий подход противоречит интегрированному в российское законодательство международному правовому принципу «Эстоппель» (запрет на противоречивое поведение), выраженный в п. 5 ст. 166 ГК РФ [6].

Однако, несмотря на противоправное поведение должника, как показывает судебная практика, последний вправе сослаться на оспоримость/недействительность договора залога (ипотеки), нивелируя ранее достигнутые договоренности. Относительно сложившейся ситуации, имеется компетентное особое мнение судьи Бондаря к ранее указанному Постановлению Конституционного Суда, в котором отмечено, что текущее законодательство РФ имеет недостатки, т. к. противоречит природе исполнительского иммунитета, нивелируя баланс интересов должника и взыскателя, возводя в приоритет позицию первого, ущемляя интересы взыскателя, что на практике приводит к нарушению принципа равенства перед законом, в том числе и в вопросе юридической ответственности, увеличивая социальное неравенство в обществе [7].

Аналогичная позиция отражена и в особом мнении судьи Жилина А.Г., которая в дополнение вышеуказанной позиции Н.С. Бондаря подчеркивает существенный негативный аспект, выраженный в отсутствии стимулирования должника к добросовестному исполнению обязательства, вследствие формирования у последнего осознания факта того, что заложенное имущество не будет взыскано вследствие его недобросовестного поведения, имея законные предпосылки для злоупотребления им своими жилищными правами [8].

Таким образом, вышеприведенные обстоятельства понуждают разрабатывать и совершенствовать положения законодательства для всестороннего обеспечения конституционных положений по рассматриваемому институту.

Отметим, что в целом институт обращения взыскания на жилое помещение должника требует законодательных правок, но для достижения столь объемной цели необходимо

урегулировать его отдельные аспекты, в нашем случае – обращения взыскания на жилое помещение по договору ипотеки (залога) вследствие недобросовестного поведения должника.

Выражая солидарность позициям судей Конституционного суда – Бондаря Н.С., Жилина Г.А., признавая в целом законодательную неурегулированность положений обращения взыскания на единственное жилое помещение должника по статье 446 ГПК РФ, выраженную в отсутствии возможности реализации вышеуказанных действий вследствие недобросовестности должника относительно своих обязательств, ввиду отсутствия унифицированных критериев жилищной площади для взыскания жилого помещения, отнесения к предмету роскоши, обоснованность требований должника о невозможности обращения взыскания на его единственное жилое помещение, даже несмотря на ранее существовавшие обстоятельства, выраженные в добровольном согласии на данное действие, ввиду заключенного договора залога (ипотеки) – для зарождения законодательной и правоприменительной тенденции нивелирования вышеуказанных изъятий, предлагаю внести законодательные изменения, в ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», содержащий данные положения:

– пункт 1 статьи 50 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» дополнить следующим абзацем:

«При обращении взыскания на предмет ипотеки, залогодатель не вправе ссылаться на обстоятельства, исключающие возможность взыскания заложенного имущества, вследствие его недобросовестного поведения».

Тем самым, реализуя сполна принцип Эстоппель, когда должник, ввиду своего недобросовестного поведения, не сможет сослаться на недействительность сделки по залогу (ипотеке), только из-за факта наличия у него единственного жилого помещения, одновременно с этим нивелируя заблаговременное недобросовестное поведение должника, вследствие отсутствия у него возможности сослаться на известное ему обстоятельство наличия единственного пригодного для проживания жилого помещения при возникновении с его стороны неисполнения обязательств по договору:

– абзац 1 статьи 55 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) дополнить следующим положением:

«Наличие у закладывающего иного недвижимого имущества для обеспечения возможности фактического обращения взыскания».

Данное изменение направлено на удостоверение нотариусом наличия иного жилого помещения, на которое может быть обращено взыскание, с целью фактической реализации данного действия, при недобросовестном поведении должника:

– статью 55 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) дополнить следующим абзацем:

«Помимо общих положений, предусмотренных в статье 54 настоящего закона, разъяснять сторонам сделки о том, что никто не вправе ссылаться на недействительность или оспоримость договора о залоге (ипотеке) имущества, если ее объектом является единственное жилое помещение закладывающего».

Соответственно, предлагаемые изменения усовершенствуют законодательство в вопросе обращения взыскания на договор залога (ипотеки). Безусловно, факт имеющегося единственного пригодного для проживания жилого помещения у должника, а уж тем более проживания в нем иных лиц, приходящихся родственниками последнему и не имеющих альтернативы проживания в иной недвижимости – важен для учета, при обращении взыскания на данное жилое помещение. Предлагаемые законодательные изменения не призваны априори лишать должника и его родственников единственного пригодного для проживания жилого помещения, а лишь направлены на удостоверение добросовестности должника, констатируя его свободное, осознанное волеизъявление по обременению единственного пригодного для проживания жилого помещения в качестве залогового объекта, с удостоверением иных альтернатив обеспечения прав взыскателя, в случае просрочки должника. Только такой законодательный подход сможет обеспечить баланс прав и интересов взыскателя и должника, минуя противоречивую тенденцию приоритета жилищных прав должника над гражданско-правовыми критериями добросовестности и свободного волеизъявления при осуществлении сделок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Центральный районный суд г. Симферополя Республики Крым Дело № 2-249/2025 (2-2677/2024;) ~ М-1586/2024. Официальный сайт «Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: clck.ru/3RBgJC (дата обращения – 08.01.2025).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 11/14/2002 № 138-FZ (as amended on 12/15/2025, as amended. dated 12/22/2025) (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2026). Access from the legal system «ConsultantPlus».

2. Federal Law “On Mortgage (pledge of real estate)” dated 16.07.1998 № 102-FZ (last edition). Access from the legal system «ConsultantPlus».

3. The Central District Court of Simferopol, Republic of Crimea Case № 2-249/2025 (2-2677/2024;) ~ М-1586/2024. The official website of the State Automated System of the Russian Federation “Justice”. Access from the legal system «ConsultantPlus».

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/14/2012 № 11-П “In the case of checking the constitutionality of the provision of the second paragraph of the first part of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens F.H. Gumerova and Yu.A. Shikunov”. Access from the legal system «ConsultantPlus».

5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). Access from the legal system «ConsultantPlus».

6. The Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation). Access from the legal system «ConsultantPlus».

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/14/2012 № 11-П “In the case of checking the constitutionality of the provision of the second paragraph of the first part of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens F.H. Gumerova and Yu.A. Shikunov” Dissenting opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation N.S. Bondar. Access from the legal system «ConsultantPlus».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. А. Рыбалка – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. A. Rybalka – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 18.02.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 18.02.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Юрист-Правоведъ. 2026. № 1 (116). С. 96–102.
Jurist-Pravoved. 2026. № 1 (116). Pp. 96–102.

Научная статья
УДК 343.9

БЛАНКЕТНЫЙ ХАРАКТЕР И СЕМАНТИКА НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Александр Валерьевич Вальтер

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень,
Российская Федерация, T89612047813@gmail.com

Введение: статья посвящена историко-правовому исследованию эволюции уголовной ответственности за налоговые преступления через взаимосвязь семантики правовых категорий и бланкетности норм. Обосновывается, что усложнение хозяйственного учета и налогового администрирования обусловило превращение бланкетности из приема законодательной техники в устойчивый механизм межотраслевой координации уголовного, налогового и финансового законодательства.

Материалы и методы: в качестве нормативной и доктринальной базы использованы памятники древнерусского права, дореволюционное и советское законодательство, действующий УК РФ, НК РФ, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48, а также труды по истории права и уголовно-правовой доктрине. Применены историко-правовой (ретроспективный), семантический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также прием периодизации.

Результаты исследования: разработаны две взаимосвязанные периодизации нормативной трансформации. Первая отражает семантическую эволюцию понятийного аппарата норм о налоговых преступлениях: от «семантики фискального принуждения» (IX–XIII вв.) до «семантики институциональной бланкетности» (XX–XXI вв.). Вторая характеризует развитие бланкетности как структуры нормативных отсылок: от «контекстной» бланкетности (IX–XI вв.) до «современной многоуровневой» бланкетности (с 1996 г.). Установлена причинно-следственная связь между семантической оценочностью диспозиций ст.ст. 198–199.4 УК РФ и степенью их бланкетности.

Выводы и заключения: семантическая неопределенность терминов («уклонение», «сокрытие», «искажение», «личный интерес») исторически обуславливает бланкетную технику конструирования норм об уголовной ответственности за налоговые преступления. Для обеспечения правовой определенности при квалификации деяний по ст.ст. 198–199.4 УК РФ обосновывается приоритет законодательных актов прямого действия (НК РФ) над ведомственными разъяснениями ФНС и Минфина России при восполнении бланкетных диспозиций.

Ключевые слова: нормы о налоговых преступлениях; бланкетные диспозиции; семантика уголовно-правовых норм; квалификация; историко-правовой анализ; правовая определенность; ст.ст. 198–199.4 УК РФ

Для цитирования: Вальтер А. В. Бланкетный характер и семантика норм об уголовной ответственности за налоговые преступления: историческая ретроспектива // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 96–102.

Original paper

THE BLANKET NATURE AND SEMANTICS OF THE NORMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR TAX CRIMES: A HISTORICAL RETROSPECTIVE

Alexander Valerievich Walter

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Tyumen, Russian Federation

© Вальтер А.В., 2026

Introduction: the article presents a historical-legal study of the evolution of criminal liability for tax crimes through the interrelation of the semantics of legal categories and blanket norms. It is argued that the increasing complexity of economic accounting and tax administration has transformed blanket norms from a legislative drafting technique into a stable mechanism for intersectoral coordination of criminal, tax, and financial legislation.

Materials and methods: the normative and doctrinal base includes monuments of ancient Russian law, pre-revolutionary and Soviet legislation, the current Criminal Code of the Russian Federation, the Tax Code of the Russian Federation, Resolution № 48 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 26, 2019, as well as scholarly works on legal history and criminal law doctrine. The study employs historical-legal (retrospective), semantic, formal-juridical, and comparative-legal methods, along with periodization as an analytical technique.

Results of the study: two interrelated periodizations of normative transformation have been developed. The first reflects the semantic evolution of the conceptual apparatus of tax crime norms: from the «semantics of fiscal coercion» (9th–13th centuries) to the «semantics of institutional blanket nature» (20th–21st centuries). The second characterizes the development of blanket norms as a structure of normative references: from «contextual» blanket nature (9th–11th centuries) to «modern multi-level» blanket nature (from 1996). A causal relationship has been established between the semantic evaluativeness of the dispositions of Articles 198–199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation and the degree of their blanket nature.

Findings and conclusions: the semantic indeterminacy of terms («evasion», «concealment», «distortion», «personal interest») has historically conditioned the blanket drafting technique used in constructing norms on criminal liability for tax crimes. To ensure legal certainty in the qualification of acts under Articles 198–199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, the priority of direct-effect legislative acts (Tax Code of the Russian Federation) over departmental clarifications issued by the Federal Tax Service and the Ministry of Finance of Russia is substantiated for the purpose of supplementing blanket dispositions.

Keywords: norms on tax crimes; blanket dispositions; semantics of criminal law norms; qualification; historical-legal analysis; legal certainty; Articles 198–199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Walter A. V. The blanket nature and semantics of the norms of criminal liability for tax crimes: a historical retrospective // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 96–102.

Актуальность темы обусловлена оценочностью некоторых терминов диспозиций составов налоговых преступлений и высокой степенью их бланкетности, что порождает различное толкование норм, усложняет разграничение смежных составов экономических преступлений и создает риски нарушения принципа правовой определенности. Научная новизна состоит в историко-правовом обосновании взаимосвязи семантики и бланкетности как системообразующего фактора формирования современных норм об уголовной ответственности за налоговые преступления.

В статье под «семантикой» исследуемых норм понимается правовое содержание и историческая эволюция значений «протонорм» и норм уголовного и налогового законодательства, определяющих границы уголовного запрета и способы квалификации противоправных деяний. Семантический анализ используется как инструмент выявления исторически обусловленной бланкетной техники конструирования ст. 198–199.4 УК РФ.

Диспозиции ст. 198–199.4 УК РФ содержат оценочные термины («уклонение», «сокрытие», «искажение», «личный интерес»), содержание которых не раскрывается в уголовном законе и требует обращения к налоговому, финансовому и бухгалтерскому законодательству. Это порождает различное толкование норм в правоприменительной практике, усложняет разграничение смежных составов и создает риски нарушения принципа правовой определенности. Вместе с тем генезис данной взаимосвязи семантики и бланкетности в историко-правовой перспективе остается недостаточно исследованным.

Актуальность проблемы подтверждается правоприменительной практикой. Так, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» неоднократно обращает внимание на необходимость установления конкретных норм налогового законодательства, нарушенных виновным лицом, что свидетельствует о невозможности квалификации без обращения к НК РФ. При этом судебная практика демонстрирует

неоднозначность толкования таких признаков, как «уклонение», «личный интерес» и др., что приводит к различной квалификации сходных противоправных деяний.

Цель исследования: определить практические ориентиры для квалификации и совершенствования правоприменения по ст.ст. 198–199.4 УК РФ на основе выявленных исторических закономерностей эволюции семантики и бланкетности норм об уголовной ответственности за налоговые преступления.

Задачи исследования: реконструировать генезис семантики ключевых категорий ответственности за налоговые преступления; проследить историческую эволюцию бланкетности и выделить ее уровни; установить связь семантики и бланкетности и их влияние на квалификацию деяний по ст.ст. 198 – 199.4 УК РФ; сформулировать практико-ориентированные выводы на основе исторической ретроспективы.

Объект исследования – эволюция установления уголовной ответственности за налоговые преступления в российском праве.

Предмет исследования – семантика уголовно-правовых категорий и бланкетные конструкции диспозиций ст.ст. 198–199.4 УК РФ в их историко-правовой динамике.

Методы исследования: историко-правовой (ретроспективный), семантический анализ правовых текстов, формально-юридический и сравнительно-правовой методы; прием периодизации, позволяющий выделить ключевые исторические этапы эволюции норм о налоговых преступлениях – от устных традиций и казуистики до системной кодификации – по критерию степени формализации отсылок и сложности смысловых конструкций.

На основе проведенного анализа выделены две взаимосвязанные периодизации, характеризующие различные аспекты нормативной трансформации.

Семантическая эволюция понятийного аппарата норм о налоговых преступлениях включает четыре этапа: I этап (IX–XIII вв.) – «семантика фискального принуждения», когда содержание налоговых обязанностей определялось силой власти и обычаем; II этап (XIV–XVII вв.) – «семантика систематизации и формализации фискальных обязанностей», связанная с появлением письменных источников и кодификацией; III этап (XVIII–XIX вв.) – «рационализация правового языка и институционализация фискального контроля», характеризующаяся введением единообразной терминологии и специализированных органов; IV этап (XX–XXI вв.) – «семантика институциональной бланкетности», при которой содержание терминов раскрывается через систему внеуголовных актов.

Развитие бланкетности как структуры нормативных отсылок также проходит четыре этапа: «контекстная» бланкетность (IX–XI вв.), когда ответственность зависела от неписаных регуляторов; «письменная» бланкетность (XII–XVI вв.), требовавшая обращения к княжеским уставам и договорам; «формализация и институционализация» бланкетности (XVII–начало XX вв.), закрепившая отсылки к ведомственным регламентам; «современная многоуровневая» бланкетность (с 1996 г.), при которой диспозиции ст. 198–199.4 УК РФ восполняются через иерархию источников – от НК РФ до подзаконных актов.

Семантическая эволюция и развитие бланкетности протекали параллельно, однако представляют собой различные аспекты нормативной трансформации: первая характеризует терминологическое наполнение норм, вторая – структуру нормативных отсылок.

Историко-правовой анализ показывает, что генезис норм об ответственности за налоговые преступления невозможно понять вне эволюции правового языка (семантики) и правовой техники (бланкетности). Уже самые ранние практики фискального изъятия в Древней Руси – «дань», «полюдье» и др. натуральные повинности – существовали до появления собственно писаного права и опирались на силу власти и обычаи, а не на формальные гипотезы и диспозиции. В таком контексте «семантика» налоговых обязанностей и уголовной ответственности за неуплату налогов, была неопределенной широкой, а квалификация поведения выводилась из социального контекста и княжеского усмотрения, что задавало крайне высокую долю «контекстной бланкетности» (зависимость ответственности от внешних, неписаных регуляторов – летописных и обыденных правил) [1].

Переход к письменным источникам («Русская Правда», договоры с Византией) привел к первой фиксации фискально значимых категорий – «вира», «головщина», «торговое» и «перевозное», «десятина», «кормчий». Эти термины, как показывают издания и исследования С.В. Юшкова [2] и М.Н. Тихомирова [3], не описывали исчерпывающим образом противоправное деяние и оставляли значительную часть содержания на долю внешних правил и практик, что позволяет говорить о ранней письменной форме бланкетности: для уяснения смысла нормы необходимо было обращаться к княжеским уставам, договорам и обычаям [4; 5].

Централизация власти и формирование кодифицированных массивов норм в XVII веке усилили «правовую определенность» и одновременно закрепили отсылочность как системную технику [6]. Соборное Уложение 1649 г. [7] не употребляло современного слова «налог», но системно регулировало – «мыты», «печатные пошлины», «обязанности посадских людей», сочетая имущественные взыскания и санкции за неисполнение обязанностей и оставляя параметры исполнения (размеры, сроки, процедуры) на уровень указов, уставов и местных порядков. К примеру, институт «правежа» демонстрирует, что ответственность выстраивалась через совокупность уголовных, процессуальных и финансовых предписаний, т. е. диспозиция работала лишь вместе с внешними актами (пример ранней бланкетной конструкции).

Реформы Петра I усилили уголовно-правовую защиту фискальных интересов государства: была введена подушная подать [8], учреждены специальные органы контроля (Ревизион-коллегия, «институт фискалов») [9], установлены суровые санкции за «утайку душ» – вплоть до смертной казни. Уголовная ответственность стала применяться как инструмент налогового администрирования, что радикально изменило соотношение финансового и уголовного права. Нормативные акты закрепляли краткие запреты («буде кто в душах утаит»), а фактическое содержание противоправного поведения раскрывалось через регламенты, табели и инструкции.

Бланкетные термины указанного периода – «утайка», «сказка», «ревизия» показывают зависимость уголовной ответственности от подзаконных актов: именно через них раскрывалось содержание противоправного деяния.

В XIX в. отсылочная техника закрепляется с учетом обязательной уплаты «горных податей» и «гербового сбора»: объем обязанностей и последствия неуплаты определяются по «шнуровым книгам», уставам и ведомственным правилам; преобладают административно-финансовые меры, а уголовная репрессия адресует прежде всего прямые посягательства на казну (хищения), что отражает смешанную, «протобланкетную» модель.

На рубеже XIX–XX вв. Уголовное уложение 1903 г. кодифицирует вопросы бухгалтерского учета, хозяйственных операций и впервые последовательно вводит правовые конструкции, связанные с недостоверными отчетами и бухгалтерскими документами. Указанный факт также являлся определенным этапом становления «бланкетности», так как уголовный запрет уже опирался на внешние формы отчетности и бухгалтерского учета. Аналогичной являлась и дореволюционная практика контроля акцизов и монополий.

Советский период демонстрировал разрыв и явные колебания между криминализацией и декриминализацией налоговых преступлений. В годы «военного коммунизма» (начало 20 в.), так «декреты» предусматривали уголовную ответственность за уклонение от сдачи продовольственной разверстки, прямой отказ от уплаты налогов, умышленное сокрытие имущества и доходов.

Эти деяния относились к категории «тяжких» и влекли конфискацию имущества, принудительные работы и лишение свободы, а в отдельных случаях даже расстрел. В то же время значительная часть нарушений в виде несвоевременной уплаты налогов, ошибок в налоговой отчетности, недоимки по натуральным сборам – рассматривались как административные проступки и влекли как правило штрафные санкции.

В период НЭПа (1921–1928 гг.) сохранялась двухуровневая модель: за большинство налоговых правонарушений (неуплата «сельхозналога», недоброкачественная сдача продукции, задержка поставок и др.) наступала административная ответственность; уголовная ответственность наступала за умышленный отказ от сдачи обязательных натуральных налогов, сообщение заведомо ложных сведений о размере посевов или поголовье скота и др. Признаки таких деяний конкретизировались подзаконными актами и разъяснениями – инструкциями «Наркомпрода», декретами о натуральном налоге, правилами сдачи продукции, – что усиливало отсылочный характер диспозиций и зависимость уголовно-правовой оценки от смежных регулятивных актов. Данный правовой опыт продемонстрировал издержки «регулирования через инструкции», когда высокая динамика подзаконной базы и фрагментарная интерпретация признаков состава преступления подрывали правовую определенность. Современная практика апелляции к письмам и разъяснениям Минфина и ФНС РФ, при квалификации норм о налоговых преступлениях репродуцирует эти риски, следовательно, необходим отказ от криминализации через разъяснения и толкования и возвращения к нормам прямого действия.

В целом в 1920–1930 гг. предпринимаются попытки систематизации, но кодифицированного «налогового» раздела в уголовном законе того периода не было, т. е. роль бланкетности все-таки имела фрагментарный характер. Отметим при этом интересный факт, что в 1929 г. в УК РСФСР была введена специальная норма (ст. 129-а УК РСФСР), предусматривающая уголовную ответственность за учреждение и руководство так называемыми «лжекооперативами». Эти фиктивные организации создавались для обхода государственного контроля и получения налоговых льгот, предусмотренных для подлинных кооперативов. Таким образом, норма фактически закрепила ответственность за уклонение от фискальных обязанностей посредством использования правовой формы, что также отражало раннюю советскую практику борьбы с налоговыми злоупотреблениями в сфере хозяйственной деятельности.

Постсоветская трансформация 1990-х годов масштабно изменяет уголовно-правовое и налоговое законодательство. Принятие в 1993 г. Закона РФ «О федеральных органах налоговой полиции» создало специализированный орган, уполномоченный на выявление и расследование налоговых преступлений, что потребовало более четкой нормативной регламентации составов преступлений в сфере налогообложения. Формирование налогового законодательства завершилось принятием Налогового кодекса РФ (часть первая – 1998 г., часть вторая – 2000 г.), который закрепил единый понятийный аппарат: «налог», «сбор», «налогоплательщик», «налоговый агент», «недоимка» и др. Эти дефиниции стали обязательным источником восполнения бланкетных диспозиций ст.ст. 198 – 199 УК РФ 1996 г., поскольку уголовный закон не раскрывает содержания указанных понятий и отсылает к налоговому законодательству. Таким образом, в УК РФ 1996 г. нормы ст.ст. 198–199 УК РФ построены как бланкетные конструкции – прием законодательной техники, при котором диспозиция уголовно-правовой нормы не содержит исчерпывающего описания признаков деяния и требует обращения к иным нормативным актам. Дифференциация составов в 2003 г. (введение ст. 199.1 и 199.2 УК РФ) и последующее дополнение главы 22 УК РФ статьями 199.3–199.4 сформировали систему норм о налоговых преступлениях с различной степенью бланкетности – от «базовых» составов налоговых преступлений до специальных составов, связанных со страховыми взносами, что характеризуется в литературе как «повышенная бланкетность».

Современный этап развития норм о налоговых преступлениях характеризуется влиянием цифровизации налогового администрирования. Внедрение автоматизированных систем контроля (АСК НДС-2, онлайн-кассы, маркировка товаров), электронного документооборота и трансграничного обмена налоговой информацией существенно расширяет массив технических регламентов, от которых зависит квалификация налоговых преступлений. Исторический анализ показывает, что каждое усложнение учета и администрирования влечет рост бланкетности. Следовательно, цифровизация создает риск дальнейшего усиления зависимости уголовного закона от подзаконных актов и технических стандартов, что актуализирует проблему правовой определенности для будущего развития законодательства.

Важнейшее последствие такой конструкции – динамическая связь уголовной ответственности с изменениями исполняющих актов. Правовые позиции высших судов, в том числе тезис о декриминализации через отмену отраслевых предписаний, к которым отсылает бланкетная норма, закрепляют «симбиоз» уголовного и налогового права и придают особое значение принципу правовой определенности. В правоприменении это требует ясных критериев допустимой «степени бланкетности», иерархии источников восполнения уголовно-правовых норм.

Таким образом, семантическая неопределенность фискальных категорий исторически обуславливает собой бланкетную технику, поскольку диспозиции не самостоятельны без внешних дефиниций; усложнение экономики и учета хозяйственных операций закономерно превращает бланкетность в устойчивый способ конструирования уголовно-правовых норм, требующий согласованности уголовного закона с налоговым и финансовым законодательством; для обеспечения предсказуемости и конституционной определенности применения норм, предусмотренных ст.ст. 198–199.4 УК РФ, необходим системный выбор источников восполнения, опирающийся на законодательные акты прямого действия, с одновременным отказом от криминализации посредством элементов «разъяснения» или «толкования» норм.

Историческое развитие норм о налоговых преступлениях представляет устойчивую связь, когда каждый этап усиления фискального контроля сопровождался расширением

массива восполняющих актов и процедур, а следовательно – ростом «бланкетности». Данная корреляция объяснима: усложнение хозяйственного учета, бухгалтерских расчетов и налогового администрирования закономерно влечет увеличение объема внеуголовных дефиниций, необходимых для уяснения содержания диспозиций. Вместе с тем усиление бланкетности порождает и обратный эффект: избыточная зависимость от подзаконного регулирования и ведомственных разъяснений создает риск утраты правовой определенности при квалификации деяний по ст.ст. 198-199.4 УК РФ. Для предсказуемого и конституционно определенного применения норм по налоговым преступлениям необходим системный выбор источников восполнения норм, опирающихся на законодательные акты прямого действия, при исключении криминализации через «разъяснения» фискальных органов и иные формы толкования, не обладающие нормативной силой.

Как установлено, эволюция норм об ответственности за налоговые преступления демонстрирует поступательный переход через четыре этапа семантического развития и четыре этапа развития бланкетности – от устных «протоном» и «контекстной» бланкетности к современным конструкциям главы 22 УК РФ с «многоуровневой» бланкетностью. Бланкетность в данном контексте представляет собой прием законодательной техники, позволяющий учитывать динамику налогового и финансового законодательства при сохранении уголовного закона как единственного источника уголовно-правовых запретов (ст. 1 УК РФ). Эта позиция соотносится с более общей концепцией межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности (Д.Ю. Гончаров), согласно которой эффективность уголовно-правового регулирования во многом определяется качеством его интеграции с иными отраслями права.

Связь семантики и бланкетности имеет причинно-следственный характер: использование в диспозициях ст.ст. 198–199.4 УК РФ терминов с неопределенным содержанием («уклонение», «сокрытие», «искажение», «личный интерес» и др.) обуславливает необходимость обращения к налоговому законодательству для уяснения признаков состава преступления. Это повышает значение выбора источников восполнения бланкетных норм: приоритет законодательных актов прямого действия (НК РФ) над ведомственными разъяснениями способствует обеспечению правовой определенности при квалификации налоговых преступлений.

Исторический опыт демонстрирует, что каждое усложнение налогового администрирования влечет рост бланкетности и угрозу размывания границ уголовной ответственности. Цифровизация (АСК НДС-2, электронный документооборот, трансграничный обмен информацией) продолжает эту тенденцию. Поэтому для современного и будущего развития уголовного законодательства ключевым остается поиск баланса между защитой фискальных интересов государства и соблюдением принципа «*nullum crimen sine lege*», с приоритетом законодательных актов прямого действия над техническими регламентами и ведомственными разъяснениями.

Практическая значимость исследования состоит в обосновании иерархии источников восполнения бланкетных диспозиций ст.ст. 198 –199.4 УК РФ: при квалификации налоговых преступлений приоритет должен отдаваться Налоговому кодексу РФ и федеральным законам, а не письмам и разъяснениям ФНС и Минфина России, не обладающим нормативной силой. Данный вывод основан на историческом анализе, демонстрирующем, что зависимость уголовной ответственности от ведомственных инструкций (опыт НЭПа, современная практика) подрывает правовую определенность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Древнерусское государство (Киевская Русь) // История.РФ. URL: <https://histrf.ru/read/articles/drievnierusskoie-ghosudarstvo-kievskaiia-rus> (дата обращения: 01.09.2025).
2. Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 2002.
3. Епифанов П.П., Епифанова О.П. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до 1861 г.: учеб. пособие для пед. ин-тов. М., 1987.
4. Перелыгин А.Е. Ответственность за уклонение от уплаты налогов в России в XVI–XVIII вв. // Синергия. 2017. № 2.
5. Назаров В.Н. Институт фискалов – первый в России орган финансового контроля // Финансовое право. 2008. № 1.

6. Ефимов И.А., Токарев Д.С. Об истории становления норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение налоговых преступлений // Вестник ВИ МВД России. 2015. № 3.
7. Тошева М.С. Налоговые преступления в Советской России в 1917-1929 годах: формы проявления и особенности государственного противодействия // Вестник ЧелГУ. 2008. № 24.
8. Глебов А.Н. Правовое регулирование налогообложения крестьянства в 1928–1941 гг.: на материалах Урала: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012.
9. Караваева И.В. Трансформация налоговой политики России в 1990-е годы // ЭКО. 2008. № 7 (409).
10. Гончаров Д.Ю. Основы концепции межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности // Юридические записки. 2014. № 1.

REFERENCES

1. The Ancient Russian state (Kievan Rus) // History.RUSSIAN FEDERATION URL: <https://histrf.ru/read/articles/drievnierusskoie-ghosudarstvo-kievskaaia-rus> (date of access: 01.09.2025).
2. Yushkov S.V. Russian Truth. Origin, Sources, and Its Significance. Moscow, 2002.
3. Epifanov P.P., Epifanova O.P. A Reader's Guide to the History of the USSR from Ancient Times to 1861: a textbook. Moscow, 1987.
4. Perelygin A.E. Responsibility for Tax Evasion in Russia in the 16th–18th Centuries // Synergy. 2017. № 2.
5. Nazarov V.N. Institute of Fiscal Officers - the first financial control body in Russia // Financial Law. 2008. № 1.
6. Efimov I.A., Tokarev D.S. On the History of the Formation of Norms Providing for Criminal Liability for Tax Crimes // Bulletin of the Russian Interior Ministry. 2015. № 3.
7. Tosheva M.S. Tax Crimes in Soviet Russia in 1917-1929: Forms of Manifestation and Features of State Counteraction // Bulletin of ChelGU. 2008. № 24.
8. Glebov A.N. Legal Regulation of Taxation of the Peasantry in 1928–1941: Based on the Materials of the Urals: Abstract of a Dissertation for the Candidate of Legal Sciences Degree. Nizhny Novgorod, 2012.
9. Karavaeva I.V. Transformation of Russia's Tax Policy in the 1990s // ECO. 2008. № 7 (409).
10. Goncharov D.Yu. Fundamentals of the Concept of Intersectoral Relations in the Legislation on Combating Crime // Legal Notes. 2014. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. В. Вальтер – старший преподаватель кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 625049. Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. V. Walter – Senior lecturer at the Department of Organization of Crime Investigation and Forensic Examinations of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 75, Amurskaya St., Tyumen 625049 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.01.2026; одобрена после рецензирования 29.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 17.01.2026; approved after reviewing 29.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 343.97:343.988АКТУАЛЬНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ
СТАТИСТИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Наталья Алексеевна Вакуленко

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
foroposha@mail.ru

Введение: в Российской Федерации, так же как и во многих других странах мира, ситуация со злоупотреблением наркотическими средствами и психотропными веществами, их незаконным оборотом приобрела выраженную тенденцию обострения. Распространение наркомании происходит нарастающими темпами. Буквально за несколько последних лет она превратилась в одну из самых серьезных угроз национальной безопасности российского государства. Человечество столкнулось с необходимостью поиска эффективных путей решения одной из важнейших мировых проблем – борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Преступления, совершаемые в сфере незаконного оборота наркотиков, а также преступления, совершаемые лицами в состоянии наркотического опьянения, составляют значительной объем в общем массиве преступности в России. Кроме того, динамика наркопреступности последних лет носит выразительно возрастающий характер.

Изучение любого вида преступности подчинено задачам эффективной и адресной борьбы с ней. Для этого необходимо знать, каково ее состояние, динамика и структура, уровень общественной опасности отдельных ее видов в зависимости от конкретных условий места и времени. Особенно важной представляется также информация о ее причинах.

Материалы и методы: общенаучные методы познания, в том числе объективности, системности, индукции, дедукции, анализ теоретических и нормативных правовых источников, контент-анализ СМИ, обобщение и анализ правоприменительной практики, статистические методы.

Результаты исследования: теоретическая значимость публикации состоит в возможности выделить и проанализировать репрезентативные характеристики преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, что позволит осуществить методическое обеспечение деятельности, направленной на усовершенствование мер предупреждения данного вида преступности.

Практическая значимость публикации заключается в возможности использования ее результатов в профилактической деятельности в отношении преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков, поскольку повышенные показатели интенсивности и «цены», иные криминологические особенности и параметры наркопреступности, вопросы детерминации, сложности превенции ввиду масштабности подобных криминальных проявлений, снижают индекс ее эффективности.

Выводы и заключения: сегодня превенция преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ – важная часть работы государственных структур, так как позволяет снизить не только уровень криминальных проявлений, но и уровень смертности и болезней населения, оптимизировать социальную ситуацию в обществе, повысить авторитет нашего государства в мире. Деятельность по профилактике преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков должна опираться на серьезную аналитическую базу количественно-качественных показателей преступности рассматриваемого вида, а также на исследование факторов, ее детерминирующих.

Отмеченные негативные изменения в уровне, структуре и динамике наркопреступности не случайны. Они коррелируют с политическими, географическими, социальными, культурными, организационными, национальными, правовыми и иными трансформациями

сегодняшних дней. Следовательно, в деятельности по предупреждению данного вида криминальных проявлений стоит учитывать оба ряда факторов и обстоятельств.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, наркопреступность, показатели преступности, состояние преступности, динамика, тенденции, последствия, криминогенная активность, факторы, информативные характеристики

Для цитирования: Вакуленко Н. А. Актуальные современные статистико-криминологические характеристики преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 103–109.

Original paper

UP-TO-DATE MODERN STATISTICAL AND CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF DRUG TRAFFICKING CRIMES

Natalya Alekseevna Vakulenko

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in the Russian Federation, as well as in many other countries of the world, the situation with the abuse of narcotic drugs and psychotropic substances, their illegal trafficking has acquired a pronounced tendency to aggravate. The spread of drug addiction is increasing. In just a few recent years, it has become one of the most serious threats to the national security of the Russian state. Humanity is faced with the need to find effective ways to solve one of the most important world problems – the fight against drug trafficking.

Crimes committed in the field of drug trafficking, as well as crimes committed by persons in a state of drug intoxication, make up a significant amount in the total array of crime in Russia. In addition, the dynamics of drug crime in recent years is expressively increasing.

The study of any type of crime is subordinated to the tasks of an effective and targeted fight against it. To do this, you need to know what its state, dynamics and structure are, the level of social danger of its individual species, depending on the specific conditions of the place and time. Information on its causes is also especially important.

Materials and methods: general scientific methods of cognition, including objectivity, consistency, induction, deduction, analysis of theoretical and normative legal sources, media content analysis, generalization and analysis of law enforcement practice, statistical methods.

Results of the study: the theoretical significance of the publication is the ability to identify and analyze representative characteristics of crimes committed in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, which will make it possible to provide methodological support for activities aimed at improving measures to prevent this type of crime.

The practical significance of the publication lies in the possibility of using its results in preventive activities in relation to crimes committed in the field of drug trafficking, since increased indicators of intensity and “price,” other criminological features and parameters of drug crime, issues of determination, the complexity of prevention due to the scale of such criminal manifestations, reduce the index of its effectiveness.

Findings and conclusions: today, the prevention of crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances is an important part of the work of state structures, as it allows us to reduce not only the level of criminal manifestations, but also the level of mortality and diseases of the population, optimize the social situation in society, and increase the authority of our state in the world. Crime prevention activities in the field of drug trafficking should be based on a serious analytical base of quantitative and qualitative indicators of the type of crime in question, as well as on a study of its determinants.

The noted negative changes in the level, structure and dynamics of drug crime are not accidental. They correlate with the political, geographical, social, cultural, organizational, national, legal and other transformations of today. Therefore, in activities to prevent this type of criminal manifestations, it is worth taking into account both series of factors and circumstances.

Keywords: drug trafficking, drug crime, crime indicators, crime status, dynamics, trends, consequences, criminogenic activity, factors, informative characteristics

For citation: Vakulenko N. A. Up-to-date modern statistical and criminological characteristics of drug trafficking crimes // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 103–109.

Общеизвестно, что злоупотребление наркотическими веществами и их нелегальный оборот наносят серьезный вред здоровью, разрушая жизни людей, семьи и подрывая стабильное развитие общества.

Наркомания, а также распространение наркотических веществ и связанных с ними преступлений представляют серьезную угрозу, как для государственного, так и для общественного порядка, что может привести к деградации и даже вымиранию человечества. Видовой состав наркопреступлений серьезно трансформируется в условиях постоянного научно-технического прогресса и изменений в общественных отношениях.

В XX в. незаконный наркотрафик достиг угрожающих масштабов, охватив множество стран всего мира. Сеть нелегальной торговли наркотиками, будь то кустарное или промышленное производство, распространилась по всей планете.

Разграничить государства на производителей и потребителей становится все труднее. Спрос на наркотики изменился под влиянием, как новых модных тенденций, так и появлением синтетических веществ [6].

Кроме того, существует мнение, что наркомания – это способ преодоления отчуждения, изоляции от общества. Тем не менее, наркоманы еще острее чувствуют обособленность после действия наркотических средств, что заставляет их употреблять наркотики чаще и в больших количествах [14, с. 26].

Изменения происходят из-за внутренней социально-экономической ситуации, моральных и психологических факторов общества, а также усилий государств и международного сообщества по борьбе с наркопреступностью [10, с. 16].

За последние два десятилетия произошли серьезные модификации составов наркотиков, их ценовых категорий и в социальной характеристике потребителей.

Основными препаратами остаются опиаты (в частности, героин), за которыми следует кокаин. Наркопроблема в современных условиях, особенно в России, сопоставима с угрозами международного терроризма. Эксперты указывают на тысячи жертв передозировок и множество людей, ставших инвалидами. В Российской Федерации примерно 7,5–8,5 млн. людей употребляют наркотические средства и их аналоги [1, с. 112–116].

В 2024 г. в Российской Федерации наблюдался незначительный рост числа преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (далее – НОН) – зарегистрировано – 198 043 преступления (+ 3,7 %).

На фоне снижения общего числа зарегистрированных преступлений доля преступлений в сфере НОН в общей структуре преступности также постепенно увеличивается (в 2020 – + 7,8 %, в 2021 – + 7,5 %, в 2022 – + 7,5 %, в 2023 – + 8,2%, в 2024 – + 10,4 %) [8, с. 48].

Возрастная структура осталась практически неизменной: наибольшей криминальной активностью обладают возрастные группы: от 18 до 29 (32,4 %) и от 30 до 39 (37,8 %) лет. Сохранялась тенденция увеличения объемов изъятых из обращения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Общее число изъятых наркотических средств выросло на 15,6 %, являясь рекордным за прошедшие 10 лет.

Продолжилась тенденция роста числа групповых наркопреступлений [8, с. 48–49].

При этом необходимо принять во внимание, что противодействие наркопреступности в последние годы происходит на фоне продолжающейся СВО. Согласно докладу директора ФСБ России А.В. Бортникова на совещании руководителей органов безопасности и разведывательных служб стран СНГ, «украинская оргпреступность контролирует значительную часть наркопроизводства, и сейчас этот фактор используется в рамках гибридной войны против России» [7].

Продолжалась тенденция увеличения числа особо тяжких преступлений в сфере НОН. Их число выросло на 10,1 % и составило 61,9 % от общего числа рассматриваемых преступлений. При этом суммарно тяжкие и особо тяжкие преступления в данной сфере составляют 80,5 %.

Продолжалась тенденция увеличения уровня преступности в сфере НОН (количество преступлений на 100 тыс. населения). В среднем по России данный показатель составил 135,5 (в 2023 г. – 130,4). Аналогичная тенденция наблюдалась во всех федеральных округах, за исключением Приволжского и Дальневосточного. Наибольший уровень преступлений в сфере НОН на протяжении последних лет продолжает сохраняться в Уральском федеральном округе, причем разрыв с другими округами год от года увеличивается. Наиболее благоприятная наркоситуация, так же как и в прошлые годы, сохраняется в Центральном (108,4) и Северо-Кавказском (99,83) федеральных округах [8, с. 49–50].

На сегодняшний день все большее количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и их аналогов происходит при помощи компьютерных технологий [12, с. 32–35].

В связи с активным открытием различных маркетплейсов происходит внедрение в онлайн-покупки наркотических средств и их аналогов под различными неприметными товарами.

Общественная угроза, связанная с преступлениями в этой сфере, особенно тех, что совершаются с использованием компьютерных технологий, заключается в росте криминогенности информационного пространства. Число пользователей Интернета по всему миру достигает 2,7 млрд, что влияет на различные сферы жизни общества и может вызывать неадекватное поведение определенных групп людей.

В сети Интернет такие преступления часто анонимизируются, и связь с их материальной основой теряется. Несмотря на короткую историю таких деяний, связанное с относительно недавним возникновением Интернета, их быстрое распространение выделяет их среди других преступлений.

Это связано с высокой доступностью и недостаточным правовым регулированием глобальной сети. За последние годы наблюдается резкий рост количества сайтов, пропагандирующих наркотики. В 2005 году поиск через Google выдал 191 000 таких ресурсов, в 2010 году их количество превысило 5 млн, а к началу 2012 г. достигло около 37,9 млн. На сегодняшний день определенные запросы генерируют до 411 миллионов результатов [4, с. 177–182].

Кроме того, согласно информации Государственного антинаркотического комитета, Интернет в настоящее время представляет один из ведущих каналов распространения синтетических наркотиков. Увеличение числа запросов о наркотиках, а также возрастание зарегистрированных преступлений в этой области подтверждают актуальность темы исследования. Эти факты подчеркивают необходимость изучения уголовно-правовой и криминологической природы данных деяний. Проблемы, касающиеся преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием компьютерных технологий, представляются крайне актуальными.

В настоящее время количество синтетических наркотиков возрастает, появляются новые, более опасные наркотические средства, вызывающие мгновенное привыкание. Спрос на такие вещества возрастает, т. к. ценовой ценз значительно меньше, чем у других наркотиков со схожим эффектом. Примером этому служит дизайнерский наркотик «флакка», который обладает мощным психоактивным воздействием на мозг человека и является синтетической версией катинона.

Преступность в области нелегального оборота наркотических средств и психотропных веществ в Интернете является относительно новым явлением, возникшим в конце XX в. с развитием всемирной сети.

Это понятие тесно связано с наркопреступностью, но его можно рассматривать в более широком контексте общемасштабной преступности. Наркопреступления в сети выделяются благодаря своим уникальным характеристикам, которые позволяют рассматривать их как отдельные проявления преступной деятельности, охватывающей уголовные деяния с применением компьютерных технологий и Интернета.

Уникальные черты преступности, связанной с нелегальными наркотиками в Сети, подчеркивают ее общественную опасность.

Шеслер А.В. указывает, что именно этот аспект определяет другие характеристики преступности, влияя на общественное восприятие и необходимость превентивных мер. Родовые признаки подчеркивают общественную опасность наркопреступлений в Интернете, а видовые признаки помогают определить их специфические черты и степень угрозы обществу, а также подходы к профилактике [11, с. 36].

Согласно системному подходу, преступность в сфере интернет-наркоторговли представляет собой социальную систему, где ключевым элементом является преступная деятельность, касающаяся незаконного оборота наркотиков и самой сети Интернет. Общий признак преступной деятельности относится к наркопреступлениям, в то время как специфический – это использование интернет-технологий в нелегальной наркоторговле. В этой связи ключевыми компонентами преступности, как системы являются ее детерминанты.

Значимым криминогенным фактором преступности в сфере незаконного оборота наркотиков выступает пронаркотический контент. Выявлено порядка семи тысяч сайтов, нарушающих законодательство Российской Федерации в сфере контроля за оборотом наркотиков. Маркетплейсы (например, Kraken и Меда), Telegram- и YouTube-каналы активно торгуют наркотиками.

Стоит отметить, что продажа наркотиков и наркотических средств на сегодняшний день активно распространяется через различные маркетплейсы, такие как «OZON» и «Wildberries».

Наркотические средства продаются под видом различных товаров из разнообразных категорий с завышенной в несколько раз стоимостью без избыточных надписей и указаний. При этом при использовании вышеуказанных маркетплейсов наркотические вещества кладутся и прочно запаковываются не только в сам выкупаемый легальный товар, но еще и в несколько герметичных упаковок, что исключает порчу наркотиков, поддерживает необходимые условия для наркотиков.

Последствия преступной деятельности также имеют значение. Наркопреступность представляет собой многогранную проблему, которая отражается не только на государственном, но и на индивидуальном и глобальном уровнях. Наркомании подвержены в основном молодые люди, что значительно влияет на здоровье будущего поколения. В настоящее время повсеместны случаи, когда рождаются дети героиновых наркоманов. Большая часть из них умирает в первые дни жизни от абстиненции, небольшой процент остается выживших младенцев, которые в первые минуты, сразу после рождения, уже сталкиваются с серьезным испытанием – ломка. Последствиями этого является то, что примерно 90 % детей, чьи родители употребляли наркотики, рождаются с различными аномалиями и психическими нарушениями [3]. Эти факторы негативно влияют на демографический уровень в Российской Федерации.

При этом, в настоящее время нет эффективного механизма по предотвращению таких случаев: беременную женщину-наркоманку нельзя принудительно госпитализировать в специализированную клинику, запретить рожать, принуждать к последующему лечению и уходу за больным ребенком, из-за чего он становится инвалидом [3].

Еще одним элементом, который детерминирует напряженную ситуацию с наркопреступностью в стране, является непростая российская социально-экономическая обстановка, урон которой повсеместно и регулярно наносится со стороны латентных наркопреступлений.

Затруднение в раскрытии преступлений и применении превентивных мер обуславливается латентностью наркопреступности, т. к. на сегодняшний день преступления в сфере незаконного оборота наркотиков и наркотических средств совершаются с использованием интернет-площадок, что делает работу по выявлению преступных деяний в данной сфере затруднительной, а иногда и невозможной, в силу того, что сеть наркопреступлений носит глобальный уровень, наркоторговля процветает во всех странах мира, поэтому отследить и выявить всех соучастников преступления не представляется возможным. Такую позицию подтверждают многие исследователи в области предотвращения наркопреступности. Стоит отметить, что высокий латентный уровень наркопреступности является серьезным криминогенным фактором, детерминирующим масштабирование наркотизма во всем мире [13, с. 5].

Так, данные официальной статистики полностью не отражают реальной проблемы с незаконным оборотом наркотиков в России.

Преступность имеет свою структуру, которая отражает количественно-качественные характеристики. В этом контексте каждое преступление, являясь важным элементом преступной деятельности, выполняет объединяющую функцию. Многие исследователи рассматривают общественную опасность наркопреступности, как часть более широкого понятия – наркотизма.

Романова Л.И. определяет криминальный наркотизм как опасное социальное и юридическое явление, связанное с незаконным оборотом наркотиков и другими общественно опасными действиями, обладающее своими характеристиками и условиями [9].

Жалыбин В.В. подчеркивает, что преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, представляют собой серьезную социальную угрозу из-за своей вредоносности и повторяемости [5, с. 12–13].

Вредоносность таких действий, как и наркотической зависимости в целом, заключается в их потенциально негативных последствиях для общества, включая медико-биологические, социальные и психологические аспекты.

Стоит отметить все же, что эксперты связывают на сегодняшний день рост наркопреступности с расширением онлайн-торговли: за первые три месяца 2025 г. в России зарегистрировано 184,6 тыс. интернет-преступлений, и в каждом шестом случае фигурировали наркотики [2].

Общественная опасность наркотиков в Интернете превышает степень угрозы, исходящей от преступлений, совершаемых другими способами, поскольку Интернет расширяет возможности для привлечения клиентов и способствует распространению наркокультуры. Именно благодаря телекоммуникационным технологиям происходит внедрение в общественную жизнь стереотипа о применении наркотиков «золотой» молодежью, т. е. обычным явлением, развлечением материально обеспеченных людей.

Данный показатель тесно коррелирует с «ценой» преступности, под которой понимаются материальные последствия от преступлений, т. е. денежная оценка негативного влияния преступности на государство и общество.

Можно сказать, что наркопреступность причиняет огромный ущерб не только государству, но и всему обществу. Одно преступное деяние несет в себе сразу два последствия – экономический ущерб государству и вред обществу: лица, принимающие наркотические средства и их аналоги, подвержены психическим и физическим заболеваниям различной степени и тяжести, помимо этого, люди, употребляющие наркотики, не могут выполнять в обществе свои социальные роли, не могут работать, поэтому большинство преступлений в настоящее время осуществляется под воздействием наркотических средств или с целью получения прибыли на дозу наркотиков.

Особое внимание стоит уделить генофонду нации: снижается уровень рождаемости и повышается уровень смертности, из-за чего происходит демографический кризис. Такие преступные деяния можно называть преступлениями с «двойным дном», т. е. с двумя взаимосвязанными и взаимообусловленными видами последствий.

Актуализация мер предотвращения незаконного оборота наркотических средств и их аналогов на сегодняшний день является критически важной комплексной задачей для обеспечения национальной безопасности страны, сохранения здорового населения, снижения уровня наркопреступности.

Согласно данным Обзора ВНИИ МВД России, «основными тенденциями незаконного оборота наркотиков сегодняшнего времени выступают: сохранение основных предыдущих лет (увеличение числа особо тяжких наркопреступлений; увеличение доли производимых внутри Российской Федерации синтетических наркотиков; уменьшение количества посредников в международных цепочках; появление новых поставщиков наркотиков, маскирующихся под предпринимателей, действующих в условиях обхода санкций); продолжающееся в условиях проведения СВО увеличение импорта кокаина из Латинской Америки; использование наркотрафика в качестве элемента гибридной войны; постоянная модификация способов распространения наркотиков» [8, с. 49–52]. Исходя из изложенного, представляется правильным предположить, что по итогам 2025 г. прогнозируется незначительное увеличение показателей незаконного оборота наркотиков.

Наркопреступность, представляя собой многогранную проблему, оказывающую негативное влияние на государственном, индивидуальном и глобальном уровнях, приобретает в условиях современных трансформаций новые отрицательные криминогенные характеристики, которые необходимо учитывать в раскрытии, расследовании и предупреждении рассматриваемого вида преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бражников Д.А. Криминологическая оценка наркоситуации в Российской Федерации / Д.А. Бражников, А.Ю. Кийко, С.В. Маликов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4.
2. В России резко выросла наркопреступность. Изнанка. URL: <https://iznanka.news/articles/Poslednee/V-Rossii-rezko-vyroslo-narkoprestupnost.html> (дата обращения: 23.09.2025).
3. Дети наркоманов – как употребление наркотиков влияет на потомство. URL: <https://kas.clinic/novosti/deti-narkomanov-posledstviya-upotrebleniya/> (дата обращения: 19.10.2025).
4. Долгиева М.М. Криптовалютная наркоторговля в России и за рубежом // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 4.
5. Жалыбин В.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.
6. Калачев Б.Ф. О сущности понятия «среда распространения наркотиков». URL: http://www.narkotiki.ru/5_4043.htm (дата обращения: 15.10.2025).
7. Киев использует наркотрафик в гибридной войне против России, заявили в ФСБ. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241126/ukraina-1985729731.html> (дата обращения: 15.10.2025).
8. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 года и ожидаемые тенденции ее развития // Аналитический обзор. М., 2025.
9. Левченко В.Б. Особенности понятия и содержания дефиниции «наркотизм». 2022. № 25.
10. Маздогова З.З., Макоева Е.Р. Факторы, способствующие наркопреступности в России // Образование и право. 2022. № 4.

11. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Общественная опасность групповой преступности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 311.
12. Старченко В.В. Актуальные проблемы противодействия незаконному обороту наркотических средств с использованием сети Интернет и пути их решения // Российско-Азиатский правовой журнал. 2020. № 1.
13. Турутина Е.Э. Проблемы выявления латентной преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков // Вестник Российского университета кооперации, 2022. № 1.
14. Фромм Э. Искусство любить. М., 1956.

REFERENCES

1. Brazhnikov D.A. Criminological assessment of the drug situation in the Russian Federation / D.A. Brazhnikov, A.Yu. Kiyko, S.V. Malikov // Legal science and law enforcement practice. 2017. № 4.
2. Drug crime has sharply increased in Russia. Iznanka. URL: <https://iznanka.news/articles/Poslednee/V-Rossii-rezko-vyroslo-narkoprestupnost.html> (date of access: 23.09.2025).
3. Children of addicts – how drug use affects offspring. URL: <https://kas.clinic/novosti/deti-narkomanov-posledstviya-upotrebleniya/> (date of access: 19.10.2025).
4. Dolgieva M.M. Cryptocurrency drug trafficking in Russia and abroad//Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4.
5. Zhalybin V.V. Criminological characterization and prevention of crimes related to drug trafficking: author. dis.... cand. jurid. sciences. Krasnoyarsk, 2004.
6. Kalachev B.F. On the essence of the concept of “drug distribution environment”. URL: http://www.narkotiki.ru/5_4043.htm (date of access: 15.10.2025).
7. Kyiv uses drug trafficking in a hybrid war against Russia, the FSB said. RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20241126/ukraina-1985729731.html> (date of access: 15.10.2025).
8. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation at the end of 2024 and the expected trends in its development // Analytical Review, Moscow, 2025.
9. Levchenko V.B. Features of the concept and content of the definition of “drug addiction”. 2022. № 25.
10. Mazdogova Z.Z., Makoeva E.R. Factors contributing to drug crime in Russia // Education and law. 2022. № 4.
11. Prozumentov L.M., Schesler A.V. Public danger of group crime // Westn. Volume. state university. 2018. № 311.
12. Starchenko V.V. Actual problems of countering drug trafficking using the Internet and ways to solve them//Russian-Asian legal journal. 2020. № 1.
13. Turutina E.E. Problems of detecting latent crime associated with drug trafficking // Bulletin of the Russian University of Cooperation, 2022. № 1.
14. Fromm E. The Art of Love. Moscow, 1956.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Н. А. Вакуленко – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

N. A. Vakulenko – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 342.31

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Светлана Викторовна Девятковская¹, Александра Леонидовна Клочкова², Елена Сергеевна Серогодская³

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, sdevyatovskaya@yandex.ru

²Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, klochkova_alexa86@mail.ru

³Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ser.elenka@mail.ru

Введение: цифровизация современного общества, являющаяся одним из наиболее динамичных и всеобъемлющих процессов XXI в., проникает во все сферы человеческой деятельности, трансформируя экономические, социальные и культурные ландшафты. Этот тектонический сдвиг, обусловленный бурным развитием информационно-коммуникационных технологий, искусственного интеллекта, не оставляет в стороне и столь консервативную область, как уголовное право. Уголовно-правовая сфера, традиционно ориентированная на регулирование наиболее общественно опасных деяний и установление ответственности за них, сталкивается с необходимостью не только адаптации к новым реалиям, но и активного формирования адекватных правовых конструкций для реагирования на вызовы цифровой эпохи.

Трансформация уголовного права в условиях цифровизации – это многоаспектный процесс, включающий как материально-правовые, так и процессуальные аспекты. С одной стороны, появление новых форм преступности (киберпреступность, преступления с использованием технологий искусственного интеллекта, манипуляции данными), а также изменение традиционных способов совершения общеуголовных деяний (например, использование цифровых средств для подготовки или сокрытия преступлений) требуют пересмотра существующих составов преступлений, принципов вины и назначения наказания. С другой стороны, внедрение цифровых технологий в уголовный процесс (электронное делопроизводство, использование цифровых доказательств, дистанционное участие в процессуальных действиях) ставит перед правовой системой задачи по обеспечению гарантий прав человека, соразмерности мер процессуального принуждения и обеспечения законности получения доказательственной информации.

Необходимость глубокого научного осмысления данной проблематики обусловлена рядом факторов. Во-первых, скорость технологического прогресса значительно опережает темпы законодательных изменений, создавая «правовые пробелы» или, напротив, приводя к избыточному или неэффективному регулированию. Во-вторых, глобальный характер цифровых угроз требует гармонизации национальных уголовно-правовых подходов с международными стандартами и практиками. В-третьих, обострение баланса между эффективностью борьбы с цифровыми преступлениями и защитой фундаментальных прав граждан (на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, защиту персональных данных) становится центральной проблемой современной уголовной политики.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется критической важностью своевременной и научно обоснованной трансформации уголовного права для обеспечения национальной безопасности, защиты прав граждан и поддержания правопорядка в условиях повсеместной цифровизации.

© Девятковская С.В., Клочкова А.Л., Серогодская Е.С., 2026

Материалы и методы: для достижения поставленных во введении целей и решения задач в рамках настоящего исследования использован комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, обеспечивающих всесторонний и объективный анализ трансформационных процессов в уголовном праве под влиянием цифровизации.

Кроме этого, исследование базируется на диалектическом методе познания, позволяющем рассматривать уголовно-правовые институты как динамичные системы, находящиеся в постоянном развитии под влиянием внешних (технологических) факторов. Применен системный подход, позволивший рассмотреть уголовное право как целостную систему, а также структурно-функциональный подход, необходимый для анализа функций новых норм и институтов в условиях цифровой среды.

Результаты исследования: проведенный комплексный анализ трансформационных процессов в уголовном праве под влиянием цифровизации позволил сформулировать ряд существенных выводов, затрагивающих как материально-правовые, так и процессуальные аспекты регулирования.

Выводы и заключения: на уровне материального уголовного права зафиксирована устойчивая тенденция к усложнению конструкции объективной стороны преступлений: дистанционный характер деяний и их асинхронное последствие смещают акцент правовой оценки от физического действия к неправомерному воздействию на информацию и нарушение целостности цифровых систем. Это, в свою очередь, диктует необходимость пересмотра традиционных подходов к доказыванию вины (субъективной стороны), особенно в случаях, когда преступный результат является следствием действия сложных алгоритмов или систем искусственного интеллекта, что требует законодательного признания специфических форм неосторожности. Кроме того, выявлена острая потребность в криминализации сопутствующих цифровых деяний (подготовительных этапов) и дополнении составов, направленных на защиту самой цифровой среды как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны.

Ключевые слова: цифровизация, трансформация уголовного права, киберпреступность, уголовно-процессуальное право, цифровое доказательство, искусственный интеллект (ИИ), криминализация, уголовно-правовая доктрина, цифровая среда, процессуальное принуждение

Для цитирования: Девятковская С. В., Ключкова А. Л., Серогодская Е. С. Трансформация уголовного права в условиях цифровизации современных технологий // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 110–117.

Original paper

TRANSFORMATION OF CRIMINAL LAW IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF MODERN TECHNOLOGIES

Svetlana Viktorovna Devyatovskaya¹, Alexandra Leonidovna Klochkova², Elena Sergeevna Serogodskaya³

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

³Rostov Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Printing Arts named after V.M. Lebedev” Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the digitalization of modern society, which is one of the most dynamic and comprehensive processes of the 21st century, is penetrating all areas of human activity, transforming economic, social, and cultural landscapes. This tectonic shift, driven by the rapid development of information and communication technologies and artificial intelligence, is also affecting the traditionally conservative field of criminal law. The criminal law sphere, which is traditionally focused on regulating the most socially dangerous acts and establishing liability for them, is faced with the need not only to adapt to new realities, but also to actively develop appropriate legal structures to respond to the challenges of the digital age.

The transformation of criminal law in the context of digitalization is a multifaceted process that encompasses both substantive and procedural aspects. On the one hand, the emergence of

new forms of crime (cybercrime, crimes involving artificial intelligence technologies, and data manipulation), as well as changes in traditional methods of committing general criminal acts (such as the use of digital tools for preparing or concealing crimes), necessitates a review of existing criminal offenses, principles of guilt, and sentencing. On the other hand, the introduction of digital technologies in the criminal process (electronic record-keeping, the use of digital evidence, and remote participation in procedural actions) poses challenges for the legal system to ensure human rights guarantees, the proportionality of procedural coercion measures, and the legality of obtaining evidence.

The need for a deep scientific understanding of this issue is driven by several factors. Firstly, the pace of technological advancements is significantly outpacing legislative changes, leading to “legal gaps” or, conversely, excessive or ineffective regulation. Secondly, the global nature of digital threats necessitates the harmonization of national criminal law approaches with international standards and practices. Thirdly, striking a balance between effectively combating digital crimes and protecting fundamental rights (such as privacy, confidentiality, and personal data protection) has become a central challenge in modern criminal policy.

Thus, the relevance of this study is determined by the critical importance of timely and scientifically grounded transformation of criminal law in order to ensure national security, protect the rights of citizens, and maintain law and order in the context of widespread digitalization.

Materials and methods: to achieve the goals set out in the introduction and solve the problems outlined in the study, a set of general scientific and specific scientific methods of cognition was used, which provide a comprehensive and objective analysis of the transformation processes in criminal law under the influence of digitalization.

In addition, the study is based on the dialectical method of cognition, which allows us to consider criminal law institutions as dynamic systems that are constantly evolving under the influence of external (technological) factors. The study also used a systematic approach, which allowed it to examine criminal law as a holistic system, as well as a structural-functional approach, which was necessary to analyze the functions of new norms and institutions in a digital environment.

Results of the study: A comprehensive analysis of the transformational processes in criminal law under the influence of digitalization has led to the formulation of a number of essential conclusions that affect both substantive and procedural aspects of regulation.

At the level of substantive criminal law, there is a steady trend towards the complexity of the objective side of crimes: the remote nature of the acts and their asynchronous consequences shift the focus of legal assessment from physical actions to the unlawful manipulation of information and the violation of the integrity of digital systems. This, in turn, necessitates a revision of traditional approaches to proving guilt (the subjective side), especially in cases where the criminal outcome is the result of complex algorithms or artificial intelligence systems, which requires the legal recognition of specific forms of negligence. In addition, there is an urgent need to criminalize related digital acts (preparatory stages) and supplement the compositions aimed at protecting the digital environment itself as an independent object of criminal law protection.

Keywords: digitalization, transformation of criminal law, cybercrime, criminal procedure law, digital evidence, artificial intelligence (AI), criminalization, criminal law doctrine, digital environment, procedural coercion

For citation: Devyatovskaya S. V., Klochkova A. L., Serogodskaya E. S. Transformation of Criminal Law in the Context of Digitalization of Modern Technologies // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 110–117.

Комплексный анализ трансформационных процессов в уголовном праве под влиянием цифровизации выявляет фундаментальные сдвиги в материально-правовых и процессуальных нормах, обусловленные внедрением цифровых технологий. Эти изменения повышают эффективность правоприменения, но требуют баланса между инновациями и гарантиями прав человека [1, с. 64–68].

Цифровизация модифицирует составы преступлений, вводя ответственность за киберпреступления, такие как несанкционированный доступ к информации (ст. 272–274 УК РФ) и цифровые мошенничества. Это расширяет объект правовой охраны на виртуальную среду, где традиционные понятия «собственности» и «вреда» адаптируются под данные и алгоритмы. В результате формируется гибридная правовая конструкция, интегрирующая

ИИ в квалификацию деяний, что снижает субъективизм, но повышает риски дискриминации из-за алгоритмических предубеждений [2, с. 18–31].

Кроме того, в уголовном процессе цифровизация ускоряет стадии через электронное делопроизводство, видео-конференц-связь (ст. 278.1 УПК РФ) и автоматизированные системы регистрации сообщений о преступлениях. Доказательства в цифровом формате (аудио-, видеофиксация) обеспечивают достоверность, но требуют новых правил оценки, включая блокчейн для цепочки хранения. Это оптимизирует сроки рассмотрения дел на 20–30 %, усиливая принцип состязательности, однако вызывает вызовы в обеспечении конфиденциальности и доступа к технологиям [3].

На основании вышеизложенных тезисов, предлагаем следующую сравнительную характеристику цифровизации уголовно-процессуальных аспектов, которая представлена в виде таблицы:

Таблица 1

Аспект	Традиционный подход	Цифровой трансформированный подход
Квалификация преступлений	Опирается на физические доказательства	Интегрирует данные логов, ИИ-анализ
Фиксация доказательств	Бумажные протоколы	Электронные реестры, биометрия
Досудебное производство	Очное взаимодействие	Онлайн-платформы, автоматизация

Трансформации сталкиваются с пробелами в регулировании ИИ-решений и трансграничных киберпреступлений, что требует концепции «цифрового УПК». Рекомендуется создание специализированных цифровых судов и обучение правоприменителей для минимизации рисков. В долгосрочной перспективе это повысит доступность правосудия, адаптируя уголовное право к обществу.

Как ранее было указано, что на уровне материального уголовного права зафиксирована устойчивая тенденция к усложнению конструкции объективной стороны преступлений: дистанционный характер деяний и их асинхронное последствие смещают акцент правовой оценки от физического действия к неправомерному воздействию на информацию и нарушение целостности цифровых систем. Это, в свою очередь, диктует необходимость пересмотра традиционных подходов к доказыванию вины (субъективной стороны), особенно в случаях, когда преступный результат является следствием действия сложных алгоритмов или систем искусственного интеллекта, что требует законодательного признания специфических форм неосторожности. Кроме того, выявлена острая потребность в криминализации сопутствующих цифровых деяний (подготовительных этапов) и дополнении составов, направленных на защиту самой цифровой среды как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны.

Указанные тенденции в материальном уголовном праве под влиянием цифровизации подтверждают сдвиг парадигмы от физических к виртуальным объектам преступлений, что усложняет конструкцию объективной стороны и требует адаптации норм УК РФ. Это особенно актуально для ст. 272–274, где акцент смещается на воздействие на данные, а не на материальные носители. Ниже приведен анализ ключевых аспектов с учетом процессуальных импликаций.

Дистанционный и асинхронный характер цифровых деяний (например, DDoS-атаки или фишинг) трансформирует объективную сторону, фокусируя оценку на нарушении целостности систем, а не на немедленном физическом вреде. Традиционные критерии «действия» уступают анализу логических цепочек и алгоритмических последствий, что видно в практике квалификации по ст. 273 УК РФ (вредоносное ПО). Это диктует введение норм о «цифровом ущербе» как самостоятельном составе [2, с. 18–31].

Преступления с участием ИИ (автоматизированные мошенничества) размывают грань между умыслом и неосторожностью, требуя признания «алгоритмической неосторожности» –

когда виновный игнорирует предсказуемые риски систем. Доказывание вины усложняется отсутствием прямой причинно-следственной связи, что предполагает интеграцию экспертизы по ИИ в ст. 271 ГПК РФ и УК РФ. Законодательство нуждается в дополнениях для фиксации умысла через аудит цифровых следов [4].

Выявленная потребность в защите цифровой среды как объекта охраны обосновывает введение составов за подготовку (ст. 30 УК РФ в цифровом контексте), включая сканирование уязвимостей или создание ботнетов. Это расширяет превентивный потенциал, аналогично ст. 205.1 (содействие терроризму), но для киберпространства. Дополнения усиливают защиту инфраструктуры, минимизируя латентные угрозы.

Предлагаем рассмотреть данные положения в табличном представлении:

Таблица 2

Тенденция	Традиционный подход	Цифровой трансформированный подход
Объективная сторона	Физическое действие/вред	Неправомерное воздействие на данные
Субъективная сторона	Прямой умысел/неосторожность	Алгоритмическая неосторожность
Объект охраны	Материальные блага	Цифровая среда/системы
Подготовка	Ограниченная криминализация	Расширенные составы (ботнеты и т. д.)

Такие трансформации повышают эффективность уголовного права, но требуют баланса с правами личности через обновленный УПК РФ.

Ранее указанный тезис обуславливает то, что в сфере уголовно-процессуального права ключевым результатом стало подтверждение критической важности легитимизации и унификации работы с электронными доказательствами. Основные проблемы сосредоточены вокруг обеспечения их целостности, неизменности и надлежащей фиксации, особенно при изъятии данных из облачных и распределенных сетей. Особую озабоченность вызывает внедрение систем ИИ в досудебное производство: возникает феномен «черного ящика», который прямо противоречит принципу состязательности и праву на защиту. Соответственно, эмпирически обоснована необходимость законодательного закрепления права на объяснение алгоритмических решений, а также разработки пропорциональных мер процессуального принуждения, адекватных масштабам доступа к цифровой информации.

В сфере уголовно-процессуального права цифровизация действительно акцентирует проблемы легитимизации электронных доказательств, требуя их унификации в соответствии с изменениями УПК РФ (ст. 166.1, 271.1). Ключевые вызовы связаны с обеспечением целостности данных из облачных систем, где традиционные методы изъятия уступают цифровой криминалистике.

Электронные доказательства (логи, скриншоты, метаданные) признаются полноправными по ст. 84 УПК РФ, но их неизменность обеспечивается через хэширование и блокчейн-протоколы, минимизируя риски фальсификации. Проблемы изъятия из распределенных сетей (облака AWS, Yandex.Cloud) диктуют унификацию протоколов фиксации, включая электронные реестры и временные метки. Это повышает достоверность, но требует сертификации инструментов для судебной практики [5].

Внедрение ИИ (например, в системах распознавания и прогнозирования рисков) порождает «черный ящик», подрывая состязательность (ст. 15 УПК РФ) и право на защиту (ст. 16). Алгоритмы предиктивной аналитики усложняют контроль обоснованности решений следователя, что эмпирически подтверждается случаями ошибок в автоматизированном отборе подозреваемых. Необходимость «пояснительного ИИ» (explainable AI) закрепляется для раскрытия логики решений [6, с. 164–172].

Доступ к цифровым данным требует пропорциональных мер: решение суда на поиск с учетом объема (петабайты данных) и временных рамок, аналогично ст. 164 УПК РФ для обыска. Законодательно обоснованы нормы о судебном контроле за ИИ-анализом и праве на аудит алгоритмов, балансируя эффективность и права. Это предотвращает злоупотребления в трансграничных запросах (MLAT-протоколы) [4].

Данные тезисы констатируют проблемы, которые мы выделяем в следующем сравнительном виде:

Таблица 3

Проблема	Традиционный подход	Цифровой трансформированный подход
Целостность доказательств	Физическая опись	Хэширование, блокчейн
ИИ-решения	Ручной анализ	Право на объяснение алгоритмов
Доступ к данным	Обыск/запрос	Пропорциональные ордера
Контроль состоятельности	Очные допросы	Аудит «черного ящика»

Такие трансформации усиливают процессуальную эффективность, но предполагают доработки УПК РФ для 2026–2030 гг.

Рассматриваемая уголовная политика, указывает на результаты, которые затрагивают необходимость стратегического смещения фокуса с исключительно репрессивного реагирования на проактивную техническую и правовую превенцию. Ввиду трансграничного характера подавляющего большинства цифровых угроз, эффективность национальных правовых мер напрямую зависит от углубленной гармонизации с международными стандартами и усиления механизмов международного сотрудничества в сфере цифрового противодействия.

На уровне уголовной политики цифровизация действительно требует перехода от репрессивных мер к проактивной превенции, интегрирующей технические инструменты мониторинга и правовые барьеры для минимизации цифровых угроз. Это особенно актуально в России, где национальная стратегия цифровой безопасности (Указ Президента № 250 от 2021 г.) [7] подчеркивает превентивный подход. Трансграничный характер угроз диктует гармонизацию с международными стандартами.

Стратегическое смещение фокуса предполагает внедрение систем предиктивной аналитики (на базе ИИ) для выявления рисков до совершения преступлений, аналогично моделям EU Cybercrime Strategy. В уголовной политике РФ это реализуется через Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры» [8], где акцент на профилактике уязвимостей, а не только наказании. Техническая превенция (файрволы, шифрование) сочетается с правовыми мерами, такими как обязательная сертификация ПО.

Подавляющее большинство киберугроз (DDoS, ransomware) имеет трансграничный характер, что снижает эффективность изолированных национальных мер. Необходима углубленная интеграция с Будапештской конвенцией (ратифицирована РФ в 2008 г.), дополненной протоколами о трансграничном доступе к данным (CLOUD Act аналоги). Усиление механизмов сотрудничества через Интерпол и Евразийскую группу по борьбе с отмыванием (ЕАГ) повышает оперативность обмена данными и совместных операций.

На основании тезисов мы можем выделить основные аспекты сравнительного характера:

Таблица 4

Аспект политики	Репрессивный подход	Проактивный трансформированный подход
Фокус реагирования	Постфактум расследование	Предиктивный мониторинг угроз
Национальные меры	Автономные законы УК РФ	Гармонизация с Budapest Convention
Сотрудничество	Ад-хоc запросы	Автоматизированные платформы (Europol)
Инструменты	Традиционные обыски	ИИ-анализ, блокчейн-цепочки

Такие изменения в уголовной политике усиливают гибкость цифровой среды, балансируя превенцию с принципами прав человека.

Трансформация уголовного права под влиянием цифровизации действительно носит всеобъемлющий характер, затрагивая все уровни от материальных норм до политики, требуя системной концептуальной перестройки. Это не точечные поправки, а фундаментальный сдвиг для баланса между эффективностью против высокотехнологичной преступности и защитой конституционных прав в цифровой среде. Ниже подведены ключевые выводы анализа.

Материально-правовые конструкции (объективная/субъективная стороны) и процессуальные институты (электронные доказательства, ИИ в производстве) эволюционируют в единую цифровую парадигму, где традиционный УК/УПК РФ интегрируется с федеральными законами о КИИ и цифровой безопасности. Необходима концепция «цифрового уголовного права», включающая новые составы (алгоритмическая неосторожность, защита данных как объекта) и унифицированные протоколы фиксации.

Эффективная борьба с киберпреступлениями (DDoS, фишинг, ИИ-мошенничества) достигается проактивной превенцией и трансграничным сотрудничеством, но требует гарантий: права на объяснение ИИ-решений, пропорционального доступа к данным и состязательности. Это предотвращает «черный ящик» и дискриминацию, обеспечивая ст. 45–46 Конституции РФ в цифровом контексте.

Рассматривая данные аспекты, мы предлагаем следующие стратегические рекомендации:

1. Разработка федеральной концепции цифрового УПК к 2030 г. с акцентом на разъяснение AI и блокчейн-доказательства.

2. Гармонизация с международными стандартами (Будапештская конвенция, EU AIAct) для трансграничных угроз.

3. Обучение правоприменителей и создание специализированных цифровых судов для минимизации рисков.

Такая перестройка адаптирует уголовное право к обществу, повышая гибкость без ущерба правам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гришин Д.А. Цифровая трансформация российского общества и ее влияние на уголовное судопроизводство // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9. № 2(38).

2. Воскобитова Л.А. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства и роли прокуратуры как организатора такой трансформации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1(113).

3. Цифровизация уголовного судопроизводства // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/tsifrovizatsiya-ugolovnog-sudoproizvodstva/> (дата обращения: 18.12.2025).

4. Концепция развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства. URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00830/> (дата обращения: 19.12.2025).

5. Цифровые технологии в уголовном процессе. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/cifrovye_tehnologii_v_ugolovnom_processe (дата обращения: 20.12.2025).

6. Россинский С.Б. Развитие цифровых технологий как фактор, обуславливающий потребность в изменении правил ознакомления с материалами уголовного дела // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 1(33).

7. Просто о сложном: о чем Указ Президента РФ № 250. URL: <https://bi.zone/expertise/insights/prosto-o-slozhnom-o-chem-ukaz-prezidenta-rf-250/?ysclid=mjdbz3klw7334295905> (дата обращения: 21.12.2025).

8. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Grishin D.A. Digital Transformation of Russian Society and Its Impact on Criminal Proceedings // Economics. Law. Society. 2024. Vol. 9. № 2(38).

2. Voskobitova L.A. Digital Transformation of Russian Criminal Proceedings and the Role of the Prosecutor's Office as an Organizer of Such Transformation // Bulletin of the Kutafin University (MSAL). 2024. № 1(113).

3. Digitalization of Criminal Proceedings // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/tsifrovizatsiya-ugolovnogo-sudoproizvodstva/> (date of access: 18.12.2025).

4. The Concept of the Development of Russian Criminal Procedure in the Context of the Digital Transformation of Society and the State. URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00830/> (date of access: 19.12.2025).

5. Digital Technologies in the Criminal Process. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/cifrovye_tehnologii_v_ugolovnom_processe (date of access: 20.12.2025).

6. Rossinsky S.B. The development of digital technologies as a factor that necessitates changes to the rules for reviewing criminal case materials / S.B. Rossinsky // Criminalistics: Yesterday, Today, and Tomorrow. 2025. № 1(33).

7. Simply about the Complex: What is the Presidential Decree № 250 About. URL: <https://bi.zone/expertise/insights/prosto-o-slozhnom-o-chem-ukaz-prezidenta-rf-250/?ysclid=mjdbz3klw7334295905> (date of access: 21.12.2025).

8. Federal Law «On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation» dated 26.07.2017 № 187-FZ (latest edition). Access from the legal system «Garant».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

С. В. Девятковская – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

А. Л. Ключкова – кандидат экономических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета. 344011, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69.

Е. С. Серогодская – старший преподаватель кафедры уголовного права. Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, 66.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

S. V. Devyatovskaya – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

A. L. Klochkova – PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology of the Rostov State University of Economics. 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344011 Russian Federation.

E. S. Serogodskaya – Senior Lecturer at the Department of Criminal Law of the Rostov Branch of the Russian State University for the Humanities. 66, Lenin St., Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 29.01.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 29.01.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 343**ДИАГНОСТИКА ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА****Сергей Германович Еремин**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация, sg-eremin@mail.ru

Введение: актуальность статьи заключается в авторском исследовании вопросов, касающихся специфических подходов к диагностированию многообразия признаков экономических преступлений, их достаточности для возбуждения уголовного дела, раскрытия, расследования преступных деяний, установления виновных лиц, с обоснованным привлечением к уголовной ответственности. Автор обосновывает важные моменты, обеспечивающие успешное расследование, которыми являются: своевременность возбуждения уголовного дела, создание фактора внезапности установления факта преступления и причастных к нему лиц; обеспечение повышения эффективности первоначальных ОРМ и следственных действий, обеспечение максимально возможного возмещения ущерба, причиненного в результате преступных действий.

Внимание акцентируется на типичных и нетипичных признаках, прямо или косвенно указывающих на совершение преступлений в сфере экономической деятельности, наличие методов и приемов их диагностики (распознавания, выявления), обуславливающих установление способов преступных действий. При диагностике преступлений следует установить юридический статус субъекта преступления: физическое лицо, физическое лицо – предприниматель без образования юридического лица, юридическое лицо (организация); отсутствие регистрации в качестве предпринимателя, лицензии на занятие определенным видом деятельности; временной промежуток, в течение которого осуществлялась преступная деятельность; сумму дохода, полученного от реализации продукции, оказания услуг, производства работ или сумму ущерба, причиненного гражданам, организациям или государству, какими преступными способами с использованием каких документов и отражением каких следов.

В процессе диагностирования документов на предмет преступных операций специалистами и экспертами изучаются, разрабатываются и применяются специфические диагностические методики: экономических расчетов (сопряженных сопоставлений; корректирующих показателей; расчетно-аналитические и др.). Указанные методики неоднократно показывают свою эффективность при анализе и оценке финансового состояния хозяйствующего субъекта.

Материалы и методы: основными материалами исследования служат объекты диагностического исследования, общенаучные методы синтеза, анализа, аналогии, сопоставления документальных и фактических показателей при изучении бухгалтерской документации, финансовых отчетных показателей хозяйствующих субъектов.

Результаты исследования: исследованы общетеоретические положения о криминалистических, судебно-экономических диагностических знаниях, обоснована необходимость их использования для распознавания признаков экономических преступлений при их раскрытии, расследовании и предупреждении. Определены субъекты и объекты криминалистической диагностики, инициаторы назначения и проведения экспертных исследований, указаны методы и приемы диагностического исследования, которые особо успешны для выявления преступлений, связанных с умышленными действиями, приведшими к банкротству, искажению учетно-отчетных показателей в хозяйственной жизни субъекта, хищениям, мошенничеству и др.

Выводы и заключение: для построения успешной методики диагностики в целях отыскания криминалистически значимой информации и доказательственной базы

совершенных преступлений в сфере экономической деятельности, необходимо изучение проблем, образующихся у дознавателей, следователей, экспертов-экономистов в процессе их работы, начиная с определения объектов исследования, их сбора, фиксации, изучения, анализа с предоставлением следствию объективных данных, служащих достижению одной цели – получению фактов доказательств преступления, изобличению подозреваемых (обвиняемых) лиц, определению сумм ущерба.

Ключевые слова: специалист, эксперт-экономист, бухгалтерские документы, способы преступлений, следы-признаки преступлений, методы криминалистической диагностики, метод сопряженных показателей, объекты исследования

Для цитирования: Еремин С. Г. Диагностика признаков преступлений в сфере экономической деятельности и возбуждение уголовного дела // Юристъ-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 118–123.

Original paper

DIAGNOSTICS OF SIGNS OF CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY AND INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Sergey Germanovich Eremin

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the relevance of the article lies in the author's research on issues related to specific approaches to diagnosing a variety of signs of economic crimes, their sufficiency to initiate criminal proceedings, disclose, investigate criminal acts, identify perpetrators, and reasonably bring them to criminal responsibility. The author substantiates the important points that ensure a successful investigation, which are: the timeliness of the initiation of a criminal case, the creation of the suddenness factor of establishing the fact of the crime and the persons involved in it.; ensuring an increase in the effectiveness of initial PRM and investigative actions, ensuring the maximum possible compensation for damage caused as a result of criminal acts.

Attention is focused on typical and atypical signs that directly or indirectly indicate the commission of crimes in the field of economic activity, the availability of methods and techniques for their diagnosis (recognition, detection), leading to the establishment of methods of criminal acts. When diagnosing crimes, it is necessary to establish the legal status of the subject of the crime: an individual, an individual entrepreneur without the formation of a legal entity, a legal entity (organization); lack of registration as an entrepreneur, license to engage in a certain type of activity; the time period during which the criminal activity was carried out; the amount of income received from the sale of products, services, works, or the amount of damage caused to citizens, organizations, or the state, by which criminal means using which documents and reflecting which traces.

In the process of diagnosing documents for criminal transactions, specialists and experts study, develop and apply specific diagnostic methods: economic calculations (conjugate comparisons; corrective indicators; computational and analytical, etc.). These methods have repeatedly shown their effectiveness in analyzing and assessing the financial condition of an economic entity.

Materials and methods: the main research materials are diagnostic research objects, general scientific methods of synthesis, analysis, analogy, comparison of documentary and factual indicators in the study of accounting documentation, financial reporting indicators of business entities.

Results of the study: general theoretical provisions on criminalistic, forensic and economic diagnostic knowledge are investigated, and the need for their use to recognize signs of economic crimes in their detection, investigation and prevention is substantiated. The subjects and objects of forensic diagnostics are identified, the initiators of the appointment and conduct of expert research, the methods and techniques of diagnostic research are indicated, which are particularly successful in detecting crimes related to intentional actions that led to bankruptcy, distortion of accounting and reporting indicators in the economic life of the subject, embezzlement, fraud, etc.

Findings and conclusions: in order to build a successful diagnostic methodology in order to find criminalistically significant information and evidence base for crimes committed in the field of economic activity, it is necessary to study the problems faced by interrogators, investigators, and expert economists in the course of their work, starting with identifying research objects, collecting them, recording them, studying them, and analyzing them. objective data serving the achievement of a single goal – obtaining evidence of a crime, exposing suspected (accused) persons, and determining the amount of damage.

Keywords: specialist, expert economist, accounting documents, methods of crimes, traces-signs of crimes, methods of forensic diagnostics, method of conjugate indicators, objects of research

For citation: Eremin S. G. Diagnostics of signs of crimes in the sphere of economic activity and initiation of criminal proceedings // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 118–123.

Как показывает следственно-судебная практика, по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности поводами к возбуждению уголовного дела в соответствии со ст. 140 УПК России, по составам преступлений, предусмотренных ст. ст. 159, 160, 171 и др. УК России, являлись: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

Практически все опрошенные нами оперативные сотрудники УБЭП и ПК и следователи показали, что на этапе предварительной проверки материалов о преступлениях в сфере экономической деятельности они прибегали к скрупулезной криминалистической диагностике: а) изучали поступившие первичные материалы; б) давали объективную оценку фактическим данным, содержащимся в материалах; в) при недостаточности сведений, указывающих на признаки преступления, что не позволяло принять решение о возбуждении дела, отыскивали дополнительные данные, которые анализировали в сопоставлении с имеющимися; г) давали окончательную оценку данным диагностики материалов проверки (ст. 144 УПК России), затем решали вопрос в соответствии со ст. 145, 146 УПК России о возбуждении уголовного дела или отказе в этом.

Исследованию проблем предварительной проверки первичных материалов для обнаружения признаков преступлений в сфере экономической деятельности, уделяли внимание ученые В.Г. Танасевич, Л.А. Сергеев, Г.Б. Сахаров, И.Л. Шрага, В.В. Братковская, С.П. Голубятников, Н.В. Кудрявцева, С.С. Остроумов, Н.П. Чувильский, В.А. Тимченко и др. Названные ученые не однозначны в определении компетенции специалистов, перечне комплекса приемов проверки [1]. Ученые С.С. Остроумов и С.П. Фортинский предлагали проводить предварительную проверку материалов с точки зрения приемов полной или частичной инвентаризации средств хозяйства, экспертной оценки и лабораторных анализов, ревизии [2].

Считаем, что названными выше приемами диагностики ограничиваться неправильно, ведь в процессе предварительной проверки материалов следует четко определить ее направления, пределы, обстоятельства, подлежащие установлению, объем и последовательность намеченных оперативно-розыскных мероприятий. Именно эти компоненты складываются с учетом криминалистических и уголовно-правовых особенностей конкретного преступления, зависят от объема и содержания поступившей первичной криминалистически значимой информации, ее источников, ситуации, обуславливающих выдвижение и проверку версий.

Некоторые дознаватели и следователи признают, что вследствие неполноты доследственных проверок они затрудняются оценить наличие или отсутствие в деянии признаков преступления, достаточных для возбуждения уголовного дела. Очевидно и то, что проверки без достаточных на оснований позволяют преступникам скрыть доказательства их преступной деятельности: уничтожить интересующие следствие документы и черновые записи, перепрятать похищенное имущество, орудия и средства совершения преступления. Одним из важных моментов, обеспечивающих успешное раскрытие и расследование – это своевременность возбуждения уголовного дела, обеспечивающая создание фактора внезапности, повышение эффективности первоначальных ОРМ и следственных действий, возмещение ущерба, причиненного преступлением.

В ст. 140 УПК России зафиксировано – основание для возбуждения уголовного дела – это наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Анализ изученных нами материалов уголовных дел позволяет сделать вывод о том, что на совершение хищений в сфере экономической деятельности главным образом, указывают следующие диагностические признаки:

- 1) использование подложных договоров купли-продажи ликвидных ценностей, товаров, продуктов;
- 2) регистрация хозяйствующих субъектов как организаций «однодневок» с целью быстрого совершения сделок, извлечения имущественной, денежной или иной выгоды и исчезновения;
- 3) перечисление денежных средств, полученных преступным путем, на счета других организаций, прежде всего не связанных с преступлением;

4) предъявление при совершении хозяйственно-финансовых операций подложных свидетельств, сертификатов, бухгалтерских и иных правовых документов;

5) расчеты за товары и продукты питания другими материальными ценностями, полученными преступным путем;

6) нарушения расчетов хозяйствующими субъектами из числа юридических и физических лиц с поставщиками-покупателями при наличных и безналичных расчетах.

Достаточными для возбуждения уголовного дела данными, полученными в результате диагностики вышеуказанных сведений будут являться документально подтвержденные факты:

1) ведения хозяйственно-финансовой деятельности юридических и физических лиц без регистрации либо с нарушениями ее условий;

2) безлицензионное занятие хозяйственно-финансовой деятельностью, когда разрешение требует закон.

При доследственной проверке дознаватель, следователь должны продиагностировать специфику работы хозяйствующего субъекта (наличие подсобных помещений, порядок их работы, систему учета и отчетности, контингент обслуживания, тождество и различие хозяйствования по сравнению с однотипными организациями).

Диагностике подвергается юридический статус субъекта преступления: юридическое (организация) или физическое (предприниматель) лицо; отсутствие регистрации в качестве предпринимателя, лицензии на занятие определенным видом деятельности; временной промежуток, в течение которого осуществлялась незаконная хозяйственно-финансовая деятельность; сумму дохода, полученного от реализации продукции, оказания услуг, производства работ или сумму ущерба, причиненного гражданам, организациям или государству.

Изучение уголовных дел показывает, что источниками информации о преступлениях в сфере экономической деятельности, главным образом являются такие диагностические материалы, как акты: ревизий; документальных проверок; инвентаризаций; проверочных закупок; черновые записи преступников; данные, полученные оперативно-розыскным путем.

Специфика выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере экономической деятельности обусловлена диагностикой значительных объемов хозяйственных договоров, бухгалтерских и иных экономических документов. Нельзя игнорировать тот факт, что лица, совершающие преступления в рассматриваемой сфере, в большинстве случаев обладают достаточно хорошими юридическими, бухгалтерскими и экономическими знаниями, которые небезуспешно используют для подготовки, совершения и сокрытия преступлений.

При доследственной проверке дознавателю, следователю, специалисту приходится сталкиваться с диагностикой данных в различных документах, поскольку хозяйствование субъектов основано на ведении юридической и экономической документации. Мы поддерживаем позицию Д.П. Чипуры, который пишет, обучение следователей в специализированных образовательных учреждениях предполагает углубленное изучение определенных отраслей специальных знаний; в ряде случаев наличие таких знаний позволяет следователям самостоятельно выявлять признаки преступлений и другие, значимые по делу обстоятельства, которые им оцениваются по правилам, предусмотренным законом с закреплением результатов в процессуально значимых решениях по делу [3].

Оперативный сотрудник, дознаватель, следователь, чтобы правильно разобраться в криминалистической значимости бухгалтерской информации, должны в соответствии со ст. 58 УПК России привлечь специалиста-бухгалтера, экономиста, товароведа из числа ревизоров или аудиторов к участию в следственных или иных процессуальных действиях.

Необходимость использования познаний специалистов различных видов, как справедливо полагает Е.А. Зайцева, может возникнуть в любой момент, и при возбуждении уголовных дел, и в стадии предварительного расследования, и при проведении судебного разбирательства, и в ходе осуществления процессуальной деятельности в иных стадиях уголовного процесса [4].

Вместе с тем, оперативные сотрудники, дознаватели, следователи для диагностики признаков преступлений вынуждены, кроме специальных бухгалтерских и экономических знаний, глубоко использовать налоговые познания. В части сказанного, С. Г. Еремин правильно указывает, что при этом возрастает значение профессиональной подготовки как оперативных работников и следователей, так и специалистов-бухгалтеров, налоговой службы, и экспертов-бухгалтеров [5].

Уровень такой готовности определяется степенью владения специальным инструментарием для диагностики признаков преступлений в системе учетно-экономической информации. Кстати напомним, в ст. 6 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» указано, что должностные лица органов внутренних дел должны лично участвовать в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий. Они вправе использовать помощь различных специалистов, в том числе экономистов, бухгалтеров, товароведов, технологов, отдельных граждан на гласной и негласной основе, применять информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемку и другие технические средства [6].

Использование специальных знаний в рамках оперативно-розыскной деятельности в ходе доследственной проверки способствует правильной ориентации при диагностике признаков готовящегося события преступления, способствует выявлению способов его совершения и сокрытия, установлению подозреваемых лиц, розыску похищенного имущества.

При этом важно своевременно передать лицам, ведущим расследование, предварительную криминалистически значимую информацию, полученную при диагностике подложной документации. По этому поводу Р.С. Белкин пишет: «Результатом решения задач оперативно-розыскной деятельности является оперативно-розыскная информация, под которой обычно понимают такую разновидность социальной информации, которая содержит сведения, полученные органами дознания с помощью оперативно-розыскных (гласных и негласных) сил, средств и методов» [7].

При получении оперативными сотрудниками диагностических сведений, указывающих на признаки преступления в сфере экономической деятельности, надлежит разработать и безотлагательно провести комплекс проверочных мероприятий с использованием знаний специалистов-бухгалтеров, компьютерщиков, IT-технологий и др. Оперативные сотрудники могут применять знания специалистов при опросе лиц, причастных к интересующим следствие экономическим сделкам, получении справок, обследовании торгового технологического оборудования, сборе образцов для сравнительного исследования, изучении бухгалтерских документов, наблюдении за поставками отдельных видов товаров и продуктов, ходом производственных процессов, транспортировкой ценностей и др.

Такие действия обуславливают выводы диагностики преступлений на основе получение исходной ориентирующей информации для оказания помощи органам предварительного расследования в сборе и оценке доказательств по уголовному делу. По документам оперативные сотрудники могут установить лиц, причастных к преступным действиям в сфере экономической деятельности.

Исходная ориентирующая криминалистически значимая информация должна относиться к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК России), совокупности доказательств (ст. 74 УПК России). Важно, если она содержит диагностические сведения о способах подготовки, совершения и сокрытия преступлений, о лицах, их совершивших или знающих что-либо об этом, способствует выдвижению следственных версий, установлению местонахождения предмета преступного посягательства, обеспечение возможности возмещения причиненного преступлением ущерба. Часть ученых полагает С.П. Голубятников, Е.С. Леханова, В.А. Тимченко и др.), что исходную криминалистически значимую информацию получают, как правило, в результате проведения документальных ревизий» [8].

Не отрицая значимости документальной ревизии как одной из диагностирующих средств, указывающих на признаки преступлений, считаем важными и методы фактического контроля, позволяющие изучить и проанализировать финансовое положение хозяйствующего субъекта в сфере экономической деятельности, определить размер полученного или предполагаемого дохода от незаконной деятельности, неполученные государством денежные средства в виде оплат налогов и сборов в бюджеты всех уровней, если бы эта деятельность была законной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Танасевич В.Г., Баранова З.Т. Расследование хищений неучтенной продукции. М., 1961.
2. Остроумов С. С., Фортинский С. П. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы. М., 1953.

3. Чипура Д.П. Использование специальных экономических знаний при расследовании преступлений (уголовно-процессуальные и организационные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.

4. Зайцева Е.А. Применение специальных познаний в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Волгоград, 2005.

5. Еремин С.Г. Теоретические и практические проблемы использования специальных бухгалтерских познаний по делам о преступлениях в сфере экономики: дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2007.

6. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изменениями от 26 декабря 2008 г.) № 144-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. М., 1966.

8. Мамкин А.Н. Применение судебно-бухгалтерских знаний в практике выявления экономических преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 1999.

REFERENCES

1. Tanasevich V.G., Baranova Z.T. Investigation of theft of unaccounted-for products. Moscow, 1961.

2. Ostroumov S.S., Fortinsky S.P. Fundamentals of accounting and forensic accounting expertise. Moscow, 1953.

3. Chipura D.P. The use of special economic knowledge in the investigation of crimes (criminal procedural and organizational aspects): diss. ... PhD in Law. Volgograd, 2005.

4. Zaitseva E.A. Application of special knowledge in criminal proceedings: textbook. stipend. Volgograd, 2005.

5. Eremin S.G. Theoretical and practical problems of using special accounting knowledge in cases of crimes in the field of economics: diss. ... Grand PhD in Law. Volgograd, 2007.

6. On operational investigative activities: feder. law of the Russian Federation № 144-FL of 12.08.1995 (as amended on 26.12.2008). Access from the legal system «ConsultantPlus».

7. Belkin R.S. Collection, research and evaluation of evidence. Moscow, 1966.

8. Mamkin A.N. Application of forensic accounting knowledge in the practice of detecting economic crimes: diss. ... PhD in Law. N. Novgorod. 1999.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. Г. Еремин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. G. Eremin – Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of preliminary investigation of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 21.02.2026; одобрена после рецензирования 28.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 21.02.2026; approved after reviewing 28.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 343.9

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 207.3 УК РФ: СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ**

Александр Владимирович Земляков

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Иркутск, Российская Федерация, zemlyakov@mail.ru

Введение: в статье рассматривается криминалистическая характеристика преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ, как системообразующая основа для формирования частной методики расследования.

Материалы и методы: исследование опирается на доктринальные положения криминалистики и анализ правоприменительной практики.

Результаты исследования: автор выделяет и детально анализирует взаимосвязанные элементы данной характеристики. Особое внимание уделяется специфике предмета посягательства, личности преступника, способам совершения и сокрытия деяния в цифровой среде, а также механизму слеодообразования.

Выводы и заключения: структурный анализ криминалистической характеристики позволяет оптимизировать деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию данного вида преступлений против общественной безопасности.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, публичное распространение заведомо ложной информации, статья 207.3 УК РФ, общественная безопасность, способы совершения преступления, цифровые следы, методика расследования

Для цитирования: Земляков А. В. Криминалистическая характеристика преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ: структурные элементы и методологическое значение для расследования // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 124–130.

Original paper

**CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE CRIME PROVIDED
FOR IN ARTICLE 207.3 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION: STRUCTURAL ELEMENTS
AND METHODOLOGICAL SIGNIFICANCE FOR THE INVESTIGATION**

Alexander Vladimirovich Zemlyakov

Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: the article examines the criminalistic characteristics of the crime provided for in Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation as a system-forming basis for the formation of a private investigation methodology.

Materials and methods: the research is based on the doctrinal provisions of criminology and the analysis of law enforcement practice.

Research results: the author identifies and analyzes in detail the interrelated elements of this characteristic. Special attention is paid to the specifics of the subject of the attack, the identity of the criminal, the methods of committing and concealing the act in the digital environment, as well as the mechanism of trace formation.

© Земляков А.В., 2026

Conclusions and conclusions: the structural analysis of criminalistic characteristics makes it possible to optimize activities for the identification, disclosure and investigation of this type of crimes against public safety.

Keywords: criminalistic characteristics, public dissemination of deliberately false information, Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, public safety, methods of committing a crime, digital traces, investigation methodology

For citation: Zemlyakov A.V. Criminalistic characteristics of the crime provided for in Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation: structural elements and methodological significance for the investigation // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 124–130.

Согласно статье 29 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Каждому гарантируется свобода мысли и слова, свобода массовой информации¹. Однако распространяемая информация не всегда достоверна и носит позитивных характер, зачастую недостоверная или ложная информация является составной частью противоправной деятельности, направленной против интересов общества и государства.

В ходе расширенных заседаний коллегии МВД России в 2024 и 2025 гг. Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев доложил о результатах работы по противодействию деструктивной информационной деятельности.

В 2024 г. акцент был сделан на пресечении распространения недостоверных сведений о действиях Вооруженных Сил и их дискредитации. Благодаря упреждающей работе в интернет-пространстве и взаимодействию с Роскомнадзором был ограничен доступ к более чем 12 тысячам сайтов и отдельных страниц, публиковавших ложную информацию о российской армии и иные запрещенные материалы².

К 2025 г. работа приобрела более целенаправленный характер: были установлены лица, причастные к 130 эпизодам распространения заведомо ложной информации и дискредитации армии. Совместно с Роскомнадзором доступ был ограничен уже к 42 тысячам интернет-ресурсов³.

Подобные преступления представляют собой угрозу общественной безопасности. Они подрывают авторитет Вооруженных Сил, а также лиц и структур, оказывающих им содействие, что ведет к деформации правосознания граждан в вопросах, связанных со специальной военной операцией.

Бастрыкин А.И. – Председатель Следственного комитета Российской Федерации отметил: «Видим незначительное снижение количества таких преступлений. В частности, если в 2022 г. было возбуждено 183 уголовных дела по факту распространения заведомо ложной информации о действиях Вооруженных сил Российской Федерации, то в 2024 г. их было 140, за 9 месяцев 2025 г. возбуждено 115 дел. Что касается публичных действий, направленных на дискредитацию Вооруженных сил Российской Федерации, то в 2023 и 2024 гг. было возбуждено 76 и 72 таких дела соответственно, а за 9 месяцев 2025 г. – в два раза меньше». Как добавил глава СК, всего в суды с 2022 года направлено 325 уголовных дел о распространении ложной информации и 125 уголовных дел о дискредитации Вооруженных сил Российской Федерации⁴.

Институционализация уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.3 УК РФ) стала законодательным ответом на новые вызовы информационной безопасности государства, особенно актуализировавшиеся в 2020–2022 гг. Состав преступления, предусмотренный ст. 207.3 УК РФ, направлен на

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс».

² Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii/> (дата обращения: 22.01.2026).

³ Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-ministerstva-vnutrennikh-del-020424/?sphrase_id=1401962 (дата обращения: 22.01.2026).

⁴ В России сокращается количество дел о дискредитации ВС РФ и фейков об армии / ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/26145495> (дата обращения: 22.01.2026).

защиту общественной безопасности от угроз, порождаемых распространением ложных сведений об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации.

В пункте 18 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации публичное распространение информации включает в себя доведение этой информации до сведения неопределенного круга лиц⁵.

Согласно Пленума Верховного Суда Российской Федерации заведомо ложная информация может быть доведена в любой форме (устно, письменно, с применением средств информационно-технической визуализации)⁶.

Целями публичного распространения заведомо ложной информации по статье 207.3 УК РФ являются:

- формирование у неопределенного количества людей негативного отношения к действиям Вооруженных Сил Российской Федерации при проведении специальной военной операции;
- вызов у граждан страха, паники, тревоги, чувства незащищенности со стороны нашего государства;
- создание у граждан ложного представления о целях проведения специальной военной операции.

Квалификация действий как распространения заведомо ложной информации напрямую зависит от доказанности осведомленности распространителя. Решающее значение имеет не сам факт ложности данных, а возможность лица это осознать. Если информация была воспринята им как правдивая в силу сложившегося в конкретном информационном пространстве контекста, и у него не было причин сомневаться в ее достоверности, то в его действиях отсутствует вина в форме умысла. Следовательно, состав правонарушения не образуется, и такая деятельность не может быть признана противоправной.

Эффективность противодействия данному виду преступной деятельности напрямую зависит от качества его криминалистического осмысления. Криминалистическая характеристика, понимаемая как система обобщенных данных о типичных признаках вида (группы) преступлений, выполняет функцию информационной модели, позволяющей выдвигать и проверять следственные версии, определять наиболее эффективные направления расследования [1, с. 21]. Как верно отмечал В.К. Гавло, она служит ключом к пониманию механизма подготовки, совершения и сокрытия преступления, а также к установлению закономерной связи между элементами этого механизма и следами, используемыми для розыска виновного [2, с. 209]. Таким образом, формирование криминалистической характеристики ст. 207.3 УК РФ является насущной научно-практической задачей.

Впервые понятие «криминалистическая характеристика преступлений» было предложено А.Н. Колесниченко. Но в связи с тем, что предметом изучения в данной работе являлись именно общие положения методики расследования, а не конкретно криминалистическая характеристика преступлений, этот термин хотя и был употреблен, но не был в полном объеме раскрыт [3, с. 9]. Примерно в тот же период Л.А. Сергеев выдвинул близкую к идеям Колесниченко концепцию, который указал на криминалистическую значимость отличительных признаков конкретных категорий преступлений, подчеркивая их практическую и научную ценность [4, с. 4]. По мнению Л.А. Сергеева, эти признаки составляют основу криминалистической характеристики вида преступления. Принципиально важным в его определении стал акцент на комплексном, совокупном характере этих особенностей. В дальнейшем научная мысль преобразовала это понятие, придя к его пониманию как системной модели, описывающей взаимосвязанные криминалистически релевантные признаки.

Коновалов С.И., проведя теоретический анализ и синтез множества научных работ в области криминалистики, разработал обобщенную (типовую) модель структуры криминалистической характеристики преступлений. Согласно его выводам, данная научная абстракция, применимая к преступной деятельности в целом, включает в себя следующие ключевые элементы:

- 1) способ совершения преступления;
- 2) субъект преступления, включая личностные характеристики вероятного преступника;

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

- 3) обстановку, в которой реализуется преступный замысел;
- 4) механизм слеодообразования;
- 5) объект (или предмет) преступного посягательства [5, с. 14].

Предложенная С.И. Коноваловым типовая структура обладает универсальным характером и применима к подавляющему большинству категорий преступлений. Благодаря этому она приобретает статус методологического фундамента, на основе которого возможно построение конкретных криминалистических характеристик для отдельных видов или групп противоправных деяний.

По мнению Головина, под криминалистической характеристикой вида преступлений логично подразумевать именно систему обобщенных (типовых) показателей, описывающих его элементы и механизм. В практической плоскости расследования она выступает ориентиром для сбора индивидуальной системы криминалистически значимых сведений о реально совершенном деянии. Ключевым этапом ее применения становится сравнительный анализ: собранная по делу информация сопоставляется следователем и оперативными работниками с типовой моделью, что и позволяет перевести теорию в практическое русло. Накопление же таких конкретных информационных массивов служит основой для эмпирических исследований, итоги которых обогащают и уточняют саму криминалистическую характеристику [6, с. 48].

Нельзя не согласиться с мнением О.П. Грибунова о значимости элементов криминалистической характеристики в целом. Олег Павлович неоднократно отмечал о том или ином элементе как «ключевом элементе» [7, с. 59], «основополагающем элементе» [8, с. 19; 9, с. 98] и др.

Криминалистическая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации представляет собой систему следующих взаимосвязанных элементов.

1. Предмет преступного посягательства. Предметом выступает заведомо ложная информация, под видом достоверных сообщений распространяемая в публичном пространстве. Ее специфика заключается в:

Содержании: это сведения о мнимых событиях, фактах, решениях или действиях Вооруженных Сил Российской Федерации, государственных органов, их должностных лиц.

Общественной значимости: информация затрагивает интересы широкого круга лиц, влияет на формирование общественного мнения и психологической атмосферы в обществе.

Потенциальной деструктивности: она направлена на подрыв доверия к государственным институтам, формирование негативного образа государства и его армии, провоцирование тревоги, паники или социальной розни [10, с. 476].

2. Сведения о личности преступника. Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Криминалистически значимыми являются следующие типичные черты:

Мотивы: политическая, идеологическая ненависть или вражда; стремление к социальному влиянию или самоутверждению через эпатаж; корысть (распространение ложной информации по заказу); личная неприязнь к государственной политике.

Характеристики: часто лицо обладает устойчивыми негативными установками по отношению к государству, активно потребляет и транслирует оппозиционный информационный контент. Может иметь навыки работы с цифровыми технологиями (от базовых до продвинутых).

Роль в информационной цепи: автор ложного сообщения, его агрегатор, активный распространитель (репостер).

3. Способ подготовки, совершения и сокрытия преступления.

Подготовка включает: поиск, фабрикацию или модификацию информационного материала (текст, фото, видео, аудио); изучение целевой аудитории и выбор оптимальной платформы для воздействия; подготовку технических средств (ПК, смартфон).

Совершение реализуется через публичное распространение, под которым понимается доведение информации до неопределенного круга лиц. Типичные способы:

Публикация в социальных сетях, на видеохостингах, в блогах или на новостных сайтах.

Размещение в комментариях под новостными материалами с высокой посещаемостью.

Массовая рассылка через мессенджеры в группы и чаты.

Офлайн-действия с использованием цифровых носителей: размещение листовок, стикеров, QR-кодов, ведущих на онлайн-контент (как в примере с приговором Василеостровского суда, где обвиняемая размещала ложные сведения в виде «ценников» в магазине).

Способы сокрытия носят ярко выраженный цифровой характер: использование анонимных аккаунтов (фейков), VPN-сервисов, заблокированных мессенджеров; шифрование переписки; удаление истории посещений и опубликованных материалов и др.

4. Обстановка совершения преступления. Включает временные и социально-психологические условия:

Периоды обострения международной обстановки, проведения масштабных военных или специальных операций, социально-экономических кризисов.

Преимущественно виртуальное пространство – социальные сети, форумы, мессенджеры. Физическое место работы с устройством (домашний компьютер, интернет-кафе) часто не совпадает с местом размещения информации.

Информационный фон: высокая общественная заинтересованность в теме, дефицит официальной информации или ее противоречивость.

5. Механизм следообразования. Оставляет специфические цифровые следы, являющиеся основным источником доказательств:

Технические (электронные) следы: IP-адреса, MAC-адреса, логи доступа, метаданные файлов (геотеги), данные об аккаунте и его активности, предоставляемые администраторами платформ.

Информационные следы: сам текст публикации, скриншоты, репосты, реакции пользователей (лайки, комментарии), указывающие на публичность и восприятие.

Интеллектуальные следы: стилистика текста, уникальные речевые обороты, характерные ошибки, позволяющие проводить автороведческий анализ и идентифицировать лицо.

Офлайн-следы: материальные носители (флешки, распечатки), свидетельские показания лиц, видевших процесс создания или офлайн-размещения информации.

Выделенная криминалистическая характеристика позволяет:

1. Определить типовой круг исходных следственных ситуаций: обнаружение противоправного контента правоохранительными органами в ходе мониторинга; поступление заявления от граждан или организаций; выявление факта административного правонарушения, переросшего в уголовно наказуемое.

2. Сформулировать типовые следственные версии относительно лица, распространившего информацию, его мотивов, способа и обстоятельств совершения деяния.

3. Спланировать систему неотложных и первоначальных следственных действий и ОРМ: осмотр страницы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с обязательной фиксацией через нотариальный протокол или специализированное программное обеспечение; выемку и осмотр электронных носителей с участием специалиста-криминалиста или эксперта; назначение судебных экспертиз (компьютерно-технической, автороведческой, лингвистической); получение от администраторов соцсетей информации об аккаунте; допросы свидетелей, фиксировавших факт публикации.

4. Установить и процессуально закрепить ключевой признак состава – «заведомую ложность». Это требует доказывания, что обвиняемый сознавал недостоверность распространяемых сведений. Доказательствами могут служить: его собственная переписка, признающая ложность; экспертные заключения, опровергающие содержание информации; показания свидетелей о том, что лицо располагало или запрашивало достоверные данные; анализ поведения лица после разоблачения информации (попытка удалить запись, извиниться и т. д.).

Таким образом, криминалистическая характеристика преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ, представляет собой сложную систему, отражающую его высокотехнологичный и информационно-психологический характер. Проведенное исследование позволяет утверждать, что криминалистическая характеристика преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ, представляет собой системную и целостную информационную модель, обладающую значительным методологическим потенциалом для оптимизации расследования. Ее структура, включающая специфический предмет посягательства в виде заведомо ложной информации общественно опасного содержания, личность преступника с характерными мотивами и цифровыми навыками, способ совершения и сокрытия, реализуемый через публичные онлайн-каналы, а также механизм следообразования, адекватно отражает высокотехнологичную и социально-психологическую природу данного деяния. Взаимосвязь этих элементов формирует логическую основу для перехода от теоретического понимания состава преступления к практическим алгоритмам работы следователя.

Методологическое значение криминалистической характеристики заключается в том, что она служит фундаментом для формирования частной методики расследования, выполняя ключевую ориентирующую функцию. На ее базе определяются типовые следственные ситуации, выдвигаются обоснованные версии относительно субъекта, его мотивов и обстоятельств деяния, а также планируется комплекс неотложных и первоначальных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Особую важность приобретает фокусировка на процессуальном закреплении признака «заведомой ложности», что требует комплексного использования специальных познаний и современных методов работы с цифровыми доказательствами.

Таким образом, эффективное противодействие публичному распространению заведомо ложной информации, направленному против общественной безопасности, возможно лишь при условии глубокого криминалистического осмысления данного феномена. Дальнейшее развитие методики расследования должно основываться на постоянном мониторинге эволюции способов совершения преступления в динамичной цифровой среде, что обеспечит сохранение ее актуальности и практической ценности для правоохранительных органов в деле защиты информационного суверенитета и общественной безопасности государства.

Успешное расследование по данной категории дел возможно только при условии, что следователи и оперативные работники владеют современными методами работы с цифровыми доказательствами и понимают логику поведения субъекта в информационной среде. Дальнейшая разработка частной криминалистической методики расследования должна быть основана на постоянном мониторинге и анализе эволюции способов совершения данного преступления, что позволит правоохранительным органам адекватно и эффективно противостоять угрозам информационной безопасности государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бриллиантов А.В. Ответственность за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации // Российское правосудие. 2023. № 1.
2. Гавло В.К. Наследие Р.С. Белкина и дискуссионные вопросы // Материалы Междунар. науч. конф. (к 80-летию со дня рожд. Р. С. Белкина). М., 2002.
3. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. док. юрид. наук. Харьков, 1967.
4. Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1966.
5. Варданян А.В., Андреевиченко Д.В. Общие положения учения о криминалистической характеристике преступлений как теоретико-методологическая основа для формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Юрист-правовед. 2015. № 1 (68).
6. Головин А.Ю. Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2012. № 1-2.
7. Грибунов О.П. Обстановка совершения преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 5-2.
8. Грибунов О.П. Способ совершения хищений нефтепродуктов на объектах железнодорожного транспорта как основополагающий элемент в структуре криминалистической характеристики / О.П. Грибунов, М.О. Долматова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10).
9. Грибунов О.П. Способ совершения краж нефти и нефтепродуктов из нефтепродуктопроводов при осуществлении их хранения и транспортировки как информационная основа криминалистической характеристики / О. П. Грибунов, А. И. Милос // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 4 (28).
10. Сечина К.В. Криминалистическая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации (статьи 207.1-207.3 УК РФ) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7 (235).

REFERENCES

1. Brilliantov A.V. Responsibility for spreading deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation // Russian justice. 2023. № 1.

2. Gavlo V.K. The legacy of R.S. Belkin and controversial issues // Proceedings of the International Scientific Conference (on the 80th anniversary of the birth of R. S. Belkin). Moscow, 2002.

3. Kolesnichenko A.N. Scientific and legal bases of investigation of certain types of crimes: abstract of the dissertation. jurid. sciences'. Kharkov, 1967.

4. Sergeev L.A. Investigation and prevention of thefts committed during the production of construction works: abstract of the dissertation of the Candidate. jurid. Sciences. Moscow, 1966.

5. Vardanyan A.V., Andreyanchenko D.V. General provisions of the doctrine of criminalistic characteristics of crimes as a theoretical and methodological basis for the formation of criminalistic characteristics of crimes related to the organization of illegal migration // Jurist-pravoved. 2015. № 1 (68).

6. Golovin A.Y. Criminalistic characteristics of crimes as a category of modern criminology // Izvestiya TulSU. Economic and legal sciences. 2012. № 1-2.

7. Gribunov O.P. The crime scene as a key element of the criminalistic characteristics of crimes committed on railway transport // Izvestiya Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Economic and legal sciences. 2013. № 5-2.

8. Gribunov O.P. Method of committing theft of petroleum products at railway facilities as a fundamental element in the structure of criminalistic characteristics / O.P. Gribunov, M.O. Dolmatova // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2019. No. 2 (10).

9. Gribunov O.P. Method of committing thefts of oil and petroleum products from oil product pipelines during their storage and transportation as an information basis for criminalistic characteristics / O.P. Gribunov, A.I. Milius // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2023. № 4 (28).

10. Sechina K.V. Criminalistic characteristics of the public dissemination of deliberately false information (Articles 207.1-207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Law and the State: theory and practice. 2024. № 7 (235).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. В. Земляков – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. V. Zemlyakov – senior Lecturer of the Department of General Humanities and Social and Economic Disciplines of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 1, Shevtsova St., Irkutsk 664035 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.01.2026; одобрена после рецензирования 07.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 17.01.2026; approved after reviewing 07.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 343**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ****Анатолий Григорьевич Карпика**Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
akarpika@yandex.ru

Введение: стратегическое планирование в области кибербезопасности напрямую связано со стратегическим планированием национальной безопасности и разработкой соответствующих стратегий. В странах с более широким пониманием вопросов национальной обороны кибербезопасность рассматривается как важная часть национальной безопасности и воспринимаемой обществом безопасности. До начала 1990-х годов стратегии и планы развития национальной безопасности были сосредоточены в основном на национальных возможностях обороны. Только впоследствии возникло понимание более широкого характера национальной безопасности, включающего такие важные аспекты, как защита граждан и безопасность общества в целом, в отличие от узкого подхода, ориентированного на государство.

Вопросы защиты критической инфраструктуры и обеспечения жизненно важных услуг возникли в связи с обеспечением безопасности общества в целом. Это связано с тем, что один из методов, используемых сегодня для подрыва национальной безопасности и чувства безопасности населения, заключается в оказании давления на население страны и нарушении работы жизненно важных служб и критической инфраструктуры.

Несмотря на то, что стратегии кибербезопасности напрямую затрагивают вопросы национальной обороны, в настоящее время кибербезопасность является частью гораздо более широкого подхода, который можно назвать комплексным. Действующая в Российской Федерации Доктрина информационной безопасности, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646, представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере. Вместе с этим, подобные документы требуют постоянного уточнения и корректировки, поскольку современная внутренняя и внешняя геополитическая и экономическая обстановка в России и мире в целом находится в состоянии перманентного изменения.

Материалы и методы: из ряда доступных источников, на первом этапе были отобраны те, которые позволили определить терминологию предметной области и подходы к обеспечению кибербезопасности в Российской Федерации, СНГ и Европейском Союзе. На последующих этапах анализировались существующие подходы к построению стратегий кибербезопасности.

Результаты исследования: проведен анализ проблем, связанных с классификацией киберпреступности и планированием мероприятий кибербезопасности, предложены подходы, направленные на повышение эффективности взаимодействия правоохранительных органов и подразделений реагирования на инциденты кибербезопасности.

Выводы и заключения: проблему противодействия киберпреступлениям необходимо решать методами, лежащими на стыке права и технологий, для чего целесообразно повысить качество взаимодействия правоохранительных органов и подразделений реагирования на киберинциденты.

Разработку стратегии противодействия киберпреступности целесообразно проводить и корректировать с учетом специфики защищаемых объектов, используя как централизованный, так и отраслевой подход.

Организация национального управления в сфере кибербезопасности является важнейшим вопросом при выборе стратегии кибербезопасности. На выбор могут влиять такие факторы, как наличие экспертов в области кибербезопасности, вопросы финансирования, а также национальные стратегические планы развития по таким вопросам, как внутренняя безопасность и экономическая безопасность.

Ключевые слова: кибербезопасность, киберинцидент, международное сотрудничество, стратегическое планирование, централизованный и отраслевой подход, правоохранительная деятельность

Для цитирования: Карпика А. Г. Актуальные вопросы обеспечения кибербезопасности // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 131–136.

Original paper

CURRENT CYBERSECURITY ISSUES

Anatoly Grigorievich Karpika

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: strategic planning in the field of cybersecurity is directly related to the strategic planning of national security and the development of appropriate strategies. In countries with a broader understanding of national defense issues, cybersecurity is seen as an important part of national security and perceived public safety. Until the early 1990s, national security strategies and development plans focused mainly on national defense capabilities. It was only later that an understanding emerged of the broader nature of national security, including such important aspects as the protection of citizens and the security of society as a whole, as opposed to a narrow State-oriented approach.

The issues of protecting critical infrastructure and providing vital services have arisen in connection with ensuring the safety of society as a whole. This is because one of the methods used today to undermine national security and the public's sense of security is to put pressure on the country's population and disrupt vital services and critical infrastructure.

Despite the fact that cybersecurity strategies directly address national defense issues, cybersecurity is currently part of a much broader approach that can be described as comprehensive. The Information Security Doctrine in force in the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 646 dated December 5, 2016, is a system of official views on ensuring the national security of the Russian Federation in the information sphere. At the same time, such documents require constant clarification and adjustments, since the current internal and external geopolitical and economic situation in Russia and the world as a whole is in a state of permanent change.

Materials and methods: at the first stage, from a number of available sources, those were selected that made it possible to define the terminology of the subject area and approaches to ensuring cybersecurity in the Russian Federation, the CIS and the European Union. In the subsequent stages, the existing approaches to building cybersecurity strategies were analyzed.

Results of the study: the analysis of problems related to the classification of cybercrime and the planning of cybersecurity measures has been carried out, and approaches aimed at improving the effectiveness of interaction between law enforcement agencies and cybersecurity incident response units have been proposed.

Findings and conclusions: the problem of countering cybercrime must be solved using methods that lie at the intersection of law and technology, for which it is advisable to improve the quality of interaction between law enforcement agencies and cyber incident response units.

It is advisable to develop a strategy to counter cybercrime and adjust it taking into account the specifics of the protected objects, using both a centralized and industry-specific approach.

The organization of the national cybersecurity administration is the most important issue when choosing a cybersecurity strategy. The choice may be influenced by factors such as the availability of cybersecurity experts, financing issues, as well as national strategic development plans on issues such as internal security and economic security.

Keywords: cybersecurity, cyber incident, international cooperation, strategic planning, centralized and sectoral approach, law enforcement

For citation: Karpika A. G. Actual issues of cybersecurity // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 131–136.

Национальное стратегическое планирование часто определяется как согласованный и структурированный подход к принятию важных решений и реализации важных действий. Этот подход лежит в основе национальных механизмов целенаправленной деятельности в направлении достижения значимых для государства и общества целей. Разработка стратегии – это непрерывный и перспективный процесс, при этом окончательная стратегия должна включать в себя обоснованные решения и вытекающую из них структуру их достижения.

Кибербезопасность – это общепризнанное понятие, широко используемое как в профессиональной терминологии, так и в повседневной речи. Однако лишь немногие государства определили кибербезопасность на уровне национального законодательства. В законодательстве Российской Федерации также напрямую отсутствует указанное определение. Наиболее близкое к общепризнанному определение содержится на сайте Kaspersky, где кибербезопасность определяется как «совокупность методов и практик защиты от атак злоумышленников для компьютеров, серверов, мобильных устройств, электронных систем, сетей и данных»¹. Поскольку Интернет является трансграничным явлением, национальное законодательство и стратегия в области кибербезопасности не могут развиваться изолированно, а должны учитывать национальные особенности и тенденции, характерные для других стран.

Нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы кибербезопасности в европейских странах разрабатывались в основном на основе Договора о функционировании Европейского союза. С одной стороны, они основаны на соглашениях, направленных на обеспечение комплексного подхода к свободе, безопасности и правосудию, охватывающих, например, сотрудничество в уголовных и полицейских расследованиях атак на информационные системы и киберпреступлений. С другой стороны, законодательство о кибербезопасности основано на достижении целей обеспечения функционирования единого внутреннего рынка. И хотя каждый нормативный акт имеет разную сферу действия и круг адресатов, их объединяет общая черта: для обеспечения безопасного функционирования внутреннего рынка эти акты требуют от участников следующих действий:

- сообщить компетентному органу об инциденте в сфере кибербезопасности;
- принять необходимые меры.

Анализ директивы (ЕС) 2022/2555 Европейского парламента и Совета от 14 декабря 2022 г. «О мерах по обеспечению высокого уровня кибербезопасности на территории Союза»² показал, что к странам – участникам предъявляется ряд требований, обязательных к выполнению, например, разработать и внедрить национальную стратегию кибербезопасности, определить на национальном уровне поставщиков услуг, необходимых для устойчивого функционирования общества, установить необходимые меры безопасности для поставщиков услуг, имеющих важное значение для общества в целях обеспечения надежности сетевых и информационных систем. Кроме этого, требуется обеспечить наличие компетентной и способной группы реагирования на инциденты компьютерной безопасности, например, создать в стране как минимум один орган по кибербезопасности для координации деятельности в этой области.

Глобализация все чаще порождает вопросы о юрисдикции национальных законодательств. Ряд исследователей подчеркивают, что правила по защите, например, персональных данных действуют и за пределами государств, объединенных в экономический, или политический союз. Общий регламент по защите данных однозначно должен предусматривать то, что персональные данные могут передаваться в третьи страны и международные организации только в полном соответствии с этим регламентом. В Российской Федерации трансграничная передача персональных данных подпадает под регулирование статьи 12 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [1].

Трансграничная передача данных в СНГ и ЕАЭС активно развивается, но сталкивается с регуляторными пробелами; ключевая тенденция – стремление к унификации правил оборота данных и созданию единого цифрового пространства, несмотря на существующие национальные требования (например, в РФ уведомление Роскомнадзора и соблюдение 152-ФЗ). Основные моменты и тренды в ЕАЭС: ЕАЭС признает, что отсутствие единой политики в сфере данных создает риски, поэтому рабочие группы занимаются разработкой общих подходов к регулированию.

Создается рабочая группа по цифровой трансформации, которая займется регуляторикой в сфере данных, включая разработку международного договора об обороте данных.

Уже есть обмен данными о трудовой миграции и соцобеспечении между странами-членами ЕАЭС.

Проблемы: Технологии опережают законодательство; «узкое место» – регулирование оборота данных для развития масштабных проектов.

Хотя обмен данными для трудовых мигрантов уже идет, полномасштабные правила ЕАЭС по цифровой трансформации и обороту данных пока в стадии проработки, хотя вопрос о международном договоре по данным занимает центральное место в повестке.

¹ Что такое кибербезопасность. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-cyber-security?ysclid=mjgvxm2phx817291670> (дата обращения: 22.12.2025).

² Директива (ЕС) 2022/2555 Европейского парламента и Совета от 14 декабря 2022 года «О мерах по обеспечению высокого уровня кибербезопасности на территории Союза». URL: <http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 22.12.2025).

При установлении требований кибербезопасности в цифровом обществе необходимо проявлять осторожность, чтобы не жертвовать важнейшими правами человека и основными свободами ради безопасности. В современном обществе под угрозой находится, в частности неприкосновенность частной жизни людей. Но у свободы тоже есть свои пределы. Необходимо оценить, в какой степени допускается ущемление основных прав личности ради обеспечения безопасности общества.

В идеале законодательная база должна способствовать достижению целей государства и общества и являться инструментом реализации стратегии кибербезопасности, при этом, роль законодательства заключается также в поддержке стратегических решений в обеспечении соразмерной и основанной на правах человека среды, а также в эффективном предотвращении киберинцидентов и реагировании на них.

Несмотря на то, что кибербезопасность и цифровизация современного мира стали наиболее популярными темами, в контексте правоохранительных органов это не новость. Так, еще в 1988 г. Роберт Таппан Моррис смог заразить сеть Интернет червем с территории кампуса Массачусетского технологического института, за что был арестован и обвинен в нарушении Закона о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях³. Однако, несмотря на то, что киберпреступность существует почти столько же, сколько и Интернет, она трансформировалась из группы энтузиастов, испытывающих пределы возможностей сети, в огромную подпольную экономику, специфика которой делает её одной из наименее рискованных форм преступной деятельности.

Практически невозможно точно подсчитать глобальные потери от киберпреступности из-за косвенных издержек (потеря данных, доходов, морального и репутационного ущерба). Приблизительно о масштабах можно судить по данным, регулярно публикуемым на сайте НИБР⁴. Так, по состоянию на конец 2025 г. сообщается о 17 миллиардах взломанных аккаунтов, что позволяет с уверенностью сказать, что почти каждый так или иначе становился жертвой киберпреступлений.

Отмеченное помогает сформулировать основные факторы, препятствующие глобальным коллективным действиям по противодействию киберпреступности. К ним относятся: эволюционирующий характер киберпреступности; национальные различия как в менталитете, так и в законодательствах; политические предпочтения на транснациональном уровне [2].

Сам термин «киберпреступность» охватывает чрезвычайно широкий спектр противоправных действий, поскольку все противоправные действия, которые можно совершить с помощью компьютера так или иначе связаны с нарушением законов.

Другой термин – «киберзависимость» используется для описания преступлений, которые невозможно совершить без компьютера (например, распространение программ-вымогателей, совершение DDoS атак, криптовзлом), в то время как термин «киберпреступления с использованием кибертехнологий» используется для описания широкого круга преступлений, в которых компьютер используется как вспомогательное средство, например, как средство связи.

Другой способ – разделить различные методы совершения преступлений по типу преступления: вымогательство (программы-вымогатели, сексуальное вымогательство), мошенничество (мошенничество с использованием имени генерального директора, атаки с использованием компрометации корпоративной электронной почты), кража (незаконный доступ к банковским информационным системам или счетам клиентов) и так далее. По сути, нет правильного или неправильного способа, но, с точки зрения автора, интерес представляет второй способ, как более конкретный с точки зрения описания способов совершения преступлений.

Какова роль правоохранительных органов при взаимодействии с подразделениями реагирования на инциденты кибербезопасности. Безусловно, правоохранительные органы являются важной составляющей в обеспечении кибербезопасности. Наряду с полицией, важной составляющей кибербезопасности являются группы реагирования на инциденты компьютерной безопасности (SOC), задача которых состоит в активном предотвращении киберинцидентов и реагировании на них.

Разница между группами реагирования и правоохранительными органами заключается в преследуемых целях. Так, если цель правоохранительных органов – выявить и привлечь к ответственности лиц, стоящих за злонамеренными атаками, то цель деятельности группы реагирования заключается в том, чтобы взять кибератаку под контроль и восстановить нормальную работу систем.

³ Национальная кибербезопасность на практике. URL: https://ega.ee/wp-content/uploads/2020/05/Kuberturvalisuse_kasiraamat_ENG.pdf. (дата обращения: 22.12.2025).

⁴ Have I Been Pwned. URL: <https://haveibeenpwned.com/> (дата обращения: 22.12.2025).

Эти направления работы могут показаться похожими, но на практике их пересечение довольно ограничено, при этом, несомненно то, что отдельные технические детали имеют значение в ходе расследований, но, как ни странно, большая часть успешно раскрытых уголовных дел опирается на классическую полицейскую работу.

С точки зрения общества, важность правоохранительных органов заключается в основном в сдерживании роста числа киберпреступлений, при этом сложно не согласиться с тем, что борьба с киберпреступностью имеет ряд уникальных особенностей по сравнению с работой полиции в других областях. Так, большинство из них обусловлены тем, что киберпреступность носит глобальный характер, и большинство улик находится в сети Интернет, что в свою очередь означает, что инструменты, используемые обычной полицией, как правило, не вполне подходят для анализа того типа и объема информации, с которым сталкиваются следователи, расследующие киберпреступления.

Одной из главных проблем, с которой сталкиваются правоохранительные органы, является отсутствие достаточного количества высококвалифицированных технических специалистов в подразделениях по борьбе с киберпреступностью. Этот фактор, возможно, имеет ключевое значение, так как позволяет подразделению разрабатывать собственные инструменты для поиска, или (и) анализа больших объемов информации, что значительно упрощает понимание технических аспектов и нюансов киберпреступности. Теоретически, альтернативой мог бы стать аутсорсинг IT-специалистов, но в долгосрочной перспективе это нереалистично – экосистема киберпреступности постоянно меняется, технологии приходят и уходят, поэтому умение быстро адаптироваться имеет жизненно важное значение.

Пожалуй, одна из самых насущных проблем с техническими специалистами – это их рекрутинг и проблема здесь двоякая. Во-первых, IT-сектор во всем мире растет, и зарплаты IT-специалистов, как правило, выше, чем в государственном секторе, что создает трудности для государственного сектора. Во-вторых, опыт России и других стран показывает, что необходимы специалисты с широким спектром навыков и способностью постоянно учиться и интегрировать в свой арсенал новые, появляющиеся на рынке технологии.

Еще одной, всеми признаваемой проблемой является проблема устойчивого международного сотрудничества в этой области. Несмотря на то, что международное сотрудничество и обмен опытом важны во всех областях, расследование киберпреступлений в отрыве от контекста – это краткосрочное решение. Киберпреступники крупного масштаба довольно редко нацеливаются на свою собственную страну, а это значит, что в большинстве случаев улики и доказательства киберпреступлений находятся как минимум в двух странах. Важно также отметить, что в определенной степени расследования киберпреступлений носят солидарный характер – расследуя дела лиц, находящихся в нашей юрисдикции, мы обычно защищаем людей, которые становятся жертвами в других странах. Таким образом, чем сильнее мы в среднем и глобальном масштабе, тем безопаснее киберпространство. Все это делает еще более важным оперативное сотрудничество между странами.

Помимо обмена информацией по запросам, важно также сотрудничество на оперативном и техническом уровне. Как уже упоминалось, экосистема киберпреступников постоянно меняется, а это значит, что правоохранительным органам всегда необходимы новые инструменты, подходы и креативность, чтобы иметь хоть какие-то шансы на успех. Именно поэтому идеально, когда страны находят общие интересы и работают вместе над достижением целей – будь то инструменты, методы анализа, или обмен информацией.

В конечном итоге, только качественные инструменты и информация позволяют нам достичь подхода, основанного на оперативных данных, который дает возможность расследовать дела, имеющие наибольшее влияние как на киберпространство Российской Федерации, так и на глобальную киберпреступную среду. Эффективность и целенаправленность здесь чрезвычайно важны.

Организация национального управления в сфере кибербезопасности является важнейшим вопросом при выборе стратегии кибербезопасности. На выбор могут влиять такие факторы, как наличие экспертов в области кибербезопасности, вопросы финансирования, а также национальные стратегические планы развития по таким вопросам, как внутренняя безопасность и экономическая безопасность.

Модели управления кибербезопасностью, как правило, базируются на децентрализованном, либо централизованном подходе. Организационная модель децентрализованной кибербезопасности основана на принципе субсидиарности (принципе социальной организации, согласно которому социальные проблемы должны решаться на самом низком, малом, или удаленном от центра уровне, на котором их разрешение возможно и эффективно). В этой модели существует несколько национальных органов, компетентных в вопросах кибербезопасности, которые координируют внедрение

мер кибербезопасности в своих секторах. Децентрализованный подход может облегчить обмен информацией с другими заинтересованными участниками. Преимуществом такого подхода является включение мер сетевой и информационной безопасности в существующее отраслевое законодательство, уже знакомое отрасли, что облегчает их внедрение и эффективное соблюдение новых требований.

Централизованный подход предполагает наличие единого органа, обладающего широкими экспертными знаниями во многих или даже во всех критически важных секторах, назначается для обеспечения кибербезопасности основных социальных служб. В задачи центрального органа иногда также входит подготовка к чрезвычайным ситуациям и управление кризисами. И зачастую в его состав входит национальное подразделение по реагированию на киберинциденты.

Строго говоря, отраслевой подход не всегда выгоден при защите критически важной информационной инфраструктуры и обеспечении кибербезопасности поставщиков основных услуг. Отраслевой подход может привести к противоречивым правовым положениям или, наоборот, к появлению нескольких схожих нормативных актов по одному и тому же вопросу. Напротив, централизованно организованные системы и всеобъемлющие правовые требования к поставщикам основных услуг помогают предотвратить неравномерное и неполное внедрение нормативных положений. Более того, не имеет значения, распределены ли обязанности по обеспечению кибербезопасности между несколькими законодательными актами или закреплены в одном единственном правовом акте.

Таким образом, независимо от того, используется ли децентрализованная или централизованная модель, сотрудничество между различными государственными органами в предотвращении киберинцидентов и реагировании на них всегда имеет важное значение. Правовую основу для национального административного сотрудничества целесообразно устанавливать либо законом, либо административным актом или договором, в котором также полезно четко определить обязанности в области трансграничного сотрудничества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
2. Карпика А.Г., Захаров Н.Д. Актуальные вопросы транснациональной криминализации киберпреступности // *Философия права*. 2025. № 1(112).

REFERENCES

1. Federal Law № 152-FZ of July 27, 2006 «On Personal Data». Access from the legal system «Garant».
2. Karpika A.G., Zakharov N.D. Actual issues of transnational criminalization of cybercrime // *Philosophy of Law*. 2025. № 1(112).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Г. Карпика – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. G. Karpika – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Support of Internal Affairs Bodies. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Russian Federation 344015 Rostov-on-Don.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 343.2.7

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Вероника Вячеславовна Колесник¹, Ирина Анатольевна Семенцова², Анна Борисовна
Малявина³

¹Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, nikkipohta@mail.ru

²Московский университет имени С.Ю. Витте (филиал), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, irina_semen@inbox.ru

²Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, irina_semen@inbox.ru

³Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, vicktoria22@mail.ru

Введение: современная цифровая сфера изобилует рисками, создавая угрозы как индивидуальным, так и коллективным интересам в глобальном масштабе. Нельзя отрицать, что большинство современных информационных технологий таят в себе явный враждебный потенциал, способный подорвать безопасность наций и ущемить права и свободы личности. Благодаря появлению в 1990-х – 2000-х гг. социальных сетей стремительно набирает популярность во всем мире анализ данных из открытых источников: стали публично доступными факты биографии, заметки, фото-, видео-, аудиоматериалы и т. д. Люди все больше делятся своей жизнью в Интернете. Одной из наиболее значимых угроз становится использование социальных сетей для совершения противоправных действий. Данные преступления обладают рядом криминологических особенностей: высокой степенью латентности, трансграничным характером, масштабностью последствий и значительным уровнем общественной опасности.

Материалы и методы: исследование проблемы базируется на данных из научных публикаций, строится на основе применения принципов конкретности и системности, а также общенаучных и частнонаучных методов.

Результаты исследования: проведенное исследование преступлений, совершаемых с использованием социальных сетей позволило определить сущность и специфику уголовно-правовой характеристики данных видов преступлений, классифицировать виды преступлений указанной категории, проанализировать существующие меры предупреждения и противодействия преступлениям, совершаемым с использованием социальных сетей.

Выводы и заключения: предупреждение и противодействие преступлениям, совершаемым с использованием социальных сетей, требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование уголовного законодательства, развитие технических средств защиты, повышение уровня цифровой грамотности населения и координацию деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: социальные сети, уголовно-правовая характеристика, преступление, жертва, мошенничество, информация, информационно-телекоммуникационные технологии

Для цитирования: Колесник В. В., Семенцова И. А., Малявина А. Б. Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершаемых с использованием социальных сетей // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 137–144.

FEATURES OF THE CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF CRIMES
COMMITTED USING SOCIAL NETWORKS

Veronika Vyacheslavovna Kolesnik¹, Irina Anatolyevna Sementsova², Anna Borisovna Malyavina³

¹Rostov Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Rostov-on-Don, Russian Federation

²S.Yu. Witte Moscow University, branch in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Rostov Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Rostov-on-Don, Russian Federation

³Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the modern digital sphere is replete with risks, posing threats to both individual and collective interests on a global scale. It is undeniable that most modern information technologies carry a clear hostile potential that can undermine the security of nations and infringe upon individual rights and freedoms. Since the emergence of social media in the 1990s and 2000s, the analysis of open-source data has gained significant popularity worldwide, making publicly accessible biographical information, notes, photos, videos, audio files, and more. People are increasingly sharing their lives online. One of the most significant threats is the use of social media for illegal activities. These crimes have several criminological features: a high degree of latency, a cross-border nature, widespread consequences, and a significant level of public danger.

Materials and methods: the study of the problem is based on data from scientific publications and is based on the application of the principles of concreteness and systemacity, as well as general scientific and specific scientific methods.

Results of the study: the conducted research on crimes committed using social networks allowed us to determine the essence and specifics of the criminal law characteristics of these types of crimes, classify the types of crimes in this category, and analyze the existing measures for preventing and combating crimes committed using social networks.

Findings and conclusions: preventing and combating crimes committed using social networks requires a comprehensive approach that combines the improvement of criminal legislation, the development of technical security measures, the enhancement of digital literacy among the population, and the coordination of law enforcement agencies.

Keywords: social networks; criminal law characteristics; crime; victim; fraud; information; information and telecommunication technologies

For citation: Kolesnik V. V., Sementsova I. A., Malyavina A. B. Criminal Law Characteristics of Crimes Committed Using Social Media // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 137–144.

Социальные сети стали уникальной средой, в которой преступления могут осуществляться удаленно, анонимно, мгновенно и с практически неограниченным охватом аудитории. В результате традиционные формы преступности приобрели новые цифровые проявления, что потребовало адаптации правоприменительной практики и развития уголовно-правовых механизмов реагирования.

Значительное число преступлений совершается с помощью популярных мессенджеров и соцсетей. Цифры говорят сами за себя: за последнюю неделю с использованием Telegram совершено 414 преступлений, а с использованием WhatsApp – 313 преступлений. Правоохранители отметили, что число преступлений, совершенных с использованием социальной сети «ВКонтакте», составило 19, с использованием социальной сети «Одноклассники» – 1 преступление [1].

Особенность преступлений, совершаемых в социальных сетях, состоит в высокой скорости распространения информации, трудностях идентификации виновных, трансграничном характере противоправной деятельности, а также в наличии широкого

спектра как корыстных, так и некорыстных мотивов [2]. Нами рассматриваются наиболее распространенные категории преступлений, анализируются способы их совершения и определяется соответствующая уголовно-правовая квалификация по нормам Уголовного кодекса Российской Федерации.

Для начала рассмотрим наиболее распространенное преступное деяние, совершаемое на просторах социальных сетей – мошенничество. Законодатель закрепляет следующее понятие мошенничеству – это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.¹

Мошенничество в сети стало одним из наиболее распространенных преступлений благодаря простоте реализации и высокой эффективности при минимальных затратах для преступника [3]. Социальные сети предоставляют злоумышленникам платформу для создания поддельных аккаунтов, размещения фальшивых объявлений, вымогательства денежных средств под видом благотворительности, а также проведения более сложных схем, включая инвестиционные или криптовалютные аферы.

Зачастую преступник использует метод социальной инженерии: психологическое давление, создание доверительных отношений, манипулирование эмоциями жертвы. В отдельных случаях мошенничество сопровождается незаконным сбором персональных данных, последующей продажей аккаунтов или их использованием в новых преступных схемах [4].

В основном мошеннические схемы строятся на использовании доверия пользователей:

1. Фальшивые интернет-магазины и объявления. Создаются страницы, имитирующие известные бренды, где предлагаются товары по существенно заниженной цене. Денежные средства переводятся на банковские карты, после чего страница исчезает.

2. Социальная инженерия (Схема: «меня взломали, срочно переведи деньги»). Преступник получает доступ к аккаунту жертвы или создает его копию. Далее он пишет родственникам или друзьям, прося одолжить значительные суммы.

3. Фишинг через соцсети. Пользователю направляется ссылка, имитирующая страницу сервиса, с целью перехвата пароля, данных карты, SMS-кодов.

4. Инвестиционные и криптовалютные пирамиды. Под видом «гарантированных вложений» мошенники собирают средства, после чего прекращают деятельность [5].

5. «Лжеблаготворительность». Используются эмоционально нагруженные публикации о болезнях детей или животных, сопровождаемые ложными реквизитами.

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее УК РФ) квалифицировать данные деяния следует по следующим статьям: ст. 159 УК РФ – Мошенничество; ст. 159.3 УК РФ – Мошенничество с использованием электронных средств платежа; ст. 159.4 УК РФ – Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности; ст. 159.6 УК РФ – Мошенничество в сфере компьютерной информации.

Функционирование социальных сетей неразрывно связано со сбором, хранением, обработкой и распространением значительных массивов персональных данных пользователей, что обуславливает повышенные требования к обеспечению информационной безопасности и защите частной жизни.²

Особое внимание следует уделить «Кибербуллингу», так как данное явление зачастую приводит к смертельным последствиям. Кибербуллинг рассматривается в криминологии как разновидность деструктивного коммуникативного поведения, обладающего признаками общественной опасности, поскольку он способен причинять значительный вред психическому здоровью, социальной адаптации, личностному развитию и жизнедеятельности человека.

Социальные сети стали одной из ключевых платформ для психологического давления, травли, угроз, оскорблений и распространения информации унижающей чести и достоинства. Преступные действия нередко совершаются анонимно или полуанонимно, что усложняет их пресечение.

Особенно опасны случаи доведения до самоубийства через сообщения, унижения или угрозы, когда социальная сеть используется как инструмент постоянного психологического воздействия [6]. В отличие от офлайн-среды, давление в соцсетях может осуществляться круглосуточно, что усиливает вредоносный эффект.

Можно выделить наиболее распространенные способы реализации «кибербуллинга»:

1. Психологическая травля («буллинг-команды»). Группы пользователей систематически оскорбляют жертву, создают мемы, распространяют ложную информацию.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Федеральный закон от 27 июля 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.

2. Преследование (сталкинг). Преступник отслеживает публикации, пишет навязчивые сообщения, угрожает физической расправой.

3. Публикация личной информации (доксинг). Раскрываются номер телефона, адрес, данные родственников.

4. Манипуляции, направленные на самоубийство. Преступники подталкивают подростков к рискованным действиям, используют эмоциональную зависимость.

В соответствии с УК РФ квалифицировать данные деяния следует по следующим статьям: ст. 110, 110.1 УК РФ – Доведение до самоубийств; ст. 119 УК РФ – Угроза убийством или причинением вреда; ст. 128.1 УК РФ – Клевета; ст. 137 УК РФ – Нарушение неприкосновенности частной жизни.

Социальные сети выступают мощным каналом для распространения экстремистских материалов, вербовки сторонников, координации деятельности террористических и радикальных групп. Доступность и отсутствие предварительной модерации позволяют злоумышленникам распространять запрещенные материалы и организовывать информационные кампании.

В соответствии с положениями Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» к экстремистским материалам относятся, в том числе, материалы, содержащие призывы к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие и оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, что придает особую общественную опасность распространению подобного контента в социальных сетях³.

Основные формы экстремистской и террористической активности в социальных сетях:

Пропаганда экстремистской идеологии. Экстремистские сообщества распространяют материалы, содержащие призывы к насилию, разжиганию розни, изменению конституционного строя, дискредитации государственных институтов. Используются приемы эмоциональной мобилизации, формирование образа «врага», дезинформация и псевдоаналитика [7].

Уголовно-правовая квалификация: ст. 280 УК РФ – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; ст. 280.1 УК РФ – публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ; ст. 282 УК РФ – возбуждение ненависти либо вражды.

Вербовка новых участников и радикализация пользователей. Вербовка осуществляется через персональные сообщения, тематические группы, закрытые чаты, а также через взаимодействие с уязвимыми категориями граждан – молодежью, лицами в кризисных ситуациях, мигрантами. Процесс нередко включает поэтапную психологическую обработку, формирование доверительного контакта и постепенное внедрение радикальной идеологии [8].

Уголовно-правовая квалификация: ст. 205.1 УК РФ – содействие террористической деятельности: вербовка, вооружение, обучение; ст. 281.1 УК РФ – содействие диверсионной деятельности.

Финансирование и материальная поддержка террористических структур и диверсионных сообществ. Через социальные сети распространяются ссылки на криптокошельки, сборы «на помощь политзаключенным», пожертвования под видом благотворительных акций. Используются платформы краудфандинга, а также скрытые механизмы микротранзакций.

Уголовно-правовая квалификация: ст. 205.1, 205.4 УК РФ – организация и финансирование террористического сообщества; ст. 281.1 УК РФ – содействие диверсионной деятельности.

Согласно Федеральному закону от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», террористическая деятельность включает, помимо прочего, пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, направленных на формирование у населения убежденности в допустимости террористической деятельности.⁴

Социальные сети в современных условиях нередко используются в качестве инструмента террористической деятельности, в том числе для распространения идеологии терроризма, публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, вербовки и координации действий участников террористических организаций.

Координация незаконных акций и насильственных действий, социальные сети позволяют в режиме реального времени организовывать массовые беспорядки, несогласованные митинги, сбор участников, распространение инструкций по изготовлению оружия или взрывчатых веществ. Используются закрытые каналы, зашифрованные чаты, одноразовые аккаунты.

³ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁴ Федеральный закон от 06 марта 2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

Уголовно-правовая квалификация: ст. 212 УК РФ – массовые беспорядки; ст. 205.2 УК РФ – призывы к терроризму.

Распространение инструкций по совершению террористических актов и диверсий. Речь идет о публикации руководств по изготовлению взрывных устройств, ведению подрывной деятельности, конспирации, выбору целей [9]. Материалы распространяются как напрямую, так и под видом «исследований», «исторической реконструкции» или «игрового контента».

Уголовно-правовая квалификация: ст. 205.2 УК РФ – призывы к терроризму; ст. 281.2 УК РФ – прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности; ст. 223.1 УК РФ – незаконное изготовление взрывных устройств.

В большинстве случаев преступники используют закрытые группы, шифрование переписки или анонимайзеры, что требует высокой технической компетентности от правоохранительных органов.

Социальные сети активно используются наркосбытчиками для коммуникации с покупателями, размещения каталогов товаров («работа курьера», «закладки»), а также для привлечения новых участников преступной группы. Социальные сети значительно облегчают анонимное взаимодействие, позволяют быстро менять аккаунты и каналы связи, что трансформирует наркосбыт в распределенную цифровую систему. Преступления могут включать как прямую продажу наркотиков, так и создание организованных сетей, ориентированных на массовое сбывание [10].

Наиболее распространенные элементы функционирования незаконного оборота наркотиков в соцсетях включают:

1. Создание закрытых групп и каналов, доступ к которым предоставляется по рекомендациям или после «проверки» администратором.

2. Использование криптомессенджеров (Telegram, Wickr, Signal) для детальной координации сделок.

3. Размещение «витрин» с ассортиментом – фотографии, видео или текстовые описания различных запрещенных веществ, маскируемые под «химические реагенты», «соляные смеси», «энергетические добавки».

4. Применение шифрованных обозначений и жаргона («скорость», «соль», «травка», «марки», «цветы», «конфеты», «закладки»), что затрудняет первичное выявление.

5. Автоматизация продаж через боты, которые принимают оплату, отправляют координаты «закладок», отслеживают сделки и обеспечивают псевдоанонимность участников.

6. Использование геолокации и цифровых карт для размещения и поиска «закладок», что минимизирует личные контакты.

Встроенные механизмы вербовки закладчиков, когда молодым пользователям предлагают «легкий заработок», что фактически вовлекает их в преступную деятельность.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков через социальные сети, могут квалифицироваться по следующим статьям УК РФ: ст. 228.1 УК РФ – незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств. Использование соцсетей как канала рекламы, координации и передачи информации считается квалифицирующим обстоятельством; ст. 228.4 УК РФ – незаконный сбыт прекурсоров. Распространение информации о веществах, необходимых для изготовления наркотиков, также относится к преступным действиям; ст. 230 УК РФ – склонение к потреблению наркотических средств. В соцсетях это выражается в пропаганде, демонстрации употребления, навязчивой рекламе; ст. 232.1 УК РФ – организация либо содержание притонов в цифровой форме (координация «онлайн-точек» и мест передачи вещества); ст. 151.1 УК РФ – вовлечение несовершеннолетнего в противоправную деятельность. Включается в квалификацию, если подростка завербовали как распространителя или курьера; ст. 205.4–205.5 УК РФ – если оборот наркотиков связан с финансированием террористических структур (актуально для трансграничных сетей).

Таким образом, цифровая форма совершения преступлений не только не снижает тяжести наказания, но и выступает как дополнительный квалифицирующий фактор.

Преступления сексуального характера, совершаемые с использованием социальных сетей, представляют собой одну из наиболее опасных форм цифровой виктимизации. Данные преступления отличаются высокой скрытностью, значительной латентностью, а также особенностями психологического воздействия на потерпевших, среди которых существенную долю составляют несовершеннолетние. Современные интернет-платформы предоставляют преступникам широкие возможности для поиска жертв, установления с ними доверительных отношений, а также для сокрытия собственной личности.

В последние годы отмечается устойчивый рост различных форм сексуально ориентированных преступлений в интернет-среде: от демонстрации порнографических

материалов и склонения к сексуальным действиям до шантажа, распространения интимных изображений и эксплуатации несовершеннолетних. Распространенность социальных сетей среди подростков делает данную категорию преступлений особенно социально значимой и требующей пристального внимания.

Можно выделить следующие формы проявления:

1. Груминг (установление доверительных отношений с целью сексуальной эксплуатации). Груминг является одной из наиболее распространенных форм преступной активности против несовершеннолетних. Преступник создает в социальной сети фальшивый образ (часто – «ровесника» жертвы), постепенно формирует доверие, выясняет личную информацию, психологическое состояние, особенности семьи, после чего переходит к сексуализированному общению [12].

2. Секстинг и последующий шантаж (сексторшен). Секстинг – добровольная пересылка пользователями интимных изображений друг другу – широко распространен среди молодежи. Однако преступники нередко используют полученный интимный контент для шантажа (сексторшена).

3. Распространение порнографических материалов с участием несовершеннолетних. Одним из наиболее опасных преступлений является создание, оборот и распространение материалов, содержащих изображения сексуального характера с участием детей.

4. Вербовка несовершеннолетних для вовлечения в проституцию или сексуальную эксплуатацию. Преступники активно используют социальные сети для поиска подростков, находящихся в трудных жизненных обстоятельствах. Нередко используются методы психологического давления, обещания «легких» денег, создание эмоциональной зависимости.

Преступления сексуального характера, совершенные посредством социальных сетей, подпадают под действие следующих норм УК РФ: ст. 135 УК РФ – развратные действия в отношении несовершеннолетних. Использование соцсетей для переписки, пересылки интимных материалов или склонения к сексуальным действиям квалифицируется как отягчающее обстоятельство; ст. 134 УК РФ – половое сношение с несовершеннолетним. Если преступление было подготовлено через интернет-среду (груминг), данное обстоятельство учитывается при назначении наказания; ст. 240 УК РФ – вовлечение в занятие проституцией, в том числе несовершеннолетних. Социальные сети выступают как средство вербовки; ст. 241 УК РФ – организация занятий проституцией. Включает цифровые схемы координации; ст. 242 УК РФ – незаконное распространение порнографии. Публикация, пересылка или хранение порнографических материалов через соцсети; ст. 242.1 и 242.2 УК РФ – изготовление и оборот материалов с участием несовершеннолетних. Наиболее тяжкая категория интернет-преступлений сексуального характера; ст. 163 УК РФ – вымогательство. Используется для квалификации случаев сексторшена.

Таким образом, цифровая форма совершения преступления не только не смягчает ответственность, но и часто образует состав по нескольким статьям одновременно.

Положения Федерального Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а именно часть 8 статьи 9 устанавливает, что «запрещается требовать от гражданина (физического лица) предоставления информации о его частной жизни, в том числе информации, составляющей личную или семейную тайну, и получать такую информацию помимо воли гражданина (физического лица), если иное не предусмотрено федеральными законами».⁵

Особое место занимают преступления, направленные на взлом аккаунтов, массовые фишинговые атаки, перехват данных и дальнейшую их продажу в даркнете. Хакерская активность в социальных сетях может сопровождаться захватом крупных пабликов, изменением информации, массовым распространением мошеннических ссылок.

Уголовно-правовая квалификация: ст. 272 УК РФ – незаконный доступ к информации; ст. 274.1 УК РФ – нарушение правил эксплуатации информационной инфраструктуры; ст. 128.1, 137 УК РФ – если в ходе взлома распространяются личные данные или материалы.

Получить полный объем статистических данных по преступлениям, предусмотренным статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, рассмотренными ранее в работе, представляется затруднительным. Тем не менее, на основе данных, доступных в открытых источниках, за 2025 год было зафиксировано 675 372 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Наибольшая часть этих преступлений относится к преступлениям против собственности, предусмотренным статьями 159–159.6 УК РФ –

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

348 035 случая, из которых 345 461 приходится на статью 159, 99 – на статью 159.3 и 319 – на статью 159.6. Значительное число составляют преступления, связанные с нарушением правил эксплуатации компьютерной информации, – 58 782 случаев по статье 272 УК РФ, а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств – 117505 случаев по статье 228.1 УК РФ. Прочие зарегистрированные преступления включают 5 014 случая по статьям 242, 242.1 и 242.2 УК РФ, 1367 случаев по статье 205.2 УК РФ и 705 случаев по статье 280 УК РФ.⁶

Статистический анализ позволяет выделить наиболее распространенные виды преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и выявить их долю среди всех зарегистрированных правонарушений.

Таким образом, социальные сети в современных условиях активно используются в качестве инструмента совершения преступлений различной направленности. Их функциональные возможности, включая анонимность коммуникации, оперативность передачи информации и широкий охват аудитории, способствуют расширению способов совершения преступных деяний и повышению уровня их общественной опасности.

Установлено, что цифровая форма реализации преступлений оказывает существенное влияние на механизмы их подготовки, совершения и сокрытия, а также на характер причиняемого вреда. Социальные сети выступают не только средством коммуникации между участниками преступной деятельности, но и самостоятельным фактором, усиливающим криминогенные риски.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В МВД рассказали, в каких мессенджерах чаще всего совершаются преступления. URL: <https://ria.ru/20250803/mvd-2033111904.html/> (дата обращения: 19.02.2026).
2. Берестовой А.Н. Вопросы криминализации девиантного поведения в сети интернет / А.Н. Берестовой, Н.С. Сысолина // *Философия права*. 2023. № 3 (106).
3. Никульченкова Е.В. Кибермошенничество: психолого-криминологический анализ киберзависимостей // *Вестник Омского Университета. Серия. Право*. 2025. № 1.
4. Тепшеев А.А. Способы совершения и проблемы квалификации преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет // *Право и управление*. 2023. № 3.
5. Отогочев А.В. Виды цифровых следов преступлений на финансовом рынке // *Актуальные проблемы российского права*. 2025. № 2.
6. Диденко Ю.В., Проблемы «групп смерти» в социальных сетях и их уголовно-правовое решение / Ю.В. Диденко, Е.А. Федорова // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2025. № 5-2 (104).
7. Арипшев А.М. Экстремизм и терроризм в социальных сетях: проблемы обнаружения и противодействия // *Журнал прикладных исследований*. 2022. № 9.
8. Федотова А.В. Противодействие вербовке молодежи в экстремистские и террористические организации / А.В. Федотова, С.Е. Лютов // *Теория и практика общественного развития*. 2025. № 5.
9. Маринова С.Ш. Распространение идей терроризма и экстремизма в молодежной среде посредством социальных сетей и мессенджеров // *Гуманитарные и политико-правовые исследования*. 2025. № 1.
10. Клишков В.Б. Влияние социальных сетей на формирование преступных сообществ и меры противодействия / В.Б. Клишков, Т.В. Валькова // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2025. № 1.
11. Епифанов А.Е. Обеспечение информационной безопасности и защиты от половых преступлений в сети интернет: правовые и социальные аспекты // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2025. № 2.

REFERENCES

1. The Ministry of Internal Affairs explained which messengers are most often used for committing crimes. URL: <https://ria.ru/20250803/mvd-2033111904.html/> (date of access: 19.02.2026).
2. Berestovoy A.N. Issues of criminalization of deviant behavior on the internet / A.N. Berestovoy, N.S. Sysolina // *Philosophy of Law*. 2023. № 3 (106).
3. Nikulchenkova E.V. Cyberfraud: a psychological and criminological analysis of cyberaddictions // *Bulletin of Omsk University. Series. Law*. 2025. № 1.
4. Tepseev A.A. Methods of committing and problems of qualifying crimes committed using the internet // *Law and Management*. 2023. № 3.

⁶ МВД России Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 гг. / МВД России – 2025. С. 29

5. Otegochev A.V. Types of Digital Traces of Crimes in the Financial Market // Actual Problems of Russian Law. 2025. № 2.
6. Didenko Yu.V., Problems of “Death Groups” in Social Networks and Their Criminal-Law Solution / Yu.V. Didenko, E.A. Fedorova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 5-2 (104).
7. Aripshv A.M. Extremism and Terrorism in Social Networks: Problems of Detection and Counteraction // Journal of Applied Research. 2022. № 9.
8. Fedotova A.V. Counteracting the Recruitment of Young People into Extremist and Terrorist Organizations / A.V. Fedotova, S.E. Lyutov // Theory and Practice of Social Development. 2025. № 5.
9. Marinova S.Sh. Spread of Terrorist and Extremist Ideas Among Young People Through Social Networks and Messengers // Humanitarian and Political-Legal Studies. 2025. № 1.
10. Klishkov V.B. The Impact of Social Networks on the Formation of Criminal Communities and Countermeasures / V.B. Klishkov, T.V. Valkova // Education. Science. Scientific Personnel. 2025. № 1.
11. Epifanov A.E. Ensuring Information Security and Protection from Sexual Crimes on the Internet: Legal and Social Aspects // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

В. В. Колесник – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева. 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, д. 66.

И. А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте, филиала в г. Ростове-на-Дону. 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Нефедова, д. 78; доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, д. 26.

А. Б. Малявина – кандидат политических наук, научный сотрудник научно-исследовательского отдела Ростовского юридического института МВД России, 344015, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

V. V. Kolesnik, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law at the Rostov Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev. 66, Lenin Avenue, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation.

I. A. Sementsova – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the S.Yu. Witte Moscow University, branch in Rostov-on-Don. 78 Nefyodova St., Rostov-on-Don 344000 Russian Federation; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Institute (branch) All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation). 26, Soborny Lane, Rostov-on-Don 344000 Russian Federation.

A. B. Malyavina – Candidate of Political Sciences, Researcher at the Research Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.12.2025; одобрена после рецензирования 18.01.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 27.12.2025; approved after reviewing 18.01.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 343.1:004.8

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ**

Роман Валерьевич Костенко¹, Алексей Николаевич Ильяшенко²

^{1,2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

¹ rom-kostenko@yandex.ru

² ailyashenko@mail.ru

Введение: в статье исследуется фундаментальная проблема процессуально-правового регулирования использования технологий генеративного искусственного интеллекта для визуализации обстоятельств преступления в уголовном судопроизводстве. Анализируется многоаспектная проблематика возможного использования технологий искусственного интеллекта судами для создания визуализаций обстоятельств преступления, оцениваются как международный опыт, так и технологические, правовые и этические аспекты данного вопроса.

Материалы и методы: исследование базируется на изучении нормативных правовых актов, регулирующих институт доказывания в уголовном процессе, а также зарубежных научных публикаций, посвященных отдельным аспектам использования искусственного интеллекта в судебном разбирательстве. Основу методов исследования составляет анализ текстов законодательных актов, зарубежной судебной практики и научной литературы, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод. Логичность и аргументированность выводов и рекомендаций, представленных в работе, достигается за счет совокупного использования общих и частных методов научного познания.

Результаты исследования: проведенное исследование позволяет утверждать, что AI-генерированные визуализации не могут квалифицироваться в качестве доказательств по смыслу статьи 74 УПК РФ, поскольку они не отражают следы прошедшего события, а конструируют гипотетические модели на основе интерпретации доказательств. Обосновывается процессуальная форма использования AI-визуализаций как инструмента аргументации сторон в судебных прениях. Выявлены психологические эффекты воздействия визуальной информации на формирование внутреннего убеждения суда, включая иллюзию непосредственности, якорение восприятия и избирательное внимание к перцептивно заметным элементам. Исследуется проблема технологического неравенства сторон уголовного процесса, создающая риск трансформации состязательности в технологически несбалансированное противостояние.

Выводы и заключения: разработана система законодательных предложений, включающих институт обязательного предварительного раскрытия информации о создании визуализации, участие специалиста по AI-технологиям, процедуру предупреждения суда о природе демонстрируемого материала, возможность назначения контрольной экспертизы и требование отражения в приговоре факта использования визуализаций. Сформулированы содержательные критерии допустимости AI-визуализаций, основанные на степени детализации, эмоциональной нагруженности и соответствии исследованным доказательствам. Предложен механизм компенсации технологического неравенства через право защитника ходатайствовать о назначении специалиста за счет средств федерального бюджета.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, искусственный интеллект, визуализация, доказательства, судебное разбирательство, внутреннее убеждение, когнитивные искажения, процессуальные гарантии, состязательность, технологическое неравенство, генеративные алгоритмы

Для цитирования: Костенко Р. В., Ильяшенко А. Н. Процессуальные гарантии использования технологий искусственного интеллекта для визуализации обстоятельств преступления в судебном разбирательстве // Юрист-Правовед: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 145–153.

Original paper

PROCEDURAL GUARANTEES FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES FOR VISUALIZING CRIME CIRCUMSTANCES IN COURT PROCEEDINGS

Roman Valerievich Kostenko¹, Alexey Nikolaevich Ilyashenko²

^{1 2} Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the article examines the fundamental problem of procedural and legal regulation of the use of generative artificial intelligence technologies to visualize the circumstances of a crime in criminal proceedings. The article analyzes the multidimensional problems of the possible use of artificial intelligence technologies by courts to create visualizations of the circumstances of a crime, evaluates both international experience and technological, legal and ethical aspects of this issue.

Materials and methods: the research is based on the study of regulatory legal acts regulating the institution of evidence in criminal proceedings, as well as foreign scientific publications devoted to certain aspects of the use of artificial intelligence in court proceedings. The research methods are based on the analysis of texts of legislative acts, foreign judicial practice and scientific literature, methods of analysis and synthesis, the formal legal method, and the comparative legal method. The logical and reasoned conclusions and recommendations presented in the work are achieved through the combined use of general and particular methods of scientific knowledge.

Results of the study: the conducted research suggests that AI-generated visualizations cannot be qualified as evidence within the meaning of Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, since they do not reflect traces of a past event, but construct hypothetical models based on the interpretation of evidence. The article substantiates the procedural form of using AI visualizations as a tool for argumentation of the parties in court debates. The psychological effects of visual information on the formation of the court's internal beliefs, including the illusion of immediacy, anchoring perception, and selective attention to perceptually noticeable elements, are revealed. The article examines the problem of technological inequality between the parties to the criminal process, which creates the risk of transformation of competition into a technologically unbalanced confrontation.

Findings and conclusions: a system of legislative proposals has been developed, including the institution of mandatory preliminary disclosure of information on the creation of visualization, the participation of an AI technology specialist, the procedure for warning the court about the nature of the demonstrated material, the possibility of assigning a control examination and the requirement to reflect in the verdict the fact of the use of visualizations. Meaningful criteria for the permissibility of AI visualizations are formulated, based on the degree of detail, emotional burden, and compliance with the evidence studied. A mechanism is proposed to compensate for technological inequality through the right of a defender to apply for the appointment of a specialist at the expense of the federal budget.

Keywords: criminal proceedings, artificial intelligence, visualization, evidence, judicial proceedings, internal conviction, cognitive biases, procedural guarantees, adversarial proceedings, technological inequality, generative algorithms

For citation: Kostenko R. V., Ilyashenko A. N. Procedural guarantees for the use of artificial intelligence technologies for visualizing crime circumstances in court proceedings // Yurist-Pravoved: scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 145–153.

Современный этап развития уголовно-процессуального права характеризуется активным проникновением технологий искусственного интеллекта в традиционные институты доказывания и судебного разбирательства. Генеративный искусственный интеллект, способный создавать реалистичные видеоматериалы на основе текстовых описаний или фрагментарных данных, открывает перед сторонами уголовного судопроизводства

принципиально новые возможности визуализации своих процессуальных позиций. Вместе с тем внедрение подобных технологий в судебное разбирательство порождает фундаментальные эпистемологические и процессуально-правовые вопросы, которые требуют незамедлительного теоретического осмысления.

Традиционная уголовно-процессуальная доктрина исходит из того, что доказательства представляют собой сведения о событиях прошлого, фрагменты реальности. Искусственный интеллект, генерирующий видеоматериалы, не отражает произошедшее событие, а конструирует его визуальную модель на основе интерпретации имеющихся данных. Подобная конструкция находится на границе между объективной информацией и субъективной интерпретацией, что ставит под вопрос ее процессуальную природу и допустимость использования в судебном разбирательстве.

Проблематика процессуальных гарантий использования технологий искусственного интеллекта для визуализации обстоятельств преступления в судебном разбирательстве обусловлена несколькими факторами. Во-первых, технологии генеративного искусственного интеллекта развиваются стремительными темпами и уже в ближайшем будущем могут стать доступным инструментом для участников уголовного процесса. Зарубежная судебная практика уже столкнулась с попытками использования AI-генерированных материалов в судебных процессах, что вызвало острую дискуссию о необходимости законодательного регулирования [5]. Во-вторых, действующий УПК РФ не содержит норм, регулирующих использование подобных материалов, что создает правовую неопределенность. В-третьих, визуальная информация оказывает значительно более сильное психологическое воздействие на процесс формирования судейского убеждения по сравнению с вербальными способами представления информации [3], что требует разработки специальных процессуальных гарантий защиты от манипулятивного влияния.

В настоящее время в отечественной науке уголовного процесса отсутствует теоретическая концепция процессуального статуса искусственно созданных визуализаций событий преступления и механизмов их использования в судебном разбирательстве. При этом существующая система доказательств, закрепленная в ст. 74 УПК РФ, не предусматривает подобную категорию материалов, что порождает вопросы об их правовой природе, процессуальных формах представления и пределах допустимого использования. Согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу. Законодатель использует термин «сведения», подчеркивая информационную природу доказательств как знания об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения дела. Одним из ключевых признаков доказательства выступает его связь с объективной реальностью прошлого события. Доказательственная информация отражает фрагменты действительности, которые существовали независимо от процесса познания. Так, показания свидетеля передают информацию о том, что он воспринял; заключение эксперта содержит выводы о свойствах исследованных объектов; протокол следственного действия фиксирует обстановку и результаты процессуального познания. Все эти виды доказательств объединяет общая эпистемологическая характеристика: они являются следами прошлой реальности, носителями информации о событиях, которые произошли в объективном мире.

AI-генерированная визуализация обладает принципиально иной онтологической природой. Искусственный интеллект не отражает событие преступления, а конструирует его гипотетическую модель на основе исходных данных, предоставленных оператором. Такая визуализация представляет собой результат вычислительного процесса, в ходе которого алгоритм интерпретирует входящую информацию, заполняет недостающие элементы на основе обученных паттернов и создает визуальный образ, который никогда не существовал в реальности. Даже если все исходные данные, положенные в основу визуализации, являются относимыми, допустимыми и достоверными доказательствами, итоговый видеоматериал остается продуктом алгоритмической интерпретации, а не отражением объективной действительности.

Проблема аутентификации AI-генерированных материалов выходит за пределы традиционных процессуальных подходов к проверке достоверности доказательств. Как справедливо установлено в зарубежных исследованиях, не существует безошибочного способа классифицировать текст, аудио, видео или изображения как аутентичные или созданные искусственным интеллектом, особенно в условиях постоянной эволюции методологий генерации с целью уклонения от обнаружения [5]. Технологии обнаружения

deepfakes оказались ненадежными и подверженными систематическим искажениям. Более того, люди также демонстрируют низкую способность определять, является ли цифровой артефакт реальным или поддельным. Детальный анализ проблем использования детекторов deepfakes в уголовно-процессуальном доказывании выявляет три критических вызова [6]. Первый вызов касается точности: детекторы deepfakes демонстрируют переменную эффективность и могут быть обмануты совершенствованием техник генерации. Второй вызов связан с научной валидностью: методологии обнаружения часто не отвечают стандартам, предъявляемым к экспертным заключениям в уголовном процессе. Третий вызов затрагивает справедливый доступ к инструментам обнаружения: сторона обвинения может располагать ресурсами для доступа к передовым технологиям детекции, в то время как сторона защиты таким доступом может не обладать. Это создает проблему неравенства процессуальных возможностей.

Данные обстоятельства исключают возможность квалификации AI-визуализаций в качестве самостоятельного вида доказательств по смыслу ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Перечень видов доказательств, закрепленный в указанной норме, носит исчерпывающий характер. Каждый из этих видов предполагает наличие связи с событием преступления через механизм отображения реальности.

Придание AI-визуализациям статуса доказательств создавало бы опасный прецедент размывания границ между объективной информацией и интерпретативными конструкциями. Если допустить возможность признания моделируемых событий доказательствами, то утрачивается фундаментальное требование связи доказательственной информации с объективной реальностью, что разрушает эпистемологические основания всей системы уголовно-процессуального доказывания.

Наиболее перспективным представляется рассмотрение таких материалов в качестве иллюстративного инструмента аргументации сторон в рамках судебных прений. Судебные прения представляют собой самостоятельный этап судебного разбирательства, в которой стороны подводят итоги судебного следствия, излагают свои позиции относительно установленных обстоятельств и обосновывают предлагаемые решения по уголовному делу. Согласно ч. 4 ст. 292 УПК РФ участник прений сторон не вправе ссылаться на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании или признаны судом недопустимыми. Данная норма устанавливает императивное требование: содержание речей в судебных прениях должно основываться исключительно на материалах, исследованных в ходе судебного следствия. Буквальное толкование ч. 4 ст. 292 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что запрет распространяется именно на ссылки на доказательства. Если AI-визуализация не является доказательством, то формально норма ч. 4 ст. 292 УПК РФ на нее не распространяется. Однако телеологическое толкование данного положения выявляет более глубокий смысл законодательного запрета. Цель нормы заключается в обеспечении непосредственности судебного разбирательства и в недопущении ситуации, когда суд формирует свое убеждение на основе информации, не прошедшей проверку через процедуру судебного следствия. AI-генерированная визуализация, демонстрируемая в судебных прениях, создает именно такую опасность. Визуальный образ события преступления, даже если он создан на основе исследованных доказательств, воспринимается сознанием суда принципиально иначе, нежели вербальное изложение тех же обстоятельств. Например, эмпирические исследования «визуальных» доказательств демонстрируют, что присяжные заседатели сохраняют в памяти до восьмидесяти пяти процентов информации, воспринятой визуально, в то время как устная информация запоминается лишь приблизительно на десять процентов [3].

Данная проблема усугубляется спецификой современных технологий генеративного искусственного интеллекта. Качество создаваемых визуализаций достигло такого уровня, что отличить искусственно сгенерированный видеоматериал от подлинной видеозаписи становится затруднительным даже для специалистов без применения специальных технических средств анализа. Гиперреалистичность AI-визуализаций создает риск того, что суд будет воспринимать демонстрируемый материал не как интерпретацию стороны, а как объективное отражение действительности. В частности, американская судебная практика уже столкнулась с необходимостью разграничения между тем, что исследователи называют «признанными AI-доказательствами» (acknowledged AI evidence), такими как компьютерные реконструкции происшествий, которые распознаются всеми сторонами как AI-генерированные, и «непризнанными AI-доказательствами» (unacknowledged AI evidence), то есть deepfakes, представляемыми как аутентичные материалы [5]. Проблема AI-

визуализаций в судебных прениях относится к первой категории, поскольку предполагается явное раскрытие их искусственной природы.

Тем не менее, полный запрет на использование AI-визуализаций в судебном разбирательстве представляется избыточным ограничением прав сторон на представление своей позиции. Визуализация версии события может служить легитимным инструментом аргументации, позволяющим более наглядно продемонстрировать внутреннюю логику позиции стороны и взаимосвязь между различными доказательствами. Запрет на использование подобных материалов означал бы искусственное сдерживание технологического развития процессуальных форм и ограничение состязательности сторон.

Разрешение данного противоречия требует выработки процессуального механизма, который, с одной стороны, допускал бы использование AI-визуализаций как инструмента аргументации, а с другой стороны, обеспечивал бы защиту от их манипулятивного воздействия на формирование судейского убеждения. Центральным элементом такого механизма должно стать требование транспарентности процесса создания визуализации и ее четкой квалификации как интерпретативного, а не доказательственного материала.

Представляется необходимым закрепление в УПК РФ следующих условий допустимости использования AI-визуализаций в судебных прениях.

Во-первых, сторона, намеревающаяся продемонстрировать визуализацию, должна заблаговременно раскрыть противоположной стороне методологию ее создания, включая описание использованного алгоритма, исходных данных и сделанных допущений.

Во-вторых, перед демонстрацией визуализации суду должно быть дано явное предупреждение о том, что демонстрируемый материал не является доказательством и представляет собой интерпретацию стороной исследованных в судебном следствии обстоятельств.

В-третьих, противоположная сторона должна иметь право заявить ходатайство о назначении экспертизы достоверности визуализации, если имеются основания полагать, что она искажает установленные обстоятельства.

Зарубежный опыт регулирования проблемы deepfakes в судебном разбирательстве свидетельствует о необходимости проактивного подхода судей к управлению потенциальными проблемами, связанными с AI-генерированными материалами. Исследователи предлагают судьям требовать от сторон поднимать потенциальные вопросы, связанные с AI-генерированными материалами, в ходе досудебных конференций, что позволяет сторонам получить необходимую информацию, нанять экспертов и обеспечить достаточное время для проведения слушаний по этим вопросам [5].

Первым элементом процессуального механизма должно стать введение института обязательного предварительного раскрытия информации о намерении использовать AI-визуализацию. Представляется целесообразным дополнить ч. 3 ст. 292 УПК РФ положением о том, что сторона, намеревающаяся использовать в судебных прениях материалы, созданные с применением технологий искусственного интеллекта, обязана уведомить об этом суд и противоположную сторону не позднее окончания судебного следствия. К уведомлению должны прилагаться сведения о технологии создания визуализации, исходных данных, использованных алгоритмах и методологических допущениях.

Вторым ключевым элементом должен стать институт специалиста по AI-визуализациям. Представляется необходимым расширить полномочия специалиста применительно к новым технологическим реалиям. Предлагаем дополнить главу 37 УПК РФ статьей, предусматривающей право суда по ходатайству стороны или по собственной инициативе привлечь специалиста для дачи пояснений относительно процесса создания AI-визуализации, степени ее соответствия исходным данным, наличия технических искажений или методологических погрешностей. Специалист в данном случае выполняет функцию технического посредника между стороной, использующей сложную технологию, и судом, который должен понимать природу демонстрируемого материала. Пояснения специалиста не имеют доказательственного значения, но позволяют суду критически оценить визуализацию как инструмент аргументации стороны.

Третьим процессуальным механизмом должна стать процедура предупреждения суда о природе демонстрируемого материала. Часть 4 ст. 292 УПК РФ целесообразно дополнить следующим положением: при использовании в судебных прениях визуализаций, созданных с применением технологий искусственного интеллекта, участник прений обязан предварить демонстрацию материала устным заявлением о том, что демонстрируемое изображение не является доказательством и представляет собой интерпретацию стороной обстоятельств,

установленных в ходе судебного следствия. Председательствующий обязан разъяснить присутствующим лицам, что визуализация не обладает доказательственной силой и не может служить самостоятельным основанием для выводов суда.

Четвертым элементом процессуального механизма должна стать возможность назначения контрольной экспертизы достоверности визуализации. Представляется необходимым предоставить противоположной стороне право заявить ходатайство о назначении экспертизы, предметом которой выступает соответствие AI-визуализации исходным данным, корректность примененной методологии и отсутствие искажений установленных обстоятельств. Такая экспертиза должна проводиться специалистами в области компьютерных технологий и искусственного интеллекта, обладающими необходимыми компетенциями для анализа алгоритмов генерации изображений.

Пятым элементом должна стать обязанность суда отразить в приговоре факт использования AI-визуализации. УПК РФ целесообразно дополнить требованием указывать на использование сторонами визуализаций, созданных с применением искусственного интеллекта, с разъяснением того, каким образом суд учитывал или не учитывал данные материалы при формировании выводов по делу. Такая мотивировка обеспечивает прозрачность процесса судейского познания и создает основу для проверки приговора в апелляционном порядке.

Центральной проблемой использования AI-генерированных визуализаций в судебном разбирательстве выступает их потенциальное воздействие на процесс формирования внутреннего убеждения суда. Принцип свободной оценки доказательств предполагает, что судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Однако когнитивная психология и нейронаука последних десятилетий существенно скорректировали представления о механизмах человеческого познания и принятия решений. Эмпирические исследования демонстрируют, что судьи, несмотря на профессиональную подготовку и опыт, в равной степени подвержены когнитивным искажениям при принятии решений, включая эффекты якорения, фрейминга и избирательного восприятия информации [4].

Визуальная информация обрабатывается человеческим мозгом принципиально иначе, нежели вербальная или текстовая информация. Зрительные образы воспринимаются быстрее, запоминаются прочнее и оказывают более сильное эмоциональное воздействие. Данное обстоятельство создает фундаментальную асимметрию между визуальными и вербальными способами представления информации в судебном разбирательстве. Особенность визуального восприятия заключается в том, что оно создает у наблюдателя ощущение непосредственности познания. Когда человек видит изображение события, у него возникает иллюзия присутствия, прямого наблюдения происходящего. Данный эффект многократно усиливается при демонстрации видеоматериалов, которые воспроизводят не только пространственные характеристики события, но и его временную динамику. Реалистичная видеовизуализация преступления создает у суда впечатление, что он непосредственно наблюдал развитие событий, хотя на самом деле он воспринимает лишь искусственно сконструированную модель. Эта иллюзия непосредственности вступает в противоречие с опосредованным характером судейского познания в уголовном процессе. Суд не может наблюдать событие преступления непосредственно, поскольку это событие относится к прошлому. Судейское познание осуществляется через доказательства, которые представляют собой следы-отражения прошедшего события. Критическая оценка доказательств предполагает осознание их опосредованного характера, понимание того, что каждое доказательство может содержать искажения, пробелы, субъективные интерпретации. Визуализация же создает ложное ощущение непосредственности, что подавляет критическое мышление и снижает способность суда к рациональной оценке.

Более того, исследования визуального внимания в контексте правовых решений демонстрируют, что субъекты принятия решений избирательно фокусируются на перцептивно заметных элементах визуальных доказательств, переоценивая их значение в последующих причинных объяснениях. Установлено, что лица, принимающие решения, склонны искать единственное, достаточное и заметное объяснение поведения, и что причинные атрибуции часто модулируются заметными стимулами. Даже при наличии всей релевантной информации лица, принимающие решения, могут селективно концентрироваться на тех характеристиках ситуации, которые перцептивно выделяются, и переоценивать важность этой информации в последующих причинных объяснениях [2]. Применительно к AI-визуализациям данный

эффект означает, что суд может непропорционально сфокусироваться на визуально ярких элементах «сгенерированной сцены», придавая им большее доказательственное значение, чем они заслуживают с точки зрения совокупности исследованных доказательств. Визуальная заметность определенных элементов в AI-визуализации может быть результатом не их фактической значимости, а особенностей алгоритма генерации или сознательного выбора стороны, создающей визуализацию.

Критической проблемой выступает то обстоятельство, что современные технологии генеративного искусственного интеллекта достигли такого уровня реализма, что отличить AI-генерированный видеоматериал от подлинной видеозаписи становится затруднительным даже для специалистов без применения специальных технических средств анализа. Гиперреалистичность AI-визуализаций создает риск того, что суд будет воспринимать демонстрируемый материал не как интерпретацию стороны, а как объективное отражение действительности.

Все указанные обстоятельства ставят вопрос о пределах допустимого использования AI-визуализаций в судебном разбирательстве. Представляется, что не всякая визуализация должна допускаться в судебных прениях, даже при соблюдении процедурных требований раскрытия информации и предупреждения суда. Необходима разработка содержательных критериев допустимости визуализаций, основанных на оценке степени их потенциального искажающего воздействия на формирование судьейского убеждения.

Первым критерием должна выступать степень детализации визуализации. Чем более детализированным и конкретным является визуальный образ, тем сильнее эффект иллюзии непосредственности и тем выше риск подавления критического мышления. Визуализация, содержащая множество конкретных деталей, которые не установлены доказательствами, а лишь домыслены алгоритмом искусственного интеллекта, должна признаваться недопустимой. Допустимая визуализация должна ограничиваться демонстрацией лишь тех элементов события, которые непосредственно подтверждены исследованными доказательствами, при этом неустановленные элементы должны обозначаться условными схематичными изображениями.

Вторым критерием должна быть степень эмоциональной нагруженности визуализации. Исследования показывают, что «визуальные» доказательства могут провоцировать непропорциональные эмоциональные реакции, которые искажают процесс рационального анализа [3]. Визуализация, которая акцентирует внимание на жестокости преступления, страданиях потерпевшего или иных эмоционально заряженных аспектах, выходит за пределы легитимной аргументации и превращается в инструмент манипулятивного воздействия на судьейское восприятие. Допустимая визуализация должна носить нейтральный, информативный характер, фокусируясь на пространственных и временных характеристиках события без акцентирования эмоциональных компонентов.

Третьим критерием должна выступать степень соответствия визуализации совокупности исследованных доказательств. Визуализация не может выходить за рамки версии, основанной на доказательствах. Если визуализация содержит элементы, которые противоречат хотя бы одному из исследованных доказательств или включает обстоятельства, относительно которых доказательства отсутствуют, такая визуализация должна признаваться недопустимой. Суд обязан оценивать визуализацию на предмет ее соответствия доказательственной базе и отклонять те материалы, которые выходят за рамки доказанного.

Перспективное внедрение технологий искусственного интеллекта в практику судебного разбирательства актуализирует проблему технологического неравенства сторон уголовного процесса. Создание качественной AI-визуализации требует значительных материальных и технических ресурсов. Необходимо обеспечить доступ к современным генеративным алгоритмам, обладать компетенциями в области их применения, иметь возможность обработки больших объемов данных. Сторона обвинения, представленная органами государства, располагает несопоставимо большими ресурсами для привлечения специалистов и использования технологий по сравнению со стороной защиты, особенно когда речь идет о защите малоимущих обвиняемых, пользующихся услугами назначенных адвокатов. Данная асимметрия создает опасность трансформации состязательного процесса в технологически неравное противостояние. Если сторона обвинения получает возможность демонстрировать суду реалистичную видеовизуализацию своей версии события, подкрепленную авторитетом современных технологий, в то время как сторона защиты ограничена традиционными вербальными средствами аргументации, то формальное равенство процессуальных прав утрачивает содержательное наполнение. Психологическое воздействие визуализации

настолько превосходит силу словесной аргументации, что последняя оказывается неспособной эффективно противостоять визуальному образу.

Проблема технологического неравенства не ограничивается созданием визуализаций, но распространяется и на возможность их критического анализа. Например, проблематика обнаружения deepfakes в уголовном процессе в рамках обеспечения справедливого доступа к инструментам детекции представляет значительный вызов: прокуроры могут обладать ресурсами для доступа к передовым технологиям обнаружения deepfakes, в то время как сторона защиты таким доступом не обладает. Это создает проблемы в контексте равенства процессуальных возможностей сторон. Если сторона обвинения может использовать дорогостоящие технологии для создания убедительных визуализаций и одновременно обладает средствами для обнаружения недостатков в визуализациях защиты, создается фундаментальная процессуальная асимметрия.

Проблема усугубляется тем, что суд, не обладая специальными познаниями в области технологий искусственного интеллекта, может некритически воспринимать визуализацию как продукт объективного научного метода. Технологическая сложность процесса создания визуализации создает ореол научности и достоверности, который психологически повышает убедительность демонстрируемого материала. Если сторона защиты не имеет возможности создать альтернативную визуализацию или привлечь специалиста для критического анализа методологии, она оказывается в положении процессуальной незащитности перед технологическим превосходством обвинения. Разрешение данной проблемы требует законодательного закрепления механизмов компенсации технологического неравенства. Представляется необходимым дополнить ст. 51 УПК РФ положением о праве защитника ходатайствовать о назначении специалиста за счет средств федерального бюджета для создания альтернативной визуализации или проведения критического анализа визуализации, представленной стороной обвинения. Данное право должно реализовываться в случаях, когда обвиняемый не имеет достаточных средств для самостоятельного привлечения специалистов, а использование визуализации стороной обвинения создает существенное процессуальное неравенство. Кроме того, необходимо закрепить обязанность суда при принятии решения о допустимости использования AI-визуализации учитывать фактор процессуального равенства сторон. Если использование визуализации одной стороной создает существенное неравенство, которое не может быть компенсировано процессуальными средствами, суд должен обладать правом ограничить или запретить демонстрацию такого материала. Данное полномочие должно реализовываться не как цензура содержания аргументации, а как обеспечение справедливых условий состязательного процесса.

При оценке наличия существенного процессуального неравенства суд должен учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, сложность и техническую изощренность визуализации: чем более сложной является технология, использованная для создания визуализации, тем труднее противоположной стороне оспорить ее без доступа к сопоставимым технологическим ресурсам. Во-вторых, наличие у противоположной стороны реальной возможности получить доступ к специалистам, способным проанализировать методологию визуализации. В-третьих, достаточность времени, предоставленного противоположной стороне для подготовки ответа на визуализацию. В-четвертых, степень влияния визуализации на восприятие обстоятельств уголовного дела: чем более центральное значение имеет визуализируемый эпизод для разрешения уголовного дела, тем выше требования к обеспечению процессуального равенства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. An Explanation for Camera Perspective Bias in Voluntariness Judgment for Video-Recorded Confession: Suggestion of Cognitive Frame // *Law and Human Behavior*. 2011. Vol. 35. № 6.
2. Fariña F., Arce R., Novo M. Cognitive Bias and Judicial Decisions // *Much ado about crime* / ed. by M. Vanderhallen et al. Brussels: Uitgeverij Politeia NV, 2003.
3. Feigenson N. Visual Evidence // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2010. Vol. 17. № 2.
4. Guthrie C., Rachlinski J.J., Wistrich A.J. Judging by Heuristic: Cognitive Illusions in Judicial Decision Making // *Judicature*. 2002. Vol. 86. № 1.
5. Linna D. Jr., Dalal A., Gao C., Grimm P., Grossman M., Pulice C., Subrahmanian V.S., Tunheim J. Deepfakes in Court: How Judges Can Proactively Manage Alleged AI-Generated Material in National Security Cases // *Northwestern Law & Econ Research Paper*. 2024. № 24-18.
6. Palmiotto F. Detecting Deep Fake Evidence with Artificial Intelligence: A Critical Look from a Criminal Law Perspective [Electronic resource] // *SSRN Electronic Journal*. 2023. March 10. 15 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4384122.

REFERENCES

1. An Explanation for Camera Perspective Bias in Voluntariness Judgment for Video-Recorded Confession: Suggestion of Cognitive Frame // *Law and Human Behavior*. 2011. Vol. 35. № 6.
2. Fariña F., Arce R., Novo M. Cognitive Bias and Judicial Decisions // *Much ado about crime* / ed. by M. Vanderhallen et al. Brussels: Uitgeverij Politeia NV, 2003.
3. Feigenson N. Visual Evidence // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2010. Vol. 17. № 2.
4. Guthrie C., Rachlinski J.J., Wistrich A.J. Judging by Heuristic: Cognitive Illusions in Judicial Decision Making // *Judicature*. 2002. Vol. 86. № 1.
5. Linna D. Jr., Dalal A., Gao C., Grimm P., Grossman M., Pulice C., Subrahmanian V.S., Tunheim J. Deepfakes in Court: How Judges Can Proactively Manage Alleged AI-Generated Material in National Security Cases // *Northwestern Law & Econ Research Paper*. 2024. № 24-18.
6. Palmiotto F. Detecting Deep Fake Evidence with Artificial Intelligence: A Critical Look from a Criminal Law Perspective [Electronic resource] // *SSRN Electronic Journal*. 2023. March 10. 15 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4384122.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Р. В. Костенко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета. 350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

А. Н. Ильяшенко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета. 350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

R. V. Kostenko – Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Kuban State University. 149, Stavropol St., Krasnodar 350040 Russian Federation.

A. N. Ilyashenko – Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Kuban State University. 149, Stavropol St., Krasnodar 350040 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 21.01.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 21.01.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 343.982:351.745.7**ГЕНОМНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ:
SNP-АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ****Юлия Григорьевна Кулешова**Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
julya_kuleshova@mail.ru

Введение: статья посвящена анализу современных и перспективных молекулярно-генетических подходов, применяемых в судебно-генетической экспертизе для целей идентификации личности. Особое внимание уделено SNP-анализу и его сочетанию с традиционными STR-маркерами. Рассматриваются возможности применения этих методов при исследовании деградированной ДНК и оценка допустимости результатов судебно-генетической экспертизы в качестве доказательств, обладающих достаточной силой в уголовном судопроизводстве.

Материалы и методы: использованы диалектический и аналитический подходы, методы логической дедукции и сравнительный анализ. Проведен обзор технологий генотипирования (MALDI-TOF, реал-тайм ПЦР, аллель-специфическая ПЦР, NGS, микрочиповые платформы) и оценка их применимости в судебно-экспертной практике. Проведен сравнительный анализ STR- и SNP-маркерных систем, а также современных методов генотипирования, включая технологии секвенирования нового поколения и автоматизированные биоинформационные платформы.

Результаты исследования: выявлены основные преимущества и ограничения STR- и SNP-маркеров в судебно-генетической экспертизе. Установлено, что STR-анализ остается общепринятым стандартом криминалистической идентификации, однако его эффективность снижается при исследовании деградированного генетического материала. Показано, что SNP-анализ, обладает высоким потенциалом при анализе сильно разрушенных биологических образцов. Обоснована целесообразность комбинированного применения STR- и SNP-маркеров с учетом качества исследуемого материала.

Выводы и заключения: дальнейшее развитие судебно-генетической экспертизы связано преимущественно с внедрением современных методов анализа и интерпретации генетических данных. Однонуклеотидные полиморфизмы в ближайшей перспективе целесообразно рассматривать как дополнение к STR-анализу и, в отдельных случаях, как его эффективную альтернативу при исследовании деградированного биологического материала. Расширение референсных баз и унификация биоинформатических алгоритмов создают предпосылки для повышения доказательственной значимости и процессуальной применимости судебно-генетических заключений.

Ключевые слова: молекулярно-генетическая идентификация, SNP, STR, NGS, судебно-генетическая экспертиза, идентификация личности, фенотипическое прогнозирование, биоинформационные платформы, деградированная ДНК, процессуальная оценка доказательств

Для цитирования: Кулешова Ю. Г. Геномные технологии в судебной экспертизе: SNP-анализ и оценка доказательственной информации // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 154–159.

Original paper**GENOMIC TECHNOLOGIES IN FORENSIC EXPERTISE: SNP ANALYSIS AND
EVALUATION OF EVIDENTIAL INFORMATION****Yulia Grigoryevna Kuleshova**Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don,
Russian Federation

Introduction: this article analyzes current and emerging molecular genetic approaches used in forensic genetic testing for identification purposes. Particular attention is paid to SNP analysis and its combination with traditional STR markers. The potential application of these methods in the study of degraded DNA and the assessment of the evidentiary value of results in criminal proceedings is discussed.

© Кулешова Ю.Г., 2026

Materials and methods: dialectical and analytical approaches, logical deduction methods, and comparative analysis were used. A review of genotyping technologies (MALDI-TOF, real-time PCR, allele-specific PCR, NGS, microarray platforms) and an assessment of their applicability in forensic practice were conducted. A comparative analysis of STR and SNP marker systems, as well as modern genotyping methods, including next-generation sequencing technologies and automated bioinformatics platforms, was conducted.

Results of the study: the main advantages and limitations of STR and SNP markers in forensic genetic examination were identified. It was established that STR analysis remains the generally accepted standard for forensic identification; however, its effectiveness is reduced when examining degraded genetic material. SNP analysis was shown to have high potential for analyzing heavily degraded biological samples. The feasibility of the combined use of STR and SNP markers, taking into account the quality of the material being examined, was substantiated.

Findings and conclusions: the further development of forensic genetic examination is primarily associated with the implementation of modern methods for analyzing and interpreting genetic data. In the near future, single-nucleotide polymorphisms should be considered as a complement to STR analysis and, in certain cases, as an effective alternative when examining degraded biological material. The expansion of reference databases and the standardization of bioinformatics algorithms create the preconditions for increasing the evidentiary value and procedural applicability of forensic genetic findings.

Keywords: molecular genetic identification, SNP, STR, NGS, forensic genetic examination, personal identification, phenotypic prediction, bioinformatics platforms, degraded DNA, procedural assessment of evidence

For citation: Kuleshova Yu. G. Genomic Technologies in Forensic Examination: SNP Analysis and Evaluation of Evidential Information // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 154–159.

Полиморфизм представляет собой одну из фундаментальных характеристик человеческого генома и служит основой его индивидуальной уникальности. Именно наличие устойчивых генетических различий между индивидуумами обеспечивает возможность применения методов ДНК-идентификации в судебно-генетической экспертизе. Генетическая вариабельность формируется в результате различных типов мутаций, включая однонуклеотидные замены, инсерции и делеции, а также вариации числа tandemных повторов, к которым относятся мини- и микросателлитные последовательности. Разнообразие генетических вариаций у человека стало основой для формирования системы молекулярно-генетических маркеров, которые позволяют надежно фиксировать индивидуальные различия между людьми. Эти маркеры постепенно закрепились в практике судебно-генетических исследований и нашли самое широкое применение в криминалистике. С их помощью идентифицируют личности, устанавливают биологическое родство, исследуют неопознанные останки, а также решают другие задачи, возникающие при расследовании уголовных дел. Особое значение данные маркеры приобретают при повторном анализе материалов по нераскрытым преступлениям прошлых лет, где применение современных молекулярно-генетических подходов позволяет получить дополнительную доказательственную информацию и повысить эффективность расследования.

Среди существующих маркерных систем наибольшее практическое распространение в настоящее время получили микросателлиты, известные как Simple Sequence Repeats (SSR) или Short Tandem Repeats (STR). Они представлены ди-, три- и тетра-нуклеотидными мотивами (например, (CA)_n, (GAT)_n, (AATG)_n), где *n* соответствует количеству повторов) и характеризуются высоким уровнем полиморфизма. Высокая дискриминирующая способность STR-маркеров сочетается с относительной технологической простотой их анализа и хорошей воспроизводимостью результатов. Такое сочетание характеристик делает эти маркерные системы удобными для рутинного применения в экспертной практике. Именно по этой причине STR-локусы сохраняют устойчивое положение в современной судебно-генетической экспертизе. На сегодняшний день они фактически выполняют роль базового инструмента криминалистической идентификации и рассматриваются как общепринятый стандарт в данной области.

Вместе с тем применение STR-маркерных систем не лишено недостатков, имеющих значение и для правовой оценки результатов экспертизы. Так, при анализе ди- и тринуклеотидных STR-локусов нередко образуются так называемые stutter-фрагменты (артефактные продукты амплификации). Их доля может достигать 20–30 %, что усложняет интерпретацию ДНК-профилей и требует от эксперта дополнительного анализа и обоснования выводов. По этой причине в судебно-генетической практике чаще применяются тетра-нуклеотидные STR-локусы, для которых характерно меньшее количество побочных амплификационных продуктов (как правило, не более 15 %). Это повышает надежность результатов и снижает риск неоднозначного толкования данных. Тем не менее, использование указанных генетических маркеров имеет определенные ограничения.

Их применение затруднено при исследовании деградированных биологических образцов. Биологические объекты, изымаемые с мест совершения преступлений, нередко подвергаются воздействию неблагоприятных факторов окружающей среды, таких как высокая температура, повышенная влажность и ультрафиолетовое излучение, что приводит к частичной или полной деградации генетического материала. В результате существенно снижается вероятность успешной амплификации целевых участков ДНК и, как следствие, становится невозможным получение полноценного генетического профиля, пригодного для целей идентификации личности.

Несмотря на развитие лабораторных методик и повышение чувствительности современных ДНК-анализов, STR-системы, основанные на амплификации относительно крупных фрагментов ДНК, сохраняют ограниченную эффективность при работе с сильно поврежденным генетическим материалом. В этих условиях очевидна необходимость поиска и внедрения альтернативных генетических маркерных систем. Их задача заключается не в повышении дискриминирующей способности существующих методик, а в обеспечении успешной амплификации деградированных образцов. Это позволяет расширить аналитические возможности судебно-генетической экспертизы. Указанное обстоятельство обуславливает целесообразность использования новых типов генетических маркеров, адаптированных к анализу существенно разрушенного генетического материала. В этом контексте значительный интерес в современной криминалистической практике представляет однонуклеотидный полиморфизм (Single Nucleotide Polymorphism, SNP). Однонуклеотидные полиморфизмы (SNP) представляют собой точечные изменения в последовательности ДНК, затрагивающие отдельные нуклеотидные позиции. Особенность данных маркеров заключается в возможности их применения при исследовании существенно деградированного биологического материала [1]. Это связано с тем, что для генотипирования SNP требуется амплификация коротких фрагментов ДНК, что повышает вероятность получения воспроизводимых и интерпретируемых результатов даже при значительной фрагментации генетического материала. Указанное обстоятельство определяет практическую значимость SNP-маркеров в судебно-генетической экспертизе при анализе объектов, подвергшихся интенсивному разрушению, в случаях, когда применение стандартных STR-методов оказывается затруднительным либо невозможным.

Основным фактором, ограничивающим широкое внедрение SNP-маркеров в судебно-экспертную практику, остается их относительно низкая индивидуализирующая способность. В отличие от STR-локусов, SNP являются двухаллельными маркерами, что обуславливает необходимость анализа значительно большего числа локусов для достижения сопоставимого уровня дискриминации. Так, для получения вероятности случайного совпадения, эквивалентной панели из 13 STR-локусов, требуется исследование порядка 60 независимых SNP [2]. Некоторыми авторами проведена оценка панелей, разработанных как для целей криминалистической идентификации, так и для установления родства второй степени, состоящих из 165, 175 и 472 SNP [3; 5]. Увеличение числа анализируемых локусов неизбежно приводит к существенному росту объемов обрабатываемых генетических данных, что, в свою очередь, обуславливает необходимость внедрения современных автоматизированных биоинформационных систем их обработки и интерпретации. Значительный вклад в развитие таких подходов внес международный проект HarMap. В рамках этого проекта была создана детальная карта гаплотипов человека и идентифицированы устойчивые блоки совместного наследования SNP близко расположенных в одной хромосоме (гапоблоки), обладающие более высокой дискриминационной способностью по сравнению с одиночными маркерами [6].

В настоящее время существует широкий спектр высокотехнологичных методов генотипирования SNP. К ним относятся масс-спектрометрия (MALDI-TOF MS), ПЦР в реальном времени, аллель-специфическая ПЦР, секвенирование нового поколения (NGS), микрочиповые технологии и др. Каждый из указанных методов обладает специфическими техническими характеристиками и ограничениями, которые в различной степени влияют на их пригодность для решения идентификационных задач, особенно при исследовании деградированного биологического материала.

Так, MALDI-TOF масс-спектрометрия обеспечивает высокую точность генотипирования SNP, но ее применение ограничено сложностью подготовки проб, высокой чувствительностью к загрязнениям и низкой эффективностью при анализе деградированной ДНК. Реал-тайм и аллель-специфическая ПЦР отличаются быстротой и простотой, однако характеризуются низкой мультиплексностью (анализируют небольшое количество SNP на реакцию) и используются в основном как вспомогательные методы. Микрочиповые технологии обеспечивают параллельное генотипирование множества SNP, но требуют значительного количества и высокого качества ДНК. Кроме того, метод ограничен исследованием уже известных SNP и не позволяет обнаруживать новые генетические вариации. Секвенирование нового поколения позволяет одновременно анализировать большое количество генетических маркеров, в том числе при исследовании сильно деградированного биологического материала.

Данная технология обеспечивает получение генетической информации даже при наличии фрагментированной ДНК и ограниченного количества исходного материала. Вместе с тем применение методов секвенирования нового поколения сопровождается формированием и обработкой значительных массивов цифровых данных, интерпретация которых невозможна без использования специализированного программного обеспечения и стандартизированных алгоритмов анализа. В связи с этим возрастает необходимость строгой проверки корректности полученных результатов (верификации) и соблюдения единых, стандартизированных методических подходов при их анализе и интерпретации. Это направлено на минимизацию технических и интерпретационных ошибок, а также на обеспечение воспроизводимости результатов различными экспертами и лабораториями. Корректная верификация и применение единых методик обеспечивают объективность экспертных выводов и определяют допустимость результатов судебно-генетической экспертизы в качестве доказательств, обладающих достаточной силой в уголовном судопроизводстве.

Несмотря на то, что секвенирование нового поколения рассматривается как один из наиболее перспективных подходов к генотипированию SNP, его широкое внедрение в практическую криминалистику сдерживается высокой стоимостью и сложностью аналитических процедур. Существенным ограничением также является необходимость использования обширных и структурированных референсных баз данных, без которых корректная интерпретация результатов существенно затруднена. В настоящее время рядом организаций разработаны открытые специализированные информационные ресурсы, предназначенные для анализа и хранения сведений о полиморфизмах типа SNP. Эти платформы позволяют пользователям загружать собственные генотипические данные, делиться фенотипической информацией, находить генетически схожих пользователей (наиболее значимые из них: dbSNP (NCBI); ClinVar; F-SNP; SNPedia, GWAS Catalog, 1000 Genomes Project).

Таким образом, переход от ограниченных SNP-панелей к расширенным наборам маркеров сопровождается существенным ростом объема генетической информации, что требует пересмотра подходов к ее анализу и интерпретации. В этих условиях выбор технологической платформы приобретает ключевое значение не только с точки зрения чувствительности и воспроизводимости результатов, но и с позиции их автоматизированной обработки, верификации и последующего процессуального использования. Это позволяет сделать вывод о том, что дальнейшее развитие SNP-анализа в криминалистике обусловлено не столько количественным расширением панелей маркеров, сколько внедрением современных информационно-аналитических систем, обеспечивающих надежность, проверяемость и процессуальную состоятельность экспертных заключений.

Поскольку STR-анализ остается международно признанным стандартом криминалистической идентификации, SNP в обозримом будущем могут использоваться преимущественно в качестве дополнения. Использование комбинированного подхода в судебно-генетической диагностике открывает новые возможности для экспертного анализа, позволяя не только дополнять традиционные STR-маркеры, но в ряде случаев и эффективно заменять их. Такой подход включает анализ SNP с использованием NGS или аллель-специфической ПЦР, а также исследование митохондриальной или Y-хромосомной ДНК при отсутствии ядерной ДНК или для установления родства.

Качественная и количественная оценка ДНК на предварительных этапах работы с биологическими объектами позволит определить оптимальную стратегию анализа:

- при хорошем качестве и достаточном количестве ДНК применяется стандартный STR-анализ с использованием капиллярного электрофореза;
- при недостаточном количестве или деградированной ДНК целесообразно использовать SNP-анализ через NGS (например, Illumina MiSeq FGx, Ion Torrent) либо аллель-специфическую ПЦР (Illumina MiSeq FGx, Ion Torrent);
- в случае сильной деградации ДНК рекомендуется исследование митохондриального генома (например, hVI и hVII регионы) с помощью методов Sanger-секвенирования или NGS, а также анализ Y-хромосомы, особенно при установлении мужского родства.

В зарубежной судебно-генетической практике применяются коммерческие SNP-панели, объединяющие маркеры для идентификации личности, оценки фенотипа и биогеографической принадлежности (Thermo Fisher Precision ID Identity Panel, ForenSeq DNA Signature Prep Kit (Illumina), EUROFORGEN Global AIM-SNP panel, MGIEasy Forensic SNP Panel). Их использование расширяет возможности экспертизы, позволяя одновременно анализировать разные типы ДНК и получать более полную информацию о биологическом объекте.

В отечественной практике разработаны и запатентованы SNP-панели, ориентированные на идентификацию личности и вероятностное определение этногеографического происхождения в пределах российской популяции [7].

Использование таких панелей значительно расширяет возможности судебно-генетической экспертизы, обеспечивая более полное представление о генетическом профиле, родственных

связях, этнической принадлежности и других характеристиках личности на основе ДНК.

Одним из перспективных направлений использования SNP-маркеров в судебно-генетической идентификации является реконструкция внешности на основе ДНК, известная как Forensic DNA Phenotyping (FDP). Этот подход позволяет на основе генетических маркеров предсказывать ряд фенотипических признаков, включая цвет глаз, волос и кожи, отдельные особенности строения лица, наличие веснушек, форму мочки уха, ведущую руку и склонность к облысению. Современные исследования демонстрируют рост точности таких прогнозов, что делает FDP особенно актуальным в ситуациях, когда традиционные методы, основанные на STR-профилировании, неэффективны [8]. Активное внедрение технологий искусственного интеллекта, анализ больших данных и использование биоинформатических методов формируют прочную научную базу для дальнейшего совершенствования подходов в области судебного фенотипирования. Тем не менее, стоит учитывать, что внешность человека определяется не только генетикой, но и множеством эпигенетических и социальных факторов. Генетические вариации могут по-разному проявляться в зависимости от образа жизни, медицинских вмешательств, гормонального фона или даже культурных предпочтений (например, окрашивание волос, изменение веса, пластические операции, смена пола и т. д.). В связи с этим реконструкция внешности по ДНК всегда будет носить прогностический, вероятностный характер, полученные изображения не могут считаться точными портретами, а лишь генетически обоснованными предположениями о внешнем облике человека [9]. Существующие коммерческие проекты по воссозданию внешности не являются идеальными. Вместе с тем по мере расширения и разнообразия баз данных ДНК, а также усложнения биоинформатических методов, возможности фенотипирования постепенно возрастают. Это создает предпосылки для дальнейшего устранения имеющихся ограничений и формирования научно-методической базы, необходимой для его более широкого применения правоохранительными органами в целях получения оперативно-справочной информации.

Проведенный анализ показывает, что исследование однонуклеотидных полиморфизмов (SNP) в последние годы приобретает все большую значимость в судебно-генетической практике. Если ранее данный подход использовался преимущественно в научно-исследовательских целях, то в настоящее время SNP-анализ рассматривается не только в качестве дополнительного инструмента к традиционным STR-маркерам, но и как потенциальная альтернатива им в ряде ситуаций.

В отличие от STR-маркеров, основанных на вариативности повторяющихся участков ДНК, SNP характеризуются точечными заменами отдельных нуклеотидов, которые отличаются высокой распространенностью и стабильностью. Указанные особенности обеспечивают лучшую сохранность SNP-маркеров при деградации генетического материала, что имеет принципиальное значение для судебно-экспертных исследований биологических объектов, изымаемых с мест происшествий. Существенный вклад в развитие данного направления внесло внедрение технологий секвенирования нового поколения (NGS) и автоматизированных высокопроизводительных платформ, повысивших точность, воспроизводимость и скорость анализа.

Дополнительные возможности интерпретации результатов обеспечиваются применением методов искусственного интеллекта и алгоритмов машинного обучения, которые позволяют эффективно обрабатывать большие объемы данных SNP и снижать влияние субъективного фактора при формировании экспертных выводов. В совокупности это повышает надежность получаемых результатов и расширяет сферу практического применения SNP-анализа в судебной генетике.

Наиболее перспективными направлениями использования SNP-анализа в судебно-экспертной деятельности являются идентификация личности, установление родственных связей, фенотипическая реконструкция внешних признаков, оценка этнического происхождения, а также анализ миграционных процессов и популяционных связей. Реализация указанных направлений способствует более полному использованию генетической информации при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел.

Таким образом, по мере расширения референсных баз SNP и совершенствования статистических и биоинформатических методов анализа следует ожидать дальнейшего повышения точности и информативности судебно-генетических исследований. Современные аналитические подходы, основанные на обработке больших массивов данных, открывают новые перспективы развития идентификационной геномики и формирования научно обоснованных экспертных заключений, отвечающих требованиям допустимости и доказательственной значимости в уголовном судопроизводстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dixon L.A., Dobbins A.E., et al. Analysis of artificially degraded DNA using STRs and SNPs: results of a collaborative European (EDNAP) exercise // Forensic Science International. 2006. Vol. 164. № 1.

2. Чемерис Д.А., Сагитов А.М., Аминев Ф.Г. Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности // Биомика. 2018. Т. 10. № 1.
3. Pereira V., Mogensen H.S., Børsting C., Morling N. Evaluation of the Precision ID Ancestry Panel for crime case work: a SNP typing assay developed for typing of 165 ancestry informative markers // Forensic Science International: Genetics. 2017. Vol. 28.
4. Li H., Zhao X., Ma K., et al. Applying massively parallel sequencing to paternity testing on the Ion Torrent Personal Genome Machine // Forensic Science International: Genetics. 2017. Vol. 31.
5. Mo S.K., Ren Z.L., Yang Y.R., et al. A 472-SNP panel for pairwise kinship testing of second-degree relatives // Forensic Science International: Genetics. 2018. Vol. 34.
6. Schneider P.M., et al. Haplotype blocks: a new type of forensic DNA markers // International Journal of Legal Medicine. 2010. Vol. 124. № 5.
7. Тяжелова Т.В., Андреева Т.В., Кузнецова И.Л. Способ получения молекулярных однонуклеотидных маркеров для идентификации неизвестного индивида методом мультиплексной амплификации для работы с образцами деградированной ДНК: пат. 2800083 Рос. Федерация. МПК C12Q 1/68, C12N 15/00. № 2021132744; заявл. 10.11.2021; опубл. 18.07.2023. Заявитель: ФГБУН Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН. EDN: XTCYKX.
8. Snapshot DNA Phenotyping Service // Parabon NanoLabs. URL: <https://snapshot.parabon-nanolabs.com/> (дата обращения: 15.01.2026).
9. Kayser M. Forensic DNA phenotyping: predicting human appearance from crime scene material for investigative purposes // Forensic Science International: Genetics. 2015. Vol. 18.

REFERENCES

1. Dixon L.A., Dobbins A.E., et al. Analysis of artificially degraded DNA using STRs and SNPs: results of a collaborative European (EDNAP) exercise // Forensic Science International. 2006. Vol. 164. № 1.
2. Chemeris D.A., Sagitov A.M., Aminev F.G., et al. Evolution of approaches to DNA identification of personality // Biomika. 2018. Vol. 10. № 1.
3. Pereira V., Mogensen H.S., Børsting C., Morling N. Evaluation of the Precision ID Ancestry Panel for crime case work: a SNP typing assay developed for typing of 165 ancestry informative markers // Forensic Science International: Genetics. 2017. Vol. 28.
4. Li H., Zhao X., Ma K., et al. Applying massively parallel sequencing to paternity testing on the Ion Torrent Personal Genome Machine // Forensic Science International: Genetics. 2017. Vol. 31.
5. Mo S.K., Ren Z.L., Yang Y.R., et al. A 472-SNP panel for pairwise kinship testing of second-degree relatives // Forensic Science International: Genetics. 2018. Vol. 34.
6. Schneider P.M., et al. Haplotype blocks: a new type of forensic DNA markers // International Journal of Legal Medicine. 2010. Vol. 124. № 5.
7. Tyazhelova T.V., Andreeva T.V., Kuznetsova I.L. Method for obtaining molecular single-nucleotide markers for identifying an unknown individual by multiplex amplification for working with degraded DNA samples: patent. 2800083 Russian Federation. IPC C12Q 1/68, C12N 15/00. № 2021132744; declared 10.11.2021; published 18.07.2023. Applicant: N.I. Vavilov Institute of General Genetics of the Russian Academy of Sciences. EDN: XTCYKX.
8. Snapshot DNA Phenotyping Service // Parabon NanoLabs. URL: <https://snapshot.parabon-nanolabs.com/> (дата обращения: 15.01.2026).
9. Kayser M. Forensic DNA phenotyping: predicting human appearance from crime scene material for investigative purposes // Forensic Science International: Genetics. 2015. Vol. 18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ю. Г. Кулешова – кандидат биологических наук, преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yu. G. Kuleshova – PhD in Biology, lecturer at the Department of Criminalistics and Operational-Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 28.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 004.9**БИОМЕТРИЯ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ВОЗМОЖНОСТИ, РИСКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ****Светлана Владимировна Лемайкина**

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, slemaikina2@mvd.ru

Введение: в связи с разнообразием преступной деятельности, точная и эффективная идентификация стала жизненно важным требованием для расследования преступлений. Биометрия – это фундаментальный механизм, который идентифицирует людей на основе их физиологических и поведенческих особенностей. Эффективность биометрической системы заключается в различных процессах распознавания, которые включают извлечение признаков, устойчивость признаков и сопоставление признаков. Автоматизация биометрии устраняет недостатки традиционной системы идентификации, основанной на личных вероятностях. Она рассматривается как фундаментальный сдвиг в способах выявления преступлений.

Материалы и методы: настоящая статья исследует архитектуру биометрической системы, категории, различные компьютеризированные методы идентификации человека на основе его физических и поведенческих характеристик.

Результаты исследования: результаты исследования показали, что ни одна биометрическая система не является «идеальным» инструментом распознавания, и выбор зависит от конкретного применения. Интеграция двух и более биометрических систем позволяет значительно повысить надежность и точность идентификации благодаря множественным биометрическим показателям.

Выводы и заключения: в ходе проведенного исследования установлено, что отдельная биометрическая система имеет свои ограничения, такие как чувствительность к внешним условиям или риск подделки. Мультимодальные системы решают эти проблемы, сочетая преимущества разных методов. Учитывая растущие вызовы в области идентификации и безопасности, мультимодальные биометрические системы активно развиваются и внедряются. Они представляют собой гибкое решение, адаптирующееся к изменяющимся условиям и требованиям.

Ключевые слова: биометрия, распознавание, идентификация, технология, биометрическая система, верификация

Для цитирования: Лемайкина С. В. Биометрия в борьбе с преступностью: возможности, риски и современные подходы // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 160–164.

Original paper**BIOMETRICS AGAINST CRIME: POTENTIALS, PERILS, AND PRESENT-DAY STRATEGIES****Svetlana Vladimirovna Lemaikina**

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: due to the diversity of criminal activity, accurate and effective identification has become a vital requirement for crime investigation. Biometrics is a fundamental mechanism that identifies individuals based on their physiological and behavioral characteristics. The effectiveness of a biometric system lies in various recognition processes, which include feature extraction, feature robustness, and feature matching. The automation of biometrics eliminates the shortcomings of traditional identification systems based on personal probabilities. It is considered a fundamental shift in how crimes are detected.

Materials and methods: this article explores the architecture of biometric systems, their categories, and various computerized methods for human identification based on physical and behavioral characteristics.

© Лемайкина С.В., 2026

Results of the study: the research results showed that no single biometric system is an “ideal” recognition tool, and the choice depends on the specific application. The integration of two or more biometric systems significantly enhances the reliability and accuracy of identification due to multiple biometric indicators.

Findings and conclusions: the conducted research established that individual biometric systems have their limitations, such as sensitivity to external conditions or the risk of spoofing. Multimodal systems address these challenges by combining the advantages of different methods. Given the growing challenges in identification and security, multimodal biometric systems are actively developing and being implemented. They represent a flexible solution that adapts to changing conditions and requirements.

Keywords: biometrics, recognition, identification, technology, biometric system, verification

For citation: Lemaikina S. V. Biometrics in the Fight Against Crime: Opportunities, Risks, and Modern Approaches // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 160–164.

Преступление – это общественно опасное деяние, нарушающее уголовное законодательство и наказуемое государством. Данное деяние, регулируемое законом, и его последствия в той или иной степени негативно сказываются на всех членах общества. Поэтому существует острая необходимость в точном и эффективном выявлении преступлений, что может помочь в борьбе с разнообразными видами преступной деятельности. Как показывает практика для расследования преступлений используются криминалистические методы в сочетании с традиционными подходами. Наука криминалистика начинается с точной идентификации, документирования (включая сбор заметок, фотографий, зарисовок и видеозаписей с места преступления), а также сбора и сохранения физических (например, отпечатки пальцев, следы ног, волокна, краска, отпечатки шин или обуви, оружие) и биологических доказательств (например, ДНК). С конца XIX века существуют несколько методов, таких как антропометрия и дактилоскопия, которые являются основными инструментами идентификации преступников. Для установления или индивидуализации личности преступника используют физические характеристики. На сегодняшний день криминалистика сталкивается в процессе раскрытия преступлений с такими проблемами как: недостаточность имеющихся улик, наличие мелких фрагментов физических или биологических следов, небольшие части отпечатков пальцев, следов обуви, фрагменты зубных характеристик, скрытые почерки и незаметные царапины краски. А так же большинство преступников используют свои знания для сокрытия или маскировки своей деятельности. И в результате человеческий потенциал сотрудников правоохранительных органов, оказывается неэффективным при изучении специфических свойств улик. Хочется отметить, что традиционные криминалистические методы идентификации и работа с большими данными являются длительными. Поэтому необходимо автоматизировать процедуру расследования преступлений, которая могла бы давать точные и надежные результаты.

Биометрия представляет собой метод идентификации личности на основе уникальных физических признаков каждого человека. Биометрические технологии способствуют раскрытию преступлений, связывая следы с лицами, хранящимися в базе данных, ранжируя личности и отбирая группы людей от которых мог произойти след. Биометрическая система представляет собой устройство распознавания образов, которое получает физические или поведенческие данные от человека, извлекает из них ключевые признаки, сравнивает этот набор признаков с набором признаков, хранящимся в базе данных, и выдает результат сравнения. Таким образом, архитектура унифицированной биометрической системы состоит из основных компонентов:

1. Подсистема захвата данных: система получает первичные биометрические данные, сканируя и считывая их. Так для идентификации отпечатков пальцев применяют оптический сканер. Качество исходных данных определяется характеристиками используемого сканирующего оборудования или камеры.

2. Подсистема обработки сигнала: в системе происходит оценка качества исходных данных. Затем эти данные подвергаются специальной обработке, направленной на улучшение сигнала и повышение их качества. После этого из обработанных данных извлекается набор ключевых характеристик, которые отражают исходные параметры. Этот набор характеристик сохраняется в базе данных и называется шаблоном.

3. Подсистема хранения данных: данная подсистема является ключевым компонентом биометрической системы, где хранятся данные. Во время регистрации шаблон, созданный из необработанных биометрических сведений, фиксируется в базе данных вместе с личными данными пользователя, такими как имя и адрес.

4. Подсистемы сравнения и принятия решений: в этих компонентах извлеченные данные сопоставляются с ранее сохраненными шаблонами, после чего определяется степень их

соответствия. На основании этого анализа подтверждается или ранжируется личность индивида [1].

Биометрические системы можно классифицировать на две основные категории в зависимости от способа их использования: верификация и идентификация.

В режиме идентификации система определяет личность человека, сканируя базу данных и сравнивая предоставленные биометрические данные с шаблонами всех зарегистрированных лиц. Этот процесс можно описать как поиск по принципу «один ко многим».

В режиме верификации система сравнивает биометрические данные конкретного человека с его личным шаблоном, хранящимся в базе данных. Этот метод также известен как сравнение «один к одному».

Первой автоматизированной биометрической системой стала система распознавания отпечатков пальцев, внедренная в 1960 году. Она использовала данные десяти пальцев для верификации личности. В 1980-х годах был разработан метод анализа ДНК, который позволил проводить верификацию на основе генетического материала. Этот метод требовал использования компьютеризированных баз данных ДНК.

В 1990-е гг., с развитием мобильной связи и технологий видеонаблюдения, биометрические системы, способные распознавать голос, лица и походку, приобрели широкую популярность. После 2001 года возрос интерес к «мягким» биометрическим данным, таким как рост, вес, телосложение, пол, цвет волос и кожи, а также особенности одежды. Этот интерес был связан с возможностью сбора таких данных в условиях, не требующих контроля [2].

Для криминалистических целей биометрический признак должен быть уникальным, отличительным и устойчивым к условиям места преступления. Поэтому в первую очередь на месте происшествия ищут отпечатки пальцев и биологические следы. Качество полученного образца, зависящее от условий его получения и окружающей среды на месте преступления, в значительной степени влияет на эффективность биометрической системы.

Биометрия отпечатков пальцев уже много веков применяется в криминалистике для идентификации личности. Их надёжность и уникальность делают этот метод одним из ключевых инструментов в раскрытии преступлений. Отпечаток представляет собой узор из борозд на подушечке пальца. Специалист по дактилоскопии оцифровывает или сканирует отпечаток, найденный на месте преступления. Алгоритмы биометрической системы выделяют все уникальные детали и точки гребней на исследуемом отпечатке. Эти характеристики сравниваются с данными из базы отпечатков пальцев. Крупнейшая интегрированная автоматизированная система идентификации отпечатков пальцев – это национальная система автоматической идентификации отпечатков пальцев и учета криминальной истории, поддерживаемая Федеральным бюро расследований. Автоматизированная дактилоскопическая информационная система «Папилон» является важным инструментом для правоохранительных органов России, позволяя эффективно решать задачи, связанные с идентификацией личностей и обеспечением правопорядка. «Папилон» обеспечивает функционирование электронной базы данных дактилоскопических карт и следов, а также автоматизацию процесса дактилоскопической идентификации [3].

Технология биометрического распознавания лиц играет важную роль в правоохранительной деятельности. Распознавание лиц – компьютерная система, которая автоматически идентифицирует человека по изображению или видео, сравнивая его с эталонным изображением лица, хранящимся в базе данных биометрических данных лиц. В марте 2017 г. президент Дональд Трамп подписал указ, направленный на ускорение внедрения биометрической проверки всех лиц, пересекающих границы Соединенных Штатов. В соответствии с этим документом, к 2021 году во всех 20 крупнейших аэропортах страны должна быть обеспечена стопроцентная идентификация пассажиров по биометрическим данным, включая граждан США. Министерство внутренней безопасности США активно работает над реализацией этих систем. Система распознавания лиц «Сфера», внедрённая в Министерстве внутренних дел России является передовым информационно-аналитическим средством, направленным на улучшение работы правоохранительных структур. Она успешно действует на территории Москвы и ряда других регионов и позволяет по биометрии идентифицировать лица, совершающих правонарушения, позволяя быстро эти правонарушения пресекать.

Дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК), представляющая собой цепочку нуклеотидов, которая находится в ядре наших клеток, может применяться как биометрический инструмент для идентификации неизвестных лиц или их биологических образцов. В криминалистике этот процесс называется криминалистическим ДНК-профилированием. В последние годы использование ДНК в расследовании преступлений значительно возросло, что существенно помогло правоохранительным органам в идентификации преступников и раскрытии сложных дел [4].

Технология биометрического распознавания радужной оболочки глаза представляет собой автоматизированный метод идентификации личности на основе уникального узора, присущего каждому человеку. Радужка – это кольцевая структура глаза, расположенная между зрачком и склерой (белой частью глазного яблока). В процессе распознавания цифровые модели радужки сравниваются с сохраненными в базе данных шаблонами.

В 2004 году правительство Великобритании инициировало программу IRIS (Iris Recognition Immigration System). Эта система позволила более чем миллиону зарегистрированных путешественников въезжать в страну через несколько британских аэропортов, используя исключительно автоматическое распознавание радужной оболочки для подтверждения личности вместо предъявления паспорта или других документов.

Биометрия голоса направлена на определение личности человека по его голосовым характеристикам. Этот метод часто применяется, когда голос является единственным доступным способом идентификации, например, при телефонных сообщениях о взрывах, вымогательстве в случаях похищения и других подобных ситуациях. Существуют два основных подхода: первый зависит от текста (распознавание на основе заранее заданных фраз), а второй – не зависит от содержания речи (распознавание независимо от того, что говорит человек).

Например, технология Voice ID от компании «AGNITIO» представляет собой инструмент голосовой биометрии, созданный для криминалистов и специалистов научной полиции. Она используется для верификации говорящего и находит применение в судебных процессах более чем в 35 странах. Измеряемые признаки в данном образце голоса являются биологическими и выражаются через фактическое звучание голоса подозреваемого, а не через форму произносимых им слов. Российский Центр речевых технологий, работающий в США под названием SpeechPro, изобрел «VoiceGrid Nation» – систему, использующую передовые алгоритмы для сопоставления личностей с голосами. Эта система позволяет правоохранительным органам создавать обширные базы данных, содержащие до нескольких миллионов голосов – как известных преступников, так и лиц, представляющих интерес, или находящихся в списках наблюдения. Проверка 10 000 голосов занимает всего пять секунд, при условии, что запись имеет приемлемое качество и длится более 15 сек. Эта технология применяется в Мексике.

Распознавание по походке – одна из новейших биометрических технологий, требующая детального изучения. Походка является поведенческой биометрией и зависит от множества факторов, таких как вес тела, тип поверхности для ходьбы, обувь, характер одежды и т. д.

Считается, что каждый человек печатает на клавиатуре уникальным образом. Эта биометрия также не отличается высокой степенью уникальности и отличительности для идентификации, но помогает в распознавании личности, предоставляя достаточную дискриминационную информацию. На паттерн нажатия клавиш также влияют эмоциональное состояние, положение клавиатуры, тип клавиатуры и т. д. Преимущество использования поведения при наборе текста для распознавания заключается в том, что его можно легко и незаметно наблюдать, пока человек вводит информацию.

Помимо этих биометрических технологий, правоохранительные органы и государственные структуры используют ряд других биометрических модальностей, таких как ушная раковина, стоматологические данные, геометрия руки и почерк, для решения различных вопросов, связанных с идентификацией и преступной деятельностью. В некоторых уголовных делах также важно установить этническую принадлежность преступника. Было проведено исследование по оценке этнической принадлежности по почерку. Эти биометрические признаки не очень отличительны и уникальны, поэтому они не используются для масштабной идентификации. Эти технологии помогают основным биометрическим признакам улучшить эффективность идентификации.

Очевидно, что ни одна биометрическая система не является «идеальным» инструментом распознавания, и выбор зависит от конкретного применения.

Мультимодальная биометрия позволяет интегрировать две или более биометрических систем распознавания и верификации для повышения требований к производительности идентификации. Эти системы более надежны благодаря наличию множественных биометрических доказательств. Мультимодальная система может представлять собой, например, комбинацию верификации отпечатков пальцев, распознавания лиц, верификации голоса и смарт-карты или любой другой комбинации биометрических данных. Эта усовершенствованная структура использует преимущества каждого отдельного биометрического метода и может применяться для преодоления некоторых ограничений одиночной биометрии.

Будущее, вероятно, за мультимодальными биометрическими системами, поскольку они решают ряд проблем, наблюдаемых в унимодальных системах. Мультимодальные системы способны интегрировать информацию на различных уровнях, наиболее популярным из

которых является объединение на уровне оценок совпадения. Помимо улучшения точности сопоставления, они также решают проблемы не универсальности и подделки.

Террористы, контрабандисты и нелегальные иммигранты получают доступ при пересечении международных границ, подделывая отпечатки пальцев и лица в случае использования одного биометрического признака. Поэтому с 1 декабря 2024 г. по 30 июня 2026 г. в России проводится эксперимент по сбору биометрических данных у иностранцев. На первом этапе, до 30 июня 2025 г., в зонах паспортного контроля аэропортов Шереметьево, Домодедово, Внуково, Жуковский и на пункте пропуска Маштаково иностранцев будут фотографировать и сканировать отпечатки пальцев. С 30 июня 2025 г. иностранные граждане, въезжающие без визы, смогут заранее подать заявление о поездке через мобильное приложение RuID. Для этого нужно будет создать цифровой профиль в приложении.

Точная и надежная идентификация является важной проблемой в расследовании преступлений. Биометрическое распознавание становится надежным научно обоснованным инструментом в процедуре расследования преступлений. Оно обладает потенциалом для раскрытия преступной деятельности. Рост разнообразия преступных действий и достижения в области биометрических технологий означают, что биометрия окажет более заметное влияние на раскрытие преступлений в ближайшем будущем. Однако можно ожидать значительных улучшений в системах распознавания, если последние достижения в прикладной математике, статистике и компьютерных науках будут внедрены в биометрическую науку.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ГОСТ ISO/IEC 24713-1-2013. Информационные технологии. Биометрия. Общие рекомендации по идентификации и верификации. Часть 1: Общие положения. М., 2013.
2. Частикова В.А., Титова А.А., Войлова Д. О. Аналитический обзор методов идентификации личности на основе биометрических характеристик // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2022. №1 (296).
3. Сафонов А.А. Современная автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2021.
4. Шестаков В.А., Повстаная А.М. Применение генетических исследований в идентификации личности преступника // Право и управление. 2024. № 1.

REFERENCES

1. GOST ISO/IEC 24713-1-2013. Information technology. Biometrics. General recommendations for identification and verification. Part 1: General provisions. M.: Publishing House, 2013.
2. Chastikova V.A., Titova A.A., Voylova D. O. Analytical review of methods for personal identification based on biometric characteristics // Bulletin of Adyghe State University. Series 4: Natural-Mathematical and Technical Sciences. 2022. №1 (296).
3. Safonov A.A. Modern automated dactyloscopic identification system of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Bulletin of Economic Security. 2021.
4. Shestakov V.A., Povstyanaya A.M. Application of genetic research in the identification of a criminal's identity // Law and Management. 2024. № 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. В. Лемайкина – старший преподаватель кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. V. Lemaikina – senior lecturer of the Department of Information Support of Internal Affairs Bodies. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 344015, Russian Federation, Rostov-on-Don, Eremenko St., 83.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 343.98

МЕТАМОРФОЗЫ ПОНЯТИЯ «ЛИЧНЫЙ СЫСК»: СТАНОВЛЕНИЕ ФОРМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Олег Александрович Ленёв

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация,
oleglenev2005@yandex.ru

Введение: в статье рассматривается становление понятия «личный сыск» и его роль в деятельности полицейских органов дореволюционной России. Сделана попытка отследить отражение в нормативно-правовых актах понятий сыска, личного сыска, розыска и доминирования какого-либо из них на определенных этапах развития правоохранительной деятельности, их связь с характером этой деятельности и средствами и методами борьбы с преступностью.

Материалы и методы: в ходе исследования применялись сравнительно-правовой и исторический методы, выводы и результаты сформулированы путем анализа исторического материала и синтеза закономерностей развития личного сыска как формы оперативно-розыскной деятельности.

Результаты исследования: выявлено несколько этапов формирования основных понятий оперативно-розыскной деятельности: от отсутствия правовой регламентации личного сыска до середины XVIII в., до перехода отдельных служб полиции исключительно на осуществление личного сыска, включающее в себя достаточно развитые средства и методы оперативно-розыскной деятельности.

Выводы и заключения: личный сыск формируется в течение длительного времени как форма сыскной деятельности, основанная на инициативе и индивидуальных действиях сотрудника полиции, осуществляющаяся на оценке оперативной обстановки и предусматривающая владение навыками перевоплощения, использованием средств маскировки и техники скрытого наблюдения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, розыск, сыск, личный сыск, история ОРД

Для цитирования: Метаморфозы понятия «личный сыск»: становление формы оперативно-розыскной деятельности // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 165–171.

Original paper

METAMORPHOSES OF THE «CONCEPT OF PERSONAL INVESTIGATION»: THE DEVELOPMENT OF A FORM OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITY

Oleg Alexandrovich Lenev

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod,
Russian Federation

Introduction: this article examines the development of the concept of personal investigation and its role in the activities of police agencies in pre-revolutionary Russia. An attempt is made to trace the reflection of the concepts of investigation, personal investigation, and search in regulatory legal acts, as well as the dominance of each of these concepts at certain stages of law enforcement development, as well as their connection with the nature of this activity and the means and methods of combating crime.

© Ленёв О.А., 2026

Materials and methods: the study utilized comparative legal and historical methods. Conclusions and results are formulated through an analysis of historical material and a synthesis of the patterns of development of personal investigation as a form of operational investigative activity.

Results of the study: several stages in the development of the basic concepts of operational investigative activity have been identified: from the absence of legal regulation of personal investigation until the mid-18th century, to the transition of certain police services exclusively to personal investigation, which includes fairly well-developed means and methods of operational investigative activity.

Findings and conclusions: personal investigation has evolved over a long period of time as a form of detective activity based on the initiative and individual actions of the police officer, relying on the ability to analyze and assess the operational situation, master covert surveillance skills, camouflage techniques and means, and the ability to transform and communicate with different people.

Keywords: operational investigative activity, search, investigation, personal investigation, history of operational investigative activities

For citation: Lenev O. A. Metamorphoses of the «concept of personal investigation»: the development of a form of operational investigative activity // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 1(116). Pp. 165–171.

В процессе обеспечения борьбы с преступностью на протяжении всей истории России вырабатывались особые приемы оперативно-розыскной деятельности и формировалась профессиональная терминология. Термин «личный сыск» и непосредственные приемы его проведения прошел процесс развития, сопряженный с попытками создать представление об этом понятии. Сыск, розыск, личный сыск – это метамарфозы терминов, отражающих характер деятельности правоохранительных органов.

Понятие личного сыска имеет достаточно глубокие корни. В основе его происхождения лежит старорусская лексема «искати» [1, с. 238–239], присутствовавшая еще в древнерусском праве X–XIII вв. и обозначающая действия, «возникавшие вследствие причинения вреда человеку и его имуществу, направленные на поиск и предоставление доказательств» [2, с. 164].

Позднее слово «искати» получает несколько иные формы «обыскати», и «сыскати», которое со своей стороны получает несколько иной смысл. Если первое трансформировалось и приобрело современный вид в словах «обыскать», «обыск», то второе не сохранилось. «Сыскати» значило действия, связанные с опросом населения и получением сведений о преступлении и лиц его совершивших. А слово «искати» получает гражданско-правовое значение, сохраняющееся до сих пор в слове «истец» [3, с. 120].

В последующем «сыскати» превращается в слово «сыск», т. е. поисковой работой по уголовным делам. Это слово сохранило свое значение до сих пор, хотя и воспринимающееся в литературе как устаревшее с точки зрения лингвистики.

В формировании термина личный сыск (как формы сыска, розыска) можно выделить несколько периодов.

1. До середины XVIII в. налицо отсутствие правовой регламентации личного сыска, несмотря на активное использование его возможностей. О проведении сыска указывается в Судебнике 1497 г., в котором наметились черты розыскного процесса. Присутствующие в документе процессуальные нормы, хотя и без особой детализации, применительно к конкретному случаю, показывали, как опрашивать «добрых» людей с целью, например, определения репутации обвиняемого – лица, совершившего «лихое дело» по преступлениям против правопорядка и существующего строя. Позднее изданный Судебник 1550 г. в ст. 52 оперделил: «А приведут кого с поличным впервые, ино его судити да послати про него обыскати. И назовут его в обыску лихим человеком, ино его пытати [...]» [4, с. 36–43].

В документе времен Ивана Грозного, Губной Белозерской грамоте 1539 г., фигурируют специальные субъекты, княжеские обыщики. Они «лихих людей разбойников сами сыскивали [...] да где которых разбойников сыщите или кто у себя разбойников держит, или к кому разбойники приезжают и разбойную рухлядь привозят, и вы бы тех разбойников ведомых сами ловили да обыскивали их...» [5, с. 210].

Как видим, доминируют формы слова сыск – сыскивать, сыскать (сыщите), обыскивать. К середине XVII в. «сыск» отечественных юридических документах стал основным правым термином, распространяющимся не только на раскрытие преступления и обнаружение преступников, но и на следственно-судебный процесс в целом, включая все его стадии, распространяясь на предварительное расследование и судебное следствие.

В Соборном Уложении 1649 г. формы слова «сыск» встречаются часто, и являются доминирующими: «[...] про измену сыскивати всякими сыски накрепко, и по сыску указ учинить» [6], – типичная формулировка этого правового акта. В Соборном Уложении приводится еще одно слово, образованное от формы «сыск» – сыщик. Этот термин в отношении лица, осуществляющего сбор сведений, сохранился и активно используется до сих пор. Вот одна из процессуальных рекомендаций, которые даны этим людям: «обыскные речи сыщиком велеть писать при себе, а заочно обысков и обыскных людей в обыск писать не велеть» [6].

Далее происходит обогащение терминологии сыскной деятельности и в правовых предписаниях начинает использоваться слово «розыск», которое проникает даже в нормативные документы. Например, Указ от 12 октября 1711 г. носит название «О беспрепятственном розыске, преследовании сыщиками воров, разбойников и их сообщников». Остается в лексиконе слово «сыщик», а его деятельность получает название «розыск». Суть этой деятельности заключается в том, чтобы задерживать («ловить») разбойников и воров для чего устраивать за ними погоню. Причем подчеркивается, что они это должны делать самостоятельно.

Следует заметить, что разницы между ранее применявшимся термином «сыск» и новым «розыск» не ощущается. В тексте звучат и тот, и другой термины, а порой – вместе. Так, губернаторам предписано оказывать помощь сыщикам, в проводимых ими «сысках и розысках». В такой интерпретации «сыски и розыски» предусматривают разное смысловое значение, в действительности в документе его нет.

До конца XVIII в. термины «сыск» и «розыск» рассматривались как синонимы, ориентируясь на то, что семантическое значение слова «сыск» можно рассматривать как выявление, поиск, розыск. Достаточно долго в отечественной практике используются и сыск, и розыск в практически одинаковых значениях, и такая ситуация продлилась почти до судебной реформы, во время которой происходит уточнение функций правоохранительных органов и базовых понятий, связанных с их деятельностью.

2. Закрепление проведения личного сыска происходит в рамках правовой регламентации в «Уставе благочиния» (8 апреля 1782 г.) [7], согласно которому полицейский чиновник (частный пристав), должен был самостоятельно (лично), в том числе негласно, осуществлять раскрытие преступления. «Устав благочиния или полицейский» – так он назывался в момент принятия, замечателен тем, что впервые в отечественном праве полноценно, а не фрагментарно, регламентировал полицейскую службу.

В нем уточняются также методы и способы работы полицейских органов. Одним из таких довольно распространенных способов становится личный сыск полицейского чиновника. Под ним понимается индивидуальная, самостоятельная деятельность частного пристава по раскрытию преступления. Основной была работа по получению сведений от населения, в том числе и от относительно постоянных осведомителей из числа жителей. При этом, исходя из его обязанностей, проверка такой информации могла проводиться, в том числе негласным путем.

Причем работа полицейского чиновника заключается в том, чтобы принять жалобы, сообщения и донесения о беспорядке на закрепленном за частным приставом участке, незамедлительно опрашивает об этом лиц с целью «узнании истины с познанием доказательства», фиксирует то, что узнал в протокол. При этом ему разрешено использовать как гласные, так и негласные приемы (ст. 99 «Устава благочиния»). Также частному приставу в обязанности входило устно исследовать «[...] учиненные проступки, злоупотребления и преступления, что словесно изследует то записать, тоже и о чем наведываться придет ради объяснения, либо ради связи дела, дабы истина содеянного обнаружилась» (ст. 103 «Устава благочиния»).

Статья 105 «Устава благочиния» детально перечисляет конкретные обстоятельства, которые следует выяснить частному приставу в случае, когда им выявлено преступление против личности. Обстоятельства, требующие выяснения, состоят из нескольких пунктов и включают целый ряд важных аспектов: «1) о особе над кем учинено? 2) о действии что учинено? 3) о способе или орудии чем учинено? 4) о времени когда учинено? 5) о месте где учинено? 6) о околличностях объясняющих с намерением или без намерения, и утверждающих или обличающих как учинено? 7) преступника кем учинено?»

По существу, приведенные выше тезисы раскрывают содержание личного сыска полицейского чиновника, хотя сам термин в документе распространения не получил.

3. Новые смысловые оттенки получили сыск в «Уставе уголовного судопроизводства» (от 20 ноября 1864 г.) в рамках положений по регламентированию полицейской работы, которая получила довольно значительные изменения. Под сыском понимается поиск и обнаружение скрывшихся преступников, описанное в разделе 4 главе 11 – «принятие мер по сыску». Еще одна метамарфоза – слово «сыск» в Уставе приближен в своем значении к тому, что сейчас называется розыскной работой, розыском.

Розыск обрел новую форму и «стал рассматриваться как часть дознания по обстоятельствам уголовных преступлений» [8, с. 48–58]. Одновременно остается и полицейский розыск, под которым понимается система мер, предпринимаемых вне дознания, да и вне уголовного процесса. Остается потерянная сейчас форма этого слова – розыскание (предметов), которому посвящено отделение 2 – второе, описывающее обыски и выемки в домах.

Приемы работы полиции закреплены законодательно в главе Устава уголовного судопроизводства «О лицах, участвующих в производстве предварительного следствия» посредством понятий «розыск» («розыски»). В ст. 254 предписывалось: «При производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах». И далее «Произведенное дознание полиция передает судебному следователю, которому впоследствии сообщает и все дополнительные сведения, собранные ею по тому же предмету. Передавая дознание следователю, полиция доносит о том прокурору» (ст. 255).

Таким образом, под розыском теперь понимается форма дознания, проводимая полицией и направленная на проверку сообщения о преступлении.

Одновременно прорабатываются методы полицейской работы, многие из которых свойственны современному личному сыску. В частности, в Уставе присутствует один весьма оригинальный прием сыска, заключающийся в поиске обвиняемого посредством публикации объявлений. Здесь фактически речь идет о широком ознакомлении общественности, государственных органов о поиске субъекта. Сыск обвиняемого через публикацию оформлялся судом по представлению судебного следователя, предложению прокурора или собственному постановлению суда. Публикация о сыске была равнозначна повестке в суд (ст.ст. 386, 846–852, 983 Устава).

Содержание сыска начинает существенно дополняться новыми приемами полицейской работы, что оказывает существенное влияние и на терминологию оперативной работы.. Елинский В.И. обобщает имеющиеся данные и воспроизводит указанную систему так: «Публикации в газетах, осмотры личности потерпевшего и вещественных доказательств, обходы ночлежных приютов, преследование подозреваемых по горячим следам, словесные расспросы, негласное наблюдение» [9, с. 30–31].

Тем самым, термин «сыск» корректируется, содержание его смещается больше к тому, что сейчас понимается под сыском личным, т. е. метаморфозы термина не закончились.

И если розыск в большей степени ассоциировался с производством дознания, сыск по-прежнему связывали с установлением и поиском преступников, чаще всего как индивидуальное действие работника сыска. Таким образом, сыск все более тесно смыкается с понятием личного сыска как индивидуальной деятельности сотрудника. Это хорошо видно по работе А.А. Квачевского, который описывал методы сыска как конкретные приемы, которые пригодны для розыска воров, мошенников, фальшивомонетчиков, разбойников и казнокрадов. Работа А.А. Квачевского содержит описание довольно многочисленных приемов действия полиции. Особое место занимает описание скрытности действий. Он указывает, что если полиция следит за известным лицом с целью выяснить его причастность к преступлению, установить приметы, особенности, то расшифровка действий полицейского со стороны наблюдаемого может привести к негативным последствиям, навредить ходу и результатам наблюдения. «Полицейские чины, зная воров, мошенников и других подозрительных лиц, следят за их поступками так, чтобы они не замечали этого наблюдения» [10, с. 124]. Приемам работы уделяется внимание – работники сыска «должны скрывать свою деятельность по розыску от посторонних лиц, действовать так, чтобы ее не замечали, и даже в некоторых случаях прикрывать тайною самих себя, чтобы не было замечено и присутствие их [...] полиция имеет свой особый костюм, свою отличку, чинам ее нередко встречается необходимость в переодевании» [10, с. 124].

В частности, описываются приемы зашифровки цели, т. е. когда скрывается содержание действий полицейских чтобы устранить подозрение об их намерениях, или действия маскируются под другие, более соответствующие сложившейся ситуации «к известному лицу, к данному случаю, к обстоятельствам раскрываемого преступления» [10, с. 124–125].

В работе указывается на возможность для задержания преступника на месте преступления или его задержания с доказательствами совершенного деяния организации засады.

4. Сущность термина «сыск» раскрылось в «Инструкции околоточным надзирателям» (1867 г.), где содержались нормы, регулирующие особые обязанности данных должностных лиц. В обязанности околоточных надзирателей был вменен «надзор за народонаселением преимущественно для предупреждения и пресечения преступлений, преследования и обнаружения виновных в совершении преступлений, открытия краденного имущества» [11, с. 78]. Для этого рекомендуется собирать необходимые сведения негласно, поскольку хорошо знали и жителей закрепленного за полицейским участка и саму местность. Им предписывалось действовать незаметно, не вызывать подозрений «не беспокоя жителей неуместным вмешательством в их дела» [11, с. 78]. Заметим интересную особенность обоснования необходимости использования негласных способов работы – сейчас они используются как наиболее эффективный, а порой единственный способ работы, а в XIX в. – чтобы не беспокоить жителей.

Термин «сыск» получил вполне устоявшийся смысл. В отличие от Устава 1864 г., регламентирующего дознание как процессуальную деятельность, укладывающуюся в понятие розыск, «Инструкция околоточным надзирателям» регламентировала работу полиции, в большей степени соответствующая термину «сыск». В отличие от деятельности полиции как дознания, заключающейся в проверке сообщений о преступлении, сыск обозначает деятельность по раскрытию преступления и выявлению лиц, его совершивших, задержание преступника. Это деятельность свободного характера, не обремененная процессуальными указаниями. Вагин О.А. отмечает, что именно в этом аспекте целесообразно рассматривать современное значение личного сыска» [12, с. 343]. Мы же сделаем вывод, что понятие сыска по содержанию и даже форме начинает все больше соответствовать современному значению личного сыска.

5. Переход отдельных служб полиции исключительно на осуществление личного сыска, прослеживающийся в Инструкции по организации наружного (филерского) наблюдения¹. Инструкция включала в себя 75 параграфов. Из названия понятно, что она содержала рекомендации по наружному наблюдению, требования, предъявляемые к филерам и основные приемы их работы. Обращается внимание на навыки работы, например, «быстро (с первого же взгляда) запоминать наблюдаемого» (ст. 11), рекомендуется применять средства маскировки «иногда одевать филеров посыльными, торговцами, газетчиками, солдатами, сторожами, дворниками, и т. д., смотря по местности и надобности» (ст. 24).

Существенную роль в развитии полицейской сыскной деятельности сыграла «Инструкция чинам сыскных отделений» от 9 августа 1910 г., которая носила более общий характер в отличие от предыдущего документа. Детализация сыскной работы потребовала и некоторой коррекции применяемой терминологии. Потребовалось понятие, объединяющее все виды полицейской деятельности (дознание и сыск), представляющее ее как единое целое. Происходит новая метаморфоза и этим объединяющим термином снова становится «сыск». Под ним понимается, как пишет И. Снигирев, «вся совокупности мер, связанных с дознанием и розыском по уголовным делам (ст. 1, 58, 61 и др.)» [13, с. 65].

При этом Инструкция чинам сыскных отделений от 9 августа 1910 г. не только детализировала сыскную деятельность, но и изменила принцип работы сыщиков.

Личный сыск становится основной формой деятельности вновь созданных подразделений, так называемых «ломбардных отрядов» и «летучих отрядов». В их структуре состояли филеры, которые осуществляли «выявление разыскиваемых и подконтрольных лиц по приметам и скрытое (наружное) наблюдение за ними для установления их контактов, мест проживания и посещаемых адресов» [14]. Основным средством их деятельности являлся исключительно личный сыск. Сведения фиксировалось в так называемый дневник наблюдения. В рамках работы филера усматривается многофункциональная направленность, присущая личному сыску, исходя из проведения последующего анализа информации (полученной от профессионально подготавливаемых лиц), характеризующей оперативную обстановку. Также в обязанности филера входило выявлять и фиксировать действия, не подпадающие под действие уголовных законов, но имеющих весьма значимые общественно опасные последствия – поведение, отношения, которые могут быть выявлены и учтены оперативным работником.

¹ URL: https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2017/11/Инструкция-по-организации-наружного-наблюдения_1907.pdf (дата обращения: 18.12.2025).

На примере работы филеров хорошо заметна специфика личного сыска как основного средства их деятельности, объединяющего имеющиеся в то время силы, средства, методы и приемы оперативной работы. В Инструкции формулируются также компетенции оперативного работника, применяющего личный сыск. В частности, он должен уметь анализировать и оценивать оперативную обстановку, перевоплощаться, применять средства маскировки и оперативный гардероб, выявлять лиц, представляющих оперативный интерес, запоминать и описать их приметы, визуально и незаметно, без расшифровки контролировать их поведение и контакты. Он должен быть психологически устойчивым, иметь навыки общения с людьми различных слоев и сословий [14].

Можно констатировать, что закон «Об организации сыскной части» дал определенный импульс (толчок) для дальнейшего развития правовых основ деятельности полиции в сфере борьбы с преступностью, в том числе формирования необходимых приемов, способов и методов работы, одним из которых на тот период времени считался личный сыск.

Как констатируется, личный сыск получил существенное развитие и представлялся даже в сравнении с другими формами оперативной работы «наиболее динамичным способом получения необходимых сведений, но при этом требовал не только персонального участия полицейских чиновников, но и их профессионального мастерства» [15, с. 20–24]. Сыскная деятельность выдвигает особые требования к сотрудникам, поскольку «оперативная работа требует привлечения особых исполнителей, отвечающих самым высоким требованиям, предъявляемым обществом и государством» [16, с. 129].

Личный сыск занимал достойное место в деятельности российской полиции. Понятие личного сыска как индивидуального средства деятельности сотрудника полиции формируется в виде самостоятельной формы оперативно-розыскной деятельности, опирающейся на инициативу и индивидуальные действия полицейских чиновников. Являясь деятельностью, позволяющей путем применения практических навыков создавать оптимальные условия, личный сыск на всем протяжении своего существования позволял сотруднику быстро и своевременно решать задачи, стоящие перед подразделениями, ведущими борьбу с преступной деятельностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8 / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1981.
2. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / под ред. О.И. Чистякова. М., 2002.
3. Яковец Е.Н. Сущность понятия «личный сыск» и его значение для оперативно-розыскной деятельности российских таможенных и пограничных органов // Вестник российской таможенной академии. 2020. № 3.
4. Хрестоматия по истории государства и права России / под ред. Ю.П. Титова. М., 1997.
5. Зимин А.А. Губные грамоты XVI века из Музейного собрания // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 18. М., 1956.
6. Соборное уложение 1649 года. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/#sub_para_N_21 (дата обращения: 10.09.2025).
7. Устав Благодичиния или Полицейский от 8 апреля 1782 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_blagochiniya (дата обращения: 04.04.2025).
8. Сысоев А.А. Личный сыск как метод оперативно-розыскной деятельности полиции Восточной Сибири досоветского времени // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108).
9. Елинский В.И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности: монография. М., 2001.
10. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. СПб., 1866.
11. Курицын В.М., Мулукаев Р.С., Коряков В.П. История полиции дореволюционной России (сборник документов и материалов по истории государства и права): учебное пособие. М., 1981.
12. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М., 2017.
13. Снигирев И. Безопасность и полиция. Витебск, 1912.
14. Из инструкции по организации наружного (филерского) наблюдения Департамент полиции МВД Российской империи. 1907.

15. Юдин Е.Г. Некоторые вопросы истории развития оперативно-розыскной деятельности и ее правовой основы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление: науч. журн. 2006. № 5.
16. Андреевский И.Е. Полицейское право. СПб., 1874. Т. 1.

REFERENCES

1. Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund. Issue 8 / Ed. by O.N. Trubachev. Moscow, 1981.
2. Russian Truth. Origin, sources, and its significance / Edited by O.I. Chistyakov. Moscow, 2002.
3. Yakovets E.N. The essence of the concept of «personal investigation» and its significance for the operational investigative activities of Russian customs and border authorities // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2020. № 3.
4. Anthology on the history of the state and law Russia / edited by Yu. P. Titov. Moscow, 1997.
5. Zimin A.A. Labial letters of the XVI century from the Museum collection // Notes of the Department of Manuscripts of the State Library of the USSR named after V.I. Lenin. Issue 18. Moscow, 1956.
6. The Cathedral Code of 1649. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/#sub_para_N_21 (date of access: 09.10.2025).
7. The Charter of the Deanery or Police Department dated April 8, 1782. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_blagochiniya (date of access: 04.04.2025).
8. Sysoev A.A. Personal investigation as a method of operational investigative activities of the police of Eastern Siberia of the pre-Soviet period // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. № 1 (108).
9. Elinsky V.I. Fundamentals of the methodology of the theory of operational investigative activities: a monograph. Moscow, 2001.
10. Kvachevsky A. On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes under the judicial statutes of 1864. St. Petersburg, 1866.
11. Kuritsyn V.M., Mulukaev R.S., Koryakov V.P. History of the police of pre-revolutionary Russia (Collection of documents and materials on the history of the state and law): textbook. Moscow, 1981.
12. Goryainov K.K., Ovchinsky V.S., Sinilov G.K. Theory of operational investigative activity: textbook. Moscow, 2017.
13. Snigirev I. Security and police. Vitebsk, 1912.
14. From the instructions for the organization of external (investigative) surveillance of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire. 1907. URL: <https://7arlan.kz/> (date of access: 04.04.2025).
15. Yudin E.G. Some issues of the history of the development of operational investigative activities and its legal basis // Penal enforcement system: law, economics, management: scientific journal. 2006. № 5.
16. Andreevsky I.E. Police law. St. Petersburg, 1874. Vol. 1.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

О. А. Ленёв – соискатель Нижегородской академии МВД России. 603600, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

O. A. Lenev – applicant for a degree of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 3, Ankudinosvko Highway, Nizhny Novgorod 603600 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 19.12.2025; одобрена после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 19.12.2025; approved after reviewing 05.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 343.97

МЕХАНИЗМ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Шамо Гейсатдинович Мамедов

Омская академия МВД России, Омск, Российская Федерация, mamedovshamo@gmail.com

Введение: проведенное ранее исследование механизма преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях, позволило установить специфическую модель постпреступного поведения в виде посткриминального суицида. Выявление столь специфической постпреступной реакции сподвигает нас на детальное изучение данного феномена, но не только в рамках вооруженных нападений в образовательных организациях, но и в целом как особенной модели поведения человека. Настоящая статья представляет собой анализ механизма суицидального поведения, как динамического процесса формирования, развития суицидальных мыслей и их последующих реализации в форме совершения самоубийства (попытки совершения самоубийства). На основе интеграции социологических, психологических и клинических подходов осуществлен обзор ключевых этапов механизма суицидального поведения от особенностей личности суицидента и влияния внешней среды до осуществления акта самоубийства.

Материалы и методы: материальную базу исследования составили работы отечественных и зарубежных исследователей криминологов и психологов по исследуемой проблематике, исследование уголовных дел и психолого-психиатрических экспертиз. Методологическую основу исследования составили такие методы познания как синтез, анализ, индукция и дедукция, метод обобщения данных.

Результаты исследования: в статье представлено авторское видение на механизм суицидального поведения от процесса формирования суицидальных мыслей до реализации таковых идей.

Выводы и заключения: проведенное исследование механизма суицидального поведения позволило выявить комплекс взаимосвязанных внутренних и внешних факторов, детерминирующих суицидальное поведение человека.

Ключевые слова: вооруженные нападения в образовательных организациях, скулшутинг, механизм, суицидальное поведение, самоубийство, суицидент

Для цитирования: Мамедов Ш. Г. Механизм суицидального поведения // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 172–176.

Original paper

SUICIDAL BEHAVIOR MECHANISM

Shamo Geysaddinovich Mamedov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

Introduction: our earlier study of the mechanism of criminal behavior of persons committing armed attacks in educational organizations made it possible to establish a specific model of post-criminal behavior in the form of post-criminal suicide. The identification of such a specific post-crime reaction prompts us to a detailed study of this phenomenon, but not only within the framework of armed attacks in educational organizations, but also in general as a special model of human behavior. This article is an analysis of the mechanism of suicidal behavior as a dynamic process of formation, development of suicidal thoughts and their subsequent implementation in the form

© Мамедов Ш.Г., 2026

of committing suicide (attempted suicide). Based on the integration of sociological, psychological and clinical approaches, a review of the key stages of the mechanism of suicidal behavior from the characteristics of the personality of the suicidal and the influence of the external environment to the implementation of the suicide act was carried out.

Materials and methods: the material base of the study was the work of domestic and foreign researchers of criminologists and psychologists on the issues under study, the study of criminal cases and psychological and psychiatric examinations. The methodological basis of the study was such methods of cognition as synthesis, analysis, induction and deduction, a method for generalizing data.

Results of the study: the article presents the author's vision of the mechanism of suicidal behavior from the process of forming suicidal thoughts to the implementation of such ideas.

Findings and conclusions: a study of the mechanism of suicidal behavior revealed a complex of interrelated internal and external factors that determine human suicidal behavior.

Keywords: armed attacks in educational institutions, cheating, mechanism, suicidal behavior, suicide, suicide

For citation: Mamedov Sh. G. Suicidal behavior mechanism // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 172–176.

Научный интерес к явлению суицида берет свои корни с конца XIX в. В 1897 г. французский социолог Эмиль Дюркгейм, в своей работе «Le Suicide» теоретически обосновал и эмпирически подтвердил ряд гипотез, связанных с причинностью суицидального поведения [1]. На сегодняшний день тема самоубийства в контексте биологических, социальных, криминологических и иных научных парадигм не утрачивает своей актуальности ввиду непрекращающейся череды суицидальных актов по всему миру.

Суицидальное поведение в представлении современных исследователей трактуется как аутоагрессивные действия человека, сознательно и преднамеренно направленные на лишение себя жизни из-за столкновения с неблагоприятными жизненными обстоятельствами [2, с. 64].

Анализ статистических данных демонстрирует неутешительную динамику суицидальной активности.

Ежегодно в мире от различных причин (естественных и неестественных) умирает порядка 65 миллионов человек. Около 950 тысяч из них погибает в результате совершенного суицида. Для наглядности можно отметить, что каждый 68 смертельный случай в мире является суицидом, что составляет примерно 2 случая самоубийства в минуту. Существенным представляется тот факт, что количество попыток совершения суицида превышает количество завершенных суицидов в 20 раз.

В России же ежегодно фиксируется порядка 1,8 миллиона смертей. Основными причинами смерти являются сердечные заболевания (24 %), злокачественные образования (16 %), сосудистые заболевания (14 %). Около 9 % смертей приходится на неестественные причины. В частности, в России ежегодно фиксируется около 15 тысяч случаев суицида, то есть каждая 120 смерть.

Многочисленные факты совершения самоубийств, нерешенность многих теоретических вопросов в части причинности данного явления, установления особенностей личности склонных к суицидальному поведению и иных проблем демонстрирует необходимость для дальнейшего междисциплинарного исследования.

Суицидальное поведение не подлежит линейному рассмотрению, исключительно как следствие одного обстоятельства, а требует многогранного исследования сложной многофакторной системы внутренних процессов личности и влияния социальной среды.

Объектом моего интереса в представленной работе является механизм формирования, развития и реализации суицидального поведения человека, под которым мы предлагаем понимать детерминированный влиянием внешних условий и внутренних противоречий процесс возникновения и развития в личности человека суицидальных воззрений, впоследствии реализуемых в форме самоубийства либо попытки совершения самоубийства.

Для целей настоящего исследования разработана авторская схема механизма суицидального поведения:

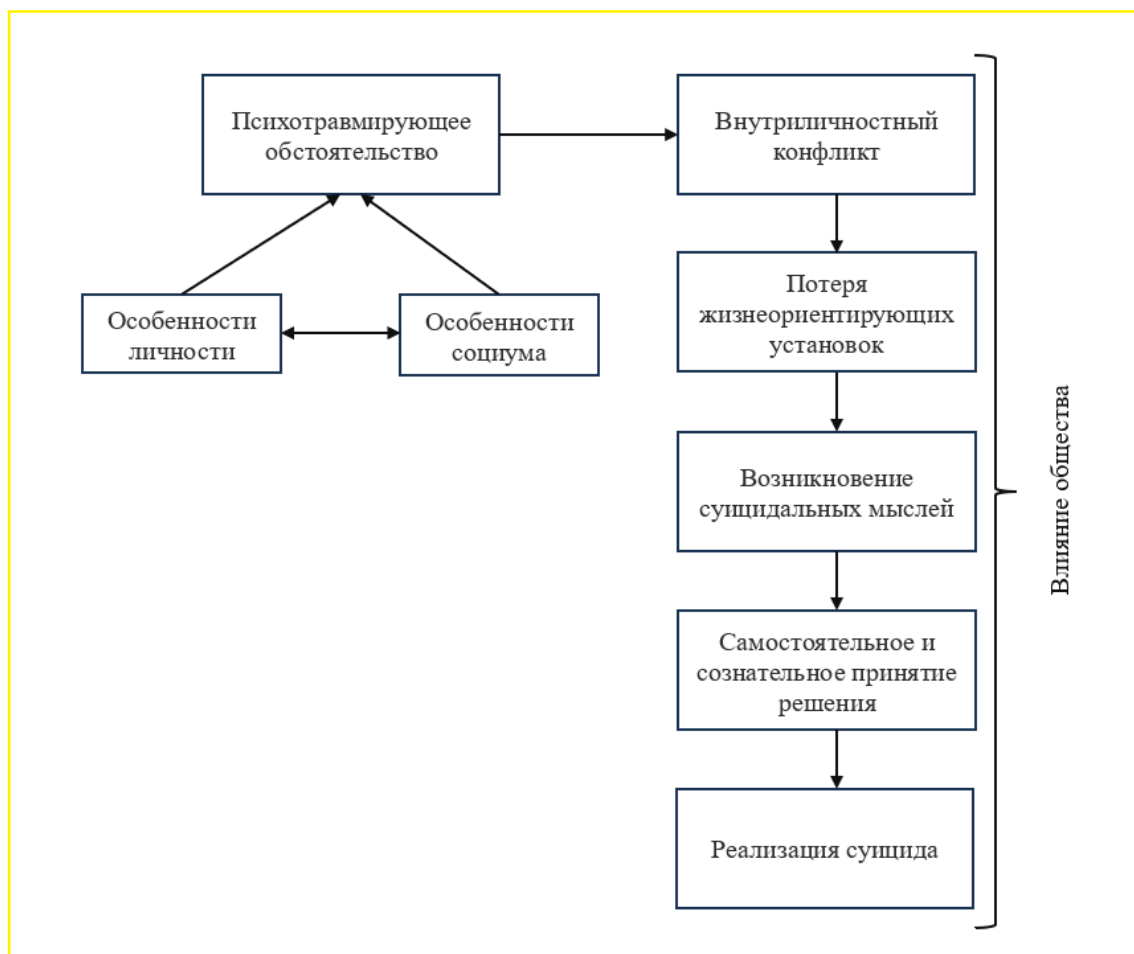

Рис. 1. Схема механизма суицидального поведения

Необходимое замечание! Настоящая работа представляет собой обзор авторского видения на механизм суицидального поведения и является первой в цикле моих работ по данной теме. Последующие научные публикации будут посвящены детальному исследованию каждого из обозначенных элементов механизма суицидального поведения, что позволит создать целостную картину рассматриваемого явления.

Кратко рассмотрим элементы механизма суицидального поведения:

1. Особенности личности.

Личность суицидента безусловно является ключевым звеном в механизме суицидального поведения, являясь почвой для развития внутреннего кризиса. Основными специфическими признаками рассматриваемой личности являются:

- Эмоциональная дисрегуляция – нарушение контроля над эмоциональными реакциями: их силой, продолжительностью и внешнем выражением.
- Дихотомическое мышление – полярное когнитивное искажение восприятия действительности по принципу «всё или ничего».
- Низкая стрессоустойчивость – это сниженная способность выдерживать психологическое напряжение, при которой даже незначительный стресс или неприятные переживания воспринимаются как невыносимые.
- Туннельное мышление – это фокусировка внимания на чём-то одном (часто под влиянием стресса или сильных эмоций), которая блокирует целостное восприятие ситуации и поиск оптимальных решений.
- Высокая тревожность, склонность к интенсивным и длительным негативным эмоциям (тоска, гнев, стыд), а также дефицит навыков их регуляции.

Особенности социума – это совокупность внешних факторов, которые могут оказывать провоцирующее воздействие на человека, выступая как катализатором, так и ингибитором психотравмирующих процессов.

В марте 2025 г. в селе Садовое Сарпинского района Республики Калмыкия группа подростков систематически издевались над одноклассником, избивали и унижали, сопровождая эти действия съемкой на телефон. Сложившиеся обстоятельства сподвигли подростка на совершение самоубийства [3].

Среди основных внешних детерминант выделим:

– макросоциальные факторы – это широкие общественные условия (экономическая нестабильность, социальное неравенство, господствующие культурные нормы, в том числе отношение к смерти и психическому здоровью, качество системы здравоохранения), которые создают общий «фон риска» или защиты. Они влияют на доступность средств для суицида, формируют общественное отношение к этому акту и задают уровень хронического стресса в популяции;

– микросоциальные факторы – это непосредственное социальное окружение человека, которое напрямую модулирует суицидальный кризис. К ним относятся: дисфункциональные семейные отношения, травля (буллинг), отсутствие доверительных связей, одиночество, подверженность суицидальному поведению в близком кругу. Именно на этом уровне внешние условия преломляются в личный опыт отчаяния, безнадежности или, наоборот, поддержки;

– эффект Вертера – подражательное поведение, особенно среди молодежи, при широком медийном освещении случаев самоубийств в средствах массовой информации и сети Интернет.

2. Психотравмирующее обстоятельство – конкретное событие, которое запускает кризис, так называемая «последняя капля» на фоне имеющейся уязвимости. Триггером может быть утрата (смерть близкого, разрыв отношений), унижение (публичный позор, финансовый крах), диагноз тяжелого заболевания или острый межличностный конфликт. Его ключевая характеристика – субъективное восприятие как неразрешимого и невыносимого.

3. Внутриличностный конфликт – внутренний конфликт, характеризующийся сужением когнитивного поля, при котором человек теряет способность видеть альтернативные решения, кроме суицида.

4. Потеря жизнеориентирующих установок – когнитивное разрушение основных опор личности: веры в будущее, восприятия собственной компетентности и ценности. Центральным психологическим состоянием становится безнадежность – устойчивое ожидание, что негативная ситуация не изменится, а собственные усилия тщетны.

5. Возникновение суицидальных мыслей – внутренний конфликт и потеря смысла кристаллизуются в конкретные мысли о самоубийстве как возможном решении. Эти мысли варьируются от пассивных мыслей («хорошо бы заснуть и не проснуться») до активного планирования («как и когда я это сделаю»). Решение часто созревает в состоянии, которое «суицидального транса», т. е. суженного измененного сознания, где доминирует одна идея, которое воспринимается как логичное, взвешенное и единственно верное.

6. Самостоятельное и сознательное принятие решения – критический переломный пункт механизма суицидального поведения, так как амбивалентный вопрос «хочу жить или хочу умереть» разрешается в сторону суицидального действия. Решение часто субъективно воспринимается не как эмоциональный порыв, а как логичный, рациональный и единственно возможный выход из тупика.

7. Реализация суицида – активное действие перехода плана к его исполнению в виде суицидальной попытки или завершённого акта самоубийства.

Ученик 9 класса, желая приобрести известность и прославиться путем совершения резонансного преступления, а также испытывая личную неприязнь к ряду учеников и педагогам школы, на почве ранее сложившихся конфликтных отношений с ними, в результате просмотра в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информации на тему совершенных учениками и студентами убийств в школе и являясь фанатом этих преступников, решил совершить массовое убийство одноклассников. После совершения массового убийства учащихся и педагога школы он планировал покончить жизнь самоубийством в месте совершения им общественно опасного деяния, запрещённого уголовным законом [5].

Следует заключить, что исследование механизма суицидального поведения позволило выявить комплекс взаимосвязанных внутренних и внешних факторов, детерминирующих

суицидальное поведение человека. Разработанная модель включает ряд последовательных этапов – от внутренних особенностей личности до финальной реализации суицидальных намерений. Предложенная структура механизма позволяет систематизировать существующие теоретические подходы и может служить основой для дальнейших эмпирических исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический Этюд / пер, с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. М., 1994.
2. Шелехов И.Л. Суицидология: учебное пособие / И.Л. Шелехов, Т.В. Каштанова, А.Н. Корнетов, Е.С. Толстолес. Томск, 2011.
3. В Калмыкии суд вынесет приговор подросткам за доведение сверстника до суицида. URL: <https://radio1.ru/news/proisshestviya/v-kalmikii-sud-vineset-prigovor-podrostkam-za-dovedenie-sverstnikam-do-suitsida/> (дата обращения: 10.02.2026).
4. Приговор Красноармейского районного суда г. Волгограда № 1-38/2025 1-603/2024 от 18 июня 2025 г.
5. Решение Хилокского районного суда Забайкальский края № 1-134/2023 от 27 октября 2023 г.

REFERENCES

1. Durkheim E. Suicide: A Sociological Study / Translated from French with abridgments; edited by V.A. Bazarov. Moscow, 1994.
2. Shelekhov I.L. Suicidology: A Textbook / I.L. Shelekhov, T.V. Kashtanova, A.N. Kornetov, and E.S. Tolstoles. Tomsk: Siberian State Medical University, 2011.
3. In Kalmykia, a court will sentence teenagers for driving a peer to suicide. URL: <https://radio1.ru/news/proisshestviya/v-kalmikii-sud-vineset-prigovor-podrostkam-za-dovedenie-sverstnikam-do-suitsida/> (date of access: 10.02.2026).
4. Sentence of the Krasnoarmeysky District Court of Volgograd No. 1-38/2025 1-603/2024 dated June 18, 2025.
5. Decision of the Khiloksky District Court of the Zabaykalsky Krai № 1-134/2023 dated October 27, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ш. Г. Мамедов – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России. 644092, Российская Федерация, г. Омск, пр. Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sh. G. Mamedov – PhD in Law, teacher Department of Criminology and Crime Prevention Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 7, Komarova St., Omsk 644092 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 336.221

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗИМАНИЯ УТИЛИЗАЦИОННОГО СБОРА
ПРИ ВВОЗЕ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ИЗ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС:
КОЛЛИЗИЯ ПРИНЦИПОВ ЗАКОННОСТИ И ДОБРОСОВЕСТНОСТИ**

Наталья Алексеевна Назаренко

Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону,
Российская Федерация, li-las@yandex.ru

Введение: проблема правовой определенности в отношениях между гражданином и публичной властью приобретает особую остроту в ситуациях, когда государственный орган, формально исполнив свои контрольные функции и санкционировав действия частного лица, впоследствии пересматривает собственную оценку и возлагает на это лицо неблагоприятные последствия. Подобная коллизия с особой наглядностью проявилась в практике администрирования утилизационного сбора при ввозе транспортных средств из государств-членов Евразийского экономического союза.

Материалы и методы: основой научной статьи явились законодательство Российской Федерации, законодательство ЕАЭС, научная литература, монографии, судебная практика, а также материалы прокурорских проверок.

Методы: сравнительно-правовой анализ, формально-юридический метод, метод системного анализа нормативных актов, анализ судебной практики.

Результаты исследования: выявлены системные противоречия между обязательной первичной проверкой расчетов утилизационного сбора таможенными органами и практикой последующих массовых доначислений. Установлено противоречие между принципами свободы движения товаров в ЕАЭС и требованиями представления документов о первоначальном ввозе транспортных средств. Обоснована необходимость законодательного закрепления преклюзивного характера таможенного приходного ордера при добросовестности плательщика.

Выводы и заключения: действующее регулирование требует совершенствования путем установления преклюзивности результатов первичной проверки, создания механизма межгосударственного информационного обмена, формирования компенсационного фонда для возмещения ущерба добросовестным плательщикам вследствие ошибок таможенных органов.

Ключевые слова: утилизационный сбор, ЕАЭС, правовая определенность, добросовестность плательщика, административная дискреция, таможенный контроль

Для цитирования: Назаренко Н. А. Правовое регулирование взимания утилизационного сбора при ввозе транспортных средств из государств – членов ЕАЭС: коллизия принципов законности и добросовестности // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 177–183.

Original paper

**LEGAL REGULATION OF COLLECTION OF RECYCLING FEE WHEN IMPORTING
VEHICLES FROM EAEU MEMBER STATES: CONFLICT OF PRINCIPLES OF
LEGALITY AND GOOD FAITH**

Natalia Alekseevna Nazarenko

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

© Назаренко Н.А., 2026

Introduction: the problem of legal certainty in relations between a citizen and public authority becomes particularly acute in situations when a state body, having formally fulfilled its control functions and sanctioned the actions of a private person, subsequently revises its own assessment and imposes adverse consequences on this person. Such a collision has manifested itself with particular clarity in the practice of administering the recycling fee when importing vehicles from the member states of the Eurasian Economic Union.

Materials and methods: the scientific article is based on the legislation of the Russian Federation, EAEU legislation, scientific literature, monographs, judicial practice, as well as materials from prosecutorial inspections.

Methods: comparative legal analysis, formal legal method, method of systematic analysis of regulatory acts, analysis of judicial practice.

Results of the study: systemic contradictions have been identified between the mandatory initial verification of recycling fee calculations by customs authorities and the practice of subsequent mass additional assessments. A contradiction has been established between the principles of free movement of goods in the EAEU and requirements for submission of documents on the initial import of vehicles. The necessity of legislative consolidation of the preclusive nature of the customs receipt order in case of good faith of the payer is substantiated.

Findings and conclusions: current regulation requires improvement by establishing the preclusive nature of initial verification results, creating a mechanism for interstate information exchange, and forming a compensation fund to reimburse losses to good faith payers due to errors of customs authorities.

Keywords: recycling fee, EAEU, legal certainty, good faith of payer, administrative discretion, customs control

For citation: Nazarenko N. A. Legal regulation of collection of recycling fee when importing vehicles from EAEU member states: conflict of principles of legality and good faith // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 177–183.

Проблема правовой определенности в отношениях между гражданином и публичной властью приобретает особую остроту в ситуациях, когда государственный орган, формально исполнив свои контрольные функции и санкционировав действия частного лица, впоследствии пересматривает собственную оценку и возлагает на это лицо неблагоприятные последствия. Подобная коллизия с особой наглядностью проявилась в практике администрирования утилизационного сбора при ввозе транспортных средств из государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), когда таможенные органы Южного таможенного управления, приняв расчеты граждан и выдав таможенные приходные ордера, спустя значительное время осуществили массовые доначисления, превышающие первоначальные суммы в сотни раз. Масштаб проблемы, затронувшей более тридцати тысяч граждан в южных регионах России, превращает данную ситуацию из рядового правоприменительного конфликта в значимый предмет теоретико-правового анализа.

В отечественной финансово-правовой доктрине традиционно различаются два подхода к пониманию природы публичных платежей и пределов усмотрения при их взимании. Первый подход базируется на признании исключительного права государства на формирование материальной базы своей деятельности. Как отмечает М.Ю. Орлов, «фискальный суверенитет государства представляет собой обладание верховной государственной властью полномочиями по определению доходных источников государства, реализация которых не зависит ни от иных государств, ни от общества» [1]. В рамках этой парадигмы акцент смещается на безусловный приоритет законности в формальном смысле: если обязанность по уплате установлена законом, плательщик несет риск ее ненадлежащего исполнения. Данная позиция находит опору в трудах М. В. Карасевой, подчеркивающей, что «императивный характер финансово-правовой нормы проявляется в правоотношении таким образом, что оно реализуется по принципу «команда – исполнение», где команды издает государство (или муниципальное образование), а исполняют их индивидуальные, коллективные и другие субъекты финансового права» [2, с. 22]. Однако такая жесткая детерминация метода зачастую игнорирует субъектную составляющую правоотношения, сводя плательщика лишь к объекту фискального воздействия.

Второй подход, который можно назвать балансирующим или конституционно-ориентированным, настаивает на необходимости учета принципов правовой определенности и защиты законных ожиданий. Этот подход получил развитие в контексте рецепции правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, который в Постановлении КС РФ от 14 января 2016 года № 1-П указал на «необходимость поддержания доверия граждан к закону и действиям государства», что предполагает «законные ожидания, возникающие на основе положений закона и (или) сложившейся правоприменительной практики» [3]. Пепеляев С.Г., развивая концепцию презумпции добросовестности налогоплательщика, обосновывает недопустимость возложения на частных лиц негативных последствий ошибок, допущенных органами власти при первичном контроле [4].

Критический анализ данных концепций обнаруживает их концептуальную асимметрию. Если «суверенный» подход методологически безупречен в рамках классического понимания финансового права как «права казны», то он обнаруживает свою ограниченность в условиях правового государства, где личность и ее права признаются высшей ценностью. С другой стороны, концепция законных ожиданий, представленная в работах Пепеляева и материалах судебной практики, при всей ее гуманистической направленности, сталкивается практическими сложностями при определении границ добросовестности плательщика и пределов ответственности контролирующих органов.

Особую остроту эта коллизия приобретает в контексте администрирования утилизационного сбора при ввозе транспортных средств из государств ЕАЭС. Пункт 5 Правил взимания утилизационного сбора, утвержденных постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2013 г. [5], возлагает на плательщика обязанность самостоятельного исчисления сбора, что формально-логически должно означать и несение риска ошибочного расчета. Вместе с тем п. 12 тех же Правил предусматривает обязательную проверку правильности исчисления таможенным органом в пятидневный срок с выдачей таможенного приходного ордера либо возвратом документов. Судебная практика демонстрирует, что таможенные органы сохраняют право на внесение изменений в таможенный приходный ордер и доначисление платежей даже после его оформления, что подтверждается ч. 5 ст. 29 Таможенного кодекса ЕАЭС.

Именно здесь возникает узловой вопрос: какова юридическая природа положительного результата этой проверки и в какой мере он связывает стороны правоотношения?

Представляется, что оптимальное решение данной коллизии лежит не в абсолютизации окончательности таможенного приходного ордера, что противоречило бы законодательству о таможенном контроле, а в установлении четких процессуальных гарантий для плательщиков при последующем пересмотре расчетов. Таможенный орган, не выявивший при первичной проверке оснований для отказа и выдавший приходный ордер, должен нести бремя доказывания недобросовестности плательщика либо умышленного искажения им сведений при последующем доначислении. При отсутствии таких доказательств и наличии объективной невозможности для плательщика установить подлежащие применению ставки сбора последующее доначисление должно признаваться недопустимым как нарушающее принцип правовой определенности. Подобная конструкция обеспечила бы баланс фискальных интересов государства и защиты добросовестных участников оборота, не устранив полностью право таможенных органов на пост-контроль, но ограничивая его рамками разумности и недопустимости злоупотреблений.

Дополнительную остроту описанной коллизии придает специфика правового регулирования в рамках Евразийского экономического союза, существенно усложняющая применение общих принципов правовой определенности к спорным ситуациям. Доктрина наднационального права ЕАЭС, развиваемая такими исследователями, как А.С. Исполинов и С.Ю. Кашкин, исходит из принципа свободы движения товаров между государствами-членами и недопустимости дискриминации по признаку происхождения [6; 7].

Транспортные средства, законно введенные в оборот на территории Республики Армения в переходный период, предусмотренный Договором о присоединении, формально приобрели статус товаров Союза по истечении трехлетнего срока. Требование представления документов, которые не могли быть получены в момент первоначального ввоза в Армению в силу неприменимости соответствующих технических регламентов, создает ретроспективное обременение, противоречащее логике добросовестного оборота. Граждане, приобретавшие транспортные средства на вторичном рынке государства-члена ЕАЭС, не могли и не должны были знать об обстоятельствах первоначального ввоза этих средств третьими лицами в предшествующие периоды. Возложение на них обязанности

по установлению подобных обстоятельств означало бы, по существу, привнесение в правовой порядок ЕАЭС элемента непреодолимой неопределенности.

Именно в этом контексте особую значимость приобретает критический анализ позиции Федеральной таможенной службы, настаивающей на праве доначисления в течение трех лет независимо от результатов первичной проверки. Данная правоприменительная практика обнаруживает смешение двух принципиально различных правовых режимов. Камеральная проверка по п. 12 Правил и последующий контроль по пункту 15.1 различаются не только по срокам, но и по правовым основаниям и последствиям. Первая является обязательным элементом процедуры взимания сбора, завершающимся принятием властного решения о правильности расчета; вторая представляет собой дискреционное полномочие по выявлению ранее не установленных обстоятельств. Если таможенный орган не исполнил надлежащим образом обязанность по проверке в установленный пятидневный срок, он не может компенсировать это упущение путем реализации контрольных полномочий по иному основанию. Иная интерпретация приводила бы к парадоксальному результату: добросовестное исполнение проверочной функции становилось бы менее выгодным для государственного органа, чем формальное принятие документов без анализа, поскольку последнее оставляло бы возможность пересмотра в течение трех лет.

Характеризуя описанную практику как реализацию дискреционного полномочия, следует обратиться к выработанным в теории административного права критериям допустимости усмотрения в контрольно-надзорной деятельности. Бахрах Д.Н. подчеркивал, что административное усмотрение не может быть произвольным и должно осуществляться в рамках принципов соразмерности и разумности [8]. Применительно к рассматриваемой ситуации обращает на себя внимание несоразмерность правовых последствий: суммы доначислений в десятки и сотни раз превышают рыночную стоимость транспортных средств, что фактически означает конфискационный характер меры. Взимание утилизационного сбора преследует экологические цели и призвано обеспечить финансирование утилизации, однако превращение его в обременение, лишаящее граждан имущества и средств к существованию, извращает смысл института и входит в противоречие с конституционным принципом социального государства.

Особую остроту выявленной несоразмерности придает то обстоятельство, что установленные нарушения со стороны должностных лиц таможенных органов официально подтверждены прокурорскими проверками и признаны самими таможенными структурами. Ростовская транспортная прокуратура констатировала неправомерность первоначальных действий таможни, Южное таможенное управление признало многочисленные факты нарушений требований законодательства, Генеральная прокуратура указала на ненадлежащую проверку расчетов. В доктрине деликтного права общепризнано, что вред, причиненный незаконными действиями органов государственной власти, подлежит возмещению за счет казны на основании ст. 53 Конституции РФ и ст. 16, 1069 Гражданского кодекса РФ. Однако в рассматриваемой ситуации государство, признавая наличие нарушений со стороны своих органов, одновременно настаивает на полном возложении неблагоприятных последствий этих нарушений на граждан. Подобная позиция входит в прямое противоречие со ст. 53 Конституции, согласно которой каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти или их должностных лиц, и фактически выхолащивает конституционный институт ответственности публичной власти.

С позиций общей теории права данная коллизия может быть осмыслена через призму соотношения формальной и материальной законности. Формально таможенные органы действуют в рамках предоставленных им полномочий, поскольку право на последующую проверку закреплено нормативно. Однако материальная законность, понимаемая как соответствие правоприменения духу права и конституционным принципам, требует иного подхода. Зорькин В.Д. и Б.С. Эбзеев в работах по конституционному праву обосновывали необходимость телеологического толкования норм с учетом их места в иерархии правовых ценностей [9; 10]. Применительно к анализируемой проблеме это означает, что технические нормы о сроках проверки и порядке исчисления сбора не могут толковаться изолированно от конституционных императивов защиты достоинства личности, права собственности и правовой определенности.

Опираясь на результаты проведенного анализа, представляется обоснованным сформулировать предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования, направленные на системное устранение выявленных противоречий

между формальными полномочиями контролирующих органов и конституционными гарантиями прав граждан. Целесообразно дополнение п. 12 Правил положением о преклюзивном характере выдачи таможенного приходного ордера: если таможенный орган по результатам проверки в установленный срок не выявил оснований для отказа и выдал ордер, последующее доначисление по тем же основаниям не допускается при условии добросовестности плательщика и отсутствия умышленного искажения сведений. Такая формулировка обеспечила бы баланс интересов: фискальные интересы защищены обязанностью качественной первоначальной проверки, а права граждан – невозможностью бесконечного пересмотра. Одновременно следует сократить трехлетний срок последующего контроля применительно к физическим лицам, ввозящим транспортные средства для личного пользования, до одного года, что соответствовало бы принципам разумности и соразмерности, учитывая несопоставимость правовых и фактических возможностей граждан и юридических лиц по проверке статуса товаров.

В качестве второго направления реформирования особого внимания заслуживает проблема доказывания происхождения транспортных средств, находившихся в обороте на территории государств ЕАЭС, тесно связанная с ранее обсуждавшейся невозможностью для граждан установить обстоятельства первоначального ввоза. Возложение на гражданина обязанности представления таможенных деклараций, к которым он объективно не имеет доступа, противоречит общеправовому принципу невозможности требовать исполнения невыполнимого. Необходимо нормативно закрепить обязанность таможенных органов самостоятельно осуществлять запросы в компетентные органы государств-членов через механизмы информационного обмена, предусмотренные ст. 369 и 370 Таможенного кодекса ЕАЭС, с установлением презумпции правильности расчета плательщика при отсутствии ответа в тридцатидневный срок. Это отвечало бы логике распределения бремени доказывания: публичный орган, обладающий специальными полномочиями и доступом к информационным системам, должен нести риск недоказанности обстоятельств, находящихся в сфере его ответственности.

Третьим и завершающим элементом предлагаемых реформ должно стать создание компенсационного механизма для случаев причинения ущерба гражданам вследствие ошибок таможенных органов, обеспечивающего материальную реализацию ранее обсуждавшегося конституционного принципа ответственности публичной власти. По аналогии компенсационными фондами нотариата и адвокатуры, успешно функционирующими в российской правовой системе, могло бы быть предусмотрено формирование специального фонда за счет отчислений от доходов, полученных от взимания утилизационного сбора, с целью возмещения убытков добросовестным плательщикам в ситуациях, когда доначисление явилось следствием ненадлежащего исполнения таможенным органом проверочных функций. Подобный механизм не только соответствовал бы конституционному принципу ответственности государства за действия своих органов, но и создавал бы действенные стимулы для повышения качества первоначального контроля.

Проведенное исследование выявляет потребность в фундаментальном переосмыслении соотношения принципов формальной законности и материальной справедливости в сфере публично-правовых платежей. Рассмотренная ситуация наглядно демонстрирует, что абсолютизация формальной законности в ущерб правовой определенности ведет к деформации правопорядка и подрыву доверия к публичной власти. Правовое государство предполагает взаимные обязательства: граждане исполняют законы, а государство действует предсказуемо и несет ответственность за ненадлежащее исполнение своих функций. В контексте интеграционных процессов ЕАЭС критически важна гармонизация не только материальных норм, но и стандартов административных процедур для защиты легитимных ожиданий участников трансграничного оборота.

Анализ позволяет сформулировать три основных вывода. Первый носит нормативно-правовой характер: действующее регулирование содержит имманентное противоречие между обязательной камеральной проверкой в пятидневный срок (п. 12 Правил) и неограниченным правом последующего контроля в течение трех лет (п. 15.1 Правил), что лишает таможенный приходный ордер преклюзивного значения. Принцип недопустимости противоречивого поведения публичной власти, выработанный в практике Конституционного Суда РФ, и концепция защиты законных ожиданий граждан обосновывают необходимость законодательного закрепления преклюзивности результатов

первичной проверки при добросовестности плательщика и отсутствии вновь выявленных обстоятельств, не зависящих от его воли.

Второй вывод касается специфики ЕАЭС: требование от граждан представления таможенных деклараций третьих лиц, к которым они объективно не имеют доступа, создает непреодолимый барьер, противоречащий принципу свободы движения товаров. Решение видится в создании единого реестра транспортных средств ЕАЭС с механизмом межгосударственного информационного обмена и возложением бремени доказывания на таможенные органы, располагающие доступом к информационным системам ЕАЭС согласно ст. 369–370 Таможенного кодекса. При невозможности получения информации в разумный срок должна действовать презумпция правильности расчета добросовестного плательщика.

Третий вывод имеет конституционно-правовое измерение: возложение на добросовестных граждан всех негативных последствий признанных ошибок должностных лиц таможенных органов при отказе в компенсации ущерба противоречит институту государственной ответственности, закрепленному ст. 53 Конституции РФ. Принципы правового и социального государства (ст. 1, 2, 7 Конституции РФ) требуют создания упрощенного механизма возмещения убытков на основании ст. 16, 1069 Гражданского кодекса РФ с установлением презумпции вины таможенного органа при наличии официально подтвержденных нарушений процедуры проверки, что позволит добросовестным плательщикам реализовать конституционное право на возмещение вреда без длительных судебных процедур доказывания.

Выявленная коллизия указывает на необходимость дальнейшей разработки нормативных критериев справедливого распределения рисков в публично-правовых отношениях, включая законодательное закрепление презумпции добросовестности плательщика при расчете на основании официальных разъяснений ФТС России, ограничение права последующего доначисления случаями выявления новых обстоятельств или недобросовестного поведения плательщика, а также установление обязанности таможенных органов самостоятельно верифицировать статус товаров через информационные системы ЕАЭС с формированием единого цифрового реестра проверенных транспортных средств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Орлов М.Ю. Налог как форма разумного ограничения фискального суверенитета государства // Финансовое право. 2006. № 2.
2. Финансовое право Российской Федерации: учебник: в 2 т. Т. 1 : Общая часть / под редакцией М. В. Карасевой, А. Г. Пауля. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2026.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.01.2016 № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с жалобой гражданина С.В. Иванова» // Российская газета. 2016. 27 января.
4. Пепеляев С.Г. Презумпция невиновности налогоплательщика // Главбух. 1999. № 9.
5. Об утилизационном сборе в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2013 № 1291 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 1. Ст. 82.
6. Исполинов А.С. Приоритет, прямое действие и прямой эффект норм права Евразийского экономического союза // Журнал международного права и международных отношений. 2017. № 1–2 (80–81).
7. Право Евразийского экономического союза: учебник / отв. ред. С.Ю. Кашкин. М., 2016.
8. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
9. Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65).
10. Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика / Б.С. Эбзеев. М., 1998.

REFERENCES

1. Orlov M.Yu. Tax as a form of reasonable limitation of the fiscal sovereignty of the state // Financial Law. 2006. № 2.
2. Financial Law of the Russian Federation: textbook: in 2 volumes. Vol. 1: General part / edited by M.V. Karaseva, A.G. Paul. 6th ed., revised and expanded. Moscow, 2026.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 14.01.2016 № 1-П "On the case of verification of the constitutionality of part one of Article 13 of the Law of the Russian Federation "On pension provision for persons who served in the military, in internal affairs bodies, the State Fire Service, bodies for control over the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances, institutions and bodies of the penal system, and their families' in connection with the complaint of citizen S.V. Ivanov" // Rossiyskaya Gazeta. 2016. January 27.
4. Pepelyaev S.G. Presumption of innocence of the taxpayer // Glavbukh. 1999. № 9.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 26.12.2013 № 1291 "On the recycling fee for wheeled vehicles (chassis) and trailers to them and on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 1. Art. 82.
6. Ispolinov A.S. Priority, direct effect and direct application of the norms of the law of the Eurasian Economic Union // Journal of International Law and International Relations. 2017. № 1–2 (80–81).
7. Law of the Eurasian Economic Union: textbook / executive editor S.Yu. Kashkin. Moscow, 2016.
8. Bakhrakh D.N. Administrative Law of Russia: textbook. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, 2006.
9. Zorkin V.D. Axiological aspects of the Constitution of Russia // Comparative Constitutional Review. 2008. № 4 (65).
10. Ebzeev B.S. Interpretation of the Constitution of the Russian Federation: theory and practice / B.S. Ebzeev. Moscow, 1998.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Н. А. Назаренко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового и административного права Ростовского государственного экономического университета. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

N. A. Nazarenko – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Financial and Administrative Law of the Rostov State University of Economics (RSUE). 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 29.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 29.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 343.98

СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Максим Сергеевич Полещук

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация,
poleshchuk_maksim@internet.ru

Введение: производство предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего является достаточно сложным познавательным процессом, обусловленным самобытной гносеологической сущностью данного следственного действия и психофизиологическими особенностями несовершеннолетнего опознающего. Учитывая тот факт, что предварительное расследование производится в существенно различающихся условиях для каждого отдельного уголовного дела, обладает динамичным характером, особое значение приобретает использование ситуативного подхода при разработке тактических рекомендаций производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего.

Материалы и методы: методологической основой исследования выступают диалектический метод познания, общенаучные и частнонаучные методы, среди которых выделяются: анализ (применялся при рассмотрении различных точек зрения по вопросу определения понятия «следственная ситуация» и ее структуры); метод моделирования (позволил сформулировать отдельные следственные ситуации производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего); системно-структурный метод (способствовал созданию типовой классификации следственных ситуаций). В ходе проведения исследования использовались научные труды в области криминалистики и психологии.

Результаты исследования: в результате исследования на основе ранее проведенных научных исследований и специфики производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего сформулировано определение понятия «следственная ситуация». Предложена авторская классификация следственных ситуаций.

Выводы и заключения: в основу определения понятия «следственная ситуация» необходимо закладывать то, что основой данной категории является осведомленность следователя о расследуемом событии, которая определяется объективными обстоятельствами. Система типовых следственных ситуаций производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего построена в соответствии с этапами производства следственного действия на основе ряда объективных и субъективных факторов.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая тактика, следственное действие, предъявление для опознания, несовершеннолетний, следственная ситуация

Для цитирования: Полещук М. С. Следственные ситуации предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 184–190.

Original paper

INVESTIGATIVE SITUATIONS OF IDENTIFICATION INVOLVING A MINOR

Maxim Sergeevich Poleshchuk

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Introduction: conducting an identification parade involving a minor is a rather complex cognitive process, conditioned by the unique epistemological nature of this investigative action and the psychophysiological characteristics of the minor identifying the suspect. Given the fact that the preliminary investigation is conducted under significantly different conditions for each individual criminal case and is dynamic in nature, the use of a situational approach in developing

© Полещук М.С., 2026

tactical recommendations for conducting an identification parade involving a minor is particularly important.

Materials and methods: the methodological basis of the study is the dialectical method of cognition, general scientific and specific scientific methods, among which the following stand out: analysis (used when considering various points of view on the definition of the concept of “investigative situation” and its structure); the modeling method (allowed for the formulation of individual investigative situations of identification parades involving minors); the systemic-structural method (facilitated the creation of a standard classification of investigative situations). Scientific works in the fields of forensic science and psychology were used during the study.

Results of the study: based on previous scientific research and the specifics of identification parades involving minors, a definition of the concept of “investigative situation” was formulated. The author’s classification of investigative situations is proposed.

Findings and conclusions: the definition of the concept of “investigative situation” reflects its foundation in the investigator’s awareness of the circumstances of the event being investigated, which is determined by objective circumstances. The system of typical investigative situations for identification parades involving minors is structured according to the stages of investigative action based on a number of objective and subjective factors.

Keywords: forensic, forensic tactics, investigative action, identification parade, minor, investigative situation

For citation: Poleshchuk M. S. Investigative situations of identification involving a minor // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 184–190.

Ситуативный подход способствует выявлению совокупности типичных криминалистически значимых обстоятельств для эффективного производства предъявления для опознания, их обобщению и, в конечном итоге, формулированию типовой классификации наиболее характерных условий производства следственного действия. Как справедливо указывают ученые-криминалисты, рассматриваемый подход можно считать одной из ведущих методологических концепций [1, с. 497].

Несмотря на фундаментальное значение данного подхода, в криминалистике до настоящего времени отсутствует единое представление о его центральном элементе – следственной ситуации. Анализ научной литературы позволил нам выделить несколько подходов к определению сущности следственной ситуации.

Куемжиева С.А. полагает, что следственную ситуацию образуют совокупность значимой для расследования информации и возможности следователя по производству расследования [2, с. 193]. Тем самым автором сделан основной акцент на информационной составляющей процесса расследования.

Белкин Р.С. признает следственной ситуацией обстановку расследования, включающую систему взаимосвязей условий времени, места, окружающей среды, поведения лиц, задействованных в уголовном процессе, иные процессы объективной действительности [3, с. 133]. Данное определение подразумевает объективную (внешнюю) природу следственной ситуации.

По мнению Т.С. Волчецкой, следственная ситуация охватывает как степень информационной осведомленности следователя, так и состояние процесса расследования [4, с. 94].

На наш взгляд, следственная ситуация определяется информированностью следователя об обстоятельствах произошедшего события – в целом и об обстоятельствах, влияющих на результативность производства отдельного следственного действия – в частности. В то же время данный комплекс сведений формируется на основе объективных обстоятельств. Таким образом, основой следственной ситуации является совокупность информации, доступной следователю на текущий момент производства предварительного расследования.

Карлеба В.А., рассматривая определение понятия следственной ситуации, включает в него в качестве признаков конфликт и противоречие [5, с. 78]. Спорность данной позиции обусловлена существованием благоприятных следственных ситуаций, характеризующихся бесконфликтностью и отсутствием противоречий. Применительно к производству предъявления для опознания, потерпевший может давать развернутые достоверные показания о ранее воспринятом объекте. При этом сообщенные им сведения подтверждаются ранее собранными по уголовному делу доказательствами.

Современная криминалистическая наука содержит множество классификаций следственных ситуаций [6, с. 134], в большинстве своем относимых к методике расследования отдельных преступлений. В рамках настоящего исследования предлагаем обратить внимание на классификацию, предложенную А.С. Князьковым. Профессор

в качестве общепринятой классификации выделяет исходные, промежуточные и конечные ситуации. При этом связывает их с этапами досудебного производства по уголовному делу [7, с. 36]. Полагаем, что данная классификация при частичном ее видоизменении может быть применима и по отношению к отдельным следственным действиям.

Исходная следственная ситуация возникает до производства предъявления для опознания. Ее изучение позволяет определить необходимость производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего, ее потенциальную эффективность и желаемый результат.

Промежуточная следственная ситуация складывается в процессе производства предъявления для опознания и может именоваться ситуацией ее рабочего этапа.

Конечная следственная ситуация возникает в результате производства предъявления для опознания и отражает оценку произведенного следственного действия с точки зрения достижения его целей и перспектив дальнейшего сбора доказательственной информации.

Для уяснения сути вышеописанных следственных ситуаций в рамках настоящего исследования требуется более подробно рассмотреть каждый из ее элементов.

Ситуация, возникающая до производства предъявления для опознания, складывается в момент формирования у следователя убеждения в необходимости производства данного следственного действия. Как правило, она возникает в ходе допроса, при сообщении несовершеннолетним сведений об объекте, имеющем значение для производства расследования. Егоров И.М. рассматривает данную ситуацию с позиций затруднений, связанных с описанием признаков ранее воспринятого объекта [8, с. 88]. На наш взгляд, данный вопрос требует более широкого анализа, учитывая следующие составляющие формирования следственной ситуации на данном этапе:

1. Степень информированности следователя об объекте. Данная информация может содержаться в показаниях иных лиц (например, очевидцев преступления), видеозаписях, результатах оперативно-разыскной деятельности.

2. Характеристика личности несовершеннолетнего, отражающая возможности его восприятия, запечатления и трансляции информации об искомом объекте.

3. Позиция, занятая несовершеннолетним по уголовному делу.

4. Характеристика объекта, который предполагается предъявить для опознания.

5. Условия восприятия объекта.

Объективной предпосылкой производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего является объем имеющейся в распоряжении следователя информации об объекте, который планируется предъявить для опознания. Результаты изучения эмпирического материала позволяют выделить следующие следственные ситуации, свидетельствующие о необходимости производства предъявления для опознания.

1. Несовершеннолетний в ходе допроса описывает лицо, совершившее преступление, однако данное лицо ранее ему незнакомо или он не может в ходе допроса его индивидуализировать.

2. Несовершеннолетний в ходе допроса называет установочные данные определенного лица, однако у следователя возникают обоснованные сомнения относительно достоверности сообщаемой информации.

3. Несовершеннолетний в ходе допроса сообщает о существовании какого-либо предмета, связанного с расследуемым событием, но не может его индивидуализировать. Например, похищенный у несовершеннолетнего предмет, автомобиль, на котором скрылся преступник, орудие преступления и т. д.

4. Обнаружен неопознанный труп, предположительно, ранее знакомого несовершеннолетнему лица.

Диагностирование следственной ситуации, возникающей в связи с необходимостью производства предъявления для опознания, зависит от характеристики личности несовершеннолетнего опознающего. Несмотря на наличие объективных предпосылок для производства следственного действия, особенности развития несовершеннолетнего могут препятствовать достижению его результатов. Например, в случае, если естественная возрастная незрелость, выражающаяся в уровне психического развития ребенка и несформированности функций его долговременной памяти, не способствует восприятию обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела и сообщения соответствующей информации.

Позиция, занятая несовершеннолетним по уголовному делу также оказывает влияние на ход и результаты следственного действия. Анализ следственной практики свидетельствует о наличии фактов сообщения несовершеннолетним недостоверной информации об искомом объекте. Происходит это по разным причинам. Например, сознательное введение в заблуждение следователя, добросовестное заблуждение несовершеннолетнего, нежелание или невозможность сообщать информацию. При этом невозможность сообщения сведений об объекте может быть вызвана как объективными (непродолжительное наблюдение объекта), так и субъективными (когнитивные затруднения) причинами. Диагностирование

данных обстоятельств еще до начала рабочего этапа предъявления для опознания позволяет смоделировать его ход и наметить тактические приемы для повышения эффективности.

Идентификационный потенциал предъявления для опознания определяется наличием качественных характеристик объекта, который предполагается предъявить. То есть наличием устойчивой совокупности свойств, отличающих его от аналогичных объектов. Чем больше этих особенностей, тем проще несовершеннолетнему производить сопоставление образа, запечатленного в памяти с предъявленным объектом, и, соответственно, очевиднее результат опознания и доказательственное значение результатов произведенного следственного действия.

Очевидно, что обстоятельства восприятия объекта также оказывают непосредственное влияние на формирование следственной ситуации предъявления для опознания. Установление данных обстоятельств положительно влияет на определение позиции несовершеннолетнего опознающего по уголовному делу. Выяснению подлежит дистанция до воспринимаемого объекта, присутствие других объектов на месте события, а также наличие иных отвлекающих факторов.

Совокупность рассмотренных составляющих в зависимости от их характеристик образует простую или сложную ситуацию, возникающую до рабочего этапа производства предъявления для опознания.

Простую следственную ситуацию можно охарактеризовать следующим образом:

1. Сведения об объекте, доступные следователю, не сводятся исключительно к показаниям несовершеннолетнего.
2. Особенности развития несовершеннолетнего не оказывают негативного влияния на формирование мысленного образа объекта в его сознании.
3. Несовершеннолетний проявляет добросовестное отношение при производстве следственных действий, стремится сообщить достоверную информацию об объекте и заинтересован в изобличении преступника.
4. Объект опознания обладает достаточным количеством индивидуализирующих признаков, а его восприятие несовершеннолетним осуществлялось в благоприятных условиях. При этом признаки различны по своей природе. Например, визуальные и динамические.

Сложная следственная ситуация характеризуется наличием следующих признаков:

1. Сведения об искомом объекте содержатся только в показаниях несовершеннолетнего, при этом они носят фрагментарный характер.
2. Наличие у следователя объективных предположений о неспособности несовершеннолетнего адекватно воспринять, запечатлеть образ объекта и осуществить его сравнение с иными схожими объектами.
3. Поведение несовершеннолетнего имеет признаки недобросовестности, которая выражается в нежелании сообщать достоверную информацию о ранее воспринятом объекте.
4. Отсутствие у объекта, который предполагается предъявить для опознания, достаточной совокупности индивидуализирующих признаков.
5. Неблагоприятные условия восприятия несовершеннолетним объекта, заключающиеся в значительной удаленности и непродолжительности восприятия.

Формируя криминалистическую классификацию следственных ситуаций рабочего этапа производства предъявления для опознания, на наш взгляд, необходимо принимать во внимание объективные и субъективные факторы.

К объективным факторам относится наличие достаточного временного интервала для организации производства следственного действия, включая привлечение всех необходимых участников и реализацию всех вводных мероприятий.

При производстве предъявления для опознания с учетом исключения боязни самого несовершеннолетнего и его законного представителя негативного воздействия со стороны опознаваемого, следственная ситуация зависит от наличия специализированного помещения, позволяющего исключить визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Его отсутствие дает основание характеризовать ситуацию как неблагоприятную. Наличие данного помещения позволит не только свести к минимуму дальнейшую угрозу причинения вреда несовершеннолетнему, но и может использоваться при мотивировании несовершеннолетнего и его законного представителя к участию в следственном действии.

Субъективные факторы, влияющие на ход рабочего этапа производства предъявления для опознания, целесообразно рассматривать исходя из позиции несовершеннолетнего опознающего и его законного представителя.

В первую очередь необходимо обратить внимание на несовершеннолетнего опознающего. В данном контексте ситуации подразделяются на конфликтные и бесконфликтные [9]. Стоит отметить, что среди ученых-криминалистов отсутствует единое мнение по поводу отграничения этих ситуаций.

По мнению И.А. Макаренко бесконфликтность заключается в даче несовершеннолетним показаний в соответствии с тем, как он воспринял и запечатлел информацию [10, с. 78]. То есть, лицо сознательно не искажает ранее воспринятый образ.

Долинин В.Н. полагает, что бесконфликтность ситуации заключается в отсутствии противоречий, совпадении целей допрашивающего и допрашиваемого. При этом, по мнению автора, подобная ситуация возникает при взаимодействии с лицами, дающими правдивые показания [11, с. 110].

На наш взгляд, позиция И.А. Макаренко наиболее адекватно соотносится с практикой производства следственных действий с участием несовершеннолетних, поскольку в силу целого ряда объективных и субъективных причин ребенок может неправильно воспринять произошедшее событие и образ объекта. Таким образом, при совпадении интересов следователя и несовершеннолетнего, сообщенные им сведения не будут соответствовать действительности.

Отдельно стоит остановиться на конфликтных ситуациях и их классификации. Под конфликтной ситуацией понимают такое межличностное взаимодействие, при котором лица, имеющие несовпадающие интересы, действуют, преследуя различные цели [12, с. 82]. При этом она подразделяется на два вида – со строгим и без строгого соперничества [13, с. 330].

По мнению А.Р. Ратинова строгое соперничество исходит из противоположных интересов сторон и выигрыш обеих сторон в данной ситуации невозможен, а ситуация без строгого соперничества характеризуется не полностью противоположными интересами [14, с. 284]. То есть, ситуация без строгого соперничества, по мнению ученого, характеризуется частичным несоответствием интересов сторон.

Схожей позиции придерживается И.А. Макаренко, выделяя среди признаков ситуации без строгого соперничества сообщение несовершеннолетним достоверных сведений с утаиванием или искажением отдельных обстоятельств [9].

Баев О.Я. отмечает, что при конфликтной ситуации без строгого соперничества лицо обладает информацией о произошедшем событии, желает давать показания, но в силу искаженного восприятия, сообщает недостоверные сведения [15, с. 114]. На наш взгляд, в данной ситуации отсутствует конфликт, поскольку добросовестное заблуждение несовершеннолетнего не вызвано противоположностью его интересов и интересов следователя.

В целом разделяя позицию И.А. Макаренко, считаем необходимым рассмотреть данный вопрос с несколько иной стороны. Фактически разграничение этих ситуаций, по мнению ученого, производится исходя из наличия умысла на сообщение ложной информации и ее объема (большая часть – правда, меньшая – недостоверные сведения). На наш взгляд, строгость соперничества заключается не в этом, а в твердости позиции несовершеннолетнего независимо от объема сообщаемой недостоверной информации. Применительно к производству предъявления для опознания несовершеннолетний может сообщать правдивую информацию об общих признаках искомого объекта, при этом умалчивать его детали. Таким образом, лицо сообщит значительный объем достоверных сведений, которые, тем не менее, не позволят эффективно осуществить идентификацию объекта.

Таким образом, под конфликтной ситуацией со строгим соперничеством мы понимаем состояние взаимодействия следователя и опознающего, при котором несовершеннолетний умышленно искажает информацию об отличительных признаках искомого объекта или открыто отказывается от участия в следственном действии, при этом его позиция характеризуется устойчивостью.

При конфликтной ситуации без строгого соперничества несовершеннолетний выражает желание участвовать в производстве предъявления для опознания, частично сообщает достоверные сведения, умалчивает либо сообщает недостоверную информацию относительно отдельных признаков искомого объекта, при этом его позиция не обладает твердостью.

Особенностью прогнозирования и диагностирования следственной ситуации, возникающей в ходе производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего, является необходимость выяснения позиции не только самого несовершеннолетнего, но и его законного представителя. Вызвано это как материальной, так и психологической зависимостью несовершеннолетних от своих родителей или опекунов и попечителей. Так, по утверждению психологов, даже в подростковом возрасте у детей сохраняется стремление к зависимости, обеспечивающей ощущения уверенности, защищенности и безопасности [16, с. 92]. Позиция законного представителя несовершеннолетнего формируется под влиянием его мотивации, которая может носить как конструктивный характер (защита интересов ребенка), так и конфликтный (личная заинтересованность в исходе дела). Классификация ситуаций в данном случае представляется нам аналогичной той, что применяется к самому несовершеннолетнему – бесконфликтная и конфликтная с различной степенью соперничества.

Совокупность рассмотренных нами объективных и субъективных обстоятельств характеризуют следственную ситуацию рабочего этапа производства предъявления для опознания как благоприятную или неблагоприятную.

Основанием для классификации следственных ситуаций, складывающихся в результате производства опознания с участием несовершеннолетнего, является достижение цели следственного действия, характер полученной информации с учетом возможности ее использования в качестве доказательства или ориентира для дальнейшей поисковой деятельности. Исходя из этого мы можем выделить 2 разновидности следственных ситуаций – продуктивную и контрпродуктивную.

Продуктивность следственной ситуации определяется достижением цели следственного действия. Она характеризуется уверенным опознаванием несовершеннолетним объекта среди альтернативных. В то же время у следователя имеются иные доказательства связи опознанного объекта с расследуемым преступлением. Продуктивной можно признать и ситуацию, когда несовершеннолетний уверенно заявляет об отсутствии искомого объекта среди предъявленных. В обоих случаях процедура опознания проведена в полном соответствии с требованиями УПК РФ.

Контрпродуктивная следственная ситуация возникает при недостижении цели опознания и выражается в неопознании искомого объекта, ошибочном опознании объекта, не связанного с расследуемым событием, а также в нарушении процессуальных требований при производстве следственного действия.

Таким образом, под следственной ситуацией производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего понимается формируемая на основе объективных обстоятельств мысленная модель условий производства следственного действия. Система следственных ситуаций производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего выглядит следующим образом.

1. Следственные ситуации, возникающие до производства предъявления для опознания:
 - 1) простая;
 - 2) сложная;
2. Следственные ситуации рабочего этапа производства предъявления для опознания:
 - 1) благоприятная;
 - 2) неблагоприятная;
3. Следственные ситуации заключительного этапа производства предъявления для опознания:
 - 1) продуктивная;
 - 2) контрпродуктивная;

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степаненко Д.А. Ситуационный подход как парадигма современной криминалистики // *Baikal Research Journal*. 2025. Т. 16. № 2.
2. Куемжиева С.А. Понятие следственной ситуации и ее роль в определении средств и методов отдельного расследования // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2015. № 4 (30).
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. В 3-х томах. Т. 3. М., 1997.
4. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. проф. Н.П. Яблокова. М., 1997.
5. Карлеба В.А. О понятии «следственная ситуация» (теоретический и практический аспекты) // *Общество и право*. 2020. № 2 (72).
6. Зайнуллин Р.И. Очная ставка с участием несовершеннолетнего обвиняемого. М., 2016.
7. Князьков А.С. Классификация следственных ситуаций // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2013. № 1 (7).
8. Егеров И.М. Тактико-психологические основы предъявления для опознания лиц по признакам внешности : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006.
9. Макаренко И.А. Классификация следственных ситуаций, возникающих при производстве вербальных следственных действий с участием несовершеннолетнего обвиняемого // *Вестник Башкирского университета*. 2012. Т. 17. № 2.
10. Макаренко И.А. Система тактических приемов допроса несовершеннолетнего обвиняемого с учетом следственных ситуаций и психологических свойств допрашиваемого : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 1998.
11. Долинин В.Н. Гибкие алгоритмы применения тактических приемов в процессе допроса в бесконфликтной и конфликтной ситуациях. Екатеринбург, 2019.

12. Вахмянина Н.Б. Конфликтная следственная ситуация как элемент развития криминалистического конфликта. Екатеринбург, 2019.
13. Эксархопуло А.А. Криминалистика: учебник для вузов / А.А. Эксархопуло, И.А. Макаренко, Р.И. Зайнуллин. М., 2025.
14. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М, 2001.
15. Баев О.Я. Тактика следственных действий. Воронеж, 1992.
16. Агеева Л.Г. Проблема психологической зависимости/независимости подростков от родителей // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 2.

REFERENCES

1. Stepanenko D.A. Situational approach as a paradigm of modern forensic science // Baikal Research Journal. 2025. Vol. 16. № 2.
2. Kuemzhieva S.A. The concept of an investigative situation and its role in determining the means and methods of an individual investigation // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4 (30).
3. Belkin R.S. Forensic science course: Forensic tools, techniques and recommendations. In 3 volumes. Vol. 3. Moscow, 1997.
4. Volchetskaya T.S. Forensic situationology: monograph / Ed. by prof. N.P. Yablokov. Moscow, 1997.
5. Karleba V.A. On the concept of “investigative situation” (theoretical and practical aspects) // Society and Law. 2020. № 2 (72).
6. Zainullin R.I. Confrontation with the Participation of a Minor Accused: monograph / edited by Doctor of Law, Professor I.A. Makarenko. Moscow, 2016.
7. Knyazkov A.S. Classification of Investigative Situations // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2013. № 1 (7).
8. Egerev I.M. Tactical and Psychological Foundations of Presentation for Identification of Persons by Appearance: Diss. ... Cand. of Law. Irkutsk, 2006.
9. Makarenko I.A. Classification of investigative situations arising during verbal investigative actions involving a minor accused // Bulletin of Bashkir University. 2012. Vol. 17. № 2.
10. Makarenko I.A. System of tactical techniques for interrogating a minor accused, taking into account investigative situations and the psychological characteristics of the person being interrogated: diss. ... Cand. Sciences (Law). Ufa, 1998.
11. Dolinin V.N. Flexible algorithms for applying tactical techniques during interrogation in conflict-free and conflict situations. Yekaterinburg, 2019.
12. Vakhmyanina N.B. Conflict investigative situation as an element of forensic conflict development. Yekaterinburg, 2019.
13. Eksarkhopulo A.A. Forensic science: a textbook for universities / A.A. Eksarkhopulo, I.A. Makarenko, R.I. Zainullin. Moscow, 2025.
14. Ratnikov A.R. Forensic Psychology for Investigators. Moscow, 2001.
15. Baev O.Ya. Tactics of Investigative Actions. Voronezh, 1992.
16. Ageeva L.G. The Problem of Psychological Dependence/Independence of Adolescents on Their Parents // Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2011. Vol. 13. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

М. С. Полещук – аспирант кафедры криминалистики Института права. Уфимский университет науки и технологий. 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

M. S. Poleshchuk – postgraduate student of the Department of Forensic at the Institute of Law. Ufa University of Science and Technology. 131 Dostoevsky Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.01.2026; одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 17.01.2026; approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 343.141

**РЕЗУЛЬТАТЫ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ
И СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ВЗГЛЯД УЧЕНОГО 10 ЛЕТ СПУСТЯ**

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация,
s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Введение: настоящая статья посвящена итогам проводившихся в течение последних десяти лет научных изысканий, связанных с сущностью и предназначением подлежащих протоколированию результатов процессуально-когнитивных приемов, предполагающих наглядно-образное восприятие фрагментов объективной реальности – так называемых невербальных следственных и судебных действий.

Материалы и методы: при подготовке статьи использованы дореволюционные, советские и постсоветские научные публикации, а также уголовно-процессуальное законодательство Российской империи, СССР, РСФСР, других союзных республик и Российской Федерации. Методологическая основа статьи сводится к общенаучным и частно-научным методам, в том числе диалектическому методу познания, методу системного анализа, историко-правовому методу, формально-логическим методам и др.

Результаты исследования: формулируется обновленная дефиниция результатов невербальных следственных и судебных действий. Под ними предлагается понимать, предрасположенные к использованию для нужд доказывания информационные активы, формируемые посредством наглядно-образной перцепции должностными лицами органов дознания, предварительного следствия либо участниками судебных заседаний материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки и подлежащие фиксации в соответствующих протоколах.

Выводы и заключения: определяется уникальная роль результатов невербальных следственных и судебных, не уступающая роли показаний, вещественных доказательств и прочих предусмотренных Кодексом информационных активов.

Ключевые слова: доказательства; протокол судебного заседания; протоколы следственных действий; результаты невербальных следственных действий; результаты невербальных судебных действий; средства доказывания; формирование доказательств

Для цитирования: Россинский С. Б. Результаты невербальных следственных и судебных действий в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 191–196.

Original paper

**RESULTS OF NON-VERBAL INVESTIGATIVE
AND JUDICIAL ACTIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS:
A SCIENTIST'S OPINION 10 YEARS LATER**

Sergey Borisovich Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: this article presents the results of scientific research conducted over the past ten years on the nature and purpose of procedural-cognitive techniques that involve the visual and figurative perception of fragments of objective reality and are subject to recording – so-called non-verbal investigative and judicial actions.

Materials and methods: this article draws on pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet scientific publications, as well as the criminal procedure legislation of the Russian Empire, the USSR, the RSFSR, other Soviet republics, and the Russian Federation. The article's methodological

framework is based on general and specific scientific methods, including the dialectical method of cognition, the method of systems analysis, the historical-legal method, formal-logical methods, and others.

Results of the study: an updated definition of the results of non-verbal investigative and judicial actions is formulated. These are proposed to be understood as information assets that are ready for evidentiary purposes and are formed through the visual and figurative perception of material fragments of objective reality and elements of the material environment by officials of inquiry and preliminary investigation bodies or by participants in court hearings, and are subject to recording in the relevant protocols.

Findings and conclusions: the unique role of the results of non-verbal investigative and judicial actions is determined, which is equal to the role of testimony, material evidence, and other information assets stipulated by the Code.

Keywords: evidence, court session minutes, investigative protocols, results of non-verbal investigative actions, results of non-verbal judicial actions, means of proof, evidence formation

For citation: Rossinskiy S. B. Results of non-verbal investigative and judicial actions in criminal proceedings: a scientist's opinion 10 years later // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 191–196.

Некоторое время тому назад автора настоящей статьи всерьез заинтересовали проблемы результатов невербальных следственных и судебных действий как самостоятельных, играющих собственную роль уголовно-процессуальных доказательств — тех самых предусмотренных п. 5 ч. 2 ст. 74 и ст. 83 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ / Кодекс) средств доказывания, которые в настоящее время официально называются протоколами следственных действий и судебного заседания (вариативно — протоколами следственных и судебных действий). А первые итоги проведенных в этой связи изысканий были представлены на строгий суд читателей в 9-м номере журнала «Законы России: опыт, анализ, практика» за 2013 г. Результатами невербальных следственных и судебных действий предлагалось считать предрасположенные к использованию для нужд уголовно-процессуального познания и обоснования правоприменительных решений либо позиций сторон информационные активы, формируемые посредством наглядно-образной перцепции должностными лицами органов дознания, предварительного следствия либо участниками судебных заседаний материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки. Тогда как под протоколами рекомендовалось понимать не более чем средства фиксации подобных результатов, как бы документальные «приспособления» для их сохранения, приобщения к уголовным делам и дальнейшего восприятия новыми субъектами процессуального доказывания [1]. В дальнейшем указанным проблемам были посвящены многие другие публикации автора, в том числе защищенная в начале 2016 г. докторская диссертация.

Вместе с тем у автора никогда не возникало намерений останавливаться на достигнутом. Напротив, за прошедшие годы интерес к проблематике результатов невербальных следственных и судебных действий лишь усилился. Автор постоянно размышлял над данными вопросами, периодически уделял им внимание в монографиях, статьях, прочих научных работах [2; 3], участвовал в их обсуждении с коллегами и т. д. Постепенно ранее высказанные позиции были дополнены, «отполированы», усилены новыми доводами, а некоторые — даже подверглись частичному переосмыслению. А в настоящее время возникла потребность в некоторой систематизации итогов этих изысканий — реализации данного замысла и посвящена настоящая статья.

А начать хотелось бы с констатации явно ненадлежащей процессуальной регламентации протоколов следственных действий и судебного заседания (читай, результатов невербальных следственных и судебных действий). Содержание ст. 83 УПК РФ, вроде бы как специально предназначенной для раскрытия понятия и сущности подобных информационных активов, фактически сводится к более чем к лаконичной, и весьма неопределенной формулировке. Говорится лишь о возможности их использования в качестве доказательств в случае соответствия установленных Кодексом требованиям. Другими словами, из смысла указанной нормы усматривается только один внятный посыл — легальный подход к пониманию таких средств доказывания ограничивается исключительно их допустимостью, то есть формальным требованием, предъявляемым в соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и рядом положений УПК РФ к любым подлежащим использованию для нужд уголовной юстиции доказательствам. Невзирая на официально признанную идею гипотетической равнозначности доказательств, возникает ощущение какой-то второсортности результатов невербальных следственных и судебных действий (протоколов следственных действий и судебного заседания) по сравнению с другими средствами доказывания. Создается

впечатление несколько пренебрежительного отношения законодателя к данным информационным активам. К слову, подобное отношение усматривается даже в присущих Кодексу нейминговых противоречиях – в п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ такие доказательства почему-то названы «протоколами следственных и судебных действий», хотя любому специалисту хорошо известно, что никаких отдельных протоколов судебных действий не существует, а содержание и результаты производимых в ходе судебных разбирательств процессуально-когнитивных приемов согласно ст. 259 УПК РФ подлежат отражению в единых протоколах судебных заседаний.

В чем же состоит значение ст. 83 УПК РФ для уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной практики органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда? По всей видимости, ни в чем! Данное положение закона сводится к банальному и совершенно бессмысленному воспроизводству общего требования о допустимости доказательств (как бы к напоминанию о возможности использования лишь допустимых доказательств) в части нормативной регламентации одного из них. Более того, существование подобной, с позволения сказать, дефиниции способствует возникновению трудностей в разграничении результатов невербальных следственных и судебных действий с различными видами показаний как принципиально иных, но тем не менее тоже возникающих посредством следственных либо судебных действий, в первую очередь допросов и очных ставок, и подлежащих отражению в соответствующих протоколах средств доказывания. Во всяком случае для должного уяснения подлинной сущности, познавательной ценности и аргументационного потенциала результатов невербальных следственных и судебных действий ни указанная норма, ни какие-либо иные положения Кодекса явно непригодны! Причем такая непригодность видится не случайной. Во-многом эти недостатки вызваны теоретической непроработанностью данных вопросов.

Результаты следственных и судебных действий (протоколы следственных действий и судебного заседания) почему-то не заслужили столь пристального внимания научного сообщества, какое традиционного уделялось другим средствам доказывания. Говоря о подобных информационных активах, ученые-процессуалисты обычно ограничивались лишь более или менее удачными попытками толкования закона. Например, суждения многих дореволюционных авторов сводились к разъяснениям требований Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. [4, с. 201; 5, с. 292–293 и др.]. И все же некоторые ученые пытались высказывать определенные, к слову, совершенно верные, идеи, направленные на должное уразумение сущности протоколов-доказательств [6, с. 308–312]. А самой точной оказалась лаконичная реплика М.В. Духовского – смысл таких протоколов был связан с невозможностью сохранения имеющих значения для уголовного дела предметов в натуральном виде [7, с. 248].

Свойственные 1920-м–1950-м гг. взгляды на подобные средства доказывания тоже преимущественно сводились к толкованиям и разъяснениям соответствующих положений раннесоветского уголовно-процессуального права. Правда авторам в отличие от дореволюционных предшественников все же приходилось уделять определенное внимание вопросам разграничения протоколов-доказательств, в первую очередь протоколов осмотров, с другими письменными документами – такая потребность вытекала из смысла ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (ст. 62 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г.) и соответствующих статей других союзно-республиканских [8, с. 101; 9, с. 209]. Тогда как в остальном никакого особого интереса к проблематике результатов невербальных следственных и судебных действий по-прежнему не существовало – советских ученых гораздо сильнее привлекали различные виды показаний, экспертные заключения и вещественные доказательства. Однако и среди них все-таки находились желающие сказать о протоколах нечто большее. Например, М.А. Чельцов, по сути, солидаризируясь с М.В. Духовским, совершенно справедливо усматривал их предназначение в возможности использования вместо вещественных доказательств, а их исследование (оглашение) в судебном заседании считал приемлемой альтернативной судебного осмотра [10, с. 327].

Некоторое усиление интереса к проблематике результатов невербальных следственных и судебных действий появилось лишь в 1960-х–1980-х гг. – ввиду известной реформы уголовно-процессуального законодательства. Так, в ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г., ч. 2 ст. 69 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР 1960 г.) и соответствующих статьях прочих союзно-республиканских кодексов подобные информационные активы – протоколы следственных и судебных действий – были впервые официально признаны автономными средствами доказывания (источниками доказательств). Попутно были предприняты

первые попытки легализации дефиниций протоколов–доказательств – одна из них стала предусматриваться в ст. 87 УПК РСФСР 1960 г. В этой связи ученые-процессуалисты начали проявлять несколько большую активность в данном направлении. И, прежде всего, были высказаны здравые мысли о фиксации в таких протоколах результатов непосредственного наблюдения (восприятия) сотрудниками органов предварительного расследования либо участниками судебных заседаний фрагментов объективной реальности: обстановки определенных мест, следов преступлений, явлений, поведения определенных лиц и т. д. [11, с. 43; 12, с. 301–303 и др.]. Но, эти суждения являлись весьма фрагментарными, недостаточными для создания полноценной теоретической основы результатов невербальных следственных и судебных действий. К тому же, исходя из общего контекста соответствующих публикаций, они (суждения) предполагали высокую степень интуитивности и были достаточно голословными.

Конечно, в позднесоветский период существовали достаточно благоприятные условия для продолжения научных исследований в указанной сфере. Имелись и все предпосылки для формирования надлежащей теоретической основы результатов невербальных следственных и судебных действий. Ведь в стране наблюдался беспрецедентный подъем уголовно-процессуальной науки; разрастались и множились научные школы и центры, в расцвете творческих сил находились выдающиеся ученые-процессуалисты и т. д.

Однако эти шансы были упущены – в последние годы XX в. ввиду известных причин для теории уголовно-процессуального доказывания наступили далеко не лучшие времена: количество реализуемых научных «проектов» сократилось, а их качество – заметно снизилось. Вместо этого на фоне резкого изменения политического климата возникли совершенно иные и во многом чуждые национальным традициям приоритетные направления научной работы в области уголовного судопроизводства. В предмет проводившихся исследований все чаще стали попадать различные аспекты состязательности, обеспечения прав личности, презумпции невиновности, суда присяжных и т. п. Тогда как интерес к проблематике доказывания начал постепенно утрачиваться, разве что за исключением конъюнктурной увлеченности ряда авторов вопросами допустимости доказательств. В этой связи начатые было ранее изыскания в части результатов невербальных следственных и судебных действий фактически прекратились. Взамен авторы стали по-прежнему ограничиваться незамысловатыми разъяснениями соответствующих положений закона. А в последние годы такие разъяснения ожидаемого дополнились вполне заслуженной критикой ст. 83 УПК РФ и призывами к реставрации содержащейся в ст. 87 УПК РСФСР 1960 г. советской нормативной дефиниции протоколов–доказательств, предполагающей перечисление обуславливающих их формирование процессуальных действий. И лишь немногие ученые не отказались от попыток рассмотрения сущности подобных средств доказывания, продолжив исходить из их обусловленности итогами непосредственного восприятия каких-либо сведений должностными лицами органов предварительного расследования или участниками судебных заседаний [13, с. 216–217; 14, с. 161–162].

Именно «с легкой руки» одного из них – профессора Ю.К. Орлова – у автора настоящей статьи в свое время возникли намерения осуществить более глубокие научные изыскания, направленные на распознавание подлинной сущности протоколов–доказательств, в первую очередь характера фиксируемой в них полезной информации. В итоге проведенных исследований наступило четкое осознание обусловленности указанных средств доказывания так называемым невербальным способом процессуального познания, сводящимся к наглядно-образному восприятию субъектами доказывания материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки – именно поэтому данные познавательные активы и было предложено называть не протоколами, а результатами невербальных следственных и судебных действий.

К слову, попутно проявился и оказался хорошо заметным нормативный изъян, возникший еще в период формирования раннесоветского уголовно-процессуального права, а затем, как бы по инерции перекочевавшей в последующие законодательные акты, в том числе в действующий Кодекс. Этот изъян надлежит усматривать в легальном (нормативном) наречении результатов невербальных следственных и судебных действий протоколами следственных действий и судебного заседания (именно протоколами!) – в их ошибочном позиционировании как процессуальных документов, то есть в нарушении единообразных подходов к пониманию различных средств доказывания. Ведь вполне очевидно, что в отличие, например, от показаний и экспертных заключений протоколы являются не столько самими предполагаемыми к использованию для нужд уголовной юстиции информационными активами (определенными конфигурациями полезных сведений), сколько документальными «приспособлениями», как бы подходящими «бюрократическими контейнерами» для их сохранения, приобщения к уголовным делам и дальнейшего

восприятия субъектами процессуального познания, не принимавшими непосредственного участия в соответствующих следственных и судебных действиях.

А причины возникновения такой шероховатости также видятся в отсутствии надлежащей теоретической основы подобных средств доказывания. По всей вероятности, она появилась вследствие перманентного оставления без должного внимания прежнего, в первую очередь бытовавшего в дореволюционный период отношения к уголовно-процессуальному доказыванию как к исключительному атрибуту судебной деятельности, не свойственному работе иных должностных лиц. Ведь ранее доказательства прямо назывались судебными – по сути, подразумевалось, что любые подлежащие использованию для нужд уголовной юстиции познавательные активы могли рассматриваться и оцениваться в качестве полноценных средств доказывания лишь представителями судебной власти. Тогда как осмотры, освидетельствования, обыски, прочие невербально-когнитивных приемы зачастую проводились полицией (иными внесудебными органами). Поэтому в бытовавших ранее представлениях о результатах невербально-когнитивных приемов именно как о протоколах в целом не было ничего странного – суды действительно всегда получали и продолжают получать подлежащие исследованию и использованию в судебных заседаниях (!) сведения об обнаруженных и воспринятых полицейскими либо иными внесудебными чиновниками материальных фрагментах объективной реальности, элементах вещной обстановки посредством ознакомления с содержанием составляемых ими (чиновниками) протоколов.

Правда при формировании соответствующих положений законодательства почему-то никогда не учитывались собственные полномочия представителей судебной власти (вначале – «царских» судебных следователей, а затем – и раннесоветских народных следователей) по проведению невербально-когнитивных приемов. А позднее отчего-то не были приняты во внимание советские процессуальные новшества, состоящие в праве формирования полноценных доказательств органами предварительного расследования во внесудебном порядке. Да и возможности проведения аналогичных по содержанию процессуальных действий, главным образом осмотров, прямо в ходе судебных заседаний, видимо, тоже никогда не наводили «коллективного законодателя» на раздумья о возникающей в этой связи нормативном изъяне. Вместе с тем не исключено, что в случае надлежащей теоретической проработанности соответствующих вопросов этих упущений также удалось бы избежать.

Таким образом, под результатами невербальных следственных и судебных действий надлежит понимать, предрасположенные к использованию для нужд доказывания информационные активы, формируемые посредством наглядно-образной перцепции должностными лицами органов дознания, предварительного следствия либо участниками судебных заседаний материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки и подлежащие фиксации в соответствующих протоколах. А их роль в уголовно-процессуальном доказывании представляется ни коим образом не уступающей роли показаний, вещественных доказательств и прочих предусмотренных Кодексом информационных активов. Именно с их помощью нередко удается установить и подтвердить не вполне предрасположенные к установлению и подтверждению посредством иных доказательств обстоятельства и детали произошедшего. В частности, результаты невербальных следственных и судебных действий способствуют сохранению в материалах уголовного дела сведений об обнаружении и наглядно-образной перцепции неподдающихся (не вполне поддающихся) процессуальной «консервации», в том числе подверженных деформациям или исчезновениям материальных фрагментов объективной реальности: мест происшествий, других помещений, сооружений, участков местности, особенностей внешности и физического состояния живых людей, трупов крупногабаритных предметов, партий товаров и т. п. Кроме того, они позволяют зафиксировать информацию о неподлежащих повторному воспроизведению конкретных действиях (телодвижениях) участников уголовного судопроизводства, о фактах нахождения в определенных местах значимых для доказывания предметов, документов и т. д. Поэтому думается, что инкрементальное внедрение данного подхода к пониманию результатов невербальных следственных и судебных действий в теорию уголовного процесса, уголовно-процессуальное законодательство и практическую деятельность явно поспособствует качеству доказывания, в первую очередь устранению ряда допускаемых дознавателями, следователями, прокурорами, адвокатами и судьями ошибок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинский С.Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9.

2. Россинский С.Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // Lex Russica. 2017. № 10 (131).
3. Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? – Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81).
4. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913.
5. Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том 2. СПб., 1910.
7. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910.
8. Строгович М.С. Уголовный процесс: краткий учебник. М., 1938.
9. Калашникова Н.Я., Куцова Э.Ф., Савгирова Н.М., Якуб М.Л. Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1955.
10. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948.
11. Галкин В.М. Средства доказывания в уголовном процессе. Часть 2. М., 1967.
12. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Особенная / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1967.
13. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.
14. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. – М., 2009.

REFERENCES

1. Rossinskiy S.B. The Essence of the Results of Non-verbal Investigative and Judicial Actions as Evidence in a Criminal Case // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2013. № 9.
2. Rossinskiy S.B. Protocols of Investigative Actions: Problems of Procedural Form and Evidentiary Value // Lex Russica. 2017. № 10 (131).
3. Rossinskiy S.B. Appendix to the protocol of the investigative action: to recognize or not to recognize as material evidence? Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2(81).
4. Poznyshev S.V. Elementary Textbook of Russian Criminal Procedure. Moscow, 1913.
5. Feldstein G.S. Lectures on Criminal Procedure. Moscow, 1915.
6. Foinitskiy I.Ya. Course in Criminal Procedure. Volume 2. St. Petersburg: Senatorial Printing House, 1910.
7. Dukhovskoy M.V. Russian Criminal Procedure. Moscow, 1910.
8. Strogovich M.S. Criminal Procedure: A Brief Textbook. Moscow, 1938.
9. Kalashnikova N.Ya., Kutsova E.F., Savgirova N.M., Yakub M.L. Issues of criminal procedure in the practice of the Supreme Court of the USSR. M.: State Publishing House of Legal Literature, 1955.
10. Cheltsov M.A. Criminal procedure. Moscow. 1948.
11. Galkin V.M. Means of Evidence in Criminal Proceedings. Part 2. Moscow: Central Research Institute of Forensic Expertise, 1967.
12. Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure. Special Part / ed. N.V. Zhogin. Moscow, 1967.
13. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. Criminal Procedure: Evidence and Proof. Voronezh, 1995.
14. Orlov Yu.K. Problems of the Theory of Evidence in Criminal Procedure. Moscow, 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. Б. Россинский – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук. 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. B. Rossinskiy – Grand PhD in Law, Professor, chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 10, Znamenka St., Moscow 119019 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 15.12.2025; принята к публикации 13.03.2026. .

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 343.1**НАРКОТИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (2020–2024 ГГ.): ПРОБЛЕМА
«ЗАПАЗДЫВАЮЩИХ» ИНДИКАТОРОВ И ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ
МОНИТОРИНГА****Михаил Викторович Рудов**Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
mis6431@yandex.ru

Введение: в статье анализируются особенности наркотизации населения Российской Федерации в период с 2020 по 2024 гг. Объектом исследования выступает наркотизация как процесс и результат вовлечения населения в немедицинское потребление психоактивных веществ. Предметом исследования выступает противоречивая и парадоксальная динамика ключевых показателей наркоситуации и недостатки действующей системы ее мониторинга, не позволяющей оценивать особенности и способы процесса вовлечения, а также определять наиболее уязвимые группы населения для наркотизации.

Материалы и методы: на основе данных государственного мониторинга и официальных докладов Государственного антинаркотического комитета (ГАК), с использованием метода статистического анализа динамики показателей, критической оценки методологии мониторинга и анализа формирующихся тенденций, исследованы ключевые показатели наркоситуации, включая уровни вовлеченности в незаконный оборот, заболеваемости, отравлений и смертности.

Выводы и заключения: выявлено, что, несмотря на формальное улучшение ряда показателей (снижение уровня вовлеченности, числа впервые диагностированных случаев зависимости, инъекционного потребления), отмечается тревожный рост случаев острых и смертельных отравлений, особенно среди несовершеннолетних. Автор приводит аргументы в пользу того, что существующая система мониторинга наркоситуации опирается на «запаздывающие» индикаторы (преступность, диагнозы, отравления), которые фиксируют лишь последствия наркотизации, но не позволяют оценивать наркотизацию населения, как процесс и результат вовлечения новых лиц, социально-психологический профиль групп риска и каналы воздействия.

Выводы и заключения: в качестве решения предлагается модернизация методологии мониторинга путем введения специального показателя (индекса наркотизации), основанного на социологических опросах об отношении к наркотикам и готовности их попробовать, что позволит актуализировать и повысить эффективность раннего предупреждения первичного вовлечения в употребление наркотиков, и в конечном итоге, сместить акценты антинаркотической политики с репрессивно-медицинской на превентивно-социальную модель.

Ключевые слова: наркотизация населения, наркоситуация в России, немедицинское потребление наркотиков, антинаркотическая политика, мониторинг наркоситуации, Государственный антинаркотический комитет (ГАК), новые психоактивные вещества (НПВ), отравления наркотиками, профилактика наркомании, социальные группы риска

Для цитирования: Рудов М. В. Наркотизация населения России (2020–2024 гг.): проблема «запаздывающих» индикаторов и пути модернизации системы мониторинга // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 197–204.

Original paper

**NARCOSIS OF THE RUSSIAN POPULATION (2020-2024): THE PROBLEM
OF "LAGGING" INDICATORS AND WAYS TO MODERNIZE THE MONITORING
SYSTEM**

Introduction: the article analyzes the features of drug addiction in the Russian Federation in the period from 2020 to 2024. The object of the study is drug addiction as a complex social phenomenon involving the population in the non-medical use of psychoactive substances. The subject of the study is the contradictory dynamics of key indicators of the drug situation and

© Рудов М.В., 2026

the shortcomings of the current monitoring system, which does not allow assessing the features and methods of the involvement process, as well as identifying the most vulnerable groups of the population for anesthesia.

Materials and methods: based on state monitoring data and official reports of the State Anti-Drug Committee (SAC), using the method of statistical analysis of the dynamics of indicators, a critical assessment of the methodology of monitoring and analysis of emerging trends, key indicators of the drug situation, including levels of involvement in illicit trafficking, morbidity, poisoning and mortality, were investigated.

Findings and conclusions: it has been revealed that, despite the formal improvement in a number of indicators (a decrease in the level of involvement, the number of newly diagnosed cases of addiction, injection use), there is an alarming increase in cases of acute and fatal poisoning, especially among minors. The author argues that the existing system for monitoring the drug situation is based on "lagging" indicators (crime, diagnoses, poisoning), which record only the effects of anesthesia, but do not assess the process of involving new people, the socio-psychological profile of risk groups and channels of exposure. As a solution, it is proposed to modernize the monitoring methodology by introducing a special indicator (the narcosis index) based on sociological surveys on attitudes to drugs and willingness to try them, which will make it possible to update and improve the effectiveness of early warning of primary involvement in drug use, and ultimately shift the focus of anti-drug policy from repressive- the transition to a preventive social model.

Keywords: population narcosis, drug situation in Russia, non-medical drug use, anti-drug policy, drug situation monitoring, State Anti-Drug Committee (SAC), new psychoactive substances (NPS), drug poisoning, drug addiction prevention, social risk groups

For citation: Rudov M. V. Narcosis of the Russian Population (2020–2024): the Problem of "Lagging" Indicators and Ways to Modernize the Monitoring System // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 197–204.

Незаконный оборот наркотиков¹ и незаконное употребление наркотиков, уровень заболеваемости наркоманией, количественная и качественная характеристика всего массива преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, согласно Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. (далее – Стратегия) являются приоритетными направлениями антинаркотической деятельности в Российской Федерации [6].

Перечисленные негативные социальные явления, как это справедливо оценено в Стратегии, представляют угрозу национальной безопасности в Российской Федерации.

Данные мониторинга, свидетельствуют о том, что основные параметры наркоситуации, сформировавшейся в России за период с 2020 по 2024 гг. характеризуются высокой динамичностью, и в значительной степени, противоречивы, свидетельствуя, как о положительных, так и достаточно тревожных тенденциях, формирующихся в этой сфере. В этой связи, изменялись и оценки состояния наркоситуации, как в целом в России, так и в отдельных регионах, осуществленные согласно установленных методик Государственным антинаркотическим комитетом (далее – ГАК). Динамика таких оценок приведена в Таблице 1² и Таблице 2³.

Таблица 1

Год	Общая оценка состояния наркоситуации в России	Количество субъектов РФ с оценкой наркоситуации «удовлетворительная»	Количество субъектов РФ с оценкой наркоситуации «напряженная»	Количество субъектов РФ с оценкой наркоситуации «тяжелая»	Количество субъектов РФ с оценкой наркоситуации «предкризисная»	Количество субъектов РФ с оценкой наркоситуации «кризисная»
2020	Тяжелая	нет данных	56	29	нет данных	нет данных

¹ В рамках данной статьи, термин «наркотики», используется в том значении, которое ему придано в пп. «б» п. 5 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года // Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 (ред. от 29.03.2023).

² Согласно Методики и порядка осуществления мониторинга, а также критериями оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах, (III пересмотр), утвержденными п. 1.3 протокола заседания ГАК от 15 февраля 2017 г. № 32 (с изменениями и дополнениями от 11 декабря 2017 г.). Методикой определено пять критериев оценки состояния наркоситуации: «удовлетворительная», «напряженная», «тяжелая», «предкризисная», «кризисная». Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

³ В соответствии с Методикой и порядком осуществления мониторинга, а также критериями оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах утвержденной подпунктом 4.3 решения Государственного антинаркотического комитета от 25 июня 2021 г. (протокол № 48), определены четыре последовательных критерия оценки развития наркоситуации «нейтральная» «сложная» «предкризисная» «кризисная». Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

Год	Общая оценка состояния наркоситуации в России	Количество субъектов РФ с оценкой наркоситуации «нейтральная»	Количество субъектов РФ с оценкой наркоситуации «напряженная»	Количество субъектов РФ с оценкой наркоситуации «предкризисная»	Количество субъектов РФ с оценкой наркоситуации «кризисная»
2021	нейтральная	нет данных	18	1	нет данных
2022	нейтральная	57	27	1	нет данных
2023	нейтральная	52	нет данных	нет данных	нет данных
2024	нейтральная	52	33	нет данных	нет данных

Одной из составляющих наркоситуации в России является наркотизация населения нашего государства.

В современной научной литературе наркотизация населения рассматривается, как многоаспектное, сложное социальное явление, содержательными признаками которого является распространение и укоренение практик немедицинского потребления наркотических и других психоактивных веществ в обществе.

В настоящее время, понятие наркотизации не является нормативным, содержание этого понятия раскрывается только в доктрине криминологии. Так, М.Ю. Воронин, считает, что для наркотизация обладает специфическим объектом, к которому, относит только те социальные общности и индивиды, которые не приобщены к немедицинскому потреблению наркотиков и к которые не следует причислять больных наркоманией, лиц, которые ситуативно употребили наркотики, и лиц с устоявшейся психической зависимостью от наркотиков [1]. Указанный автор считает, что именно устойчивая зависимость служит критерием, позволяющим на принципиальной основе выделять лиц, являющихся объектами наркотизации [1].

Воронин М.Ю. рассматривает наркотизацию в двух аспектах: как процесс и как результат [1]. Полагаем возможным для данной работы использовать точку зрения М.Ю. Воронина на наркотизацию, в качестве концептуальной.

Необходимо отметить, что используя приведенный выше подход, достаточно непросто оценить состояние наркотизации населения в качественных и количественных показателях. В значительной мере эти показатели будут носить косвенный характер, поскольку будут основываться на показателях, характеризующих явления, по существу, производные уже от наркотизации.

Применяемая в настоящее время Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах, утвержденная подпунктом 4.3 решения Государственного антинаркотического комитета (протокол от 25.06.2021 № 48) с изменениями и дополнениями от 26 декабря 2022 г. (протокол № 51) (далее – Методика) [5], в целях оценки наркоситуации устанавливает десять показателей: ОП-1 – ОП-10. Эти оценочные показатели соответственно поименованы как вовлеченность населения в незаконный оборот наркотиков; уровень вовлеченности несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков; криминогенность наркомании; уровень криминогенности наркомании среди несовершеннолетних; доступность наркотиков; оценочная распространенность употребления наркотиков; уровень первичной заболеваемости наркологическими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков; количество отравлений наркотиками; количество отравлений наркотиками среди несовершеннолетних; количество смертельных отравлений наркотиками.

Исходя из представленного выше понятия наркотизации населения, и принятого в качестве концептуального для данного исследования, следует заключить, что указанная Методика специального оценочного показателя, позволяющего судить о состоянии наркотизации населения в России не содержит.

Вполне очевидно, что наркотизируемые лица, нередко совершают преступления и правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков (далее – правонарушения, связанные с НОН), среди таких лиц фигурируют и наркотизированные несовершеннолетние. В свою очередь, наркотизированные, включая и лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, совершают и преступления и административные правонарушения, находясь под воздействием наркотиков.

Данные, об оценочных показателях наркоситуации, ОП-1-ОП-4 за период 2021–2024 гг., представлены ниже, в таблице 3 [3].

Таблица 3

Год	ОП-1 – вовлеченность населения в незаконный оборот наркотиков	ОП-2 – уровень вовлеченности несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков	ОП-3 – криминогенность наркомании	ОП-4 – уровень криминогенности наркомании среди несовершеннолетних
2021	86 705,1	1 808,4	74 791,9	1 020,6
2022	81 157,9	1 578,6	74 088,0	962,6
2023	78 493,7	1 415,8	71 740,1	810,1
2024	70 847,0	нет данных	64 766,0	нет данных

Вполне очевидно, что данные, представленные в таблице 3 позволяют оценить только относительный уровень вовлеченности населения, включая несовершеннолетних в НОН, а также относительную распространенность преступных деяний, совершаемых под воздействием наркотиков.

Более высокой степенью релевантности по отношению к рассматриваемому негативному социальному явлению обладают такие показатели наркоситуации, как ОП-5–ОП-10. Вместе с тем, на наш взгляд, данные показатели, также нельзя рассматривать, как сугубо специфические в этом отношении. Эти показатели носят производный или оценочный характер, смешивая в опросах информированных лиц и собственно потребителей наркотиков. Вместе с тем, анализ динамики этих показателей позволяет выявить важные структурные сдвиги в наркоситуации, а также косвенным образом оценить особенности наркотизации населения в России.

На наш взгляд, из всего круга оценочных признаков, наибольшим потенциалом для оценки наркотизации обладает показатель, отражающий уровень дебютов патологий, сопряженных с употреблением наркотиков (ОП-7). Содержанием этого показателя является соотношение суммарного количества лиц, с впервые констатированными устойчивыми признаками таких заболеваний, как «наркомания» и «пагубное, (с вредными последствиями) употребление наркотиков».

В доступных для изучения автору Докладах ГАК о наркоситуации в Российской Федерации за период с 2020 по 2024 гг., этот показатель отражен, его динамика представлена в таблице 4 [3].

Таблица 4

	2020	2021	2022	2023	2024
Количество лиц, которым впервые поставлен диагноз «синдром зависимости (наркомания)» (тыс.)	12,5	13,9	14,0	12,9	11,8
Относительный прирост к АППГ, %	нет данных	11,2	0,5	-7,9	-8,1
Количество пациентов, которым впервые поставлен диагноз «пагубное употребление наркотиков» (тыс.)	24,5	24,1	21,7	19,4	16,7
Относительный прирост к АППГ, %	нет данных	-1,3	-10	-10,5	-14,1

В целом оценивая представленные показатели, можно констатировать, что начиная с 2020 г., наметилась тенденция к снижению и количества лиц, которым впервые поставлен диагноз «синдром зависимости», и особенно в отношении лиц, которым впервые поставлен диагноз «пагубное употребление наркотиков». В среднем, ежегодное снижение этого показателя составило 11,6 %.

Полагаем, что именно социально-демографические характеристики этих двух социальных групп, позволят делать достоверные выводы о значимых, с точки зрения предупреждения наркотизации характеристиках личности субъектов, наиболее подверженных наркотизации, а также об особенностях факторных комплексов, способствующих этому.

Существенно дополнит и углубит сведения в этой сфере, данные относительно лиц, относящихся к категории пациентов с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, лиц, которым поставлен диагноз «наркомания», а также о пациентах, которым поставлен диагноз «пагубное употребление наркотиков».

Количественные данные о таких лицах представлены в таблице 5 [3].

Таблица 5

	2020	2021	2022	2023	2024
Количество пациентов, с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков (тыс.)	381,5	388,4	391,7	388,2	378,0
Относительный прирост показателя к АППГ, %	-5	1,8	0,8	-0,9	-2,6
Количество лиц, которым поставлен диагноз «наркомания» (тыс.)	224,1	227,4	229,7	228,7	223,1
Относительный прирост показателя, к АППГ, %	-5,1	1,5	1	-0,4	-2,4
Количество пациентов, которым поставлен диагноз «пагубное (с вредными последствиями) употребление наркотиков» (тыс.)	157,4	161	161,9	159,5	154,8
Относительный прирост показателя, к АППГ, %	-4,6	2,3	0,6	-1,5	-2,9

Помимо этого, в значительной степени сформировать представление об особенностях групп населения, в высокой степени подверженных наркотизации, позволят сведения, касающиеся лиц, употребляющих наркотики инъекционным способом, лиц, получивших острую токсикацию наркотиками, о лицах умерших в результате употребления наркотиков, а также о количестве отравлений наркотиками среди несовершеннолетних. Количественные показатели об этом аспекте наркоситуации в России, представлены в таблице 6 [3].

Таблица 6

	2020	2021	2022	2023	2024
Число пациентов, употребляющих наркотические средства инъекционным способом, (тыс.)	165,2	160,1	151,6	144,6	134,2
Относительный прирост показателя, к АППГ, %	-6,7	-3,1	-5,3	-4,6	-7,2
Число острых отравлений наркотиками, (тыс.)	18,0	21,2	22,0	25,2	23,3
Относительный прирост показателя, к АППГ, %	-0,2	17,5	3,6	14,2	-7,5
Число острых отравлений наркотиками на 100 тыс. населения	12,2	14,4	14,9	17,3	15,9

Количество смертельных отравлений наркотиками, (тыс.)	7,4	9,2	10,4	10,4	7,9
Относительный прирост показателя, к АППГ, %	16,1	24	13	0	-24
Число смертельных отравлений наркотиками на 100 тыс. населения.	нет данных	5,01	6,25	7,11	5,41
Количество острых отравлений наркотиками среди несовершеннолетних (в абсолютных величинах) ⁴	431	588	422	595	нет данных
Относительный прирост показателя, к АППГ, %	-12,4	0,5	-24,4	41	нет данных
Число острых отравлений наркотиками среди несовершеннолетних на 100 тыс. населения	9,8	7,22	9,7	6,77	7,76

Анализ представленных данных, характеризующих наркоситуацию в России за период с 2020 по 2024 гг. позволяет сделать ряд выводов.

Прежде всего, можно заключить, что несмотря на некоторое формальное улучшение ряда статистических показателей, объективно, наркоситуация остается сложной, и в ней наблюдаются структурные изменения, связанные прежде всего с трансформацией соотношения нелегальных психоактивных веществ, циркулирующих в незаконном обороте.

Согласно критериям ГАК, общая оценка наркоситуации с 2021 по 2025 гг., продемонстрировала дрейф от «тяжелой» к «нейтральной» [3]. Исследованные в работе данные позволили выделить ряд положительных трендов, которые, тем не менее, требуют осторожной интерпретации. Так, отмечается снижение показателей, характеризующих уровень вовлеченности населения, включая и несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков. В частности, отмечается снижение числа лиц с впервые поставленным диагнозом «синдром зависимости (наркомания)». Так, за период с 2021 по 2024 гг., в среднем ежегодное снижение этого показателя составило 1,1%. В этот же период отмечается уменьшение количества пациентов, которым впервые поставлен диагноз «пагубное употребление наркотиков», в среднем ежегодное снижение составило 9%. За этот период уменьшилось и количество лиц, которым поставлен диагноз наркомания, ежегодно, в среднем этот показатель снижался на 1,1%. Ежегодно, в обозначенный период, происходило уменьшение лиц, которым был поставлен диагноз пагубное (с вредными последствиями употребление наркотиков), в среднем, ежегодно этот показатель уменьшался на 1,2%. За этот период было зафиксировано и снижение числа лиц, употребляющих наркотики наиболее опасным, сопряженным с массой различных рисков способом – инъекционным. В среднем, ежегодное снижение этого показателя составило 5,4 %.

Эти данные, в совокупности с другими оценочными показателями наркоситуации в России, свидетельствуют о том, что оценки ГАК ее динамики, как в целом положительной, являются вполне обоснованными. Кроме того, это, несомненно, отражает и определенные успехи, достигнуты в рамках проводимой в России антинаркотической политики.

Однако, имеется ряд других показателей, которые свидетельствуют о наличии серьезных проблем в этой сфере, и прежде всего в области наркотизации населения.

Так, представленные в работе данные свидетельствуют о том, что за период с 2020 по 2024 гг., ежегодно увеличивалось количество случаев острых отравлений наркотиками – в среднем ежегодно на 5,5 %. При этом, необходимо учесть, что ежегодное среднее увеличение этого показателя фигурирует на фоне констатируемой Росстатом в период с 2020 по 2024 гг. стабильной тенденции к уменьшения общего количества населения, проживающего на территории России. Так, в 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 гг. в России (без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям), проживало

⁴ За 2024 год, доступных для исследования данных об абсолютных и относительных показателях, характеризующих уровень острых отравлений наркотиками среди несовершеннолетних не имеется.

соответственно 147,9, 147,4, 147, 146,4, 146,1 млн. человек [4]. Из этого следует, что снижение относительного показателя, характеризующего уровень острых отравлений наркотиками на 100 тыс. населения, обусловлен не только снижением общего количества острых отравлений наркотиками, но и общей, весьма интенсивной убылью населения в России.

Помимо этого, представленные данные свидетельствуют и о увеличении количества смертельных отравлений наркотиками – в среднем на 5,8 % ежегодно и о росте количества острых отравлений наркотиками среди несовершеннолетних – в среднем, ежегодно на 1,2 %.

Эти показатели, на наш взгляд, как минимум свидетельствуют о весьма тревожных тенденциях, фигурирующих в сфере наркотизации населения, и в частности, ее структурной трансформации, которая, как мы полагаем, проявляется в том, что на нелегальный рынок активно поступают наркотики синтетические, «дизайнерские» психоактивные вещества, ранее не известные потребителю, и соответственно не имеющего опыта обращения с ними. Помимо этого, увеличение перечисленных показателей свидетельствует о том, что в сферу наркопотребления вовлекаются лица молодого возраста. Структурный сдвиг наркоситуации проявляет себя в снижении привычной «классической» опийной наркомании, компенсируемой ростом потребления новых психоактивных веществ, что влечет уменьшение количества регистрируемых случаев зависимости, но предопределяет увеличение показателей характеризующих высокую токсичность и даже летальность веществ, в употребление которых вовлекается население, и молодежь прежде всего. Все это свидетельствует о сохранении проблемы повышения эффективности предупреждения наркотизации населения России. При этом, вполне очевидно, что без эффективных инструментов, позволяющих провести криминологическую диагностику этого негативного социального явления, решение этой проблемы является крайне затруднительным.

Вместе с тем, существующая система мониторинга наркоситуации в России не обладает специальными средствами, которые позволяли бы адекватно оценить характеристики этого явления, что соответственно снижает эффективность превентивной политики в этой сфере.

Прежде всего, следует отметить, что и Стратегия и Методика, не используют такое понятие как наркотизация. Акцент сделан на явлениях, сопровождающих наркотизацию, то есть связанных с ней патологиях, и криминогенности немедицинского употребления наркотиков. На наш взгляд, это обстоятельство имеет ряд негативных следствий, и прежде всего – определенное смещение фокуса политики с предупреждения наркотизации на борьбу с ее последствиями, и прежде всего преступности, связанной с НОН.

Помимо этого, такой подход предопределяет то, что все оценочные показатели наркоситуации, отраженные в Методике, несут в значительной степени «запаздывающий характер», поскольку ориентированы прежде всего на фиксацию уже свершившихся негативных событий (преступление, правонарушение, диагноз, отравление), что позволяет только приблизительно оценивать процесс вовлечения населения в немедицинское употребление наркотиков. Эти показатели не позволяют анализировать данные о доле в общем объеме населения лиц, готовых попробовать наркотики, эффективности каналов вовлечения населения в немедицинское употребление наркотиков, социально-психологическом профиле наркотизируемых социальных групп.

Определенным образом решить эту проблему позволит модернизация системы мониторинга наркоситуации в России, которая, с учетом изложенного выше должна проявиться в ряде мер. Прежде всего, это введение в Методику в качестве объекта мониторинга и измерения собственно наркотизации населения, как одного из важнейших показателей наркоситуации в целом. Наряду с этим необходимо включить в методику такой оценочный показатель, как «индекс наркотизации», определение которого должно основываться на результатах социологических опросов об отношении к наркотикам, опыте их употребления и готовности попробовать.

Представляется целесообразным постоянно концентрировать данные, как минимум социально-демографического характера, относительно лиц, которым были поставлены такие диагнозы как «пагубное употребление наркотиков», наркомания, пагубное (с вредными последствиями употребление наркотиков).

Кроме того, по стандартным методикам необходимо собирать социально-демографические данные относительно лиц, которые употребляют наркотики инъекционным способом, лиц, перенесших острое отравление или смертельное отравление наркотиками, при этом специально выделяя в этой социальной группе несовершеннолетних. Анализ этих данных позволит сделать как минимум достаточно достоверные выводы о каналах влияния на эти социальные группы и особенностях мотивации наркотизируемых лиц. В свою очередь, эти данные могут быть положены в основу разработки и внедрения целевых программ ранней профилактики для конкретных социально-демографических групп, наиболее подверженных наркотизации и в известной степени сместить акценты в предупредительной деятельности

с репрессивно-медицинской модели на превентивно-социальную модель, приоритетно ориентированной на предупреждение первичного вовлечения в употребление наркотиков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воронин М.Ю. О содержании и сущности понятия «наркотизация населения» // Научный портал МВД России. 2008. № 4.
2. Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах. Утверждены решением Государственного антинаркотического комитета (протокол от 25.06.2021 № 48) с изменениями и дополнениями от 26 декабря 2022 г. (протокол № 51). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
3. Официальный сайт Государственного антинаркотического комитета. МВД России, 2026. URL: <https://гак.мвд.рф/мониторинг-наркоситуации/выдержки-из-докладов-о-наркоситуации> (дата обращения: 27.01.2026).
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Росстат, 2026. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 26.01.2026).
5. Решение Государственного антинаркотического комитета (протокол от 25.06.2021 № 48) с изменениями и дополнениями от 26 декабря 2022 г. (протокол № 51). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
6. Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 (ред. от 29.03.2023) «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года». Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

REFERENCES

1. Voronin M. Yu. On the content and essence of the concept of “population narcosis” // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. № 4.
2. Methodology and procedure for monitoring, as well as criteria for assessing the development of the drug situation in the Russian Federation and its subjects. Approved by the decision of the State Anti-Drug Committee (Protocol № 48 dated 06/25/2021) with amendments and additions dated December 26, 2022 (Protocol No. 51). Access from the legal system «Garant».
3. The official website of the State Anti-Drug Committee. – Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026. URL: <https://гак.мвд.рф/мониторинг-наркоситуации/выдержки-из-докладов-о-наркоситуации> (date of access: 27.01.2026)
4. Official website of the Federal State Statistics Service. – Rosstat, 2026. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/12781> (date of access: 26.01.2026).
5. Decision of the State Anti-Drug Committee (Protocol No. 48 dated 06/25/2021) with amendments and additions dated December 26, 2022 (Protocol No. 51). Access from the legal system «Garant».
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 11/23/2020 № 733 (as amended on 03/29/2023) “On approval of the Strategy of the State Anti-drug Policy of the Russian Federation for the period up to 2030”. Access from the legal system «Garant».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

М. В. Рудов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

M. V. Rudov – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 25.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 343.326

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДИВЕРСИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ И ЕЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Александр Владимирович Рясов

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь, Российская Федерация, aleks-rav78@yandex.ru

Введение: в условиях специальной военной операции и активизации угроз диверсионно-террористического характера особую значимость приобретает точная квалификация преступлений против критической инфраструктуры и безопасности государства. Цель исследования – анализ современных подходов к разграничению составов диверсии и смежных преступлений в уголовном праве Российской Федерации.

Материалы и методы: в основе работы лежит анализ норм Уголовного кодекса РФ (ст. 281, 205, 267, 214, 167 и др.), а также последних изменений законодательства, включая Федеральные законы № 586-ФЗ и № 157-ФЗ. Используются методы сравнительно-правового и системного анализа, изучение правоприменительной практики и доктринальных источников, научных статей Иванцова С.В., Решняк М.Г. и Дибинной С.В.

В процессе исследования автор использовал общенаучные методы, включая анализ, сравнительно-правовой метод, логику и формально-юридический подход позволившие устанавливать критерии для их разграничения.

Результаты исследования: могут быть использованы в вузах Министерства внутренних дел при подготовке учебного материала для обучающихся по следующим дисциплинам: «Уголовное право», «Практикум по особенностям квалификации отдельных видов преступлений», «Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации».

Выводы и заключения: выявлены ключевые критерии разграничения диверсии и террористического акта: непосредственный объект, целевая направленность умысла, специфика объектов воздействия и способ совершения. Уточнены отличия диверсии от смежных составов (вандализм, умышленное повреждение имущества, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения). Обоснована необходимость применения принципа реальной совокупности при совмещении террористических и диверсионных целей. Закрепление в УК РФ статей 281.1–281.3 способствует формированию системного подхода к противодействию диверсионной деятельности. Правильная квалификация требует учета объекта посягательства, субъективной стороны и специальной цели деяния. Разграничение составов имеет практическое значение для органов предварительного расследования и обеспечивает адекватность уголовно-правового реагирования на современные вызовы безопасности.

Ключевые слова: диверсия, террористический акт, содействие диверсионной деятельности, объекты критической инфраструктуры, безопасность государства, умысел, квалификация преступлений

Для цитирования: Рясов А. В. Проблемы квалификации диверсии в современных условиях и ее разграничение со смежными составами преступлений // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 205–211.

Original paper

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF SABOTAGE IN MODERN CONDITIONS AND ITS DIFFERENTIATION FROM RELATED CRIMES

Alexander Vladimirovich Ryasov

Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Stavropol, Russian Federation

© Рясов А.В., 2026

Introduction: in the context of a special military operation and the intensification of threats of a sabotage and terrorist nature, the precise qualification of crimes against critical infrastructure and state security is of particular importance. The purpose of the study is to analyze modern approaches to distinguishing the composition of sabotage and related crimes in the criminal law of the Russian Federation.

Materials and methods: the work is based on an analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation (Articles 281, 205, 267, 214, 167, etc.), as well as recent legislative changes, including Federal Laws No. 586-FZ and No. 157-FZ. The methods of comparative legal and system analysis, the study of law enforcement practice and doctrinal sources are used., scientific articles by Ivantsov S.V., Reshnyak M.G. and Dibina S.V. In the course of the research, the author used general scientific methods, including analysis, comparative legal method, logic and formal legal approach, which allowed to establish criteria for their differentiation.

Results of the study: can be used in universities of the Ministry of Internal Affairs in the preparation of educational materials for students in the following disciplines: “Criminal law”, “Workshop on the specifics of the qualification of certain types of crimes”, “Criminal law means of ensuring the national security of the Russian Federation”.

Findings and conclusions: the key criteria for distinguishing between sabotage and a terrorist act have been identified: the immediate object, the target orientation of the intent, the specifics of the objects of influence and the method of commission. The differences between sabotage and related trains (vandalism, intentional damage to property, and the deterioration of life support facilities) have been clarified. The necessity of applying the principle of real totality when combining terrorist and sabotage purposes is substantiated. The consolidation of articles 281.1–281.3 in the Criminal Code of the Russian Federation contributes to the formation of a systematic approach to countering subversive activities. Proper qualification requires taking into account the object of the attack, the subjective side and the special purpose of the act. The differentiation of the structures is of practical importance for the bodies of preliminary investigation and ensures the adequacy of the criminal law response to modern security challenges.

Keywords: sabotage, terrorist act, assistance to sabotage activities, critical infrastructure facilities, state security, intent, qualification of crimes

For citation: Ryasov A. V. Problems of Qualification of Sabotage in Modern Conditions and its differentiation from Related crimes // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). Pp. 205–211.

В условиях проведения специальной военной операции Вооруженных Сил Российской Федерации сохраняется высокий уровень угроз, связанных с проявлениями терроризма и экстремизма, что обусловлено активизацией деятельности украинских радикальных объединений, а также диверсионно-разведывательных формирований. Деятельность экстремистских организаций и незаконных вооруженных структур выступает существенным криминогенным фактором, дестабилизирующим социально-политическую обстановку и представляющим серьезную угрозу конституционному строю, национальной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации.

Классические способы совершения диверсионно-террористических актов, включающие применение взрывных устройств, поджогов, а также иных деструктивных действий с использованием огнестрельного, холодного оружия или взрывчатых веществ кустарного изготовления, в современных условиях все чаще трансформируются и дополняются инновационными формами противоправной активности. Наиболее значимой тенденцией выступает использование высокотехнологичных средств, в том числе устройств, оснащенных элементами искусственного интеллекта, обладающих автономными функциями и возможностью дистанционного управления, что существенно увеличивает их поражающий и деструктивный потенциал.

Квалификация диверсии (ст. 281 УК РФ) в современных условиях тесно связана с посягательствами на объекты критической инфраструктуры, от бесперебойного функционирования которых зависит экономическая стабильность, обороноспособность и национальная безопасность государства. При расследовании данных деяний ключевое значение имеет установление направленности умысла на подрыв устойчивости систем жизнеобеспечения, транспорта, энергетики, связи и иных стратегически значимых комплексов. Разграничение диверсии с террористическим актом (ст. 205 УК РФ), умышленным уничтожением или повреждением имущества (ст. 167 УК РФ), вандализмом (ст. 214 УК РФ) и смежными составами преступлений осуществляется с учетом специфики

объекта посягательства: если цель деяния заключается в подрыве функций государства и нарушении работы критически важных объектов, квалификация должна производиться именно как диверсия.

В условиях специальной военной операции особую актуальность приобретает разграничение составов террористического акта (ст. 205 УК РФ) и диверсии (ст. 281 УК РФ). Практика последних лет свидетельствует о росте активности организованных структур, осуществляющих подрывные действия против объектов транспортной, энергетической и иной критической инфраструктуры. Целевая направленность данных посягательств демонстрирует их диверсионный характер, так как они ориентированы на подрыв государственной и общественной безопасности, а также на дестабилизацию обстановки внутри страны.

Для органов предварительного расследования при квалификации таких преступлений ключевым ориентиром является правильное определение непосредственного объекта посягательства: при диверсии основное внимание уделяется направленности умысла на подрыв экономического и оборонного потенциала государства, тогда как при террористическом акте превалирует цель устрашения населения либо оказания давления на принятие решений органами власти. С учетом схожести способов совершения и возможных последствий, особое значение приобретает исследование субъективной стороны преступления, что позволяет исключить ошибки правоприменительной практики.

Возрастающий уровень террористических угроз и участвовавшие случаи диверсий, направленных в том числе на объекты критической инфраструктуры, предопределили необходимость адаптации уголовного законодательства к новым условиям обеспечения национальной безопасности. Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ в главу 29 УК РФ были включены статьи 281.1–281.3, предусматривающие ответственность за содействие диверсионной деятельности (вовлечение, финансирование, пособничество, организацию), прохождение обучения в целях ее осуществления, а также за создание диверсионного сообщества либо участие в нем.

Указанные законодательные новеллы направлены на комплексное перекрытие каналов подготовки и реализации диверсионных актов, что позволяет органам предварительного расследования более эффективно выявлять и пресекать противоправные действия еще на стадии их подготовки. Одновременно ч. 1 ст. 63 УК РФ была дополнена новымотягчающим обстоятельством – совершением преступления в целях пропаганды, оправдания или поддержки диверсии, что прямо закреплено в примечании к ст. 281.3 УК РФ.

Принятые изменения в уголовное законодательство представляют собой логическое продолжение государственной политики, ориентированной на укрепление системы антитеррористической защищенности и обеспечение устойчивого функционирования критически важных и потенциально опасных объектов [1]. К указанным объектам относятся предприятия оборонно-промышленного комплекса, объекты атомной и химической промышленности, топливно-энергетический сектор, транспортная инфраструктура, а также объекты жизнеобеспечения населения, нарушение функционирования которых способно вызвать тяжелые социальные, экономические и экологические последствия.

Установление повышенной уголовно-правовой охраны данных объектов продиктовано объективными факторами: они не только обеспечивают базовые потребности общества и государства, но и имеют стратегическое значение для поддержания обороноспособности и экономической стабильности страны. В условиях усложнения форм и методов террористической и диверсионной деятельности противодействие угрозам в указанной сфере требует комплексного подхода, включающего как нормативное закрепление ответственности, так и развитие системы оперативно-розыскных и процессуальных средств ее реализации.

Для органов предварительного расследования это означает необходимость выстраивания особой тактики выявления, пресечения и расследования преступлений, связанных с вовлечением, организацией и финансированием диверсионной деятельности. Указанные деяния обладают повышенной степенью общественной опасности, так как направлены на подрыв основ национальной безопасности, дестабилизацию социально-политической обстановки и подрыв доверия к институтам государственной власти.

Следует подчеркнуть, что рассматриваемые изменения носят не изолированный характер, а органично соотносятся с положениями стратегических документов, утвержденных Президентом Российской Федерации, включая Стратегию национальной безопасности и Концепцию противодействия терроризму. В этих документах фиксируется тенденция

роста масштабов террористических и диверсионных угроз, в том числе трансграничного характера, а также необходимость формирования упреждающих мер правового реагирования. Таким образом, законодательные новеллы не только восполняют пробелы в уголовно-правовом регулировании, но и отражают приоритетные направления государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, внесенные изменения в уголовное законодательство свидетельствуют о переходе к более системному и превентивному подходу в противодействии преступлениям диверсионно-террористической направленности. Они укрепляют правовые основы защиты стратегически значимых объектов, создают условия для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и соответствуют современным вызовам в сфере обеспечения безопасности государства.

Вместе с тем следует отметить, что развитие уголовного законодательства в сфере противодействия диверсионной деятельности сопряжено не только с расширением перечня охраняемых объектов, но и с формированием новых составов преступлений, направленных на пресечение различных форм вовлеченности в диверсионную активность. В этой связи после введения в уголовный закон статей 281.1, 281.2 и 281.3 УК РФ на практике возникла необходимость их соотнесения с положениями статей 205.1, 205.3 и 205.4 УК РФ, предусматривающими ответственность за содействие террористической деятельности, прохождение обучения и участие в террористическом сообществе. Принципиально важно, что диверсия не отнесена законодателем к террористической деятельности, а потому деяния, квалифицируемые по статьям 281, 281.1, 281.2 и 281.3 УК РФ, подлежат самостоятельной юридической оценке [2].

В случаях, когда действия лица носят как диверсионную, так и террористическую направленность, применяется принцип реальной совокупности преступлений. Так, если лицо проходит обучение, направленное одновременно на подготовку к совершению диверсий и террористических актов, содеянное должно квалифицироваться по совокупности ст. 205.3 и 281.2 УК РФ. Аналогичный подход действует и в ситуациях, когда лицо оказывает содействие одновременно террористической и диверсионной деятельности либо участвует в сообществе, преследующем обе цели.

Для органов предварительного расследования особое значение имеет правильное определение характера деятельности сообщества, целей обучения и содержания оказанного содействия. Это позволяет избежать смешения составов и необоснованного применения норм о терроризме вместо норм о диверсионной деятельности.

Несмотря на то, что в пояснительной записке к законопроекту использовался термин «преступления диверсионной направленности», анализ правоприменительной практики показывает, что введенные уголовно-правовые нормы направлены на противодействие одному базовому преступлению - диверсии. Вместе с тем высокая степень общественной опасности таких деяний и их организационный характер объективно требуют закрепления специальных составов, охватывающих как действия по содействию диверсионной деятельности, так и ее подготовительные стадии. Такой подход обеспечивает более полное отражение специфики угроз, исходящих от диверсионной деятельности, и формирует уголовно-правовую систему, сопоставимую по структуре с институтом противодействия терроризму.

Вопрос разграничения диверсии и террористического акта сохраняет принципиальное значение для правоприменительной практики. Оба состава отличаются повышенной общественной опасностью и направленностью на подрыв национальной безопасности, что предопределяет их сходство как по объективным проявлениям, так и по субъективным признакам. Законодатель, закрепив в гл. 29 УК РФ статьи 281.1–281.3, использовал схему, аналогичную ранее установленной для террористических преступлений (ст. 205.1, 205.3, 205.4 УК РФ). Тем самым были созданы единообразные уголовно-правовые механизмы противодействия двум категориям особо опасных преступлений, что отражает сопоставимый уровень их общественной опасности и значение для обеспечения конституционной и общественной безопасности.

При квалификации деяний принципиально важно учитывать существенные различия между диверсионными и террористическими преступлениями. Для целей практики органов предварительного расследования представляется возможным выделить следующие ключевые критерии разграничения:

1. Непосредственный объект посягательства:

– при террористическом акте (ст. 205 УК РФ) основным объектом выступает общественная безопасность, понимаемая как состояние защищенности населения от угрозы насилия и устрашения;

– при диверсии (ст. 281 УК РФ) в центре внимания находится обороноспособность государства и его экономическая безопасность, выражающаяся в посягательствах на объекты критической инфраструктуры, промышленные, энергетические и транспортные комплексы.

2. Целевая направленность умысла;

– для терроризма характерна цель оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями;

– для диверсии, определяющей является цель подрыва устойчивого функционирования государства в оборонной и экономической сфере.

3. Специфика объектов преступного воздействия;

– террористический акт может быть направлен на широкий круг объектов: места массового пребывания людей, объекты инфраструктуры, государственные учреждения;

– диверсия преимущественно ориентирована на стратегически значимые объекты, обеспечивающие жизнедеятельность страны и ее оборонный потенциал.

4. Организованность и способы реализации;

– диверсии чаще связаны с деятельностью иностранных спецслужб и разведывательно-диверсионных групп;

– террористический акт, напротив, характеризуется публичностью и стремлением вызвать резонанс в обществе, тем самым оказать воздействие на характер решений, принимаемых органами власти.

Несмотря на определенную близость правового регулирования, разграничение диверсионных и террористических преступлений основывается на анализе непосредственного объекта и целей преступного умысла. Так, в ст. 205 УК РФ охраняется общественная безопасность, тогда как в ст. 281 УК РФ предметом охраны выступает внутренняя (экономическая) и внешняя (оборонная) безопасность государства.

Субъективная сторона обоих составов характеризуется умышленной формой вины, однако цели различаются принципиально: при террористическом акте умысел направлен на запугивание населения или оказание давления на органы власти, а при диверсии целевая направленность совпадает с охраняемым объектом и заключается в подрыве экономической и оборонной основы государства.

Практическое значение для квалификации имеет также различие в возрасте уголовной ответственности: по ст. 205 УК РФ субъектом является лицо, достигшее 14 лет, тогда как по ст. 281 УК РФ ответственность наступает с 16 лет.

Кроме того, в отличие от террористического акта, диверсия не включает в объективную сторону такого признака, как угроза совершения общественно опасных действий и критерий устрашения населения. В случаях, когда у виновного лица одновременно устанавливаются как террористические, так и диверсионные цели, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений.

В современных условиях особое значение приобретают уголовно-правовые предписания, устанавливающие ответственность за посягательства на транспортную безопасность. Актуальность данной проблематики обусловлена возросшей динамикой преступных проявлений, связанных с умышленным повреждением либо уничтожением объектов транспортной инфраструктуры – мостов, железнодорожных путей и иных систем, имеющих ключевое значение для жизнеобеспечения общества и функционирования экономики. В этой связи заслуживает внимания ст. 267 УК РФ «Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения», диспозиция которой по ряду признаков пересекается с составом диверсии (ст. 281 УК РФ), что предопределяет необходимость их доктринального и правоприменительного разграничения [3].

Предмет преступления, закрепленного в ст. 267 УК РФ, включает транспортные средства, пути сообщения, а также средства сигнализации и связи, подвергаемые умышленному разрушению или повреждению. Вместе с тем объект данного преступления принципиально отличается от диверсии: если последняя направлена против основ безопасности государства, то в рамках ст. 267 УК РФ охраняется безопасность движения и эксплуатации транспорта. Существенным критерием квалификации является наличие последствий в виде причинения

тяжкого вреда здоровью, гибели потерпевших либо наступления крупного имущественного ущерба. Законодатель установил возраст уголовной ответственности по данной статье с 14 лет, что свидетельствует о высокой степени общественной опасности подобных деяний. При этом субъективная сторона и квалифицирующие признаки анализируемых составов (ст. 267 и ст. 281 УК РФ) имеют принципиальные различия, определяющие специфику их уголовно-правовой оценки [4].

Разграничение диверсии и вандализма (ст. 214 УК РФ) не вызывает существенных затруднений, поскольку данные составы разнятся по объекту посягательства, субъекту и объективной стороне. Предметом вандализма выступают здания, сооружения и иное имущество, расположенное в общественных местах или на транспорте. При этом мотив (в том числе политический или идеологический) не является ключевым критерием квалификации. В отличие от этого, в диверсии определяющим элементом выступает специальная цель – подрыв экономической безопасности либо обороноспособности государства.

Близким по содержанию к диверсии является состав преступления, предусмотренный ст. 215.2 УК РФ «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения». Сходство проявляется в объекте уголовно-правовой охраны. Так, подп. «в» ч. 3 ст. 281 УК РФ прямо указывает на посягательства на объекты жизнеобеспечения населения, тогда как ч. 1 ст. 215.2 УК РФ закрепляет более широкую категорию – «объекты жизнеобеспечения». Последние включают коммунальную инфраструктуру (системы водоснабжения и канализации, склады продовольствия, объекты газоснабжения и др.), а также – в расширительном понимании – объекты энергетики, электросвязи и жилищно-коммунального хозяйства. Примечательно, что изменения, внесенные Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ, дополнили диспозицию ст. 281 УК РФ объектами топливно-энергетического комплекса, что уточнило критерии разграничения: при наличии цели подрыва экономической стабильности либо обороноспособности государства посягательство на объект энергетики подлежит квалификации именно как диверсия.

К числу смежных составов относится и преступление, предусмотренное ст. 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение имущества». Его отличие от диверсии заключается в характере охраняемых общественных отношений: в первом случае объектом защиты выступают имущественные интересы и право собственности, во втором – основы безопасности государства. Кроме того, в конструкции ст. 167 УК РФ отсутствует специальная цель, являющаяся обязательным элементом диверсии. Отличаются и субъекты: по ст. 281 УК РФ уголовная ответственность наступает с 16 лет, тогда как по ст. 167 УК РФ – с 16 лет за основной состав (ч. 1) и с 14 лет за квалифицированный (ч. 2).

Несмотря на различия, определенное сходство усматривается в объективной стороне. Так, ч. 2 ст. 167 УК РФ предусматривает совершение преступления общеопасным способом (поджог, взрыв и иные действия), повлекшим по неосторожности смерть человека либо тяжкие последствия. Принципиальное отличие заключается в характере вины: для диверсии необходим прямой умысел, тогда как по ст. 167 УК РФ тяжкие последствия могут наступать по неосторожности.

Правоприменительная практика подтверждает, что одни и те же способы совершения (поджог, использование зажигательных смесей, взрывные устройства) нередко применялись для дестабилизации избирательного процесса или срыва голосования. В подобных случаях возможна конкуренция норм: содеянное может квалифицироваться как ч. 2 ст. 167 УК РФ или как ст. 281 УК РФ. Однако если деяние связано с нарушением избирательных прав, приоритетное значение имеет специальная норма – ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий», применение которой исключает квалификацию по общим составам.

Таким образом, при разграничении диверсии и смежных составов преступлений (ст. 267, 215.2, 167, 214 УК РФ) должно основываться на комплексном учете объекта посягательства, признаков объективной и субъективной стороны, а также специальной цели. Такой подход обеспечивает корректную квалификацию и исключает необоснованное расширительное толкование норм уголовного закона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванцов С.В., Борисов С.В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3.
2. Рясов А.В. О мерах по противодействию преступлениям, совершаемым в организованных формах // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7(182).
3. Решняк М.Г. Противодействие диверсионной деятельности: к вопросу о совершенствовании уголовно-правовых мер // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506.
4. Дибина С.В. Вопросы квалификации диверсии // Молодежь Сибири – науке России: Материалы международной научно-практической конференции, Красноярск, 24 апреля 2020 г. Красноярск, 2020.

REFERENCES

1. Ivantsov S.V., Borisov S.V. Actual issues of criminal law counteraction to sabotage activities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 3.
2. Ryasov A.V. On measures to counteract crimes committed in organized forms // Eurasian Law Journal. 2023. № 7(182).
3. Reshnyak M.G. Countering subversive activities: on the issue of improving criminal law measures // Bulletin of Tomsk State University. 2024. № 506.
4. Dibina S.V. Questions of the qualification of sabotage / S.V. Dibina // Youth of Siberia – Science of Russia: Proceedings of the International scientific and practical conference, Krasnoyarsk, April 24, 2020 / Comp. L.M. Ashikhmina. Krasnoyarsk, 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. В. Рясов – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России. 355035, Российская Федерация, г. Ставрополь, проспект Кулакова 43.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. V. Ryasov – PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 43, Kulakov Ave., Stavropol 355035 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 21.10.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 343.985.7

**О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА
БЕЗ ВИЗУАЛЬНОГО КОНТАКТА ПРЕСТУПНИКА С ЖЕРТВОЙ В УСЛОВИХ
ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Анна Викторовна Сычева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация,
anna002@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2438-4486>

Введение: одним из важнейших элементов криминалистической характеристики мошенничества без визуального контакта преступника с жертвой (дистанционного мошенничества) является способ совершения преступления. В статье рассмотрены основные современные способы совершения преступлений указанной категории. При рассмотрении криминалистически значимых сведений о способах совершения мошенничества без визуального контакта преступника с жертвой приведены примеры из судебной практики.

Материалы и методы: основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, ведомственные нормативные правовые акты. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, а также познавательные методы, описания, наблюдения, обобщения, сравнения и анализа. Эмпирическую базу исследования составили данные судебной практики расследования мошенничества без визуального контакта преступника и жертвы.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило выявить корреляционные связи между способом совершения мошенничества без визуального контакта преступника и жертвы и иными криминалистически значимыми сведениями о мошенничестве, совершенном дистанционным способом, что, безусловно, может помочь субъекту расследования тактически верно выбирать необходимые средства и методы расследования, выдвигать следственные версии в целях установления личности лица, совершившего данное преступление и последующего его розыска.

Выводы и заключения: автором рассмотрены основные способы совершения мошенничества без визуального контакта преступника с жертвой в условиях цифровизации. Проведенный анализ судебной практики может оказать помощь субъекту расследования в выдвижении следственных версий, определении направления расследования в целях полного, объективного, всестороннего расследования дистанционного мошенничества.

Ключевые слова: мошенничество, несовершеннолетние, информационно-телекоммуникационные технологии, цифровизация, вредоносное приложение, deepfake-технологии, криптовалюта

Для цитирования: Сычева А. В. О некоторых способах совершения мошенничества без визуального контакта преступника с жертвой в условиях цифровизации // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1(116). С. 212–218.

Original paper

**ABOUT SOME WAYS OF COMMITTING FRAUD WITHOUT THE CRIMINAL'S
VISUAL CONTACT WITH THE VICTIM IN THE CONDITIONS OF
DIGITALIZATION**

Anna Viktorovna Sycheva

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

© Сычева А.В., 2026

Introduction: one of the most important elements of the forensic characteristics of fraud without visual contact between the perpetrator and the victim (remote fraud) is the method of committing the crime. The article discusses the main modern methods of committing crimes of this category. When considering the forensic significance of information about the methods of committing fraud without visual contact between the perpetrator and the victim, examples from forensic and investigative practice are provided.

Materials and methods: the study is based on the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation, and departmental regulatory legal acts. The general dialectical method of scientific cognition, as well as cognitive methods, descriptions, observations, generalizations, comparisons, and analysis, served as the methodological basis for the study. The empirical base of the study was formed by data from forensic and investigative practice in the investigation of fraud without visual contact between the perpetrator and the victim.

Results of the study: the conducted research allowed us to identify correlations between the method of committing fraud without visual contact between the perpetrator and the victim, and other criminally significant information about fraud committed in a remote manner, which can certainly help the investigator choose the necessary means and methods of investigation, as well as generate investigative hypotheses in order to identify the perpetrator and subsequently search for them.

Findings and conclusions: the author examines the main ways of committing fraud without the criminal's visual contact with the victim in the context of digitalization. The analysis of forensic and investigative practice can help the investigator to formulate investigative hypotheses and determine the direction of the investigation in order to conduct a complete, objective, and comprehensive investigation of remote fraud.

Keywords: fraud, minors, information and telecommunication technologies, digitalization, malicious application, deepfake technology, cryptocurrency

For citation: Sycheva A. V. On some ways of committing fraud without visual contact of the criminal with the victim in the context of digitalization // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 1(116). Pp. 212–218.

Проблема совершения и раскрытия мошенничества на территории России по-прежнему стоит довольно остро. С каждым годом мошенники изобретают все более изощренные способы обмана граждан, играя на доверии людей к официальным ведомствам, применяя социальную инженерию, психологическое манипулирование и информационно-телекоммуникационные технологии. Если несколько лет назад актуальными были сценарии вроде «Вам положена социальная выплата в связи с новой коронавирусной инфекцией, специальной военной операцией», то современные кибермошенники разрабатывают целый спектакль, который может начаться с обычного сообщения в мессенджере, а закончиться массой видеозвонков «наделенных властью государственных служащих».

По данным статистики МВД России, за январь–октябрь 2025 г. в России зарегистрировано 353 390 фактов мошенничества. Несмотря на небольшое снижение числа зарегистрированных преступлений указанной категории (меньше на 6,3 %, чем за аналогичным период прошлого года), раскрываемость таких преступных посягательств снизилась на 7,1 % (раскрыто всего 57 320 преступлений) [1].

Постоянно развивающиеся технологии, появление новых цифровых сервисов преступники используют в целях обмана граждан и получения незаконной выгоды. Особую общественную опасность вызывает растущее количество совершенных мошеннических посягательств на детей и подростков, которые становятся не только жертвами обмана, но и инструментом для доступа к счетам их родителей.

В последнее время большое распространение получило мошенничество, совершаемое с использованием NFC-модуля¹ смартфона. Мошенники в ходе телефонного разговора под различными предлогами убеждают потенциальную жертву перейти по указанной ими ссылке для установки вредоносного программного обеспечения NFCGate². Преступники могут предложить установить указанную вредоносную программу, например, для защиты банковской карты от взлома, уведомить потенциальную жертву о необходимости продления договора оказания услуг сотовой связи, замене медицинского полиса, неправильно заполненной декларации о доходах, взломе личного кабинета на портале Госуслуг и т. д. Все эти действия направлены на то, чтобы жертва установила на свой смартфон указанную

¹ NFC-модуль – (аббревиатура NFC расшифровывается как Near Field Communication), т. е. буквально «коммуникация ближнего поля». Это технология беспроводной передачи данных на малом расстоянии: радиус связи не превышает 10 см. Информация с объектов считывается посредством радиосигнала. URL: <https://www.kp.ru/guide/nfc-v-smartfone.html> (дата обращения: 23.01.2026).

² NFCGate – приложение, разработанное в 2015 г. немецкими студентами для захвата, мониторинга и анализа данных, получаемых через чип NFC на смартфоне. URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/125915-rossiyan-predupredili-o-novoj-sheme-s-beskontaktnoj-krazhej-deneg-cherez-smartfony/> (дата обращения: 22.01.2026).

вредоносную программу, посредством которой мошенники получают возможность соединения смартфона жертвы со своим смартфоном, перехвата конфиденциальных данных в целях получения возможности распоряжения денежными средствами, находящимися на счетах жертвы.

После того, как жертва установила указанное вредоносное приложение на свое устройство, последнее просит открыть доступ к NFC-модулю и сделать его в качестве основной системы бесконтактных платежей. Далее преступники рассказывают жертве о необходимости прохождения процедуры верификации личности и указывают, что для этого нужно приложить банковскую карту к задней панели смартфона жертвы и набрать пин-код. Таким образом, мошенники получают доступ к денежным средствам, находящимся на банковской карте жертвы и могут свободно ими распоряжаться, бесконтактно снимая деньги через любой банкомат.

Посредством данной вредоносной программы мошенники могут переводить денежные средства жертвы, когда последняя вносит деньги на свою карту через банкомат.

Кроме того, указанная вредоносная программа может использоваться и в другой мошеннической схеме под названием обратного NFCGate. В данном случае после установки вредоносной программы хищение денежных средств происходит, когда жертва вносит наличные денежные средства через банкомат, используя смартфон вместо банковской карты. Имеет место подмена на карту мошенника, и деньги перечисляются на карту преступника.

Мошенники используют различные вариации вредоносного программного обеспечения, но все эти действия всегда совершаются с одной и той же целью – получить полный контроль над чужими гаджетами и доступ к деньгам их владельцев. Используются трояны и вирусы, которые распространяют как адресно, в переписке, так и через рекламные ссылки, а также приложения магазинов и маркетплейсов.

В последнее время особо опасным способом совершения мошенничества стало использование угрозы привлечения потенциальной жертвы к уголовной ответственности за финансирование Вооруженных Сил Украины (далее – ВСУ) и поддержку властей этого государства. Так, мошенники осуществляют перевод денежных средств на карту потенциальной жертвы в небольшой сумме, при этом в назначении платежа указывают «помощь ВСУ», «За Украину» и прочее. Указанные действия совершаются исключительно для того, чтобы спровоцировать панику и вызвать тревогу у получателя (потенциальной жертвы) денежного перевода, которому далее звонят мошенники и представляются сотрудниками правоохранительных органов (МВД, ФСБ и т. д.). Жертве сообщают, что ими правоохранительными органами были обнаружены подозрительные переводы денежных средств на счета военных структур, и предъявляют обвинения в государственной измене, терроризме или финансировании вооруженного конфликта.

В данном случае в ходе разговора с жертвой мошенники умышленно используют большое количество юридических, финансовых и иных «официальных» терминов, которые по своей сути, зачастую не имеют никакого смысла. Так, могут использоваться такие фразы, как «Росфинмониторинг и ФСБ совместно проверяют ваш счет», «Ваш счет может быть арестован по 115-ФЗ» или «Ваши личные активы могут быть заблокированы в досудебном режиме как подозрительные» и др. Такие фразы сбивают с толку человека, заставляют чувствовать себя «маленьким», несведущим в таких значимых терминах человеком. В результате такой беседы у жертвы создается чувство опасности, вины, давящего авторитета со стороны якобы имеющего властные полномочия собеседника.

Своими действиями мошенники решают свою основную задачу – оказать максимальное психологическое воздействие на жертву, привести ее в особое эмоциональное состояние, чтобы последняя чувствовала страх привлечения к уголовной ответственности, общественного осуждения, вину в содеянном. В таком состоянии мозг человека отключает критическое мышление, жертва перестает контролировать свои действия – именно этого и добиваются мошенники.

После того, как преступники запугали жертву, вывели ее из психологического равновесия, они начинают успокаивать последнюю, используя любые увещания о том, что сложившуюся ситуацию можно исправить, если жертва целиком доверится собеседнику и будет точно следовать его инструкциям. Далее преступники убеждают жертву в том, что единственный способ избежания наказания – это сотрудничество и возмещение материального ущерба путем перевода денежных средств на указанный ими счет. Если у жертвы не окажется нужной суммы, то от нее потребуют оформить кредит для компенсации материального ущерба.

При этом преступники внушают жертве, что данный вопрос необходимо «решить» именно сейчас, что время идет против жертвы. Такая срочность не дает возможности осмыслить ситуацию, посоветоваться с родственниками, перепроверить полученную от преступников информацию. Мошенники таким образом создают в сознании жертвы иллюзию авторитета,

которая не имеет возможности противостоять. В результате таких преступлений жертва может потерять от нескольких десятков тысяч до миллионов рублей.

В условиях цифровизации особую общественную опасность приобретает мошенничество, совершаемое в отношении детей и подростков. Такие атаки совершаются различными способами, например, посредством известных онлайн-игр. Одним из самых распространенных способов вхождения в доверие к ребенку является представление популярной у детей или подростков персоной: блогером, геймером и т. п.

Используя детский азарт и доверчивость, они предлагают пользователям дешевые игровые валюты или аксессуары, взамен при этом просят назвать код из СМС-сообщения либо сделать скриншот экрана с приложением банка на смартфоне родителя.

Таким образом, мошенники получают доступ либо к банковским счетам родителей, либо к их профилю на портале Госуслуг, а через них к банковским картам. С этой же целью несовершеннолетних могут попросить назвать код из СМС-сообщения или ввести реквизиты карты, якобы для того, чтобы родители могли получить приз или какой-либо выигрыш.

Кроме этого, распространение получил такой способ совершения мошенничества в отношении несовершеннолетних, как фальшивые звонки от авторитетных лиц – учителя, завуча школы, директора школы, медсестры и т. д. Все такие телефонные звонки также нацелены на получение доступа к счетам родителей несовершеннолетних.

Так, 14-летней школьнице Р. позвонил мужчина, представившийся работником сервиса по доставке цветов, и попросил продиктовать СМС-код для подтверждения получения заказа. После этого с Н. связались мошенники под видом сотрудников Росфинмониторинга и правоохранительных органов, которые убедили подростка, что персональными данными ее родителей завладели мошенники, и для сохранения семейных сбережений необходимо передать их доверенному лицу для декларирования. Н. достала из домашнего сейфа все наличные денежные средства и драгоценности и выполнила все указанные мошенниками инструкции. Находясь в состоянии тяжелого стресса, Н. отдала ожидавшему на улице мошеннику все деньги и ценности родителей с полной уверенностью, что, таким образом, она поможет последним. Общий ущерб составил более 4,9 млн рублей [2].

Как отмечалось ранее, мошенники умело используют актуальные новостные поводы и используют данную информацию в преступных целях. Так, в 2025 г. большую популярность, особенно в виртуальной среде, приобрел дубайский шоколад например, Fix Dessert Chocolatier³. Известные блогеры в вирусных видеороликах в социальных сетях показывают его начинку и необычный внешний вид. Мошенники стали рассылать СМС-сообщения со ссылкой по фишинговый сайт или аккаунт в социальных сетях от имени производителя указанного шоколада. Для получения скидки пользователю необходимо ввести личные данные в фишинговую форму или загрузить на свое устройство вредоносное приложение.

При этом в дубайской компании Fix Dessert Chocolatier заявляли, что у них нет онлайн-магазина и они не занимаются продажами в социальных сетях [3].

Не меньшей популярностью среди детей и подростков приобрели известные игрушки «Лабубу»⁴, созданные по мотивам персонажей комикса, которых также разрекламировали знаменитости и блогеры. В данном случае телеграмм-боты⁵ предлагают потенциальной жертве оставить отзыв и поучаствовать в розыгрыше дорогостоящего оригинала указанной игрушки. Для этого преступники просят жертву указать свой номер телефона, название аккаунта и код доступа в мессенджере «Телеграм». Иногда мошенники предлагают приобрести якобы оригинал игрушки с полной предоплатой и впоследствии перестают выходить на связь.

Несмотря на давно всем известный такой способ совершения мошенничества, как финансовые пирамиды, к сожалению, он не теряет свою актуальность и сегодня. Стремление заработать много, быстро и не прикладывая особых усилий свойственно некоторым людям, и на этом продолжают зарабатывать мошенники. Но в условиях цифровизации мошенники, конечно, трансформировали данный способ обмана. По данным статистики Банка России, количество таких обманутых вкладчиков неуклонно увеличивается: так, в 2025 г. было выявлено 2 328 схем с признаками финансовых пирамид, что на 2 0% больше, чем за

³ Fix Dessert Chocolatier – бренд шоколада, производимый в эмирате Дубай (Объединенные Арабские Эмираты, ОАЭ), который стал популярен в России и во всем мире в 2024 г. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/675cb1c09a79474eaea8d0f4?ysclid=mkrsrojhe1269593166> (дата обращения: 25.01.2026).

⁴ Лабубу – мохнатая фигурка с зубастой улыбкой и длинными ушками. Это имя девочки-эльфы из сказочной вселенной «Монстры», которую придумал художник Касинг Лунг. URL: <https://travel.yandex.ru/journal/labubumaniya-igrushki-kotorye-pokorili-mir/> (дата обращения: 16.01.2026).

⁵ Телеграм-боты – это автоматизированные программы, которые функционируют непосредственно внутри мессенджера Telegram, выступая в роли цифровых помощников. Их цель – упростить повседневные задачи, автоматизировать рутинные процессы и обеспечить быстрый доступ к функциям или информации без необходимости устанавливать дополнительные приложения. URL: <https://kod.ru/best-telegram-bots-2025> (дата обращения: 12.01.2026).

аналогичный период 2024 г. [4]. Все финансовые пирамиды независимо от их внешнего оформления основаны на единой схеме обмана: приманкой служат обещания огромных доходов и первые небольшие выплаты для создания иллюзии правдивости пирамиды. Основная задача мошенников в данном случае состоит в вовлечении первых участников в процесс привлечения новых жертв мошенничества.

Технологии кардинально снизили порог входа для мошенников. Теперь они с легкостью создают видимость солидной компании: удобное мобильное приложение, красиво оформленный профессиональный сайт, а в арсенале убеждения – даже видео с deepfake-технологией⁶, где «руководитель» или «знаменитость» делится с аудиторией своей историей успеха. В прошлое уже ушли примитивные инструменты: сегодня финансовые пирамиды предстают в образе инновационных инвестиционных платформ, NFT-проектов⁷, «зеленых» стартапов⁸. Криптовалюта в данном случае решает две задачи: обеспечивает анонимность расчетов для организаторов и создает у жертв ложное чувство причастности к «финансам будущего».

Так, С. в одной из социальных сетей познакомился с неизвестными, которые убедили его инвестировать в криптовалюту, пообещав высокий доход за короткий срок. Мужчина, поддавшись на уговоры, в несколько этапов перечислил на указанные брокерами счета более 3 млн рублей, оформив при этом часть суммы в кредит. После этого, лжеброкеры перестали выходить на связь [5].

Рассмотрим некоторые признаки, характеризующие финансовые пирамиды:

- отсутствие открытой информации об организаторах пирамиды, юридической регистрации компании или необходимых лицензий финансового регулятора;
- агрессивно направленное психологическое давление, когда от потенциальной жертвы требуют немедленного решения под предлогом ограниченности предложения;
- намеренная запутанность предлагаемой бизнес-модели;
- описание механизма получения прибыли сложными наукообразными терминами, не поддающегося простому логическому объяснению;
- проекты, ведущие свою деятельность исключительно в криптовалютной сфере с выводами через непроверенные обменные сервисы.

Классические давно известные способы совершения мошенничества, к сожалению, не теряют своей актуальности. Так, продолжают атаковать мошенники на аккаунты потенциальных жертв в социальных сетях. После взлома учетной записи преступники отправляют друзьям и родственникам жертвы письма с просьбой одолжить денежные средства, ссылаясь на чрезвычайные обстоятельства.

Кроме этого, имеют место звонки преступников под видом представителей правоохранительных органов, ФСБ, кредитных организаций с сообщением о том, что денежные средства потенциальной жертвы находятся в опасности и требуют немедленного перевода на «безопасные счета».

В последнее время заметно участились случаи, когда мошенники под видом курьеров доставляют потенциальным жертвам дорогие подарки. Они просят жертву подтвердить заказ путем ввода кода, полученного посредством СМС-сообщения. Узнав этот код, они получают возможность доступа к банковской карте либо аккаунту жертвы на портале Госуслуг. На этой же схеме основывается мошенничество с доставкой письма либо посылки почтой или иными службами доставки. Данные способ совершения мошенничества в последнее время приобрел массовый характер, т. к. пользователи, привыкшие получать уведомления от маркетплейсов и служб доставки, не обращают должного внимания на адресата и содержание полученного письма.

«Выгодный автомобиль из Европы». Мошенники, используя информационно-телекоммуникационные технологии, стали предлагать потенциальным жертвам приобрести автомобиль из-за рубежа по сниженной цене. Преступники создают Telegram-каналы, где предлагают свои услуги по подбору, доставке и растаможке автомобилей.

Так, П., листая Telegram-каналы, нашел канал под названием «Автопригон из Евросоюза», на котором было выставлено предложение о продаже автомобиля марки Skoda Octavia

⁶ Deepfake-технология (deepfake) – это технология синтеза медиаконтента с помощью алгоритмов искусственного интеллекта, чаще всего нейросетей. Слово образовано из двух частей: deep learning («глубокое обучение») и fake («подделка»). URL: <https://skillbox.ru/media/code/deepfake/> (дата обращения: 20.01.2026).

⁷ NFT-проект – это проекты, связанные с невзаимозаменяемыми токенами (от англ. non-fungible tokens) – уникальными цифровыми предметами, записанными на блокчейне. В отличие от обычных криптовалют, каждый NFT уникален и не может быть заменен другим. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/NFT> (дата обращения: 15.01.2026).

⁸ Зеленый стартап – это новое коммерческое предприятие, которое внедряет экологически чистые методы и фокусируется на устойчивом развитии своих процессов, продуктов и услуг для создания положительного влияния на планету. URL: <https://appmaster.io/ru/blog/ustoichivye-praktiki-dlia-zelenogo-startapa> (дата обращения: 23.01.2026).

2021 г. выпуска по цене, которая была заметно ниже рыночной. Изучив данное предложение, П. был приятно удивлен, что указанный автомобиль стоит на 500 тыс. рублей дешевле, чем аналогичные подержанные модели в России. Связавшись посредством СМС-сообщения с менеджером, П. узнал, что указанный автомобиль находится в отличном состоянии и у него небольшой пробег. Менеджер также сообщил, что их компания работает на рынке уже более двух лет. В качестве подтверждения своих слов менеджер предложил П. посмотреть их прошлые публикации в социальной сети, где размещены отзывы клиентов и фотоотчеты. Посмотрев, что у данного канала большое количество подписчиков, П. поверил менеджеру и решил воспользоваться данным предложением. Далее П. сообщили о необходимости внесения предоплаты в сумме сто тысяч рублей, в которую входит подбор автомобиля, его перегон из Польши в Россию, растаможивание и доставка получателю. При этом менеджер указал, что услуга будет оказана в течение десяти рабочих дней и сообщил, что итоговая стоимость может быть даже ниже заявленной. Платежи необходимо внести поэтапно: первая часть оплачивается после успешного прохождения таможенной границы с республикой Беларусь, вторая – за утильсбор уже на территории России. После этого менеджер направил П. по электронной почте договор на оказание услуг по подбору и покупке автомобиля. Осмотрев полученный договор, П. увидел официально оформленный документ с имеющимися необходимыми реквизитами, подписями и оттисками печати. Кроме этого, П. попросил выслать VIN-код автомобиля для проверки его истории, чтобы убедиться в отсутствии наложенных ограничений на регистрационные действия и иных проблемных ситуаций. Через два дня П. поступило сообщение о том, что автомобиль растаможен и у мошенника на руках имеется приходный ордер и договор купли-продажи. Данные документы преступник направил П. посредством электронной почты. Далее мошенник сообщил П., что денежные средства необходимо перевести на банковскую карту сотрудника их фирмы, который занимается оформлением сделки. После перевода денег на следующий день мошенник сообщил П. о том, что на таможне в Брянской области возникли проблемы с автомобилем. При этом преступник сообщил П., что ему необходимо доплатить, т. к. прямо сегодня из-за специальной военной операции ввели новые временные тарифы, которые пока законодательно не закреплены. П. был раздражен полученной информацией, но преступник успокоил его, сообщив то, что после постановления на учет данного транспортного средства, государство компенсирует ему все понесенные расходы. П. оплатил этот временный тариф, но на следующий день ему сообщили об очередном отказе, т. к. на таможне не пропускают его автомобиль. П. выразил свое негодование и предложил мошенникам вернуть ему все переведенные деньги. Обещав все компенсировать, преступник настоятельно рекомендовал П. заключить дополнительное соглашение, которое поможет окончательно решить данную проблему. Преступник сообщил, что окажет помощь П. в составлении заявления на и возврат утильсбора от государства, но для этого необходимо внести небольшую сумму денежных средств на оплаты госпошлины. Когда у П. снова запросили деньги, он осознал, что стал жертвой мошенничества [6].

Известно, что мошенники отслеживают все новостные ленты и используют полученную информацию в своих преступных целях. Новогодние праздники не являются исключением. Так, в декабре 2025 г. преступники стали обманывать граждан под видом представителей Российских железных дорог (далее – РЖД) и авиакомпаний, предлагая поддельные субсидированные билеты на транспорт в честь Нового года. Сначала мошенники проводят массовые обзвоны по широкой базе контактов, целенаправленно выбирая в качестве потенциальных жертв мошенничества жителей Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов-миллионников [7]. В телефонном разговоре мошенники представляют себя сотрудниками авиакомпаний, РЖД или представителями «партнерских программ» перевозчиков и сообщают жертве о возможности приобрести льготные билеты на новогодние даты по «особо субсидированной цене» для тех, кто едет навестить своих родных. Далее для оформления этой «льготы» у жертвы под предлогом подтверждения маршрута и паспортных данных получают конфиденциальную информацию или сразу просят предоплату на «резервирование места». При таком способе совершения мошенничества преступники учитывают социальные миграционные паттерны и эмоциональные триггеры – желания провести праздничные дни с семьей. Таким образом, апеллируя к доверию потенциальной жертвы к указанным мошенником «партнерским программам», преступники создают вполне правдоподобную легенду для хищения денежных средств и личных данных жертвы.

Таким образом, рассмотренные нами способы совершения мошенничества без визуального контакта преступника с жертвой в условиях цифровизации имеют важное криминалистическое значение, ввиду того, что в структуре криминалистической характеристики данной категории преступлений сведения о способах являются одним из важнейших ее элементов, взаимосвязанных и взаимообусловленных с другими сведениями. Знание следователем новых актуальных способов совершения дистанционного мошенничества в условиях

цифровизации крайне необходимо, т. к. эти сведения могут помочь в выдвинении следственных версий, проведении следственных действий, установлении личности курьера, дропа⁹, которому жертва мошенничества передала свои денежные средства, и впоследствии организатора совершения преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Состояние преступности в России за январь–октябрь 2025 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/73314953/> (дата обращения: 22.12.2025).
2. «Мама, я всё отдала»: девочка вручила 5 млн мошенникам в Химках. URL: <https://www.mk.ru/incident/2025/12/22/mama-ya-vsyo-otdala-devochka-vruchila-5-mln-moshennikam-v-khimkakh.html> (дата обращения: 23.12.2025).
3. Вслед за трендами: Мошенники изобрели схему обмана с дубайским шоколадом. URL: https://t.me/cyberpolice_rus/3014 (дата обращения: 24.01.2026).
4. Банк России выявил более 4 тысяч нелегальных игроков на финансовом рынке за полгода. URL: <https://novostivoronezha.ru/2025/08/05/323929> (дата обращения: 12.01.2026).
5. Двух лжеброкеров, обманувших жителя Клина на 3 млн рублей под видом инвестирования, задержала полиция. URL: <http://мвд.рф> (дата обращения: 23.01.2026).
6. «Выгодный автомобиль из Европы». URL: <https://www.newsinfo.ru/news/car-fraud-europe/925861/> (дата обращения: 23.01.2026).
7. Эксперт рассказал о новой схеме мошенников в новогодние праздники. URL: <https://ria.ru/20251223/moshenniki-2063990790.html> (дата обращения: 23.12.2025).

REFERENCES

1. Crime in Russia for January-October 2025. URL: <https://мвд.рф/reports/item/73314953/> (date of access: 22.12.2025).
2. «Mom, I gave it all away»: A girl handed over 5 million to scammers in Khimki. URL: <https://www.mk.ru/incident/2025/12/22/mama-ya-vsyo-otdala-devochka-vruchila-5-mln-moshennikam-v-khimkakh.html> (date of access: 23.12.2025).
3. Following the trends: Fraudsters have invented a scam involving Dubai chocolate. URL: https://t.me/cyberpolice_rus/3014 (date of access: 24.01.2026).
4. The Bank of Russia has identified more than 4,000 illegal players in the financial market in six months. URL: <https://novostivoronezha.ru/2025/08/05/323929> (date of access: 12.01.2026).
5. Police have detained two fake brokers who defrauded a Klin resident of 3 million rubles under the guise of an investment. URL: <http://мвд.рф> (date of access: 23.01.2026).
6. «A bargain car from Europe». URL: <https://www.newsinfo.ru/news/car-fraud-europe/925861/> (date of access: 23.01.2026).
7. An expert has revealed a new scam during the New Year holidays. URL: <https://ria.ru/20251223/moshenniki-2063990790.html> (date of access: 23.12.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А.В. Сычева – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики учебно-научного-комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел. Волгоградская академия МВД России. 400089, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A.V. Sycheva – PhD in Law, Department of Criminology of the educational and Scientific complex for preliminary investigation in the internal Affairs bodies. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400089 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

⁹ Дроп (от англ. To drop – «сбрасывать») – жаргонный многозначный термин, который может иметь разные значения в зависимости от контекста. Слово происходит от английского глагола. To drop, который переводится как «бросать», «сбрасывать», «падать», «ронять» и т. д. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Дроп_%28сленг%29 (дата обращения: 23.01.2026).

Научная статья
УДК 343.34

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Александр Витальевич Фёдоров¹, Николай Сергеевич Сорокун², Елена Александровна Миллерова³

^{1,3}Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

¹fyodorov221@mail.ru

²nik-sorokun@yandex.ru

³millerovyeva@yandex.ru

Введение: в условиях роста угроз терроризма и диверсий, обеспечение безопасности на объектах транспортной инфраструктуры, в частности на железнодорожном транспорте, требует эффективной защиты не только силами и средствами правоохранительных органов, но и на законодательном уровне. В статье отражена государственная реакция на новые внешние угрозы, а также направления трансформации уголовного законодательства для повышения защиты транспортной системы.

Материалы и методы: написанию работы предшествовало изучение информации по обеспечению безопасности на объектах транспортной инфраструктуры, о состоянии преступности на этих объектах, следственно-судебной практики, трудов научно-практической направленности. Использовались статистический, формально-логический, сравнительный и иные методы исследования.

Результаты исследования: рассмотрен круг вопросов по обеспечению транспортной безопасности от внешних угроз, связанных с атаками беспилотных мобильных средств, поджогами и другими противоправными общественно опасными деяниями на объектах железнодорожной инфраструктуры.

Выводы и заключения: в целях оптимизации уголовной политики государства, направленной на усиление обеспечения безопасности в транспортной сфере, предложено сделать квалифицированным видом уголовной ответственности совершение террористического акта или диверсии на объектах транспортной инфраструктуры, путем дополнения ч. 2 ст. 205 УК РФ «Террористический акт» и ч. 2 ст. 281 УК РФ «Диверсия» соответствующим квалифицирующим признаком, а именно: пунктом г) совершенные на объектах транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: уголовная политика, угрозы, транспортная безопасность, железнодорожный транспорт, беспилотные аппараты, релейный шкаф, квалификация преступлений, объекты транспортной инфраструктуры, терроризм, диверсия, превентивные меры

Для цитирования: Фёдоров А. В., Сорокун Н. С., Миллерова Е. А. Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности объектов железнодорожной инфраструктуры // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 219–224.

Original paper

CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF SECURING THE SAFETY OF RAILWAY INFRASTRUCTURE

Alexander Vitalievich Fedorov¹, Nikolay Sergeevich Sorokun², Elena Alexandrovna Millerova³

^{1,3}Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

© Фёдоров А.В., Сорокун Н.С., Миллерова Е.А., 2026

Introduction: in the context of growing threats of terrorism and sabotage, ensuring security at transport infrastructure facilities, particularly in the railway transport sector, requires effective protection not only by law enforcement agencies, but also at the legislative level. The article reflects the government's response to new external threats, as well as the areas of transformation in criminal legislation to enhance the protection of the transport system.

Materials and methods: the work was preceded by the study of information on ensuring security at transport infrastructure facilities, the state of crime at these facilities, investigative and judicial practice, and scientific and practical works. Statistical, formal-logical, comparative, and other research methods were used.

Results of the study: the paper discusses a range of issues related to ensuring transport security from external threats, such as attacks by unmanned mobile vehicles, arson, and other illegal and socially dangerous acts at railway infrastructure facilities.

Findings and conclusions: in order to optimize the criminal policy of the state aimed at strengthening security in the transport sector, it is proposed to make the commission of a terrorist act or sabotage at transport infrastructure facilities a qualified type of criminal liability by supplementing Part 2 of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation «Terrorist act» and Part 2 of Article 281 of the Criminal Code «Sabotage» with an appropriate qualifying feature, namely(d) Committed at transport infrastructure facilities.

Keywords: criminal policy, threats, transport security, railway transport, unmanned vehicles, relay cabinet, qualification of crimes, transport infrastructure facilities, terrorism, sabotage, and preventive measures

For citation: Fedorov A. V., Sorokun N. S., Millerova E. A. Criminal Policy in the Field of Ensuring the Safety of Railway Infrastructure Facilities // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 219–224.

В России одной из основополагающих отраслей экономики и неотъемлемой частью производственной и социальной инфраструктуры является – транспорт. Железнодорожный транспорт является тем видом основного транспорта, позволяющий обеспечить быстрое и надежное перемещение пассажиров и грузов.

Транспортная безопасность как объект повышенной опасности и часть национальной безопасности, направлена на обеспечение надежной защиты всего транспортного комплекса. Уязвимость транспортной инфраструктуры к преступным посягательствам требует комплексного подхода, включающего как технические, так и правовые меры защиты. Уголовная политика выступает ключевым инструментом противодействия наиболее опасным угрозам таким как – терроризм, диверсия, нарушение требований в области транспортной безопасности. Единицы инфраструктуры и подвижного состава, обеспечивающие функционирование перевозочного процесса и других технологических процессов на железнодорожном транспорте, именуются его объектами.

Трансформация уголовной политики в области обеспечения безопасности железнодорожного транспорта отчетливо прослеживается в криминализации новых форм общественно опасных деяний и ужесточения санкций за вмешательство в работу транспортных узлов. Репрезентативным примером этому является дополнение Федеральным законом от 29 октября 2022 г. № 586 в Уголовный кодекс РФ статей 281.1, 281.2 и 281.3, предусматривающими уголовную ответственность за содействие диверсионной деятельности, прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, организацию диверсионного сообщества и участие в нем [1], а также дополнение части 1 статьи 63 УК РФ еще одним отягчающим наказанием обстоятельством – «совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии» [2].

В настоящее время, в связи с осуществлением специальной военной операции, населению все чаще приходится находиться в состоянии «повышенной тревожности» в связи с беспилотными, диверсионными атаками, террористическими актами. Объекты транспортной инфраструктуры, в том числе железнодорожный транспорт, в особенности подвержены этим угрозам.

Абсолютно верным считаем утверждение Мансагарова Р.А. в том, что «бесперебойное функционирование железнодорожного транспорта особую значимость приобретает в современных условиях проведения специальной военной операции, когда устойчивость транспортной системы становится как никогда важным фактором обороноспособности государства» [3, с. 165]. Именно рассматриваемый вид транспорта является потенциальным объектом диверсионных атак, обладающий повышенной уязвимостью к диверсионным воздействиям и высокой экономической значимостью [4].

Начиная с марта 2022 года России была объявлена так называемая «рельсовая война», целью которой было нарушение логистики российских войск и снабжение группировки, задействованной в зоне СВО» [5]. В результате чего, в России резко возросло количество происшествий на объектах железнодорожной инфраструктуры: 1 мая 2022 г. был совершен подрыв железнодорожного моста в Курской области, в октябре этого же года – взрыв на Крымском мосту. 27 ноября 2025 г. Южный окружной военный суд вынес обвинительный приговор в отношении восьми обвиняемых в организации этого теракта, назначив им наказание в виде пожизненного лишения свободы [6]. Однако после подрыва Крымского моста начались сходы вагонов с рельсов, террористические акты, диверсии, поджоги железнодорожного оборудования не только в приграничных территориях, но в Поволжье, Урале, Сибири, в тех местах, где сосредоточена значительная часть предприятий российской военной промышленности [7].

Самым распространенным диверсионным преступлением явился поджог релейных шкафов, в которых находится автоматика, регулирующая движение на железнодорожных путях. Согласно статистическим данным Министерства внутренних дел России с начала СВО – с февраля 2022 г. по январь 2024 г. было зарегистрировано 184 диверсионных актов на железной дороге [8, с. 41]. В средствах массовой информации, на официальных сайтах правоохранительных органов, в научных источниках неоднократно говорилось о совершаемых преступлениях, об актуальности их исследования, а также о том, что одной из распространенных форм воздействия на граждан, чтобы заставить пойти их на подобные преступления является обман в Интернете [9, с. 15–18]. Под различными предложениями за незначительное вознаграждение (как правило от 1000 до 100 тысяч рублей, в зависимости от сложности преступления), преступники вовлекают людей в выполнение заданий, а именно: совершение поджогов на объектах транспортной инфраструктуры, административных зданий, военкоматов. Среди субъектов этих преступлений большинство – несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, а организаторами, как правило, выступают иностранные сотрудники спецслужб. Первоначально организаторами осуществляется агитация подростков, обещание безнаказанности в связи с не достижением возраста уголовной ответственности, а затем следует шантаж в виде угроз привлечения к уголовной ответственности их родителей [10].

В целях назначения справедливого наказания, необходимо правильно разграничивать рассматриваемые общественно-опасные деяния. Если ранее повреждения релейных шкафов или систем сигнализации железнодорожного транспорта квалифицировались как вандализм (ст. 214 УК РФ), либо приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ), что безусловно, не соответствовало реальной общественной опасности, то современный вектор уголовной политики направлен на квалификацию подобных деяний как актов диверсии (ст. 281 УК РФ). В этом случае, уголовная политика требует от правоприменителя оценивать не только физический вред, но и цель деяния. В диверсии – это подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации.

Диверсию на объектах транспортной инфраструктуры так же необходимо разграничивать от террористического акта. Правильная квалификация зависит не только от способа совершения преступления, но прежде всего от субъективной стороны преступления – цели и умысла, объекта посягательства и наступивших последствий. Одни и те же действия по способу могут подпадать под различные статьи Уголовного кодекса РФ в зависимости от мотивов, целей и последствий. Так, например, взрыв на Крымском мосту был квалифицирован как террористический акт, а поджог релейных шкафов – как диверсия.

Цель террористического акта – уstrasшить население, дестабилизировать органы власти или международные организации для принятия ими решений. Терроризм часто предполагает демонстративный характер, а диверсионная деятельность отличается своей конспиративностью и скрытностью [11], направленной на создание сбоев в работе систем, без непосредственной демонстративной цели запугать население, но при этом имея прямой умысел на ее осуществление. Преступник знает, что выведение из строя релейного шкафа, расположенного возле светофора выведет из строя светофор, что может привести к столкновениям поездов, а поджог релейного шкафа, стоящего около переезда нарушит работу переезда, что так же может привести к нарушениям правил движения через железнодорожные переезды. Устройства сигнализации, централизации и блокировки (СЦБ), к которым относятся в том числе релейный шкаф – это устройства, напрямую отвечающие за безопасность движения поездов, предназначенные для автоматического управления железнодорожной автоматикой.

Профилактика террористических актов на объектах железнодорожного транспорта, диверсий, связанных с поджогами релейных шкафов, совершенных как несовершеннолетними, так и взрослыми людьми, требует комплексного подхода, сочетающего образование, психологическую поддержку, повышенное внимание со стороны родителей и их контроль, а также превентивный потенциал уголовно-правовых норм. Следует заметить, что реакция со стороны государства на частоту совершенных указанных выше преступлений, влекущих высокую общественную опасность и безопасность государства, последовала незамедлительно. Так, Федеральным законом от 17.11.2025 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в ч. 2 ст. 20 УК РФ были внесены изменения, согласно которым, уголовная ответственность за преступления диверсионной направленности (ст. 281–281.1 УК РФ) теперь наступает с 14 лет, а не с 16 как это было ранее [12].

Не успев отойти от поджогов релейных шкафов и террора, летом 2025 года в некоторых субъектах Российской Федерации было парализовано движение поездов, в результате беспилотных атак. Так, в июле 2025 года Ростовская область подверглась атакам на железнодорожную инфраструктуру, приведшей к задержкам в пути более 50 поездов, в том числе пассажирских. Цель ВСУ – парализовать транспортное сообщение по всей России, а использование БПЛА призвано посеять среди населения чувство страха [13]. В целях обеспечения безопасности и предупредительных мер в целях защиты от подобных деяний и предотвращения террористических актов и диверсий, Министерством транспорта РФ были разработаны особенности защиты от актов незаконного вмешательства с использованием беспилотных аппаратов объектов транспортной инфраструктуры вокруг которых устанавливаются зоны безопасности, утвержденные Правительством РФ [14]. Теперь, не реже 1 раза в год субъекты транспортной инфраструктуры должны обеспечить учения и тренировки по оповещению об угрозах и действиям сил обеспечения транспортной безопасности. Сотрудники транспортной безопасности сегодня наделены правом сбивать беспилотники [15].

В связи с вышеизложенным пришли к выводу, что борьба с преступлениями террористической и диверсионной направленностью является актуальной не только потому что, наносится вред общественной безопасности, обороноспособности и экономической безопасности нашей страны, но и потому что эти преступления поражают своей масштабностью, требующие от государства максимальной бдительности, боеготовности.

Считаем, что криминализация в Уголовный кодекс РФ новых деяний, предусматривающих ответственность за диверсионные преступления, дополнение ст. 63 УК РФ отягчающим наказанием обстоятельством, связанным с пропагандой, оправданием и поддержкой диверсии, понижение возраста уголовной ответственности, повышенные санкции за диверсионную деятельность и вмешательство в работу и функционирование железнодорожных путей, станций, подвижного состава и устройств, обеспечивающих функционирование транспорта, отражает одно из направлений уголовной политики, реакцией государства, направленной на эффективную борьбу с вышеперечисленными преступлениями. Уголовный закон в этом случае выполняет не только репрессивную, но и ярко выраженную превентивную функцию, создавая правовой барьер против угроз, способных парализовать транспортную связанность государства.

Однако предпринятые вышеперечисленные организационные и уголовно-правовые меры, направленные на повышение уровня общественной безопасности в сфере функционирования железнодорожного транспорта в современных условиях, все же, на наш взгляд, требуют дополнительных усилий, в частности сделать квалифицированным видом уголовной ответственности совершение террористического акта или диверсии на объектах транспортной инфраструктуры, путем дополнения ч. 2 ст. 205 УК РФ «Террористический акт» и ч. 2 ст. 281 УК РФ «Диверсия» соответствующим квалифицирующим признаком, а именно: пунктом г) совершенные на объектах транспортной инфраструктуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 29.12.2022 № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 15.01.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. (дата обращения: 15.01.2026).

3. Мангасаров Р.А., Бурцев А.О. Противодействие преступным посягательствам, связанным с повреждением устройств сигнализации, централизации и блокировки на объектах железнодорожного транспорта // Юрист-Правоведъ. 2025. № 3(114).
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом на период до 2035 г.» (дата обращения: 15.01.2026).
5. Кто и как выводит из строя железные дороги России. URL: <https://rybar.ru/o-zheleznodorozhnyh-diversiyah-protivnika-na-territorii-rossii/> (дата обращения: 19.01.2026).
6. Осуждены к пожизненному лишению свободы лица, участвовавшие в совершении теракта на Крымском мосту в октябре 2022 года. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/> (дата обращения: 15.01.2026).
7. ФСБ предотвратила диверсию на железнодорожных путях в Алтайском крае. URL: <https://dzen.ru/a/aSQHv0> (дата обращения: 15.01.2026).
8. Есин Д.В. Об актуальности исследования преступлений диверсионной направленности // Российский следователь. 2025. № 8.
9. Зайкова С.Н. Государственное регулирование в области транспортной безопасности на железнодорожном транспорте // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 3.
10. Кто и как выводит из строя железные дороги России. URL: <https://rybar.ru/o-zheleznodorozhnyh-diversiyah-protivnika-na-territorii-rossii/> (дата обращения: 19.01.2026).
11. Емельянов В.П. Терроризм, бандитизм, диверсия: вопросы разграничения // Законность. 2000. № 1.
12. Федеральный закон от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 24 ноября 2025 г. № 47. Ст. 7048.
13. Курортные поезда застряли в аду. URL: <https://newizv.ru/news/2025-07-21/kurortnye-poezda-zastryali-v-adu> (дата обращения: 19.01.2026).
14. Постановление Правительства РФ от 30.04.2025 № 588 «Об особенностях защиты от актов незаконного вмешательства с использованием беспилотных аппаратов объектов транспортной инфраструктуры и (или) групп объектов транспортной инфраструктуры, вокруг которых устанавливаются зоны безопасности». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.01.2026).
15. Федеральный закон от 30 января 2024 г. № 2-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1679643/> (дата обращения: 19.01.2026).

REFERENCES

1. Federal Law № 586-FZ dated December 29, 2022 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". URL: <https://www.consultant.ru/document/> (date of access: 15.01.2026).
2. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on 12/29/2025) // Sbornik zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 1996. № 25. Art. 2954. (date of access: 15.01.2026).
3. Mangasarov R.A., Burtsev A.O. Countering criminal encroachments related to damage to alarm, centralization and blocking devices at railway transport facilities // Jurist-Pravoved. 2025. № 3(114).
4. Order of the Government of the Russian Federation № 3363-r dated November 27, 2021, "On the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030, with a forecast for the period up to 2035" (date of access: 15.01.2026).
5. Who and how disrupts Russia's railways. URL: <https://rybar.ru/o-zheleznodorozhnyh-diversiyah-protivnika-na-territorii-rossii/>. (date of access: 19.01.2026).
6. Individuals involved in the terrorist attack on the Crimean Bridge in October 2022 have been sentenced to life imprisonment. - <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/> (date of access: 15.01.2026).
7. The Federal Security Service prevented a sabotage attempt on railway tracks in the Altai Territory. URL: <https://dzen.ru/a/aSQHv0> (date of access: 15.01.2026).
8. Yesin, D.V. On the relevance of studying crimes of a sabotage nature // Russian Investigator. 2025. № 8.

9. Zaikova S.N. State Regulation in the Field of Transport Security in Railway Transport // State Power and Local Self-Government. 2024. № 3.

10. Who and How Destroys Russia's Railways. URL: <https://rybar.ru/o-zheleznodorozhnyh-diversiyah-protivnika-na-territorii-rossii/> (date of access: 19.01.2026).

11. Emelyanov, V. P. Terrorism, banditry, and sabotage: issues of delineation // Zakonnost. 2000. № 1.

12. Federal Law № 420-FZ of November 17, 2025, "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, November 24, 2025, № 47, Article 7048.

13. Resort trains are stuck in hell. URL: <https://newizv.ru/news/2025-07-21/kurortnye-poezda-zastrjali-v-adu> (date of access: 19.01.2026).

14. Decree of the Government of the Russian Federation № 588 dated April 30, 2025, "On the Peculiarities of Protecting Transport Infrastructure Facilities and (or) Groups of Transport Infrastructure Facilities from Acts of Illegal Intervention Using Unmanned Aerial Vehicles, Around Which Security Zones Are Established." – Access mode: <https://www.consultant.ru/> (date of access: January 19, 2026).

15. Federal Law № 2-FZ dated January 30, 2024, "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation." URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1679643/> (date of access: 19.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. В. Фёдоров – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и уголовно-правовых дисциплин, декан факультета «Экономика, управление и право» Ростовского государственного университета путей сообщения. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, площадь Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.

Н. С. Сорокун – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Е. А. Миллерова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и уголовно-правовых дисциплин Ростовского государственного университета путей сообщения. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, площадь Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

A. V. Fedorov – PhD in Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines, Dean of the Faculty of Economics, Management, and Law of the Rostov State Transport University. 2, Rostov Rifle Regiment of the People's Militia Square, Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

N. S. Sorokun – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

E. A. Millerova – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines of the Rostov State Transport University. 2, Rostov Rifle Regiment of the People's Militia Square, Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 21.02.2026; принята к публикации 13.03.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 21.02.2026; accepted for publication 13.03.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 343.1

О ДОСТУПЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА К ДОКУМЕНТАМ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Сергей Владимирович Черников

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь,
Российская Федерация, Chernikoff85@yandex.ru

Введение: доступ участников уголовного дела к документам досудебного производства является необходимым условием реализации их прав, свобод, законных интересов.

Материалы и методы: проведен обзор норм уголовно-процессуального закона, изучены решения Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, воззрения ученых. Использованы методы анализа, сравнения, индукции.

Результаты исследования: выявлены нормативные и теоретические подходы к обеспечению доступа участников уголовного производства к досудебным документам, сбои информирования заинтересованных лиц о принятых решениях, проводимых действиях.

Выводы и заключения: доступ участников уголовного процесса к досудебным документам может быть реализован разными способами и формами, но должен быть обеспечен надлежащими гарантиями. При этом имеют значение многие факторы, например, нормативные предписания, процессуальные статусы лиц, границы их интересов, обязанности и возможности субъектов расследования.

Ключевые слова: досудебные документы, участники уголовного процесса, доступ к сведениям, закон, теория, проблемы, решения

Для цитирования: Черников С. В. О доступе участников уголовного процесса к документам досудебного производства // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 225–229.

Original paper

ON ACCESS FOR PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS TO PRE-TRIAL PROCEEDINGS DOCUMENTS

Sergey Vladimirovich Chernikov

Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Stavropol, Russian Federation

Introduction: access of participants in a criminal case to documents of pre-trial proceedings is a necessary condition for the realization of their rights, freedoms, and legitimate interests.

Materials and methods: a review of the provisions of criminal procedure law was conducted, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, and the views of scholars were studied. Methods of analysis, comparison, and induction were used.

Results of the study: regulatory and theoretical approaches to ensuring access of participants in criminal proceedings to pre-trial documents, failures in informing interested parties about decisions made and actions taken were identified.

Findings and conclusions: access to pre-trial documents by criminal trial participants can be implemented in various ways and forms, but must be ensured by appropriate safeguards. Many factors are important in this regard, including regulatory provisions, the procedural status of individuals, the scope of their interests, and the responsibilities and capabilities of the subjects of the investigation.

Keywords: pre-trial documents, participants in criminal proceedings, access to information, law, theory, problems, solutions

For citation: Chernikov S. V. On access of participants in criminal proceedings to documents of pre-trial proceedings // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 225–229.

© Черников С.В., 2026

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусмотрены разные возможности участников соответствующей деятельности, направленные на обеспечение защиты, реализацию интересов, решение задач предварительного расследования и его отдельных этапов. Однако для достижения законности и обоснованности, мотивированности и справедливости, эффективности процесса, необходимы гарантирующие правила. Среди них особое значение придается своевременному, надлежащему, достаточному доступу участников производства к досудебным документам. Такой подход позволяет проинформировать граждан, органы, использовать свои статусы, права, свободы и законные интересы. Ведь владение значимыми сведениями – это залог успешного, результативного функционирования.

В УПК РФ имеются установления, показывающие, что законодатель по-разному решает задачу допуска лиц к данным производства. Приведем несколько из них.

Гражданский истец (участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения) вправе знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием (п. 9 ч. 4 ст. 44 УПК РФ), получать копии процессуальных решений, относящихся к предъявленному гражданскому иску (п. 13 ч. 4 ст. 44 УПК РФ).

Подозреваемый, представляющий сторону защиты, имеет право: получить копию постановления о возбуждении уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения (п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), ознакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием (п. 8 ч. 4 ст. 46 УПК РФ).

Понятой (иной участник уголовного судопроизводства) уполномочен знакомиться с протоколом следственного действия, в производстве которого он участвовал (п. 2 ч. 3 ст. 60 УПК РФ).

Обвиняемому, защитнику или потерпевшему, участвующим в уголовном судопроизводстве, соответственно, со стороны защиты, обвинения, допустимо вручать копию обвинительного заключения, изготовленную в форме электронного документа (ч. 3.1. ст. 222 УПК РФ).

Обобщение этих и иных положений уголовно-процессуального закона в рассматриваемой части обращает внимание на общие и особенные правила доступа участников уголовного процесса к досудебным документам, отдельные проблемы, отличающиеся основания и условия, варианты и периоды, формы, виды и границы организации и реализации процедур информирования, адресованные тем или иным лицам.

В частности, установлены универсальные предписания, которые направлены всем или многим лицам, наделяют их правом доступа к процессуальным документам. Так, протокол следственного действия, как итоговый документ, имеет значение для всех его участников, поэтому законодатель предлагает предъявлять его для ознакомления всем лицам, участвующим в мероприятии (ч. 6 ст. 166 УПК РФ).

Предусмотрены особые правила доступа к документам, как обращенные группе или отдельным лицам. На наш взгляд, их создание обусловлено выделением той или иной классификационной группы участников, процессуальным положением, и, соответственно, целями, задачами, функциями, интересами. Специфика имеется в способах информирования (вручение копий актов или ознакомление с ними), этапах реализации (окончание следственного действия и (или) расследования преступления), объеме сведений (полном или ограниченном), форме доведения (передача печатного, электронного текста), субъектах инициативы (обязанность следователя, просьба заинтересованных людей), сопроводительных условиях (разрешение установленных лиц), иных параметрах.

Так, обвиняемому, защитнику может быть вручена копия обвинительного заключения, изготовленная в форме электронного документа, при получении их согласия, наличии технической возможности (ч. 3.1. ст. 222 УПК РФ). Таким образом, учитываются мнения адресатов правил и средства, имеющиеся у субъектов производства.

Гражданскому ответчику, гражданскому истцу предоставляется право знакомиться по окончании предварительного расследования с материалами уголовного дела, относящимся к предъявленному гражданскому иску (п. 9 ч. 2 ст. 54 УПК РФ, п. 12 ч. 4 ст. 44 УПК РФ). Таким образом, ограничивается допуск к информации пределами иска, но устанавливается баланс возможностей двух участников, представляющих разные стороны в процессе.

Однако истцу также делегируются иные варианты доступ к документам. В частности, знать о принятых решениях, затрагивающих его интересы, и получать копии процессуальных решений, относящихся к предъявленному им гражданскому иску (п. 13 ч. 4 ст. 44 УПК РФ). Здесь отметим, что в законе имеются и другие нормы, устанавливающие право тех или иных лиц на информирование. Так, можно вспомнить право потерпевшего знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ).

Тогда для заинтересованных участников естественно заранее получить ответы на вопросы о наличии подтверждающего механизма реализации таких прав, о том, кто и как определяет, что именно затрагивает их интересы, о границах информирования?

На этом фоне приведем несколько рассуждений в части условий осуществления гражданским истцом права знать о таких решениях. Хотя они вполне уместны и в отношении иных лиц, запрашивающих доступ к значимым для них документам дела.

Логично предположить, что провозглашение такой возможности в статье, устанавливающей статус гражданского истца, должно найти дальнейшую детализацию. Например, допустимо помещение тезиса об информировании лица, содержащего соответствующую процедуру, в иных взаимосвязанных нормах. Или же можно говорить о предоставлении субъектам производства, в частности, следователю, дознавателю, самостоятельности при определении процедуры исполнения.

При этом имеются причины, обосновывающие употребление обоих вариантов.

С одной стороны, присутствие нормативности такого процесса повышает гарантированность права, и, так сказать, успокаивает заинтересованных лиц, но закон не должен и не может вмещать все подробности порядка.

С другой стороны, следователь, дознаватель, как уполномоченные субъекты расследования преступлений, наделены необходимыми качествами и возможностями. Они прошли профессиональный отбор, подтвердили свои знания, умения, навыки, моральные установки, получили компетенцию и полномочия, право принимать решения, проводить действия, и обязанность обеспечить их законность, обоснованность. Они, в целом, являются процессуально самостоятельными лицами, должны стоять на страже интересов любого участника. Тогда они могут индивидуально определять механизмы реализации положений закона, время, адресатов и другие параметры. Однако полагаем, что первичное значение для лица имеют следующие факты: доведение до его сведения субъектами деятельности возникновения права знать о процессуальных актах, понимание им наличия обязательности информирования или необходимости личного инициирования такого запроса.

Анализ норм уголовно-процессуального закона позволяет назвать ряд актов, имеющих значение для гражданского истца, и относящихся к предъявленному иску. Например, привлечение конкретного лица в качестве обвиняемого, как потенциального ответчика, назначение судебной экспертизы, как действия, посредством которого определяются характер и размер причиненного ему вреда, приостановление предварительного следствия, как временной остановки активных действий по защите его прав.

Обращение к их нормативному регулированию показывает, что законодатель по-разному регламентирует допуск к таким сведениям и, соответственно, запускает разную функциональную ответную реакцию. В статье 172 УПК РФ «Порядок предъявления обвинения» имеются положения о способах информирования отдельных лиц, но не гражданского истца. В части 3 статьи 195 УПК РФ «Порядок назначения судебной экспертизы» гражданский истец не указан в числе участников, подлежащих ознакомлению с постановлением о назначении судебной экспертизы. В части 1 статьи 209 УПК РФ «Действия следователя после приостановления предварительного следствия» имеется правило, предусматривающее уведомление гражданского истца о таком решении. При этом отметим, что уведомление и копия документа имеют отличающееся наполнение сведениями, а, значит, происходит разное информирование участников. Тогда может оказаться, что лицо не извещено в достаточной мере для защиты интересов. Кроме того, наблюдается отсутствие последовательного системного подхода к реализации права гражданского истца знать о значимых для него процессуальных фактах.

Судебные органы также актуализируют тему доступа участников процесса к документам, обращая внимание на своевременность и гарантированность использования такого права. Приведем несколько судебных мнений.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 года № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» указано, что по делу, поступившему с представлением прокурора об особом порядке проведения судебного заседания в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, отсутствие ... сведений о вручении обвиняемому и его защитнику копии представления прокурора является основанием проведения предварительного слушания для решения вопроса о возвращении дела прокурору (п. 7).

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2025 года № 1839-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лаптева Олега Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 15 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и частями первой и второй статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» отмечено, что «... государство обязано гарантировать защиту прав ... участников уголовного процесса, ... в том числе обеспечивать им надлежащие возможности по отстаиванию своих

прав и законных интересов на всех стадиях уголовного судопроизводства любыми не запрещенными законом способами...».

Ученые разделяют востребованность темы и формулируют предложения в сфере реализации доступности участников уголовного процесса к актам.

Высказываются мнения о способах исполнения права потерпевшего знать о предъявленном обвиняемому обвинении. Это вполне уместно, так как в п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, ст. 172 УПК РФ нет указания на них. Например, Н.П. Ефремова и В.В. Кальницкий пишут, что копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого вручается потерпевшему по ходатайству [1, с. 53–54].

Указывается на разные варианты информирования, и обязательность создания возможностей для употребления прав. Так, некоторые уведомляются о содержании обвинения, иные извещаются о ходе расследования или результатах разрешения их заявлений и ходатайств; всем разъясняются их права; оказывается содействие в реализации [2, с. 21].

Обращается внимание на соотношение процессуальных средств. В.Т. Томин отмечает необходимость сбалансированности гарантий обвиняемому и потерпевшему. Если умаление прав потерпевшего оправдывается недостаточностью средств, то справедливо взять эти недостающие средства из оплаты гарантий обвиняемому. Должна быть полная симметрия их прав [3, с. 201].

Учитываются современные достижения техники, что делает полезным и уместным электронное информирование, его расширение. Например, Е.В. Сопнева показывает наличие необходимых предпосылок правового, процессуального, технического характера; преимуществ использования (экономия сил и средств, своевременность и оперативность доведения значимых сведений, повышение доступности к сфере реализации прав) [4, с. 100–102].

Автор настоящего исследования также ранее писал, что нормативное делегирование участникам уголовного процесса прав подлежит персональной гарантированности [5, с. 188–193].

На наш взгляд, закрепление в законе права лица на доступ к процессуальным документам, имеющим для него значение, должно быть подтверждено надежными гарантиями в рамках досудебного производства.

Среди них, назовем адресную обязанность уполномоченных лиц и органов обеспечить исполнение этой возможности. Прежде всего, субъектов досудебного производства – следователя, дознавателя. Затем контрольно-надзорных участников процесса (прокурора, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, судью, суд), делающих выполнимыми права лиц в пределах своей компетенции и полномочий, этапов поступления к ним документов.

Однако при качественной реализации такой миссии именно следователем, дознавателем, как первыми гарантами, решается много положительных задач, а именно, удовлетворяются потребности участников, достигаются назначение отдельного этапа и целого производства, экономия ресурсов, устраняется много отрицательных моментов, например, исключаются жалобы и ходатайства, вовлечение в процесс проверяющих органов.

Вместе с тем, в статьях 38 и 41 УПК РФ, определяющих соответственно статусы следователя и дознавателя, отсутствует перечень обязанностей. При этом в части 1 статьи 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве», указано, что они обязаны разъяснить подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечить возможность осуществления этих прав.

Считаем, что следователь, дознаватель могут выполнить свою обязанность и гарантировать реализацию прав лиц на доступ к информации исходя из предусмотренной законом установки, или же из признания ими, что тот или иной акт имеет значение для лица с точки зрения исполнения его прав, свобод, законных интересов. При этом выбор и использование разных вариантов информирования обусловлены требованиями уголовно-процессуального закона, интересами расследования и нуждающегося лица, особенностями его процессуального положения, сложившейся ситуацией. Так, речь может идти о передаче копии документа или уведомления, причем как по просьбе лица, так и вне ее, направлении электронного или печатного документа. Для обеспечения законности и обоснованности процедур важны: значимость акта для участника процесса, как обстоятельства, определяющего причинность информирования о нем, своевременность, как условия получения сведений в период, необходимый для реализации интереса, достаточность, как фактора, позволяющего получить полную информацию для защиты прав.

Например, в случае с информированием потерпевшего о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), обратим внимание на следующие моменты. Право знать, как предусмотренное без каких-либо условий, наличие прямого интереса потерпевшего к формулировке, объему обвинения, подразумевает инициативу субъекта расследования проинформировать его об этих параметрах. Оптимальное время доведения сведений – в течение 24 часов с момента завершения акта предъявления обвинения обвиняемому. Вариант реализации – направление копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Преимущества такого подхода: указанный документ готов, нет необходимости тратить ресурсы для его разработки, он обеспечен необходимыми данными для организации применения потерпевшим своей функции.

В свою очередь, право гражданского ответчика знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях (п. 15 ч. 2 ст. 54 УПК РФ), может быть реализовано направлением ему уведомления, которое будет содержать нужную информацию для подачи на них возражений.

Итак, декларирование прав участников уголовного процесса на доступ к документам досудебного производства должно быть обеспечено надлежащими возможностями их использования. Среди гарантий можно назвать: нормативно предусмотренную обязанность или инициативность следователя, дознавателя исполнить право лица на доступ к документам; возможность запроса реализации такого права заинтересованными лицами; употребление субъектами досудебного производства разных способов и форм, исходя из предписаний закона, статусов и интересов лиц, сложившейся ситуации; соблюдение условий законности и обоснованности осуществления права: значимости решения и действия, своевременности и достаточности информирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ефремова Н.П., Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: учебно-практическое пособие. Омск, 2007.
2. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М., 2013.
3. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009.
4. Сопнева Е.В. Информирование в электронной форме лиц, в отношении которых выдвинуто подозрение // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3.
5. Черников С.В. О праве и средствах отдельных участников процесса собирать доказательства // Юрист-Правоведъ. 2023. № 2(105).

REFERENCES

1. Efremova N.P., Kalnitsky V.V. Involvement as an accused: a training and practical manual. Omsk, 2007.
2. Criminal Procedure: A Textbook for Bachelors / Ed. L.A. Voskobitova. Moscow, 2013.
3. Tomin V.T. Criminal procedure: current problems of theory and practice. Moscow, 2009.
4. Sopneva E.V. Informing persons under suspicion in electronic form // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3.
5. Chernikov S.V. On the right and means of individual participants in the process to collect evidence // Jurist-Pravoved. 2023. № 2 (105).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. В. Черников – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики. Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России. 355035, Российская Федерация, г. Ставрополь, проспект Кулакова, 43.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. V. Chernikov – senior Lecturer of the department of criminal procedure and criminology. Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 43, Kulakova Avenue, Stavropol 355035 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.12.2025; одобрена после рецензирования 18.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 27.12.2025; approved after reviewing 18.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ И КОПИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Виктор Иванович Шаров

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация,
v-i-sharov@rambler.ru

Введение: современная преступность не обходится без использования информационных технологий и компьютерной техники, в связи с чем электронная информация становится важнейшим источником сведений по уголовным делам. Однако, прежде чем стать доказательством, она должна быть изъята и приобщена в соответствии с положениями уголовно-процессуального кодекса, регламентирующими проведение следственных действий.

Материалы и методы: в ходе исследования применялся диалектический метод, общенаучные и частнонаучные методы исследования; выводы и результаты сформулированы путем анализа положений законодательства и на основе изучения научных источников.

Результаты исследования: заключаются в том, что на основе анализа практики и процессуального законодательства выявлена проблема, связанная с обязательным участием специалиста в изъятии электронных носителей информации. Делается вывод, что положения ст. 164.1 УПК РФ следует изменить и исключить требование обязательности участия специалиста, а привлекать его по решению следователя.

Выводы и заключения: 1) решение об участии специалиста в изъятии электронных носителей и копированию информации с них должен принимать следователь; 2) в ст. 164.1 УПК РФ должно быть отражено, что основным способом получения электронной информации для следствия должно выступать копирование, а не изъятие электронных носителей.

Ключевые слова: следственные действия, изъятие электронных носителей информации, копирование электронной информации, участие специалиста

Для цитирования: Шаров В. И. Некоторые вопросы изъятия электронных носителей и копирования информации // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 230–234.

Original paper

SOME ISSUES RELATED TO THE SEIZURE OF ELECTRONIC MEDIA AND COPYING OF INFORMATION

Victor Ivanovich Sharov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod,
Russian Federation

Introduction: modern crime cannot do without the use of information technology and computer technology, and electronic information is becoming the most important source of information on criminal cases. However, before becoming evidence, it must be seized and attached in accordance with the provisions of the Code of Criminal Procedure governing the conduct of investigative actions.

Materials and methods: during the research, the dialectical method, general scientific and private scientific research methods were used, conclusions and results were formulated by analyzing the provisions of legislation and based on the study of scientific sources.

Results of the study: based on the analysis of practice and procedural legislation, a problem has been identified related to the mandatory participation of a specialist in the seizure of electronic media. It is concluded that the provisions of Article 164.1 of the Code of Criminal Procedure

© Черников С.В., 2026

of the Russian Federation should be amended and the requirement for mandatory participation of a specialist should be eliminated, and he should be involved by decision of the investigator.

Findings and conclusions: 1) the decision on the participation of a specialist in the seizure of electronic media and copying information from them must be made by the investigator; 2) article 164.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation should reflect that the main way to obtain electronic information for the investigation should be copying, and not the seizure of electronic media.

Keywords: investigative actions, seizure of electronic media, copying of electronic information, participation of a specialist

For citation: Some issues related to the seizure of electronic media and copying of information // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 230–234.

В настоящее время множество преступлений совершается с использованием компьютеров и посредством сети Интернет. При совершении преступлений широко используются компьютерные технологии по целым направлениям преступной деятельности, с помощью компьютеров совершаются экономические преступления и хищения денежных средств, производятся несанкционированные действия с информационными ресурсами, разглашение конфиденциальной информации и многое другое. Компьютер и информационные технологии становятся средствами совершения многих преступлений, с помощью них продают наркотики и другие запрещенные к реализации объекты, мошенничество почти повсеместно ушло в Интернет. Сейчас уже, пожалуй, сложно назвать преступления, при организации которых информационные технологии не применяются. И масштабы растут. Регистрируется существенное увеличение количества преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, включая различные виды телефонных мошенничеств.

Современные условия таковы, что использование электронной информации становится неизбежным во многих случаях расследования уголовных дел, актуализируя вопросы ее получения и использования в качестве доказательств.

Работа с электронными доказательствами имеет два аспекта. Первый – технический, он связан с разработкой специфических процедур работы с компьютерной информацией – поиском нужной информации, ее правильного изъятия и т. д. Технический аспект очень важен, ему посвящено немало работ, включая разработку методов исследования компьютерной информации, проводимых в рамках судебной компьютерной экспертизы, но, тем не менее, его актуальность не пропадает. Возникают новые проблемы, например, обнаружение и копирование информации из Интернета, документирование электронной переписки и т. д.

Не менее важен второй процессуальный аспект, заключающийся в строгом соблюдении закона при проведении всех возможных манипуляций с компьютерной информацией. Специфика компьютерной информации, ее отличие от традиционных источников информации заставляет процессуалистов приложить немало усилий, чтобы она соответствовала процессуальной форме и могла использоваться в качестве доказательств по уголовным делам. Более того, предпринимаются попытки соединить технические аспекты с процессуальными, точнее, подчинить процедуру работы с информацией процессуальной форме, обеспечивающей достоверность получаемых результатов. Работ вполне достаточно, например, диссертационное исследование С.И. Кувычкова [1, с. 7–12], ученика нижегородской школы процессуалистов.

В некоторых случаях, особенно это было распространено раньше на практике, когда только учились работать с компьютерной информацией, попытки совместить старую форму с современными технологиями порождали монстров, где традиции и древность доминировали над технологичностью и, порой, здравым смыслом. Например, экранные копии, удостоверение подписями понятых гигабайтов информации и т. д. Некоторые еще и довольно затратны, например, требования удостоверить материальную копию цифровой фотографии требует их цифровой печати на месте происшествия с использованием мобильных принтеров.

Интеграция знаний техников-компьютерщиков и процессуалистов должны привести к новым технологиям сбора электронных доказательств, которые не раздражают и показывают эффективность результатов. Такую интеграцию нужно только приветствовать и направить усилия компьютерщиков на разработку процедур изъятия компьютерной информации и на ее исследование. Это, в общем-то, не архисложная задача, просто нужно разработать правила и использовать методы защиты информации.

Что касается процессуального закона, то он также пошел очевидным путем, предложив порядок изъятия компьютерной информации. Сначала Федеральным законом от 28 июля

2012 г. № 143-ФЗ в УПК РФ были включены нормы ч. 9.1 ст. 182, ч. 3.1 ст. 183 Кодекса. Они устанавливали порядок изъятия электронной информации при проведении выемки и при производстве обыска. Порядок действий не приводился, а вся специфика заключалась в том, что изъятие электронного носителя информации должно осуществляться при проведении данных следственных действий специалистом. Дополнительно разрешено снятие копии с изымаемого носителя для его законного владельца.

Положение просуществовало до 2018 г., когда Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ на их замену была принята ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий». Законодатель много не изменил, оставил положение об обязательном участии специалиста и необходимости изготовления копии для владельца информации. Но добавил в ч. 3 положение, согласно которому следователь вправе в ходе производства следственного действия осуществить копирование информации, содержащейся на электронном носителе. Заметим, указание на специалиста нет, следователь может осуществить это копирование самостоятельно. При этом впервые копирование информации разрешено без изъятия электронного носителя. При этом появилась альтернатива либо изъять носитель, но вместе со специалистом, либо самостоятельно скопировать.

Заметим, что изъятие электронных носителей и копирование с них информации распространилось теперь не только на обыск и выемку, но и на все иные следственные действия.

Не будем подробно анализировать все аспекты процессуальных требований по изъятию электронных носителей информации и их копированию, это уже содержится в литературе, лишь обратим внимание на одну деталь: изъятие электронных носителей следователь обязан производить со специалистом, а их копирование может осуществлять самостоятельно.

Вполне понятно, что обязательное участие специалиста при изъятии электронной информации предусмотрено законодателем исключительно для предотвращения возможности утраты или изменения информации из-за некомпетентных действий. Но, несмотря на убедительную мотивацию, все же это представляется дискуссионным, что собственно мы и видим в литературе. Как случаи изъятия электронного носителя, так и копирования информации могут иметь различную сложность. В простом случае это может быть изъятие флеш-накопителя, CD-диска. В этом случае не нужны специальные знания, они сегодня не выходят за рамки обыденных и вполне доступны самому следователю. То же самое следует отнести и к разнообразным случаям копирования с компьютера документов, фотографий, видеозаписей и т. д. Однако сложные ситуации, когда может потребоваться помощь специалиста, также разнообразны и могут возникнуть как при изъятии носителей, под которыми мы понимаем широкую гамму сложных технических средств (компьютеры, ноутбуки, серверы, смартфоны, карты памяти, жесткие диски и т. д.), так и при производстве копирования информации. Например, при изъятии компьютера, подключенного к сети, облачным сервисам, или при выгрузке записей с системы видеонаблюдения, по всей видимости, не обойтись без привлечения специалиста.

Собственно, даже деление на изъятие носителей и копирование информации довольно условно, поскольку одна операция чаще всего может быть заменена другой. Так, изъятие компьютеров, которое можно рассматривать как изъятие носителей, так часто применяемое правоохранительной практикой, большей частью избыточно, достаточно лишь переписать интересующую следователя информацию. В частности, такое характерно для многих случаев производства выемки, когда следователь четко знает, какие файлы ему нужны.

Если компьютер использовался как средство совершения преступления при мошенничестве, шантаже, изготовлении подложных документов, в незаконном игровом бизнесе и др., следует изымать его целиком, поскольку на жестких дисках может остаться много сведений, в том числе, в системных файлах.

Тем не менее, проблема не однозначна, а С.В. Зуев и В.С. Черкасов вообще считают, что положение об обязательном привлечении специалиста является анахронизмом. Они полагают, что «следователю необходимо предоставить право привлекать специалиста для изъятия электронных носителей информации, когда для этого действительно требуются специальные умения и знания» [2, с. 196]. Существующее положение является «ограничивающим процессуальную самостоятельность следователя, отрицательно сказывающимся на соблюдении разумных сроков уголовного судопроизводства» [3, с. 13]. На необоснованность имеющегося положения, заключающегося в обязательном участии специалиста во всех случаях изъятия электронных носителей уже давно указывают многие ученые [4, с. 173]. На самом деле, во многих случаях это участие излишне.

Тем не менее, ошибки при изъятии или копировании электронной информации, совершенные по некомпетентности субъектов, эти действия выполняющих, в практике

встречаются. И их количество возрастет, если исключить участие специалиста в изъятии и копировании электронной информации – это очевидно.

По всей видимости, четких рекомендаций, следует ли привлекать специалиста ко всем случаям изъятия электронных носителей или оставить некоторые из них сделать следователю самостоятельно, дать невозможно. С одной стороны – рациональность уголовного процесса, с другой – возрастает вероятность неправильных действий и потеря доказательств.

Итак, многое зависит от сложности ситуации и навыков работы с электронной информацией самого следователя. Более того, ситуации, вызывающие необходимость привлечения специалиста, многообразны, но их перечисление, по всей видимости, задача не закона, а криминалистической тактики. А если так, то положение об обязательном участии специалиста в силу его нерациональности следует исключить из УПК РФ, а принятие решения о его привлечении в каждом конкретном случае следует оставить за следователем.

Далее, из двух альтернативных действий – изъятие электронных носителей и копирование информации более щадящей и удобной для стороны, подозреваемой в совершении преступления, является копирование ее информации следователем. Плюсы и минусы копирования очевидны. Если компьютер используется в бизнесе, то следователь своими действиями не парализует функционирования организации, практически не вмешивается в ход ее работы. При изъятии носителей требуется не мало времени, чтобы восстановить работоспособность техники и процессы управления, что негативно влияет на технологические процессы.

С другой стороны, как указывалось, на оригиналах остаются многочисленная информация различного рода, в том числе скрытая, удаленная, которая может быть восстановлена при производстве компьютерной экспертизы. Это, по всей видимости, и предопределяет распространение данного метода в практике.

По нашим данным, в Германии, еще в начале процессов распространения информационных технологий, именно копирование было основным методом изъятия компьютерной информации. Правоохранительные органы использовали специальные носители информации большого объема, на которые и дублировалась информация с компьютера. И, если, судя по ч. 1 ст. 164.1, законодательство идет по пути наименьшего «травмирования» бизнеса, то следует также чаще применять копирование, а не изъятие электронных носителей. Копирование целесообразней и с других позиций, поскольку обеспечивает «недопустимость сокращения объема правовых гарантий участников судопроизводства в условиях цифровизации средств собирания доказательств» [3, с. 12]. Все это приводит к выводу об использовании копирования «как приоритетного способа собирания доказательственной информации, находящейся на электронных носителях» [3, с. 13].

Звучат и более радикальные высказывания о законодательном запрете изымать электронные носители информации в организациях, и заменять эту операцию на копирование с предоставлением копии в правоохранительные органы. При этом рекомендуется осуществление этой операции специалистами с обеих сторон. Такой запрет предлагается установить на любой стадии уголовного судопроизводства [5].

Несмотря на одностороннюю постановку вопроса, к предложениям адвоката стоит прислушаться. На современном уровне развития техники не составит труда сделать физическую копию диска, которая ничем не будет отличаться от оригинала. Уточним, что физическое копирование необходимо, если дубликат делается для нужд расследования, когда нужен именно клон диска, и если имеет значение вся, в том числе системная, скрытая или замаскированная информация. Именно в этом случае «для обеспечения полноты дальнейшего исследования информации» предлагается данный метод А.Л. Осипенко и А.И. Гайдиным, когда производится «посекторное копирование», которое позволяет восстанавливать удаленные ранее данные» [4, с. 175].

Для владельца электронной информации необходимо осуществлять обычное копирование стандартными средствами операционных систем тех файлов данных, которые он укажет, и нет необходимости прибегать к специальным процедурам побитного дублирования информации, как это указывается в некоторых публикациях, рекомендуемых с целью обеспечить отсутствие утраты или изменения информации в процессе копирования [6, с. 14].

Эти процедурные примеры позволяют снова повторить ранее сделанный вывод – способ и вид копирования информации или ее изъятие возложить на усмотрение следователя по согласованию со специалистом и противоположной стороной. В случае принципиального возражения следователь и специалист могут прибегнуть к посекторному копированию, а при возникновении трудностей (которые нужно объяснить в протоколе), осуществить изъятие электронного носителя с выполнением всех процедур действующего процессуального

законодательства. То есть, возражения противоположной стороны не должно влиять на решение следователя об изъятии носителя информации.

В завершении повторим основные выводы работы. Привлечение специалиста к изъятию электронных носителей и копированию информации должно осуществляться по решению следователя, как и иных случаях использования специальных знаний. Основным способом получения электронной информации для использования в целях доказывания по уголовным делам должно выступать не изъятие электронных носителей, что наиболее распространено в настоящее время, а копирование, введенное в уголовно-процессуальный закон в 2018 г. Эти два положения должны быть отражены в ст. 164.1 УПК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кувычков С.И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.
2. Зуев С.В., Черкасов В.С. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации (ст. 164.1 УПК РФ): преимущества и недостатки новеллы // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Том 16. № 2.
3. Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2020.
4. Осипенко А.Л., Гайдин А.И. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2014.
5. Герасимов Н. О проблеме изъятия электронных носителей информации в рамках следственных действий. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-probleme-izyatiya-elektronnykh-nositeley-informatsii-v-ramkakh-sledstvennykh-deystviy> (дата обращения: 27.11.2025).
6. Судницын А.Б. Отдельные процессуальные и организационные особенности изъятия и хранения электронных носителей информации при производстве по уголовным делам // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2016. №1 (22).

REFERENCES

1. Kuvychkov S.I. The use of information presented in electronic form in proving criminal cases: diss. ... kand. jurid. Sciences. Nizhny Novgorod, 2016.
2. Zuev S.V., Cherkasov V.S. New rules for the seizure of electronic media and copying of information (Article 164.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): advantages and disadvantages of the novel // Siberian Legal Review. 2019. Vol. 16. № 2.
3. Balashova A.A. Electronic media and their use in criminal procedural evidence: Abstract. diss. candide. jurid. Sciences. Moscow, 2020.
4. Osipenko A.L., Gaidin A.I. Legal regulation and tactical features of the seizure of electronic media // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014.
5. Gerasimov N. On the problem of seizure of electronic media in the framework of investigative actions. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-probleme-izyatiya-elektronnykh-nositeley-informatsii-v-ramkakh-sledstvennykh-deystviy> (date of access: 27.11.2025).
6. Sudnitsyn A.B. Certain procedural and organizational features of the seizure and storage of electronic media in criminal proceedings // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 1 (22).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

В. И. Шаров – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности. Нижегородская академия МВД России. 603600, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

V. I. Sharov – Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 3, Ankudinosvskoe Highway, Nizhny Novgorod 603600 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 26.12.2025; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 26.12.2025; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Научная статья
УДК 343.721

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Александр Константинович Щербаченко

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
stas-serb@yandex.ru

Введение: в настоящее время актуальным в сфере правоохранительной и правоприменительной деятельности органов внутренних дел остается расследование преступных посягательств направленных на получение тех или иных материальных или не материальных благ путем обмана, то есть расследование мошенничеств. Наиболее современной формой данного вида преступления является дистанционное мошенничество, которое реализуется преступниками с помощью различных технических средств.

Материалы и методы: методологической основой исследования в представленной работе является всеобщий метод познания, а также такие методы, как сравнительно-правовой, исторический, конкретно-социологический и статистического анализа. Рассматриваемой проблеме посвятили свои работы многие заслуженные теоретики, такие как В.К. Кулевой, Е.В. Папшева, А.Ю. Старинский, К.С. Сугрובה, Д.В. Долгов и др. На основе их трудов построена теоретическая часть представленного исследования.

Результаты исследования: в ходе исследования проводился анализ современных статистических данных, подтверждающих масштаб распространения мошеннических действий, совершаемых с использованием технических средств, а также рассмотрен практический опыт применения технических средств при расследовании дистанционных мошенничеств. Результатами данного анализа было установлено, что наибольшая эффективность раскрытия и расследования данного вида преступления может быть достигнута только при существовании такого условия, при котором сотрудники правоохранительных органов не только будут владеть теми специально-техническими знаниями и необходимым технологическим оснащением, которыми обладают современные преступники, но и будут опережать подготовку мошенников на несколько шагов.

Выводы и заключения: исследование тактических и методических особенностей расследования мошенничеств, совершаемых с использованием технических средств, позволило сделать вывод о необходимости совершенствования навыков правоохранительных органов по использованию современных технологий.

Ключевые слова: мошенничество, дистанционное мошенничество, компьютерная информация, современные технологии, раскрытие и расследование преступлений, следственные действия, тактические особенности

Для цитирования: Щербаченко А. К. Отдельные аспекты раскрытия и расследования мошенничества, совершаемого с использованием технических средств // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 235–240.

Original paper

SELECTED ASPECTS OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF FRAUD COMMITTED USING TECHNICAL MEANS

Alexander Konstantinovich Scherbachenko

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don,
Russian Federation

Introduction: Currently, the investigation of criminal attacks aimed at obtaining certain material or non-material benefits by deception, i.e. the investigation of fraud, remains relevant in the field of law enforcement and law enforcement activities of internal affairs agencies. The most modern form of this type of crime is remote fraud, which is carried out by criminals using various technical means.

© Щербаченко А.К., 2026

Materials and methods: the methodological basis of the research in the presented work is the general method of cognition, as well as such methods as comparative legal, historical, specific sociological and statistical analysis. Many honored theorists, such as V.K. Kulevoy, E.V. Papsheva, A.Yu. Starinsky, K.S. Sugrobova, D.V. Dolgov and others, have devoted their works to the problem under consideration. The theoretical part of the presented study is based on their works. Research results: The study included an analysis of current statistical data confirming the scale of fraudulent activity committed using technical means, and also considered the practical experience of using technical means in investigating remote fraud. The results of this analysis showed that the greatest efficiency in solving and investigating this type of crime can only be achieved under conditions in which law enforcement officers not only have the specialized technical knowledge and necessary technological equipment that modern criminals possess, but are also several steps ahead of the fraudsters.

Findings and conclusions: The study of the tactical and methodological features of investigating fraud committed using technical means allowed us to conclude that it is necessary to improve the skills of law enforcement agencies in using modern technologies.

Keywords: fraud, remote fraud, computer information, modern technologies, detection and investigation of crimes, investigative actions, tactical features

For citation: Scherbachenko A. K. Selected aspects of disclosure and investigation of fraud committed using technical means // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 235–240.*

На современном этапе развития российского общества одним из наиболее распространенных видов преступной деятельности является мошенничество. Многообразие его способов, специфический характер деятельности преступников, в арсенале которых в настоящее время имеются информационно-телекоммуникационные технологии, являются основополагающими составляющими, которые вызывают сложности раскрытия и расследования такого вида преступлений. Львиную долю в общей массе преступной деятельности мошеннического характера составляют хищения, совершаемые с использованием современных технических средств [3].

Приведем ряд наиболее распространенных в следственной практике способов мошеннических действий, совершаемых преступниками с помощью технических средств:

– «случайный» перевод денежных средств на банковский счет или на счет сотового обслуживания;

– доверительная беседа потерпевшего с сотрудником банковской сферы;

– угрозы блокировки сотового обслуживания;

– поддельные объявления на сайтах и в приложениях торговых площадок;

– получение пароля для доступа к portalу «Госуслуги» под видом иных кодов и т. д.

Рассмотрим более детально основные из них.

1. Перевод через систему дистанционного банковского обслуживания (ДБО) на карточный счет потерпевшего значительной суммы денежных средств и последующее обращение к потерпевшему с просьбой вернуть якобы ошибочно переведенные денежные средства. При этом возможно предложение оставить потерпевшему определенную «комиссию» от возвращенной суммы в виде некой благодарности за то, что человек «случайно» получивший на свой счет перевод, согласился вернуть их обратно. Потерпевший соглашается и переводит мошеннику полученные деньги с удержанием оговоренной комиссии. Однако мошенник обращается в банк с заявлением о производстве ошибочного перевода, и банк повторно списывает со счета потерпевшего ранее переведенную ему сумму и зачисляет ее на счет мошенника. Либо же сам мошенник самонадеянно обращается в правоохранительные органы с заявлением о совершенном в отношении него имущественного преступления, однако, подобная преступная схема подлежит незамедлительному разоблачению.

2. Использование методов социальной инженерии для выяснения данных платежных карт. С указанной целью мошенники звонят гражданам, представляясь сотрудниками банков, и просят сообщить данные платежных карт (номер, CVV, PIN-коды и пр.) под предлогом того, что карта якобы заблокирована, либо предлагают набрать комбинацию цифрового кода на мобильном телефоне, к которому привязана карта, или на клавиатуре банкомата. При этом могут программироваться интерактивные голосовые ответы для звонков клиентам.

Например, потерпевшему поступает звонок и человек, представившийся сотрудником банка, сообщает о том, что со счетов потерпевшего мошенники пытаются снять деньги. Далее для предотвращения негативных последствий подставное лицо предлагает потерпевшему провести определенный алгоритм действий, в ходе которого потерпевший дает полный доступ к своим банковским данным.

3. Также методы социальной инженерии применяются мошенниками не только для создания иллюзии диалога сотрудника банка с клиентом, но и для создания

условий формальной беседы с представителями Росфинмониторинга, Газовой службы и прочими учреждениями. Данный преступный механизм предполагает, что в ходе беседы с потенциальной жертвой преступления, лицо направляет кодовое СМС-подтверждение проведения какой-либо технической операции, под видом которого клиенту поступает код-доступа к portalу «Госуслуги». В следствии проведения подобной махинации мошенник получает свободный доступ к профилю жертвы преступления, где размещен большой объем персональной информации, такой как паспортные данные, ИНН, СНИЛС, Полис ОМС, действующие доверенности и информация об имуществе, с завладением которых мошенник получает огромный спектр дальнейших преступных промыслов [3].

Рассмотрим данный преступный механизм на практическом примере. Так, представившись работником «Энергосбыта» неустановленное лицо, сообщило ложные сведения о необходимости в бесплатной замене счетчика в квартире гражданина N. После чего на абонентский номер гражданина N. было направлено «смс» сообщение с номером заявки № **** для замены счетчика, который необходимо было сообщить неустановленному лицу. Гражданин N., будучи введенным в заблуждение неустановленным лицом, сообщил данный код, тем самым предоставил доступ к сайту «Госуслуги». Далее на абонентский номер, принадлежащий гражданину N., поступило «смс» сообщение о том, что в личный кабинет сайта «Госуслуги» последнего добавлен документ «доверенность», а также был указан подставной абонентский номер горячей линии Роскомнадзор. После чего, неустановленное лицо, посредством мессенджера «WhatsApp», осуществило телефонный звонок гражданину N. и, представившись сотрудником «Росфинмониторинга», сообщило гражданину N., что в отношении него совершаются мошеннические действия. После чего, посредством мессенджера «WhatsApp», направило письмо от Росфинмониторинга о том, что «для обеспечения безопасности финансовых активов, согласно договора банковского обслуживания, необходимо выполнить процедуру обновления основного внутрибанковского счета». Затем, неустановленное лицо, в ходе телефонного разговора, убедило гражданина N. в том, что ему необходимо защитить свои денежные средства от мошенников и установить программу «Тэмпмил», которая проверит его телефон на безопасность, а также перевести денежные средства, имеющиеся на различных банковских счетах на один счет, принадлежащий гражданину N. После чего, неустановленное лицо осуществило несанкционированный перевод денежных средств со счета гражданина N. в сумме 455 000 рублей, под предлогом перевода денежных средств на «безопасный» счет.

4. Размещения на электронных торговых площадках (таких как Avito.ru, Molotok.ru, Youla.ru, Irr.ru и пр.) заведомо подложных объявлений о продаже товаров либо предоставлении услуг с условием обязательной предоплаты.

Так, мошенники предлагают потерпевшим внести первоначальный взнос за товар или же оплатить доставку. После чего введенные в заблуждение потерпевшие перечисляют сумму первоначального взноса на указанные реквизиты банковских карт, как правило, оформленных на подставных лиц, ведущих асоциальный образ жизни.

Например, лицо разместило на сайте «Циан» объявление о сдаче квартиры на длительный или же посуточный срок. Одним из условий о бронировании квартиры является внесение предоплаты. После перечисления денежных средств на банковскую карту преступника последний прекращает отвечать на телефонные звонки.

Подобные преступления раскрываются путем анализа MAC-адресов, IP-адресов, детализаций телефонных переговоров потерпевших с привязкой к приемопередающим базовым станциям, а также выемки электронных сообщений с электронных почтовых ящиков [1].

5. Создание в сети интернет-сайтов, визуально похожих на существующие сайты организаций, осуществляющих интернет-торговлю или оказание финансовых услуг. Внешне дизайн и функциональные возможности таких сайтов-подделок или мобильных приложений схож до степени смешения с дизайном официальных сайтов широко известных банков, интернет-магазинов, платежных систем и т. д. На таких сайтах-клонах могут предлагаться товары или услуги по цене, значительно ниже рыночной, требуется перечисление предоплаты.

6. Распространения в сети Интернет и среди абонентов сотовой связи ложных сведений относительно возможности наступления негативных последствий как для получателя сообщения, так и для его близких в связи, например, с якобы имеющем место фактом привлечения близкого лица к уголовной или административной ответственности, госпитализацией в медицинское учреждение и т. п., сопряженных с предложением о перечислении денежных средств на указанный мошенниками счет. Так, например, участники организованной преступной группы посредством телефонных звонков сообщают потерпевшим, что они являются их родственниками, попавшими в беду, и для «решения

вопроса» потерпевшим предлагается передать деньги курьеру. Или же мошенники под видом сотрудников операторов сотовой связи сообщают о том, что потерпевшему необходимо обновить персональные данные в личном кабинете пользователя и убеждают в том, что, если эта процедура не будет выполнена, то возможность пользования сотовой связью будет ограничена. Так, потерпевший предоставляет полный доступ к своим персональным данным. Преступления, которые совершаются по данной схеме раскрываются по результатам анализа детализаций телефонных переговоров потерпевших с привязкой к приемопередающим базовым станциям с установленными IMEI-номерах, используемыми преступниками [1].

Современные виды способов совершения мошенничеств – большой вызов правоохранительным органам, что обуславливает существование сложного механизма их раскрытия и расследования.

Мир не стоит на месте, в нем каждую секунду происходят различные изменения во всех сферах жизни. Одним из элементов, которые этому способствуют, являются информационно-коммуникационные технологии. В народе данную ветвь развития прозвали «информационной эпохой». IT-технологии в нашей повседневной жизни занимают очень важное место. Действительно, достижения научно-технического прогресса значительно облегчили нам не только бытовую, но и профессиональную деятельность. Так, информационные технологии активно применяются и при раскрытии и расследовании рассматриваемых уголовных дел.

В сфере уголовного судопроизводства информационные технологии могут быть осмыслены в широком и узком смысле. В широком понимании они представляют собой комплексную систему методов, производственных процессов и программно-технических средств, объединенных в единую технологическую цепочку. Данная система обеспечивает полный цикл работы с информацией: от ее сбора и обработки до хранения, передачи и визуализации. Указанная информационная инфраструктура активно задействуется как на стадии предварительного расследования уголовных дел, так и в ходе судебного разбирательства. В узком смысле, информационные технологии в уголовном процессе – это конкретные технические решения и программные продукты, применяемые для решения определенных процессуальных задач¹.

Особенности уголовно-процессуальной деятельности накладывают уникальный отпечаток на характер применения информационных технологий в данной сфере. Прежде всего, их использование должно строго соответствовать фундаментальным принципам уголовного судопроизводства и предписаниям процессуального законодательства. Кроме того, задействуемые технологические решения обязаны обеспечивать максимально высокую степень достоверности и надежной защиты обрабатываемой информации. Не менее значимо, чтобы внедряемые технологии способствовали повышению эффективности работы правоохранительных органов, при этом неукоснительно соблюдая права и законные интересы всех участников процесса [6].

Правовая природа применения информационных технологий в ходе раскрытия и расследования мошенничества носит дуалистический характер. С одной стороны, они выступают как инструментальное средство обеспечения процессуальной деятельности, а с другой – являются самостоятельным объектом правового регулирования. Такое двойственное положение обуславливает необходимость формирования специальной нормативно-правовой базы, детально регламентирующей порядок и условия применения информационных технологий в уголовном процессе. При этом правовое регулирование должно учитывать как технические особенности используемых технологий, так и процессуальные требования к их применению.

Информационные технологии дифференцируются по разнообразным основаниям. Ведущей является классификация по функциональному назначению, которая охватывает технологии сбора и обработки доказательственной информации, системы электронного документооборота, информационно-справочные системы, аналитические программные комплексы, а также системы видеоконференцсвязи для дистанционного участия в процессуальных действиях. По степени автоматизации процессуальной деятельности выделяются полностью и частично автоматизированные системы, наряду с системами информационной поддержки принятия решений. В зависимости от уровня применения можно разграничивать федеральные, региональные, ведомственные и локальные информационные системы.

Внедрение информационных технологий в процесс раскрытия и расследования преступлений неразрывно связано с общей тенденцией цифровой трансформации социума и государства. Это требует не только постоянного совершенствования технической базы, но и развития нормативно-правового регулирования их использования. Особую актуальность

¹ Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.

приобретают вопросы обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных при применении современных технологий в уголовном процессе.

Применение информационных технологий в уголовном процессе преследует цели автоматизации операций, ускорения обработки процессуальной информации, обеспечения доступности и сохранности материалов уголовного дела, а также создания условий для эффективного взаимодействия между участниками процесса. Внедрение современных технологий направлено на решение текущих процессуальных задач и совершенствование всей системы уголовного судопроизводства в целом.

Основополагающими целями активного внедрения информационных технологий в процесс раскрытия и расследования мошенничества являются формирование единых информационных систем и баз данных, оперативный доступ к информации, имеющей значение для уголовного дела, организация защищенных каналов связи, которые предназначены для обмена процессуальной информацией, а также автоматизация документооборота.

Организация электронного документооборота между участниками уголовного производства реализуется посредством защищенных каналов связи и интегрированных систем межведомственного взаимодействия. Данный подход обеспечивает оперативную передачу материалов уголовных дел, позволяет участникам процесса подавать ходатайства и жалобы в цифровом формате, получать копии процессуальных документов через персональные учетные записи.

В первую очередь повышению качества и эффективности расследования уголовных дел в настоящее время способствуют технологии, позволяющие совершенствовать отечественную систему сбора, анализа и хранения информации, носящей доказательственную базу.

Несомненно, информационные технологии занимают значительное место в системе оптимизации не только при расследовании мошенничества, но и всей системы уголовного судопроизводства в целом.

Рассмотрим более подробно некоторые из аспектов:

1. Внедрение информационных технологий в настоящую систему правовой действительности позволяет существенно сократить временные затраты на подготовку процессуальной документации и выполнение процессуальных действий.

2. Также использование достижений научно-технического прогресса в уголовном процессе способствует повышению уровня достоверности и точности собираемой информации.

3. Современные технологии обеспечивают возможность оперативного анализа большого объема имеющейся информации.

После рассмотрения основных аспектов внедрения современных информационных технологий в систему уголовного судопроизводства в Российской Федерации отметим принципы их использования. Так, главенствующими принципами не только рассматриваемого процесса, но и всей системы уголовного судопроизводства выступают принципы:

- законности;
- обоснованности;
- целесообразности;
- системности;
- защиты персональных данных всех участников уголовного процесса [4].

Анализируя практику внедрения информационных технологий в ежедневную деятельность правоохранительных органов, необходимо отметить, что успешность этого процесса зависит не только от соблюдения рассмотренных принципов, но и от квалификации сотрудников. В связи с этим немаловажное значение приобретает организация повышения квалификации кадров в области информационных технологий.

То есть, практика расследования мошенничества показывает, что сотрудникам правоохранительных органов в той или иной степени необходимо обладать специальными знаниями, позволяющими активно использовать в своей повседневной работе достижения научно-технического прогресса. Важно не только теоретическое знание современных информационных технологий, но и умение их практического применения [5].

В ходе расследования мошенничества применяются системы фрод-мониторинга для оценки финансовых транзакций на предмет их подозрительности, спам-фильтры для блокировки входящей и исходящей корреспонденции, персонализированные устройства для доступа к системе только определенному сотруднику и другие.

Таким образом, применение информационных технологий охватывает все основные направления уголовно-процессуальной деятельности, способствуя повышению ее эффективности и качества. При этом важно обеспечивать баланс между технологическими

возможностями и соблюдением процессуальных гарантий прав участников уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Давыдов, С.И., Шмидт, А.А., Наливайко, Е.О. Оперативно значимые данные о механизме следообразования как элемент оперативно-розыскной характеристики дистанционного мошенничества // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации // Официальный сайт МВД России (дата обращения: 10.08.2025).
3. Машлякевич В.А. Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2024.
4. Семенихина Т.Н. О некоторых особенностях использования специальных знаний при расследовании дистанционных мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Общество и право. 2022. № 2 (80).
5. Семенихина Т.Н. Порядок проверки факта дистанционного мошенничества, совершенного с использованием сети интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2.
6. Старостенко Н.И. Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования мошенничеств, совершённых с использованием методов социальной инженерии в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. № 4.
7. Ушаков С.И., Наумова Ю.Н. К вопросу об использовании специальных знаний при расследовании мошенничеств, совершаемых с использованием информационных технологий // Право и управление. 2024. № 3.

REFERENCES

1. Davydov, S.I., Schmidt, A.A., Nalivaiko, E.O. Operationally significant data on the mechanism of trace formation as an element of the operational-search characteristics of remote fraud // Altai Legal Bulletin. 2024. № 1 (45).
2. Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia (date of access: 08/10/2025).
3. Mashlyakevich, V.A. Investigation of fraud committed using telephone communications: dis. ... Cand. of Law. Barnaul, 2024.
4. Semenikhina T.N. On some features of the use of specialized knowledge in the investigation of remote fraud committed using information and telecommunication technologies // Society and Law. 2022. № 2 (80).
5. Semenikhina T.N. The procedure for verifying the fact of remote fraud committed using the Internet // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2.
6. Starostenko N.I. Typical investigative situations of the initial stage of the investigation of fraud committed using social engineering methods in the field of information and telecommunication technologies // Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law". 2021. № 4.
7. Ushakov S.I., Naumova Yu.N. On the issue of using special knowledge in the investigation of fraud committed using information technology // Law and Management. 2024. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. К. Щербаченко – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. K. Scherbachenko – Grand PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 24.12.2025; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 13.03.2026.